

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

К. Ф. МИЗИАНО ИТАЛЬЯНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

66.61(4)/8/
M58
К. Ф. МИЗИАНО

ИТАЛЬЯНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА РУБЕЖЕ XIX и XX вв.

Темой исследования является развитие итальянского рабочего движения от революционных боев 90-х годов XIX в. до всеобщей забастовки 1904 г. и движения солидарности с первой русской революцией. Рабочее движение показано как неотъемлемая часть истории страны. Особое внимание уделено сложившейся в Италии ситуации, деятельности социалистической партии и ее лидеров, возникновению реформистского и синдикалистского течений, анализу либерального курса Джолитти.

На суперобложке изображены генуэзские портовики во время всеобщей городской забастовки 1900 г.

К.Ф. МИЗИАНО

ИТАЛЬЯНСКОЕ
РАБОЧЕЕ
ДВИЖЕНИЕ
НА РУБЕЖЕ
XIX и XX вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

66.61(4/8)

M 58

К.Ф. МИЗИАНО

ИТАЛЬЯНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА РУБЕЖЕ XIX и XX вв.

✓

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

✓

11688

Ответственный редактор

И. В. ГРИГОРЬЕВА

М $\frac{10603-221}{042(02)-76}$ БЗ-78-6-75

© Издательство «Наука», 1976 г.

ВВЕДЕНИЕ

К историческому рубежу, пролежавшему на стыке XIX—XX вв., восходит начало новой эпохи в истории человечества; этим же рубежом обозначено и начало нового этапа в развитии классовой и политической борьбы в Италии.

Сложное взаимодействие внутренних и внешних — национальных и международных — процессов, в совокупности обуславливающее ход всемирной истории, определяло и историческое развитие Италии, сдвиги в ее социально-экономической структуре и в политике правящих «верхов» и, наконец, развитие рабочего, социалистического движения — новой общественной силы, выдвинувшейся отныне на авансцену политической жизни страны.

Капитализм времен «свободной конкуренции» перерастал в капитализм монополистический; складывалась мировая экономическая система, в которой господствующие позиции завоевывал финансовый капитал. Бурный рост производительных сил, прогресс науки и техники сопровождался качественными сдвигами в экономическом и политическом строе отдельных стран, углублялись диспропорции в их развитии, резко обострялись противоречия в международном и национальном масштабах. Мир стал ареной ожесточенных схваток между великими державами за окончательный раздел не захваченных еще территорий, за передел уже поделенных колоний и сфер влияния.

В то же время небывалый еще размах приобретала борьба миллионов масс трудящихся против господства капитала, несущего им новые невыносимые тяготы и страдания. Международное рабочее революционное движение вошло в более сложную фазу своего развития.

Наступила эпоха империализма — эпоха величайших социальных и политических битв, пролетарских социалистических революций.

На разном уровне общественного развития вступали в новую эпоху различные страны; одни, освободившись от экономической отсталости, шагнули далеко вперед, став оплотом финансового капитала, другие же сохраняли груз феодальных пережитков, сковывавших их продвижение вперед по пути прогресса. По-разному, в непосредственной взаимосвязи с процессом преобразования социально-экономической структуры,

протекал в той или иной стране и процесс преобразования надстройки, причем степень прогрессивности, а тем паче демократизма политического строя зависела и от конкретного соотношения социальных и политических сил, и от накопленного народом исторического опыта, и, наконец, от размаха революционной борьбы и творческой инициативы масс, в конечном счете определявших движение истории.

Так, сложившиеся в Англии и в особенности во Франции сравнительно прогрессивные формы классового господства буржуазии были завоеваны не одним приступом, не одной классовой битвой.

Четырежды за 1789—1871 гг. вздымались во Франции «волны» революции, разрушая крепости феодального абсолютизма, буржуазно-конституционной монархии или бонапартистской диктатуры. Однако буржуазная республика, при которой, как отмечал Маркс, борьба между пролетариатом и буржуазией только и может найти свое разрешение¹, прочно утвердилась во Франции лишь тогда, когда Парижская коммуна — первая пролетарская революция — возвестила о начавшейся новой исторической битве, битве пролетариата против господства капитала, за социалистическое преобразование общества.

Отныне в большинстве стран (к ним относилась и Италия), там, где в отличие от Франции исторической задачей в разной степени и разных формах оставалось еще уничтожение отживших общественных отношений, эту задачу нельзя было решать на путях классических буржуазных революций. Повести массы на штурм уцелевших крепостей «апсисен regime» уже не могла растерявшая былую революционность буржуазия. Заинтересованная в закреплении новых форм классового угнетения, она боялась самостоятельного творчества масс и потому еще в большей степени, нежели немецкая в 1848 г., проявляла неспособность к радикальному действию, склонность «броситься в объятия реакции». Впрочем, еще в эпоху классических буржуазных революций политическая надстройка обретала ту или иную степень демократизма в зависимости от того, насколько гегемония переходила в «решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам»...»².

На рубеже XIX—XX вв. пределы революционного действия пролетариата, противостоявшего теперь буржуазии в непримиримой исторической схватке, значительно расширились. Иным стало — в масштабе всемирном — поле сражения, иным соотношение классовых сил, иной степень организованности, классового самосознания, зрелости рабочего класса.

То, что в XVIII—XIX вв. было еще преимущественно тенденцией развития, теперь стало закономерностью. Рабочий

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 459.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 283.

класс не являлся более подсобной, хотя нередко и решающей, движущей силой исторических преобразований, а становился подлинным субъектом всемирной истории, от инициативы и сознательного революционного творчества которого во все большей и большей мере зависел общественный прогресс: созревание предпосылок и условий для перехода от капитализма к социализму.

Борьба за социализм была неразрывно, диалектически связана с борьбой за демократическое развитие, ибо путь к ниспровержению гнета капитала лежал через революционную борьбу за демократию, защита или завоевание которой отвечали непосредственным классовым интересам пролетариата и интересам громадного большинства народа. В то же время правильное понимание соотношения демократия — социализм не могло и не должно было означать смешения двух принципиально различных общественных систем, стирания граней между буржуазной и социалистической демократией, так как социализм представлял собою качественно иную, более высокую ступень в истории человечества и призван был не только расширить, но и, в конечном счете, коренным образом обновить само содержание демократии.

Наступление новой исторической эпохи, эпохи борьбы за социализм и победы нового общественного строя, не отделенной от предшествовавшей «китайской стеной», могло стать реальностью только в результате революционного прорыва, «качественного скачка». Однако как осуществить этот прорыв, как решить историческую задачу, издавна волновавшую умы человечества?

XIX век обозначил лишь первые вехи пути. Громадный многообразный опыт, накопленный с тех пор человечеством, представляющий собой диалектический сплав революционного действия и теоретического его осмысления, обнаружил всю необычайную сложность процесса, ведущего к победе социализма. Вместе с тем выявились скрытые тенденции и реальные возможности революционного действия, выявилась не только осуществимость социалистического идеала, но и историческая неотвратимость перехода человечества в новую, более высокую фазу общественного развития.

Понять глубинную сущность революционного процесса, распознать его основные движущие силы — решить такую задачу еще в период становления самого процесса могла лишь могучая мысль Маркса и Энгельса. Именно Марксу и Энгельсу дано было увидеть в пролетариате середины XIX в. новый, «действительно революционный класс», призванный разрушить буржуазную систему классового угнетения и на месте старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоречиями создать новое, социалистическое общество: «ассоциацию, в которой свободное развитие каждого является условием

свободного развития всех»³. Эти положения были сформулированы в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии».

Тогда же, на заре рабочего движения, общетеоретические положения подкреплялись авторами Манифеста организационными и тактическими установками, определявшими предстоящий путь борьбы; они сохранили и поныне присущую им принципиальную значимость. Уже была поставлена первостепенная задача — организация пролетарского авангарда в политическую партию; уже были определены стратегические и тактические принципы, диалектически связывавшие непосредственные промежуточные задачи и конечные цели движения. При определении этих принципов особо оговаривалась классовая самостоятельность пролетариата, идейная независимость его партии, но в то же время отвергались как беспринципные компромиссы, так и сектантский, догматический подход к решению вопроса об отношении рабочего класса к буржуазно-демократическому преобразованию общества вообще и к оппозиционно-буржуазным партиям в частности. «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»⁴.

Поэтому в тех странах, где сохранились еще остатки старинны, коммунистическая партия борется вместе с буржуазией против «абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства», иначе говоря, она поддерживает «всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя», но она «ни на минуту не перестает... вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом», чтобы «сейчас же после свержения реакционных классов... началась борьба против самой буржуазии»⁵.

К концу века эти положения уже успели пройти проверку временем. Уже пронеслась в Европе революционная буря 1848—1849 гг., развернулось чартистское движение, завершилось в Германии и Италии образование национальных государств, наконец, во Франции произошла первая пролетарская революция. Международное рабочее движение, из лона которого вышли крупные социал-демократические партии, становилось все более важной действующей силой всемирно-исторического процесса. За десятилетия, истекшие со времени издания «Манифеста Коммунистической партии», история подтвердила верность гениально предначертанной стратегии, а также верность той тактики, которая «начиная с 1848 г., — как указывал

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.

⁴ Там же, с. 458.

⁵ Там же, с. 459.

позднее Энгельс,— чаще всего обеспечивала успех социалистам»⁶. Вместе с тем история показала громадные трудности, возникавшие в ходе борьбы, которые коренились в объективной обстановке, но не в последнюю очередь порождались отставанием политического сознания от стихийного революционного действия.

Не случайно в последние годы жизни Энгельс, страстно атакуя оформлявшиеся в социал-демократическом движении право-реформистскую и левацко-анархистскую тенденции, возвращался к проблеме соотношения общедемократических и социалистических задач— проблеме, ключевой для успешной борьбы рабочего класса. Со времени бисмарковских «исключительных законов» реакция, притом не в одной Германии, пыталась преградить путь социализму антиконституционными мерами, репрессиями и террором. Не раз сталкивались в эти годы антагонистические классовые силы; правящие классы наносили жестокие удары рабочему движению, и логикой борьбы под ударом оказывалась система буржуазной демократии в целом. Не раз демократическим силам, рабочему классу прежде всего, удавалось не только выдержать натиск, но и завоевать новые политические позиции и тем самым отстаивать дело демократии. Так, в 1890 г. победа германского пролетариата на выборах в рейхстаг означала «начало конца эры Бисмарка». «...Насилия, полицейский произвол, подлость судей— все оказалось тщетным,— писал в те дни Энгельс,— вперед, все быстрее вперед продвигалась непрерывно возрастающая штурмовая колонна...»⁷

И действительно, «железный канцлер» вынужден был уйти с политической сцены, «исключительные законы» были отменены и перед германским рабочим движением открылись новые перспективы. Но возникли новые опасности, порожденные в рядах самой германской социал-демократии переоценкой установившегося с уходом Бисмарка «законного порядка», будто бы достаточного для «мирного осуществления» всех ее требований. Критикуя проект Эрфуртской программы, Энгельс предостерегал от забвения того, что германскому обществу предстоит «разбит оковы еще полуабсолютистского и к тому же невыразимо запутанного политического строя». «И наша задача,— подчеркивал Энгельс,— состоит не в том, чтобы революцию сверху, произведенную в 1866 и 1870 гг., поворачивать вспять, а в том, чтобы внести в нее необходимые дополнения и улучшения движением снизу»⁸.

Вскоре грандиозной ареной революционного действия стала Россия. Охваченная глубоким политическим кризисом, царская Россия шла навстречу своей первой буржуазной революции.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 458.

⁷ Там же, с. 7, 10.

⁸ Там же, с. 236, 239.

Буржуазно-демократическая по своей сути (реформа 1861 г. не поколебала ни политического господства помещичьего класса, ни всевластия самодержавия), русская революция заключала в себе значительно большие антикапиталистические потенции, нежели европейские буржуазные перевороты XIX в. Глубже, острее был антагонизм между буржуазией и рабочим классом, обладавшим большей силой и организованностью, более высоким классовым самосознанием, чем пролетариат Германии или даже Франции 1848 г. Русская же буржуазия, зависимая от самодержавия, сильнее страшилась революционного действия масс, чем желала вступить в бой за политическую власть.

Эти особенности конкретной русской действительности необходимо было уловить, осмыслить, дабы соотнести универсальное с национально-специфическим и теоретически решить задачи, стоявшие перед русским рабочим движением.

Величайшая заслуга Ленина заключалась в том, что он пошел непроторенными путями: опираясь на провозглашенные Марксом истины, он сумел найти новое их преломление в обновившейся действительности и колоссальным напряжением мысли овладеть новыми вершинами познания. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»⁹. Эти строки писались Лениным в 1898 г. в резкой полемике с теми, кто решительную защиту истинного марксизма от ревизии Бернштейна уподоблял преследованию «еретиков» за отступление от «догмы»¹⁰. На деле от схоластической догмы решительно отступал Ленин. Оставаясь, как он сам указывал, всецело на почве теории Маркса, Ленин отказывался от механического ее применения.

Именно поэтому в годы господства «ортодоксии» II Интернационала Ленин сумел несравненной силой ума, непреклонной убежденностью, революционной страстностью спасти главное в марксизме — его «имманентный животворный ...бессмертный дух»¹¹. Эволюционистским представлениям, исходившим из механистической, вульгарно-детерминистской концепции общественного развития, Ленин противопоставлял концепцию, раскрывав-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

¹⁰ Там же, с. 183.

¹¹ Gramsci A. Scritti giovanili (1914—1918). Torino, 1958, p. 150.

шую диалектическую взаимосвязь между объективным историческим процессом и субъективным фактором, т. е. революционным действием масс, руководимых передовой партией.

С конца XIX в., в пределах менее чем десятилетия, включавшего и канун, и бурные годы русской революции, складывалась ленинская стратегия и тактика революционной борьбы, громадное принципиальное значение которой (притом для всего международного рабочего движения) заключалось в том, что в ней содержалось последовательно марксистское, глубоко творческое решение поставленных новой эпохой сложных проблем.

Для Ленина, как и для Маркса и Энгельса, критерием пролетарской революционности являлось безусловное признание конечной цели — свержения власти капитала и осуществления социалистического преобразования общества. Поднявшись на борьбу рабочие, отмечал Ленин, «никогда не остановятся на одной демократической революции, а будут стремиться к социалистическому перевороту...»¹² Признание конечной цели составляет основополагающий принцип стратегии и тактики партии, способной выразить интересы пролетариата, осознать его историческую миссию и привести его к победе. Как уже отмечено, решающую роль партии — политического авангарда рабочего класса — научно обосновали еще Маркс и Энгельс, более того, переведя теоретическое предвидение на реальную почву политической борьбы, они создали прообраз будущих подлинно революционных пролетарских партий. В новых исторических условиях опыт, накопленный в XIX в. со времени Союза коммунистов, был творчески воспринят и развит Лениным. Созданная Лениным партия сумела соотнести промежуточные задачи с конечной целью и проложить к победе социализма новые, неизведанные еще в истории пути.

Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин исходил из посылки, что борьба за демократическое преобразование общества прокладывает путь к успешной борьбе за социализм. При этом речь шла не о простом чередовании этапов революционного наступления, а о диалектическом их взаимодействии. Уже в первой крупной теоретической работе («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?») Ленин подчеркивал громадную важность демократизма, а следовательно, прямую обязанность рабочего класса бороться «рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений...»¹³ Ленин неоднократно возвращался и впоследствии к этим положениям, особо отмечая значение демократических преобразований для экономического и политического прогресса. «Без политической свободы,— писал он,— не-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 270—271.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 301.

мыслимо ни полное развитие производительных сил в современном буржуазном обществе, ни широкая, открытая и свободная классовая борьба, ни политическое просвещение, воспитание и сплочение масс пролетариата»¹⁴. Итак, демократия, политические свободы нужны рабочему классу, они нужны ему для осуществления непосредственных классовых его требований и как «школа» воспитания, способствующая преодолению им «корпоративных» представлений и превращению его в ведущую общественную силу.

Отправляясь от положений, сформулированных Марксом и Энгельсом, Ленин конкретизировал эту перспективу. Он исходил из глубокого понимания исторической ответственности рабочего класса перед всем народом; сознание этой ответственности и обязана была — по мысли Ленина — воспитывать в пролетариате социал-демократическая партия. Еще в 1899 г. в статье, написанной в ссылке. Ленин, отмечая, что ниспровержение русского абсолютизма необходимо «не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития», впервые выдвигал в качестве реальной задачи (о которой следует сказать в партийной программе) следующее положение: «...русская социал-демократия, неразрывно слитая с переломными элементами русского рабочего класса», должна поднять «общедемократическое знамя, чтобы сгруппировать вокруг себя все слои и элементы, способные бороться за политическую свободу или хотя бы только поддерживать чем бы то ни было такую борьбу»¹⁵.

Спустя несколько лет, когда Россию объяло пламя революции, Ленин, гениально определив самую суть сложившейся всемирной и особой, национальной ситуации, увидел в ней то новое, что на рубеже XIX—XX вв. вошло в историю человечества.

«Борьба между пролетариатом и буржуазией,— писал Ленин в 1905 г.,— стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»¹⁶.

И Ленин, опровергая представления, будто уничтожение остатков старины — дело буржуазии, доказывал, что в решении

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 270.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 220, 222.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 282—283.

этой исторической задачи заинтересован и пролетариат, ибо «чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм»¹⁷. Что касается буржуазии, то в силу этой же закономерности ей «выгодно опираться на некоторые остатки старины»; в борьбе против пролетариата она склонна к сделке с реакцией и радикальным преобразованиям, которых массы добиваются «снизу» революционным действием, она противопоставляет «верхушечные» реформы. «Самое положение буржуазии, как класса в капиталистическом обществе, неизбежно порождает ее непоследовательность в демократическом перевороте, — писал Ленин. — Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять кроме своих цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир»¹⁸.

Подтвержденная развертывающимся общественным процессом, все яснее открывалась ленинскому взору революционная перспектива: отныне в исторических условиях, сложившихся к началу XX в., не буржуазии, а пролетариату предстояло возглавить «народные низы», «тот многомиллионный мелкобуржуазный городской и крестьянский слой, который вполне способен выступить революционным демократом»¹⁹. Более того, революционному пролетариату предстояло вырвать гегемонию из рук буржуазии и, добиваясь «полного демократического переворота, быть авангардом, передовым отрядом в борьбе за свободу всего народа». Итак, вывод, к которому пришел Ленин, вобрал в себя многое: осмысление всемирно-исторического опыта и выработанной марксизмом стратегии и тактики борьбы пролетариата, строго научный анализ «конкретной, особой» русской ситуации, а следовательно, понимание своеобразия русской революции (носившей буржуазно-демократический, общенародный характер)²⁰, наконец (такова была главная задача, над решением которой билась ленинская мысль), выяснение той новой исторической роли, которую в борьбе за демократическое обновление общества должны были играть рабочий класс и его политический авангард.

Видоизменяя традиционную схему (в буржуазно-демократической революции гегемоном является буржуазия), Ленин сформулировал положение, теоретическое и политическое значение которого трудно переоценить: в революциях XX в., при которых в столкновении классов решаются демократические задачи, гегемоном в отличие от прошлого может и должен стать рабочий класс. В силу этого решающего условия движение выходит за традици-

¹⁷ Там же, с. 37.

¹⁸ Там же, с. 39.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 11.

²⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 73.

онно буржуазные рубежи и пролетариат ведет поддерживающие его массы на борьбу за последовательно пролетарский демократизм, иными словами, создается возможность перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Идея гегемонии пролетариата, составлявшая, по определению Ленина, «одно из коренных положений марксизма»²¹, стала осью выработанных им стратегии и тактики, включавших в себя и кардинальный вопрос о материальной и духовной силе класса-гегемона, и вопрос о заключении им союзов прочных, долговечных с «естественными» союзниками и соглашениями тактических, временных с неустойчивыми попутчиками. Решительной борьбой во главе движения пролетариат должен был закреплять свою классовую самостоятельность и в то же время на принципиальной платформе создавать систему классовых союзов, облегчающих его продвижение вперед, к будущей полной победе. Этим и осуществляется гегемония, ибо «с пролетарской точки зрения гегемония в войне принадлежит тому, кто борется всех энергичнее, кто пользуется всяким поводом для нанесения удара врагу, у кого слово не расходится с делом, кто является поэтому идейным вождем демократии, критикующим всякую половинчатость»²².

Таковы были, по определению Ленина, политические и нравственные обязанности класса-гегемона, призванного собственной целеустремленной, самоотверженной инициативой поднять массы — в первую очередь крестьянские — до революционного самосознания и повести за собой. Следовательно, гегемония, т. е. политическое и духовное руководство, предполагает умение передового класса (особая ответственность падает на его политический авангард) пробуждать к действию, сплачивать вокруг себя широкие социальные и политические силы, нередко еще аморфные массы, вселять в них волю к борьбе, уверенность в достижимости преобразований, отвечающих их жизненным интересам и в то же время облегчающих продвижение к конечной цели. Но, разумеется, дабы прочно опереться на союз с этими разнородными социальными и политическими силами, ведущий должен завоевать их доверие, без чего гегемония превращается в абстракцию.

Может ли, однако, рабочий класс, может ли его партия решить эту задачу, не включая в свою программу конкретные требования этих масс, прежде всего крестьянства, не подкрепляя требование политической демократии требованием демократии социальной?

К этой проблеме, оказавшейся (и оказывающейся) нелегкой, Ленин неустанно привлекал внимание партии. Особое значение аграрного вопроса для страны, где подавляющее большинство населения в той или иной степени страдает от кабалы изживших

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 283.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 186.

себя отношений, должно было быть осознано (и должно и ныне быть осознано) революционной партией пролетариата. Русская социал-демократия решила тогда эту задачу. Она заявила о своей готовности поддерживать крестьянские требования радикального преобразования земельных отношений, вплоть до экспроприации помещичьей собственности, осуществление которого должно было быть обеспечено «снизу», непосредственной творческой самодеятельностью самих крестьянских масс. Веря в демократическую по своей сути крестьянскую революционность, развивая и поднимая ее до пролетарского уровня, русские большевики не забывали и о классовых противоречиях, разделявших крестьянскую массу, понимали необходимость защиты интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией. Их политическая программа соединяла воедино «крестьянскую войну и войну пролетариата против буржуазии», представлявшие два различные, но взаимосвязанные этапа поступательного движения истории.

Сектантской ограниченности, экстремистскому отказу от каких-либо соглашений с непролетарскими, буржуазными силами и течениями противопоставлялось признание целесообразности поддержки их постольку, поскольку они на деле борются против общего врага. Главный критерий поддержки тех или иных буржуазных сил и течений, указывал Ленин, заключается в степени «фактического участия в борьбе». В то же время не менее решительно он отвергал «мелкобуржуазное, торгашеское понимание гегемонии», согласно которому суть ее заключается будто бы «в соглашении, во взаимопризнании, в словесных условиях», а тем более ведущее к трусливому компромиссу опасение, как бы революционная активность пролетариата и его партии не заставила буржуазию отшатнуться от движения. Ленин предостерегал партию от таких соглашений, вследствие которых рабочий класс оказывается не впереди, а в хвосте движения, лишается не только роли гегемона, но и классовой самостоятельности²³.

Как показала история, эти опасности — изоляция пролетариата, с одной стороны, потеря его классовой самостоятельности, с другой, — подстерегали (и в ту пору, и позже) рабочее движение, нередко заводя его в тупик. Ленин указывал выход из тупика.

Так, идя от общего к частному, от «гигантского опыта Европы» к опыту русского революционного движения, Ленин еще в начале века по-новому раскрыл закономерности общественного процесса, объективно имевшие всемирно-историческое значение, ибо Россия стала в XX в. громадным по своим масштабам полем революционного творчества, а проявлявшиеся в ее общественном развитии закономерности сказывались в национально-своеобразной форме и в других странах, притом в сходном преломлении

²³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 179—189; т. 11, с. 83—84.

там, где процесс буржуазного, точнее, буржуазно-демократического преобразования общества не был еще завершен.

Такой страной была Италия. Революции XIX в., принесшие государственное единство и утверждение буржуазно-конституционного строя, не освободили ее социально-экономическую структуру и политическую надстройку от тяжкого груза феодальных пережитков. Италия расплачивалась за незавершенность буржуазно-демократических революций XIX в. К ней, следовательно, в полной мере относилась оценка Марксом положения Германии; притом в значительно большей степени и дольше, нежели последняя, Италия продолжала страдать «не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития». И для Италии бедствия современной эпохи сочетались с целым рядом «унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствовавшие им *устарелые общественные и политические отношения*»²⁴.

«Италии недостает полвека науки и опыта, которыми обладают другие страны», — писал Энгельсу Антонио Лабриола в 1892 г.²⁵ В другом письме, учитывая, видимо, распространенные анархистские представления о ходе исторического развития, он с неменьшим основанием признавал: «Никакое идейное направление не может само по себе восполнить пробел в самой истории»²⁶. А пробел в самой истории (т. е. «исторические фазы и моменты, не пережитые Италией и неведомые ей»)²⁷, иными словами, отсталость, из которой она стремилась вырваться, осложнял, сдерживал ее поступательное движение как в первые десятилетия после объединения страны, так и позднее. В результате история объединенного итальянского государства с самого начала отличалась сочетанием противоречивых, более того, несочетаемых, казалось бы, тенденций, а в силу этого крайней неравномерностью, затрудненностью экономического развития и сложностью борьбы за общественно-политический прогресс.

Подчиняясь общим закономерностям, Италия развивалась, естественно, согласно собственным, внутренним условиям и достигнутому уровню развития, она испытывала также воздействие традиций. Живую связь с эпохой Рисорджименто, с ее социально-экономическим и идейным наследием чувствовали — хотя и поразному — различные классы и политические течения итальянского общества. В то же время Италия не могла избежать внешних влияний и импульсов. Втянутая в мировую экономическую систему, вступая почти одновременно с другими, более развитыми

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 457; т. 23, с. 9. Эту Марксову характеристику Ленин, как известно, применил и к России.

²⁵ Marx e Engels. Corrispondenza con italiani (1848—1895). A cura di G. Del Bo. Milano. 1964, p. 443.

²⁶ Ibid., p. 476.

²⁷ Ibidem.

странами в фазу перерастания «свободного капитализма» в капитализм монополистический, она спешила наверстать упущенное. Приобщаясь к опыту передовых держав, Италия перенимала и более современную технику, и рациональные формы и методы производства; действие «внешних импульсов» не ограничивалось чисто экономической областью, а охватывало широкие сферы деятельности и мысли. Более того, по образному выражению Гастоне Манакорды, «импорт идей, как правило, опережал импорт машин и капиталов»²⁸. Этому воздействию были подвержены различные классы и течения, усваивавшие политическую практику и идеологические воззрения, сложившиеся в странах, которые находились уже на более высоком уровне общественного развития; а итальянское революционное движение подхватывало (подчас неосознанно, стихийно) опыт стран, являвшихся ареной наиболее знаменательных событий: в XIX в. Франции, в конце века Германии, в начале же XX столетия (о чем речь пойдет особо) России. Однако развертывавшийся в Италии исторический процесс включал в себя опыт других стран лишь в той форме и той степени, в каких этот опыт других стран мог быть воспринят, т. е. соответственно созревшим в самой стране объективным и субъективным условиям.

Последовавшее за объединением страны общественно-политическое развитие (в частности, выбор пути капиталистического развития), которое в значительной степени определялось классовым составом господствовавшего блока, не «сняло» унаследованных противоречий, а еще более обострило их: аграрная отсталость, насильственно закрепленная (одним из ее аспектов стал «южный вопрос»), являлась с тех пор постоянным тормозом экономического и социального прогресса, причиной ожесточенных классовых конфликтов. В политической сфере неустойчивость либеральных установлений, ограниченность гражданских свобод таили в себе имманентную угрозу возрождения реакционных форм и методов управления страной. Так было в конце XIX в.

Однако в Италии, подобно другим странам, решить задачу демократического обновления общественного строя уже нельзя было путями и средствами буржуазных движений и революций прошлого. Теперь в общественной жизни действовала новая сила, рабочий класс, чья борьба против капитала переплеталась, сливалась с борьбой против отживших отношений и порядков.

Открывалась, следовательно, перспектива новых беспрецедентных по характеру и размаху сражений. В них пролетариату предстояло стать решающей силой общественного прогресса и в поединке с правящими классами завладеть гегемонией, т. е. под-

²⁸ *Manacorda G.* Formazione e primo sviluppo del Partito Socialista in Italia. Il problema storico e i suoi recenti orientamenti storiografici.— In: *Movimento operaio e socialista. Bilancio storiografico e problemi storici.* Milano, 1965, p. 148 (далее: *Bilancio storiografico...*).

няться до уровня подлинного руководителя многомиллионных мелкобуржуазных масс города и прежде всего деревни и в наступательном общедемократическом движении, подобно русскому пролетариату, создать себе «действительно широкую и действительно достойную XX века арену борьбы за социализм»²⁹.

Такова была историческая перспектива, вырисовывавшаяся на рубеже XIX—XX вв. и перед итальянским рабочим классом. Однако приближение, а тем более претворение ее в жизнь требовали громадных теоретических и практических усилий: итальянский рабочий класс, политический его авангард в первую очередь должны были осознать вставшую перед ними важнейшую задачу, а затем суметь перевести теоретически осознанное в плоскость конкретного революционного действия.

Путь, по которому итальянский рабочий класс шел к решению этих задач, оказался трудным и долгим; он был отмечен трагическими испытаниями, мучительными поисками истины, не легким процессом осознания революционным авангардом его исторической миссии.

Темой настоящего исследования является развитие итальянского рабочего социалистического движения на рубеже XIX—XX вв. Хронологические рамки его — определим их точнее — охватывают последнее десятилетие XIX в. — первое шестилетие XX в.

Освещая избранную нами тему, мы, естественно, постараемся воссоздать ее общеисторический фон, а также процессы, определившие развитие рабочего, социалистического движения. Особое внимание при этом обращено на положение Ленина о взаимодействии между сложившейся политической системой правления и применяемой правящими «верхами» тактикой, с одной стороны, и возникновением идейных разногласий, формированием противоборствующих течений в рядах самого рабочего движения — с другой³⁰.

Насыщенная богатым, многообразным опытом, поистине несоизмерным сравнительно краткому хронологическому периоду, история Италии тех лет ознаменовалась глубокими сдвигами. Развернулись решающие социально-экономические процессы, в политической надстройке сменились альтернативные формы правления (в иных условиях, последовательности и формах они чередовались и позднее): за реакционными режимами конца века последовало установление либеральной системы времен Джованни Джолитти. Возникли тенденции, ставшие традиционными, завязались «узлы», не развязанные и поныне.

Следовательно, в фокусе исследования — итальянское рабочее движение в сложной диалектике его развития, т. е. рабочее движение, как неотъемлемая составная часть национальной

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 19.

³⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67—69.

истории. Обусловленное всей совокупностью исторических процессов, революционное действие пролетариата оказывало в свою очередь непосредственное влияние на ход развития страны.

Исследуемые события и явления мы попытаемся рассмотреть сквозь теоретическую «призму». Нас привлекает накопленный в ту пору исторический опыт, осмысление его в свете изложенных выше ключевых теоретических установок, научно определяющих боевой путь пролетариата. Речь идет прежде всего о подчеркнутом выше положении, являющемся осью цельной теоретической концепции: о субъективной способности пролетариата пробуждать широкие массы — городские и сельские — к «основательному историческому творчеству»³¹, вести их за собой, овладевать политическим руководством, отвоевывая его у буржуазии, которая, как свидетельствует история, не только добивается гегемонии, но и умеет пользоваться ею, подчиняя себе массы (этому аспекту вопроса также уделяется внимание в работе).

Разумеется, однако, такой подход: анализ фактов в свете теоретических решений, опережавших в то время объективный и субъективный уровень развития итальянского рабочего движения, — не должен вести к упрощению, к недозволительной «актуализации». Исследователь не может и не должен выступать в роли «судьи», пренебрегая принципами историзма. Точно так же сопоставление событий, явлений, относящихся к различным странам, не должно вести к забвению конкретных национальных условий, в которых общие исторические закономерности находили (и находят) своеобразное преломление.

Нам представляется несомненным, что с учетом этой непрерывной посылки избранный нами подход позволяет глубже проникнуть в суть исследуемой темы. Так, в частности, освещение того глубокого многообразного отклика, который первая русская революция вызвала в широких социальных и политических слоях Италии, проливает дополнительный свет на развертывавшийся в стране общественный процесс. На этой основе рельефнее вырисовывается и основная историческая задача (демократическое обновление страны как составная часть борьбы за социализм), решение которой являлось важнейшим условием общественно-политического прогресса. В такой же мере сопоставление хода развития итальянского рабочего движения, достигнутого социалистической партией уровня сознания с теоретическим взлетом ленинской мысли и опытом русской революции 1905—1907 гг. (не случайно этим рубежом завершается в сущности данное исследование) позволяет нам четче выявить роль рабочего класса, его политического авангарда в общественной жизни Италии, их силу и слабость.

Подтверждение правомерности замысла настоящей работы содержится в недавно ставшем достоянием читателей письме

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 19.

П. Тольятти, адресованном Л. Лонго; оно написано в трудные годы фашизма, когда, напряженно думая о путях решения задач, поставленных историей перед итальянским революционным движением, Тольятти вновь и вновь возвращался к опыту прошлого, к марксистско-ленинскому наследию. Не случайно внимание его привлекли переломные годы на рубеже XIX—XX вв. «Проблема, занимающая центральное место в моих размышлениях,— писал Тольятти,— является центральной и для итальянского рабочего и социалистического движения примерно с 1890 по 1900 г. Выражаясь упрощенно, дабы понятнее была моя мысль, я мог бы обозначить ее как проблему перехода Италии от буржуазно-демократической революции к революции пролетарской, а также о том, как этот вопрос конкретно стоял перед нашей страной и как он не был осознан и т. д. Иными словами, речь идет о политике Итальянской социалистической партии в годы борьбы против реакции и в переходный период к политическому курсу, который был назван либеральным. Мне представляется, что эта проблема является решающей для всего позднейшего развития рабочего и социалистического движения»³².

Таковы общие исходные идейно-теоретические и методологические посылки настоящего исследования. Ими продиктованы его тематическая направленность и структура. Отправляясь от этих посылок, мы глубже постигаем суть далеких битв итальянского пролетариата и в свете прошлого яснее осознаем сложные проблемы его сегодняшней борьбы.

* * *

Реализация замысла работы (в тех пределах, в каких это дано нам осуществить) опирается на широкий круг источников и литературы. В ходе исследования мы обращались к классическим произведениям Маркса, Энгельса, Ленина, в которых обобщаются общие закономерности исторического процесса, прослеживается изменение, преобразование социально-экономического базиса и политической структуры буржуазного общества, выявляется диалектика развития международного революционного движения. В этих произведениях содержатся обобщения, суждения, оценки, которые могут быть отнесены и к истории Италии, а также к итальянскому рабочему движению. Немало также работ, которые посвящены самой итальянской тематике: предыстории исследуемого нами периода (национально-освободительной борьбе итальянского народа в эпоху Рисорджименто, оставившей столь значительный след в общественном развитии страны), а также сущности позднейших исторических

³² Archivio del PCI, 1933 1132/29. Письмо П. Тольятти приводится в предисловии Э. Раджоннери к собранию сочинений П. Тольятти (см. *Togliatti P. Opere*, v. 3. Roma, 1973, p. CLXIX).

процессов. Речь идет, в частности, об определении Энгельсом унаследованной социально-экономической структуры и конкретного пути развития капитализма в объединенной Италии, а также о выявлении Лениным специфических особенностей итальянского империализма. В работах классиков марксизма содержится оценка роли господствовавших на том или ином этапе классовых сил и установившейся соответственно реакционной или либеральной системы правления. Наконец, в них освещается процесс становления и развития рабочего, социалистического движения и сложившихся в его рядах основных идейно-теоретических течений.

Принадлежа перу великих современников, произведения Маркса, Энгельса, Ленина являются неоценимыми источниками, расширяющими и углубляющими представление о «живой истории» тех лет.

Остановиться на отдельных трудах Маркса и Энгельса невозможно: слишком обширен объем их работ (от «Манифеста Коммунистической партии» и «Критики Готской программы» до «Роли насилия в истории»), определивших теоретический стержень исследования и проливших свет на его конкретно-историческую проблематику. Отметим также богатую переписку основоположников марксизма с деятелями итальянского социалистического движения, особенно письмо Энгельса, адресованное Турати (известное под названием «Будущая итальянская революция и социалистическая партия»), и поныне привлекающее живейшее внимание и интерес историков³³.

Точно так же трудно в кратком обзоре охватить хотя бы важнейшие работы Ленина, к которым мы обращались, начиная от его произведений 90-х годов XIX в., ознаменовавших важный теоретический рубеж в развитии марксистской мысли («Что такое «друзья народа»...», «Проект программы нашей партии»), до позднейших его трудов («Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»). Важное значение имели для нас ленинские работы, непосредственно затрагивавшие проблемы итальянской истории («Горячий материал в мировой политике», «Съезд итальянских социалистов», «Империализм и социализм в Италии»).

Естественно, что, исходя из изложенного выше замысла исследования, мы особенно тщательно изучали произведения, созданные Лениным в преддверии и в ходе русской революции 1905—1907 гг. Однако мы обращались и к позднейшим ленинским работам, в которых дальнейшее развитие получила ленинская стратегия и тактика и, в частности, концепция гегемонии пролетариата, проблема демократия — социализм.

³³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 457—460; Marx e Engels. Corrispondenza con italiani (1848—1895); Strik Lievers L. Turati, la politica delle alleanze e una celebre lettera di Engels.— «Nuova Rivista Storica», 1973, fasc. I — II.

Многогранная проблематика, лежащая в основе исследуемой нами темы, находит глубокое раскрытие в трудах вождей итальянского коммунистического движения А. Грамши и П. Тольятти, выдающихся революционеров и мыслителей. Обращаясь к истории своей страны, они искали творческое, адекватное национальным условиям преломление марксистско-ленинской стратегии и тактики; в самой борьбе, в гуще которой они действовали, выявлялись все новые проблемы, требовавшие новых ответов. Эти ответы, со временем все более емкие и глубокие, мы находим в произведениях А. Грамши и П. Тольятти.

Огромно по масштабам и значимости наследие А. Грамши — от первых статей военных лет и острой публицистики периода «красного двухлетия» (1919—1920) до многотомных «Тюремных тетрадей»³⁴. В них заключен неисчерпаемый источник мыслей, определений, выводов, без учета которых невозможно современное развитие итальянистики (с этим вынуждены считаться и исследователи, далекие от марксизма или откровенно враждебные ему). Положения Грамши проливают новый свет на многие сложные проблемы изучаемого нами периода, в частности на причины и следствия незавершенности в Италии XIX в. буржуазно-демократической революции и в этой связи на своеобразие социально-экономической и политической структуры страны. Грамши принадлежит непревзойденная по глубине концепция крестьянской проблемы в Италии и ключевого ее аспекта — «южного вопроса», обоснование их значимости для выработки стратегии и тактики борьбы итальянского рабочего класса. Интерес Грамши привлекали те конкретные политические формы и методы правления, с помощью которых утвердились у власти господствующие классы (не без противоречий с течением времени определялась, углублялась его оценка правительств «правой» и «левой», реакционных режимов 90-х годов и особенно либеральной системы Джолитти). Наконец, с высоты накопленного исторического опыта оценивались им пройденный социалистическим движением путь, идейные течения, преобладавшие в нем на разных этапах.

Велика научная ценность произведений П. Тольятти, критическое осмысление в них злободневных проблем политической борьбы неотделимо от осмысления прошлого. Первые тома полного собрания его сочинений (издающегося ныне в Италии³⁵) обогащают исследователя выводами, отражающими собственно историческую проблематику. Эта проблематика, относящаяся преимущественно к истории Италии, составила главный предмет исследования в сборнике «Вопросы истории Италии» — последней работе Тольятти, вышедшей в свет при его жизни³⁶.

³⁴ Gramsci A. Opere, v. 1—12. Torino. 1947—1971; *idem*. Scritti 1915—1921. Milano, 1968; *idem*. Per la verità. Roma, 1974.

³⁵ Togliatti P. Opere. A cura di E. Ragionieri. v. 1—3. Roma, 1967—1973.

³⁶ Togliatti P. Momenti della storia d'Italia. Roma, 1963.

Анализу подвергаются в ней два взаимосвязанных аспекта исторического процесса, протекавшего с конца XIX в. до начала первой мировой войны: итальянское рабочее, социалистическое движение и политика правящих кругов на разных этапах классовой борьбы. Объективно-исторически оцениваются социальная основа итальянского социалистического движения и господствовавшие в нем идейно-политические воззрения, деятельность социалистической партии и ее лидеров. Вскрывая причины слабости и неудач рабочего движения, критикуя его руководителей, Тольятти отказывается, однако, от огульно разоблачительного подхода к оценке усилий зачинателей движения. Объективно-исторический критерий определяет и его оценку либеральной системы, утвердившейся в начале века, а также и личности Джованни Джолитти, деятельность которого он рассматривает в диалектической связи с обусловившими ее конкретными условиями и в широкой исторической перспективе ³⁷.

Таковы труды, идейно-политические положения которых направляли, стимулировали исследование избранной нами темы.

В работе привлечены разнообразные источники — архивные документы и парламентские акты, личные фонды и переписка политических деятелей, мемуары и, наконец, печать различных политических направлений — газеты, журналы, выходившие в Италии и России. Этими чрезвычайно ценными источниками располагают архивы, институты и библиотеки СССР и Италии, в которых нам была предоставлена возможность работать. Наряду с документами, хранящимися в Центральном государственном архиве Италии (фонды министерства внутренних дел, в частности донесения префектов из разных городов страны), мы изучили фонды государственных архивов Рима и Болоньи; все эти источники существенно дополняют картину классовой и политической борьбы тех лет. Чрезвычайно ценным материалом, раскрывающим тему, располагает Институт Дж. Дж. Фельтринелли, где нам удалось ознакомиться с архивом А. Скьяви, фондом II Интернационала (досье Ферри и Турати). Интересна трактовка внутривнутриполитической жизни Италии, содержащаяся в донесениях из Рима царских дипломатов ³⁸, впрочем, столь же примечательна и оценка развития политических событий в России начала века, содержащаяся в донесениях итальянского посла в Петербурге Мелегари ³⁹, хотя, естественно, в материалах такого рода особое внимание уделяется проблемам внешней политики, в особенности же развитию русско-итальянских дипломатических отношений.

³⁷ Содержание этой книги П. Тольятти подробно изложено нами в рецензии, опубликованной в «Новой и новейшей истории» (1964, № 6).

³⁸ Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР (далее — АВПР). ф. Канцелярия, 1898—1899, 1901—1906.

³⁹ Ministero degli Affari Esteri. Archivio Diplomatico. Posizione Russia, Serie P, 1903—1905.

Что же касается основной тематики исследования, для нее очень важны переписка, речи, мемуары политических и государственных деятелей, являвшихся в те годы действующими лицами исторического процесса, а также написанные ими тогда работы, отмеченные ярко выраженной печатью времени. Объем этих источников весьма значителен. Мы выделим поэтому лишь важнейшие.

Принципиальное значение имеют опубликованные в последние десятилетия отдельными изданиями произведения первого итальянского марксиста Антонио Лабриолы: его письма (прежде всего письма, адресованные им Энгельсу), политические статьи и заметки⁴⁰. Богатым источником являются произведения, переписка, речи, статьи Филиппо Турати и его единомышленников — А. Кулишевой, Э. Чиккотти, Л. Биссолати, И. Бономи и других, а также произведения их идейных противников в рядах партии, в частности Э. Ферри, но главным образом Артуро Лабриолы. Работы эти примечательны тем, что в них изложены позиции идейно-политических течений социалистического движения того времени⁴¹.

Для раскрытия взаимосвязи рабочего движения с общим историческим развитием необходимо изучение документов, проливающих свет на историческую роль, политические взгляды и установки деятелей другого, противоположного классового и политического лагеря. Речь идет о парламентских и внепарламентских речах, официальной и личной переписке, о мемуарах Джованни Джолитти, сыгравшего столь важную роль в политической жизни страны, а также о произведениях деятелей, выступавших справа против проводившегося Джолитти курса.

⁴⁰ *Labriola A.* Lettere a Engels. Roma, 1949; *idem.* Saggi intorno alla concezione materialistica della storia. Parigi, 1939; *idem.* Scritti politici. Bari. 1970; *Antonio Labriola e la revisione del marxismo attraverso l'epistolario con Bernstein e con Kautsky (1895—1904).* A cura di G. Procacci.—Istituto G. G. Feltrinelli. Annali. Anno III. Milano, 1961.

⁴¹ *Turati F.*—*Kuliscioff A.* Carteggio, v. I. Torino, 1949; *Filippo Turati* attraverso le lettere dei corrispondenti (1880—1925). A cura di A. Schiavi. Bari, 1947; *Turati F.* Discorsi parlamentari, pubblicati per deliberazione della Camera dei Deputati, v. I. Roma, 1950; *Bissolati L.* Per la democrazia socialista. Milano, 1899; *Ciccotti E.* Psicologia del movimento socialista. Bari. 1903; *Leone E.* Il sindacalismo. 2 ed. Milano — Palermo — Napoli. 1910; *Bonomi I.* Le vie nuove del socialismo. Palermo, 1907 (в этой работе наиболее полно раскрывается итальянский вариант реформистской ревизии марксизма); *Ferri E.* Il metodo rivoluzionario. Roma. 1902; *Labriola Arturo.* Riforme e rivoluzione sociale. Lugano, 1904; *idem.* Storia di dieci anni (1899—1909). Milano, 1910 (см. также статьи вышеуказанных деятелей в изданиях: «Critica Sociale», «Il Tempo», «Avanti!», «Il Socialismo», «Avanguardia Socialista»).

Особо отметим принципиально важные полемические статьи Г. Сальвемини, в которых закладывались основы демократической концепции «южного вопроса». Статьи Сальвемини были впоследствии включены в издания: *Salvemini G.* Tendenze vecchie e necessità nuove del movimento operaio in Italia. Bologna, 1922; *idem.* Movimento socialista e questione meridionale. Milano. 1963.

Укажем на многочисленные статьи и речи С. Соннино, ставшего лидером праволиберальной оппозиции, а также произведения иного плана, принадлежащие перу Л. Альбертини, главного редактора влиятельной миланской газеты «Коррьере делла сера»⁴².

Наконец, источником, значение которого трудно переоценить, является пресса того времени, — газеты и журналы разных политических направлений, обогащающие и углубляющие представления о ходе событий, классовых и политических столкновениях, позиции различных государственных и общественных деятелей⁴³.

На всех этих многообразных источниках основывается богатая историческая литература, существенной составной частью которой стала историография итальянского рабочего движения⁴⁴. Процесс создания ее был не прямолинейным, не простым. Он восходит истоками к первым попыткам современников осветить историю начальных этапов рабочего движения, наиболее знаменательных классовых боев. Эти произведения, написанные в первое десятилетие века, лишены преимуществ отдаленного, ретроспективного исследования. Но они подкупают живым отображением фактов, содержащейся в них документацией, красноречивыми деталями; в то же время они являются зеркалом идейных и политических воззрений, утверждавшихся (или уже утвердившихся) в ту пору в итальянском социалистическом движении. Такова книга А. Анджиолини, охватывающая первые полвека развития итальянского рабочего движения — от его зарождения до 1900 г. Опубликованная впервые в 1900 г., она многократно переиздавалась, в последний раз в 1966 г. Книга богата фактическим материалом и отражает определенную политическую тенденцию; автор ее социалист-реформист, привер-

⁴² *Giolitti G.* Discorsi parlamentari, v. 1—2. Roma, 1953; *idem.* Discorsi extraparlamentari. Torino, 1952; *idem.* Memorie della mia vita. 3 ed. Monza, 1945; Dalle Carte di Giovanni Giolitti. Quarant'anni di politica italiana, v. 1. Milano, 1962; *Sonnino S.* Discorsi parlamentari, pubblicati per disposizione della Camera dei Deputati. v. 1. Roma. 1925; *idem.* Torniamo allo Statuto. — «Nuova Antologia», 15 gennaio 1897; *idem.* Quid Agendum. — «Nuova Antologia», 16 settembre — 16 ottobre 1900; *Albertini L.* Venti anni di vita politica, v. 1—2. Bologna, 1950—1951.

⁴³ Таковыми являлись органы печати левореволюционного и реформистского толка, с одной стороны «Avanti!», «Propaganda», «Avanguardia Socialista», «Il Socialismo», с другой — «Critica Sociale», «Il Tempo», а также консервативно-либеральная «Il Corriere della Sera», «Nuova Antologia» и др.

⁴⁴ Изучая интересующую нас тему, нельзя, разумеется, не обратиться к работам синтетического плана, освещающим экономическую и политическую историю страны. Тем более, что итальянская (и не только итальянская) историография различных направлений насчитывает немало трудов, воссоздающих общесторический процесс в непосредственной связи с развитием рабочего движения тех лет. Наиболее важные труды такого плана включены в прилагаемую библиографию.

женец эволюционного, «градуального» утверждения социалистического идеала⁴⁵.

Чрезвычайно интересны книги непосредственных участников, более того, руководителей массовых выступлений 90-х годов. Потрясающие Италию события (выступление сицилийских фаши в 1893—1894 гг., голодные бунты и миланские бои 1898 г.) составляют тему ряда работ, содержащих наряду с ценными фактическими данными примечательные, притом нередко расходящиеся политические оценки событий и причин, их породивших. Отметим прежде всего книги Р. Г. Боско, Дж. Де Феличе, Н. Колайанни⁴⁶.

Преобладающими были все же произведения более широкого плана. К ним относятся работы Р. Михельса⁴⁷. Предметом исследования Р. Михельса являются социальный состав итальянской социалистической партии и царивший в ней идейно-политический «климат»; примечательны приводимые им сравнения с другими странами, прежде всего с Германией. Содержащиеся в работах Михельса (в частности, в его книге «Пролетариат и буржуазия в итальянском социалистическом движении») аналитические данные и соображения представляют интерес и поныне: основаны они преимущественно на личном опыте и впечатлениях, накопленных автором за долгие годы пребывания в Италии⁴⁸.

Особого внимания заслуживают работы общесоциологического плана, принадлежащие перу Артуро Лабриолы и Ринальдо Риголы, что в немалой степени вызывается значимостью личности их авторов. Опираясь на широкую фактическую основу, эти произведения рельефно выявляют сущность двух основных, противоборствующих тенденций итальянского социализма⁴⁹. Если Артуро Лабриола подчинял освещение фактов утверждению «непримиримо-революционных» синдикалистских идей и установок, то Ригола, видный профсоюзный лидер, исходил в оценке описываемых событий и явлений из реформистских взглядов, которых он не без некоторых первоначальных отступлений убежденно придерживался.

⁴⁵ *Angiolini A.* Socialismo e socialisti in Italia. Roma, 1966; первое издание книги: *Angiolini A.* Cinquant'anni di socialismo in Italia. Firenze, 1900. Она была издана на русском языке под редакцией В. О. Тотомианца: *Анджиолини А.* История социализма в Италии. СПб., 1907.

⁴⁶ *Bosco R. G.* I fasci dei Lavoratori. Il loro programma e i loro fini. Palermo, 1893; *De Felice Giuffrida G.* La questione sociale in Sicilia. Roma, 1901; *Colajanni N.* Gli avvenimenti in Sicilia e le loro cause. Palermo, 1894; *idem.* L'Italia nel 1898. Tumulti e reazione. Milano, 1899.

⁴⁷ Р. Михельс, состоявший в самом начале века в рядах германской социал-демократии, вскоре порвал с нею, а затем, пройдя через фазу экстремистских увлечений, в конце своего извилистого пути выступил в поддержку итальянского фашизма.

⁴⁸ *Michels R.* Il proletariato e la borghesia nel movimento socialista italiano. Torino, 1908; *idem.* Storia del marxismo in Italia. Roma, 1909; *idem.* Storia critica del movimento socialista italiano. Dagli inizi fino al 1911. Firenze, 1926.

⁴⁹ *Labriola A.* Storia di dieci anni (1899—1909); *Rigola R.* Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947.

Книга Риголы вышла в свет лишь после второй мировой войны. В годы фашистской диктатуры процесс создания историографии рабочего движения был, естественно, заторможен, ограничен; он не был, однако, прерван. Об этом свидетельствует появление на рубеже 30-х годов XX в. ряда работ, закрепивших уже наметившиеся в начале века историографические направления⁵⁰. Знаменательно, что в этот трагический период итальянской истории острее прежнего стала осознаваться потребность исследования и разработки истории рабочего движения. Громадные изменения, происшедшие в судьбах мира и судьбах самой Италии, требовали переосмысления, переоценки прошлого, ибо в свете вновь накопленного исторического опыта выявилось, сколь значительной, определяющей для поворотов истории является победа или поражение рабочего класса, социалистического движения. Не случайно в эти годы интерес к истории социализма охватил широкий круг исследователей. На необходимость писать историю и предысторию итальянского социалистического движения, на чем в свое время настаивал Сальвемини, указывал в 1930 г. социалист-реформист Р. Мондольфо; к выполнению этой задачи призывал и видный антифашист Нелло Росселли в 1937 г., всего за несколько недель до того, как он пал жертвой фашистских убийц⁵¹. Отметим, что именно Нелло Росселли, обратившийся в своих исследованиях к истокам итальянского социалистического движения и социалистической мысли, явился, по справедливому определению Л. Валиани, зачинателем «современной итальянской историографии рабочего движения»⁵². Однако до поры до времени речь шла преимущественно об осознании необходимости решения этой задачи, о преодолении консервативных историографических догм, о накоплении знаний, опыта, чаще всего в ходе трудной борьбы.

Современная же историография итальянского рабочего движения, подкрепленная прочной научной основой, ведет свое начало с первых лет, последовавших за второй мировой войной. Широкий тематический диапазон и глубина трактовки исследуемых проблем и прежде всего преобладание в этой вновь созданной литературе работ марксистского направления были бы необъяснимы вне той конкретной исторической обстановки, которая сложилась в те годы в Италии. Она была обусловлена

⁵⁰ *Bonomi I.* Leonida Bissolati e il movimento socialista in Italia. Milano, 1929; *Zibordi G.* Camillo Prampolini e i lavoratori nel Reggiano. Bari, 1930; *Riguzzi B.* Sindacalismo e riformismo nel Parmense. Bari, 1931.

⁵¹ Статья Н. Росселли, напечатанная в «Ривиста storica italiana», была затем включена в книгу: *Rosselli N.* Saggi sul Risorgimento e altri scritti. Torino, 1946.

⁵² *Rosselli N.* Mazzini e Bakounin. Torino, 1927; *idem.* Carlo Pisacane nel Risorgimento italiano. Torino, 1932; *Valiani L.* La storiografia italiana sul periodo 1870—1915.— In: La storiografia italiana negli ultimi vent'anni, v. 2. Milano, 1970, p. 732.

объективными и субъективными факторами: крушением фашизма, в победу над которым решающий вклад внесла Страна Октября, наследием Сопротивления, ведущей силой которого были коммунисты, неодолимым теперь уже воздействием марксистско-ленинского учения, наконец, выходом в свет трудов А. Грамши, давших столь сильный импульс марксистскому исследованию истории Италии вообще, истории рабочего движения в частности.

Уже 50-е годы обозначили существенный сдвиг: появилась значительная количественно и качественно литература. Наряду с работами, широкими по хронологии и тематике, были созданы исследования, освещающие конкретные «локальные» аспекты становления и развития рабочего, социалистического движения, борьбы рабочего класса, народных масс (о них пойдет речь впереди). Еще ранее было начато издание мемуаров и других источников⁵³, были созданы специализированные журналы «Сочиетá», «Мовименто операйо», «Ривиста сторика дель социализмо» и др., а также институты, которые занимаются преимущественно историей рабочего движения (наиболее важные — Институт А. Грамши, Институт Дж. Дж. Фельтринелли). Тематика рабочего движения прочно вошла в русло итальянской историографии. Тем самым по-новому встала задача определения принципиальных, методологических критериев исследования развития рабочего движения, соотнесения его с общенациональным историческим процессом. Такова была проблема, с середины 40-х годов привлекавшая живейшее внимание итальянских историков⁵⁴; в 1956—1957 гг. она стала предметом длительной острой дискуссии на страницах журнала «Мовименто операйо»⁵⁵, к ней вернулись спустя шесть лет на конференции, организованной в ознаменование 70-летия образования Итальянской социалистической партии⁵⁶. Сущность различных точек зрения сводилась в основном к следующему: должно ли исследование итальянского рабочего движения сосредоточиться на монографической разработке проблем собственно рабочего движения во избежание его «растворения» в общем потоке исто-

⁵³ *Marabini A.* Prime lotte socialiste. Roma, 1949; *Graziadei A.* Memorie di trent'anni 1880—1920. Roma, 1950; *Lazzari C.* Memorie.— «Movimento operaio», 1955, N 4, 5. В 1949 г., как уже указывалось выше, были опубликованы письма Антонио Лабриолы Энгельсу, переписка Турати и Кулишевой.

⁵⁴ *Morandi C.* Per una storia del socialismo in Italia.— «Belfagor», 1946, N 2; *Manacorda G.* Sulle origini del movimento operaio in Italia.— «Società», 1947, N 1; *Zangheri R.* Gli studi storici sul movimento operaio italiano dal 1944 al 1950.— «Società», 1951, N 2; *Spinella M.* Su una rassegna di storia del movimento operaio.— «Emilia», 1951, giugno.

⁵⁵ В дискуссии, начало которой положил А. Саитта, участвовали историки различных направлений, в частности Р. Вилларн, Л. Валиани, Р. Де Фелпче, Д. Кантимори, Э. Сантарелли.

⁵⁶ Материалы конференции опубликованы: *Il movimento operaio e socialista. Bilancio storiografico e problemi storici.* Milano, 1965.

рии или же оно должно стать «интегральной частью» исследования общей истории страны, более того, не должна ли сама история страны заново изучаться с точки зрения рабочего класса, теперь уже осознавшего присущую ему функцию гегемона и способного осуществить ее⁵⁷.

Решением обсуждавшейся проблемы явился синтез этих точек зрения, их диалектическое единство. Исследование собственно рабочего движения, монографическая разработка отдельных его этапов и проблем не могут и не должны вестись обособленно, в отрыве от изучения общен исторического процесса, все более значительной составной частью которого оно (т. е. рабочее движение) является. Эти методологические посылки характеризуют преобладающее в новейшей итальянской историографии рабочего движения марксистское направление, в то же время — как справедливо отмечает Р. Цангери — они обновили, обогатили и самую концепцию национальной истории⁵⁸. Не без существенных оговорок эти методологические посылки нашли признание среди исследователей различных, «крайне левых», а также прогрессивно-демократических, взглядов. Естественно, однако, что на их трудах, в той или иной степени отражающих влияние марксизма, сказывается воздействие идейной и политической позиции, которую их авторы занимают в сложной бурной общественной жизни современной Италии. Отсюда характерное для этих трудов полемическое, а нередко и резко критическое отношение к постановке вопросов, оценкам, обобщениям, содержащимся в работах авторов последовательно марксистского направления. Следовательно, идейная основа новейшей итальянской историографии рабочего движения отнюдь не единообразна.

Многообразна и тематика созданных в последние десятилетия трудов, большинство которых (таково их бесспорное достоинство) вводит в научный оборот значительное количество вновь выявленных и глубоко изученных первоисточников.

Итак, начиная с 50-х годов, а тем более в дальнейшем, исследовательский поиск пошел вширь и вглубь. Появились работы, в которых пройденный рабочим движением путь, вписанный в широкие хронологические рамки, получил более полное синтетическое освещение. Отметим первую по времени работу, принадлежащую перу видного деятеля ИКП А. Коломби, опередившего анализом идейных течений и отчасти массовой базы социалистического движения позднейшие исследования⁵⁹. На богатом документальном материале строится трехтомное научно-публицистическое издание, охватывающее длительный период развития социалистического движения (1892—1917); автор

⁵⁷ *Spinella M.* Op. cit., p. 213.

⁵⁸ *Zangheri R.* Op. cit., p. 310.

⁵⁹ *Colombi A.* *Pagine di storia del movimento operaio italiano.* Roma, 1951.

его — Дж. Тревизани, ветеран итальянского коммунистического движения, лично участвовавший во многих боях итальянского пролетариата⁶⁰. В другом жанре выдержан двухтомник Ф. Педоне, воссоздающий историю Итальянской социалистической партии на основе комментированной публикации документов ее съездов⁶¹.

На новом высоком научном уровне развернулась разработка основной проблематики истории рабочего движения, решающих фаз его развития, особо значительных классовых и политических битв, а также сложившихся в рабочем, социалистическом движении идейных течений; в то же время четче выявились расхождения — нередко весьма существенные — в концепциях их авторов⁶².

Генезису и становлению рабочего, социалистического движения, его предистории посвящены появившиеся на рубеже 50—60-х годов монографические исследования Г. Манакорды, А. Романо, Л. Кортези⁶³. Эта же тематика, исследованная в «территориально» суженных рамках (Флоренция, Турин, Бнелла), легла в основу работ Э. Конти, Э. Раджоннери, П. Сприано и П. Секкья, проливающих свет и на развитие общенационального рабочего движения⁶⁴. Предметом исследования явились уже освещавшиеся современниками движение фаши и миланские повстанческие выступления 1898 г., составившие решающий компонент политического кризиса «кровавого десятилетия» конца века, особое значение приобретает в этих трудах стремление критически осмыслить конкретную позицию, занятую в ту пору социалистической партией.

Авторами интересных научных работ на эти темы являются С. Ф. Романо и Р. Колапьетра⁶⁵. В новом ракурсе освещается эта тематика в примечательной статье Л. Виллари, комменти-

⁶⁰ *Trevisani G.* Storia del movimento operaio italiano. v. 1—3. Milano, 1965.

⁶¹ *Pedone F.* Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. 1—2. Milano, 1959—1961.

⁶² См. содержательные историографические обзоры: *Bosio G.* Iniziative e correnti negli studi di storia del movimento operaio.— In: *Bilancio storiografico...*; *Valiani L.* La storiografia italiana sul periodo 1870—1915; *Manacorda G.* Formazione e primo sviluppo del Partito Socialista...; *De Felice F.* L'età giolittiana.— «Studi storici», 1969, N1.

⁶³ *Manacorda G.* Il movimento operaio italiano attraverso i suoi congressi (1853—1892). Roma, 1953 (русс. перевод: *Манакорда Г.* Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892). М., 1955); *Romano A.* Storia del movimento socialista in Italia (1861—1892), v. 1—3. 2 ed. Roma, 1966—1967; *Cortesi L.* La costituzione del Partito Socialista Italiano. Milano, 1961.

⁶⁴ *Conti E.* Le origini del socialismo a Firenze (1860—1880). Roma, 1950; *Ragionieri E.* Un comune socialista, Sesto Fiorentino. Roma, 1953; *Spriano P.* Socialismo e classe operaia a Torino dal 1892 al 1913. Torino, 1958; *Secchia P.* Capitalismo e classe operaia nel centro laniero d'Italia. Roma, 1960.

⁶⁵ *Romano S. F.* Storia dei fasci siciliani. Bari, 1959; *Colapietra R.* Il Novantotto. La crisi politica di fine secolo (1896—1900). Milano — Roma, 1959.

рующей публикацию вновь введенного в научный оборот ценного документа⁶⁶.

К синтетическому освещению истории рабочего, социалистического движения обратился известный историк Л. Валиани, перу которого принадлежат и обстоятельные историографические обзоры и исследования, посвященные отдельным аспектам рабочего движения⁶⁷. Лаконичные по форме работы Л. Валиани отличаются емким содержанием: в них даны интересные оценки, хотя и не всегда бесспорные. Так, на наш взгляд, может быть подвергнут критике подход к теме (особенно в его работе, посвященной 70-летию социалистической партии⁶⁸), согласно которому за пределами анализа остаются по существу течения, выступавшие вразрез с господствовавшей в партии реформистской тенденцией; применительно к началу века речь идет прежде всего об анархо-синдикализме. В оценке реформизма, которому Валиани уделяет основное внимание, наблюдается стремление не только объективно-исторически объяснить, но подчас и «оправдать» позицию Турати и его единомышленников. Признавая теневые стороны политики Турати, Валиани предостерегает от отрыва, изоляции их от светлых сторон его политической деятельности⁶⁹.

Сущности разделявших социалистическую партию течений — проблеме, занявшей особое место в новейшей историографии, — посвящены и другие работы, не однозначные по своей направленности. Реформизм — такова тема книги Ф. Манцотти, выделяющего «позитивные» аспекты итальянского реформизма в противовес «баррикадным» утопиям и методам синдикалистов⁷⁰.

Глубже, тематически шире содержание работы Дж. Маммареллы, рассматривающего развитие социалистического движения (в частности, на рубеже XIX—XX вв.) в противоречивом единстве и непрерывном идеологическом столкновении двух его основных течений⁷¹. Подчеркивая кризис итальянского социализма, Маммарелла видит его первопричину в неспособности итальянского социалистического движения «обновить себя и применять идеи и политику к меняющимся историческим и социальным ситуациям»⁷².

Ценный вклад в воссоздание идейно-политической основы итальянского социализма внес Г. Арффе, проследивший его гене-

⁶⁶ Villari L. I fatti di Milano del 1898. La testimonianza di Eugenio Torelli Viollier.— «Studi storici», 1967, N 3.

⁶⁷ Valiani L. Questioni di storia del socialismo. Torino, 1958; *idem*. L'Italia dal 1876 al 1915. La lotta sociale e l'avvento della democrazia.— In: Storia d'Italia. Diretta da N. Valeri, v. IV. Torino, 1960; *idem*. Il Partito Socialista Italiano dal 1900 al 1918.— In: Bilancio storiografico...; *idem*. La storiografia italiana sul periodo 1870—1915.

⁶⁸ Valiani L. Il Partito Socialista Italiano...

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ Manzotti F. Il socialismo riformista in Italia. Firenze, 1965.

⁷¹ Mammarella G. Riformisti e rivoluzionari. PSI, 1900—1912. Firenze, 1968.

⁷² *Ibid.*, p. 8 e sgg.

зис с момента образования партии в 1892 г. до послевоенного кризисного 1926 г.⁷³ Содержащий весьма интересные суждения, оценки, обобщения, труд Арфё страдает, однако, известной обособленностью анализа исследуемой проблематики от конкретного хода классовой и политической борьбы, недостаточным учетом значимости тех или иных социальных битв. Такой подход к теме непосредственно сказывается на оценке автором удельного веса и массовой базы основных течений социалистического движения и подлинной роли их лидеров.

Арфё склонен подчас некритически и даже апологетически оценивать реформистское течение и его лидера (чья роль в утверждении и развитии итальянского социализма, а тем паче субъективная преданность движению неоспоримы). В тени же остаются противостоявшие реформизму течения; так, в пределах изучаемого нами периода явно недооцениваются удельный вес и значение «революционного синдикализма», ограничивается, суживается, на наш взгляд, связь этого течения с порождавшей или во всяком случае подкреплявшей его социальной почвой, ибо, формулируя «итоговую (комплексную) историческую оценку», Арфё сводит итальянский синдикализм к «экстремистской форме протеста интеллектуальной мелкой буржуазии, стремившейся воспользоваться рабочим движением для утверждения в обществе своего превосходства...»⁷⁴ Наконец, поражает проявленная столь серьезным исследователем предвзятость в оценке Антонио Лабриолы, в силу которой наряду с традиционным до недавнего времени отрицанием непосредственного участия Лабриолы («кабинетного ученого») в политической борьбе даже его вклад философа-марксиста не находит должного признания, в то время как немало внимания уделяется особым свойствам его «желчного» характера.

Проблематика, связанная с формированием и развитием основных идейных тенденций рабочего социалистического движения, освещается — разумеется, в ином плане — также в еще малочисленных произведениях биографического жанра, посвященных видным деятелям обоих (и в этом случае преимущественно реформистского) течений⁷⁵.

Трудно переоценить значимость исследований, в большинстве принадлежащих перу историков-марксистов, которые расширением сферы анализа, включением в него дотоле недостаточно изученных аспектов многоплановой темы позволили по-новому, глубже раскрыть самую суть революционного процесса. Таков вклад, внесенный в новейшую историографию Дж. Про-

⁷³ *Arfé G. Storia del socialismo italiano (1892—1926). Torino, 1965.*

⁷⁴ *Ibid.*, p. 120.

⁷⁵ *Catalano F. Filippo Turati. Milano, 1957; Cortesi L. Turati giovane. Milano, 1962; idem. Ivanoe Bonomi e la socialdemocrazia italiana. Salerno, 1971; Colapietra R. Leonida Bissolati. Milano, 1958; Marucco D. Arturo Labriola e il sindacalismo rivoluzionario in Italia. Torino, 1970.*

качки. В его работе, открывшей, по справедливой оценке Ф. Де Феличе, новый путь творческого исследования, тщательному, глубокому рассмотрению подвергаются структура рабочего класса, связь городского пролетариата с «крестьянским тылом», яснее, четче, нежели до этого, выявляется своеобразие классовой основы социалистического движения, обусловившее в свою очередь острую идейную борьбу в его рядах и во многом определившее национальные особенности итальянского социалистического движения ⁷⁶.

Расширяют рамки этой тематики, теоретически ее обогащают работы Р. Цангери и Р. Виллари, посвященные соответственно аграрному, точнее крестьянскому, а также «южному» вопросам, столь важным для выработки революционной стратегии и тактики итальянского рабочего класса ⁷⁷.

Глубокий след в итальянской марксистской историографии оставил Э. Раджиониери. Его монографические труды, посвященные итальянскому рабочему движению, проливают свет на слабо изученный аспект большой темы: в них предистория создания социалистической партии, идеологическое формирование и практическая деятельность итальянских социалистов вписываются в международные рамки; в центре внимания автора воздействие германской социал-демократии на итальянский социализм ⁷⁸.

Европейскому ревизионизму и его преломлению в итальянском социалистическом движении посвящена интересная работа Э. Сантарелли, исследовавшего как реформистскую, так и лево-экстремистскую ревизию научного социализма ⁷⁹.

И, наконец, даже в ограниченном, суммарном обзоре новейшей итальянской историографии нельзя не отметить изданные в 60-х годах антологии; наряду с собранным в них богатым, многообразным документальным материалом, они содержат ценные вводные статьи их составителей, дополняющие новыми соображениями и оценками предыдущие работы ⁸⁰.

Такова новейшая историография итальянского рабочего движения. Разумеется, мы не могли осветить ее полностью и попы-

⁷⁶ *Procacci G.* La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970 (отдельные разделы книги были опубликованы в 1962—1964 гг. в журналах: «Studi Storici», «Rivista storica del socialismo»). См. *De Felice F.* Op. cit., p. 186.

⁷⁷ *Zangheri R.* Introduzione—In: Lotte agrarie in Italia. La Federazione nazionale dei lavoratori della terra. 1901—1926. Milano, 1960; *Villari R.* Conservatori e democratici nell'Italia liberale. Bari, 1964; *idem.* Il Sud nella storia d'Italia. Bari, 1961.

⁷⁸ *Ragionieri E.* Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani (1875—1895). Milano, 1961; *idem.* Il marxismo e l'Internazionale. Roma, 1968.

⁷⁹ *Santerelli E.* La revisione del marxismo in Italia. Milano, 1964.

⁸⁰ *Manacorda G.* Il socialismo nella storia d'Italia. Bari, 1966; *Cortesi L.* Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione. Bari, 1969; *Villari R.* Il Sud nella storia d'Italia; *Cafagna L.* Il Nord nella storia d'Italia. Bari, 1962.

тались отобразить лишь основные тематические направления, отметив принципиальные расхождения в решении тех или иных проблем, в особенности в оценке политических течений и их лидеров.

Эта литература открывает путь дальнейшему исследованию — трудам, которыми будут восполнены имеющиеся еще в ней лакуны, будут возможно найдены новые решения казалось бы уже решенных проблем, ибо предстоит дальнейшее теоретическое осмысление исторического опыта, накопленного итальянским рабочим движением.

Можно надеяться, что в разработку этих проблем внесут свой посильный вклад и советские исследователи. Диапазон уже созданных ими работ, посвященных истории итальянского рабочего движения в целом, достаточно широк, однако его многогранная проблематика далеко не исчерпана. Возможность дальнейшего исследовательского поиска существует и в отношении избранного нами исторического периода, нашедшего пока лишь ограниченное освещение в советской историографии⁸¹.

⁸¹ История итальянского рабочего движения (с последних десятилетий XIX в. до первой мировой войны) посвящены следующие работы советских исследователей: Григорьева И. В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966; она же. Г. В. Плеханов и итальянское социалистическое движение (1883—1902 гг.). — В кн.: Россия и Италия. М., 1968; она же. Антонио Лабриола и Антонио Грамши (к вопросу о традиции марксистской теоретической мысли в Италии). — В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М., 1972; Колпинский Н. Ю. Из истории борьбы Энгельса за пролетарскую партию в Италии в 1871—1872 гг. — В кн.: Из истории марксизма. М., 1961; История II Интернационала, т. I — П. М., 1965—1966 (главы, посвященные итальянскому рабочему движению, написаны в т. I — К. Ф. Мизигано, в т. II — К. Э. Кировой). Развитие рабочего движения в эти же десятилетия освещается также в коллективном труде: История Италии, т. II. М., 1970 (см. главы, принадлежащие перу И. В. Григорьевой, К. Ф. Мизигано, З. П. Яхимович, К. Э. Кировой).

ИТАЛИЯ К КОНЦУ XIX ВЕКА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ

С редким соответствием во времени наступление нового столетия, знаменовавшее собой смену всемирно-исторических эпох, совпало с крутым поворотом в историческом развитии страны. В стремительно чередовавшихся драматических событиях, которыми было наполнено последнее, «кровавое десятилетие» XIX в., наиболее рельефно проявились процессы, восходившие к предшествовавшим десятилетиям, одновременно эти события явились прологом надвигавшихся перемен, исходным рубежом которых стал 1901 год.

Новый период не был, следовательно, отрицанием предыдущего, а диалектическим его продолжением. Более того, именно в десятилетия, последовавшие за объединением Италии, определился путь дальнейшего развития страны, возникли «узловые проблемы», вплоть до наших дней во многом обуславливающие своеобразное течение итальянской истории.

Проникнуть в суть итальянской истории тех переломных лет, осознать своеобразие классовой борьбы, уловить особенности рабочего движения можно поэтому, лишь обратившись к периоду, следовавшему за объединением страны, к периоду, ставшему ключевым в истории Италии¹. Вобрав в себя наследие эпохи Рисорджименто, он положил начало глубоким сдвигам в экономическом и политическом строе страны, в отношениях между классами, в составе правящего блока; наконец, в те десятилетия завершилось формирование рабочего класса — с того времени ставшего основной, политически самостоятельной силой, противостоящей буржуазному строю.

Своеобразие истории Италии этого периода (впрочем, не одной Италии) заключалось — отметим это еще раз — в сложном

¹ Нельзя не согласиться с соображениями итальянского историка-марксиста Ф. Де Феличе, видящего в «либеральном повороте» начала века проявление глубинных «структурных» изменений и сдвигов, происшедших в предшествовавшие десятилетия. См. *De Felice F. L'età giolittiana*. — «Studi storici», 1969, N 1, p. 119—145. Преемственную связь между 90-ми годами XIX в. (впрочем, скорее сцепление внешних событий, нежели внутреннюю причинную связь) и «джолиттианской эрой» отмечает также Л. Альбертини, автор широко известного в Италии произведения мемуарного жанра «Двадцать лет политической жизни». «Ничего нельзя понять в истории Италии с 1900 г. и позже, — пишет он, — если не вернуться назад, к периоду 1898—1900 гг. ... или, точнее, к 1893 г.» (*Albertini L. Venti anni di vita politica (1898—1908)*, parte I, v. 1. Bologna, 1950, p. 12 e sgg).

сплетении противоречивых тенденций и явлений, не укладывавшихся в дотоле известные схемы. И не только потому, что происходившее ускоренными темпами капиталистическое преобразование страны осуществлялось под эгидой буржуазно-помещичьего блока, в котором (как и на завершающем этапе Рисорджименто) буржуазия — торговая, банковская, аграрная, в меньшей мере промышленная — делила власть с обуржуазившимися земельными собственниками, более того, до поры до времени уступала последним бразды правления. Не менее важно то обстоятельство, что форсированное развитие капиталистических отношений происходило в условиях, когда силы старого режима, главной их опорой были помещики, латифундисты Юга, а также высшая церковная иерархия, сохранив значительные экономические позиции и привилегии, могли оказать «новой власти», и действительно долгое время оказывали ей, упорное, подчас яростное сопротивление. При этом, не отказываясь от враждебного отношения к конституированной власти, реакционные круги не отказывались и от перспективы участия в управлении государством. Да и правящий блок не мог не считаться с возможностью подобной перспективы.

На другом же полюсе со все большей силой разгоралась борьба масс, обращенная не только против гнета прошлого, но и против нового, капиталистического гнета. Наряду со стихийным взрывом возмущения обездоленных крестьян, летопись классовой борьбы обогатилась в эти десятилетия первыми крупными выступлениями городского и сельского пролетариата, вставшего под социалистическое знамя.

Таков был важнейший новый элемент создавшейся особой исторической обстановки: капиталистическое развитие вносило в нее все новые изменения, порождало новые контрасты, новые противоречия. Сложилось как бы парадоксальное положение: период, в пределах которого возникли закономерности, ставшие устойчивой константой позднейшего развития, был в то же время отмечен зыбкостью, неустойчивостью общественных отношений. Стимулируемые политическим курсом правящего блока расширялись, укреплялись новые экономические отношения, обновлялась социальная структура, менялось соотношение классовых сил итальянского общества: все это объективно содействовало продвижению вперед. В то же самое время не прекращалось действие сил и факторов, тормозивших поступательное движение, сужавших и без того ограниченные возможности и пределы общественного прогресса, какие открывал утвердившийся буржуазный строй.

Бесспорно, еще в последние десятилетия XIX в. итальянская буржуазия значительно окрепла, качественно обновилась, «осовременилась», в ее рядах возросла роль «капитанов» индустрии. Уже достаточно сильная, чтобы добиваться и к концу века добиться расширения сферы собственного, непосредственного гос-

подства, она была, однако, еще недостаточно сильной, чтобы противостоять давлению реакционных кругов, а главное, она не могла побороть присущие ей самой узкоклассовые консервативные тенденции и страхи в условиях, когда и на итальянском горизонте появился «призрак социализма», тот самый «призрак социализма... в возможность появления которого в Италии, — по мнению современника Паскуале Виллари, — никто дотоле (т. е. до начала 90-х годов. — К. М.) не хотел верить»².

Создалась, следовательно, в самом лоне правящих классов почва для компромисса, который не без острых подчас противоречий и конфликтов был достигнут еще в конце века. И отметим сразу же: этот классовый компромисс сохранился, хотя и в иной форме и обладая меньшей силой воздействия, также и тогда, когда объективные потребности исторического развития и интересы окрепшей буржуазии обусловили наступление «либеральной эры» (гораздо значительнее сказывалась роль этих приобщившихся к власти реакционных сил в дальнейшем, в новые кризисные периоды истории страны).

Эти разнородные тенденции, в сложных сочетаниях проявлявшиеся в последнее 40-летие века, порождали особую остроту социальных и политических конфликтов, высокий накал классовой борьбы. К концу века Италия вступила в полосу глубокого политического кризиса; выход из тупика открыло бурное демократическое по своей сути движение широких социальных слоев, побудительной силой которого явилось революционное действие организованного в политическую партию пролетариата. Завершился целый исторический цикл, летопись которого, согласно вошедшим в обиход обозначениям, распадается на отдельные четко очерченные фазы: за правлением сначала «исторической правой», затем обновленной «левой» последовало установление реакционных режимов Криспи — Пеллү.

Каждый из этих исторических этапов внес в развитие страны своеобразный и весьма сложный вклад, заслуживающий особого обстоятельного освещения и анализа, что, естественно, выходит за рамки данного исследования. Мы не можем, однако, не коснуться основных процессов, обусловивших формирование политической надстройки, новых социально-экономических отношений, иными словами, процессов, создавших те непосредственные общенсторические условия, в рамках которых определились судьбы итальянского рабочего движения, уже в ту пору успешного обогатиться опытом знаменательных классовых битв.

В основе своей политическая надстройка, механизм власти итальянского единого государства сложились еще в начальный период его существования; они сложились под эгидой «исторической правой», управлявшей страной до середины 70-х годов, точнее до 1876 г., когда она лишилась власти. Скорее политиче-

² Villari P. Dove andiamo.—«Nuova Antologia», 1893, 1 novembre.

ская группировка, нежели партия в подлинном смысле слова, «правая» была преемницей умеренного течения времен Рисорджименто, о чем, кстати, и призван был напоминать присвоенный ей эпитет «историческая». Однако об этой преемственной связи гораздо убедительнее напоминали идейные установки и политическая практика «правой». Да и начало ее правительственной деятельности во вновь созданном Итальянском королевстве положил Камилло Бензо Кавур, более чем кто-либо среди лидеров умеренных причастный к процессу формирования национальной итальянской разновидности либерализма XIX в. Превосходство Кавура, обладавшего трезвым и гибким умом и незаурядным талантом политика и дипломата, над его единомышленниками едва ли нуждается в доказательствах. Важнее подчеркнуть другое: многообразная деятельность Кавура, опиравшегося на силу Сардинского королевства (своеобразную роль Пьемонта на этом этапе истории Рисорджименто А. Грамши уподобляет роли «руководящего класса» или в ряде аспектов «руководящей партии») ³, немало содействовала тому, что умеренным удалось стать «относительно однородной социальной группой» ⁴. А главное: они сумели стимулировать процесс сближения с приверженцами иных, так называемых родственных (т. е. умеренных) политических группировок, с последующей их ассимиляцией, тем самым создав прообраз позднейшей широко примененной практики «трансформизма» ⁵.

Отчасти благодаря достигнутой относительной однородности умеренно-либеральному течению удалось оттеснить от руководства демократов, т. е. Партию действия, бесспорно представлявшую «наиболее национальный элемент» ⁶ в сложном сочетании участвовавших в национально-освободительном движении разнородных общественных сил. Удалось это умеренным не просто, не без острых столкновений. На протяжении долгого и трудного пути, приведшего к объединению Италии, демократы не раз перехватывали инициативу, стимулировали активность «низов» (преимущественно городских масс) и именно тогда революционное движение достигало наивысшей точки, принимая буржуазно-демократический характер, но затем наступал спад: демократы оказывались не в состоянии противостоять умеренным, превращались из «ведущих» в «ведомых», ибо не решались, более того — боялись опереться на силу, которая на том историческом этапе единственно могла обеспечить им превосходство. Они не сумели, да и не захотели подкрепить дело национального осво-

³ Грамши А. Избр. произв., т. 3. М., 1959, с. 392.

⁴ Там же, с. 344—345.

⁵ Напомним хотя бы о заключенном в 1852 г. Кавуром тактическом соглашении (соппубіо) с лидером «левоцентристской» умеренной оппозиции, возглавлявшейся Раттацци, на деле расширившем базу кавуристской фракции пьемонтского парламента.

⁶ Грамши А. Указ. соч., т. 3, с. 311.

бождения и единства страны антифеодальной крестьянской революцией, стать — по определению Грамши — «якобинской» партией «не только по внешней «форме», по темпераменту, но главным образом по своей социально-экономической сущности»⁷.

Следовательно, гегемонией в национально-освободительном движении прочно овладели умеренные, обеспечив себе одно из важнейших условий завоевания власти⁸. Когда же они добились этого, то «гегемония переросла в господство»: с момента образования Итальянского королевства, т. е. с 1860 г., у власти оказались умеренные (теперь умеренно-либеральное течение именовалось «правой»). «Милостью божьей» и по воле «нации» первым итальянским королем стал Виктор-Эммануил II, а первое правительство Итальянского королевства, естественно, возглавил Камилло Бензо Кавур, которому, однако, не дано было долго пребывать на этом посту: он скончался в июне 1861 г., оставив нерешенными многие сложные проблемы, даже процесс объединения страны не был еще завершен⁹.

Конституцией Итальянского королевства был провозглашен Пьемонтский статут, дарованный Карлом-Альбертом в революционный 1848 г. Тем самым было положено начало своего рода «пьемонтизации» государственного устройства, методов и стиля политического руководства, что еще усугубило и без того острые противоречия между Севером и Югом страны. Жесткий централизм, в котором заведомо таилась опасность скопления к авторитарному режиму, стал ведущим принципом государственного и административного управления. Попирая местное самоуправление, этот принцип нанес наибольший удар областям отсталого Юга и осложнил подлинное национальное слияние различных частей страны. Когда в 1860 г. Массимо д' Адзелио сформулировал пресловутый афоризм «Италия создана, но еще не созданы итальянцы», то изречение это отвечало истине или во всяком случае существенной части истины, если толковать его в определенном смысле: итальянцы должны были еще стать итальянцами, веками разъединенный народ должен был преодолеть местный

⁷ Грамши А. Указ. соч., т. 3, с. 359.

⁸ Отмечая это обстоятельство, Грамши формулирует чрезвычайно важное положение, имеющее не только общетеоретическое, но и конкретно-историческое значение, ибо помогает лучше понять развернувшийся в ту пору процесс: «Политика умеренных,— пишет он,— показывает со всей ясностью, что гегемонии можно и нужно действительно осуществлять и в период, предшествующий приходу к власти, и что не следует рассчитывать только на материальную силу, которую предоставляет власть для обеспечения эффективного руководства. Именно блестящее разрешение этих проблем сделало возможным Рисорджименто в тех формах и границах, в которых оно было осуществлено...» (*Gramsci A. Risorgimento*. Torino, 1949, p. 70—71. В данном случае мы обратились к тексту оригинала. См. также: *Грамши А. Указ. соч.*, т. 3, с. 345—346).

⁹ До 1866 г. вне пределов Итальянского королевства оставалась Венецианская область, и лишь в 1870 г. к нему была присоединена Папская область и Рим стал столицей объединенной Италии.

партикуляризм и обрести национальное самосознание; завоеванное единство страны должно было стать единством органическим, имевшим не только территориальное, государственно-конституционное, но и глубокое социально-экономическое, политическое, наконец, духовно-психологическое содержание¹⁰.

Решить эту задачу (точнее, этот комплекс задач) не смогла, да и заведомо не могла «правая», прежде всего в силу классовых интересов, лежавших в основе ее политики. Впрочем, и «пьемонтизация» была явлением не случайным: «правая» исходила в своей деятельности из всестороннего опыта, накопленного Сардинским королевством, и опиралась в основном на систему управления, узаконенную Кавуром. Немаловажным было и то обстоятельство, что, подобно Кавуру, его преемники были в большинстве своем обуржуазившимися дворянами и многие, как и он, — уроженцами Пьемонта. Выявить наличие этих посылок — важная задача, не представляющая, однако, особой трудности. Труднее, пожалуй, выявить существенные отличия новой системы правления от кавуровской, а главное, найти им объяснение. Отход «правой» от политического наследия Кавура — факт непреложный, и объяснялся он по существу не индивидуальными чертами и большей или меньшей одаренностью преемников пьемонтского государственного деятеля (сравнительная их «посредственность» не без преувеличений подчеркивается многими историками). Ибо, хотя этот элемент должен быть учтен, решающая причина сдвигов в политике деятелей «правой» заключалась в том, что действовать им пришлось в резко изменившейся обстановке: изменились общенсторические условия, расстановка и соотношение классовых и политических сил, да и само содержание и форма политического «господства» и «руководства» со стороны когда-то ведущей, а теперь правящей партии стали иными. Сардинская монархия и руководимые Кавуром умеренные обладали сильным рычагом политического, духовного и нравственного воздействия, облегчившим им завоевание политической гегемонии, а следовательно, и подчинение себе — во имя общей цели — демократических сил и их лидеров. Таким рычагом было дело объединения страны, была национальная идея, ставшая «материальной силой». Такой общей цели, такой «idea-forza» не было уже, да и не могло быть теперь, когда на первый план общественной жизни выдвинулись проблемы, интересы, устремления, не объединявшие, а преимущественно разделявшие различные классы и партии и резче, чем когда-либо прежде, стал проявляться непримиримый антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между трудом и капиталом.

Запоздалое развитие страны обусловило — как уже отмечалось — формирование того своеобразного правящего блока, ко-

¹⁰ Пройдут годы, и Грамши в 20-х годах нашего столетия напомним о неосуществленном еще подлинном единстве нации.

тому была присуща тенденция к компромиссу с силами прошлого, к сохранению и в социально-экономической сфере остатков отживших отношений. Эта тенденция, постепенно нараставшая, приняла к концу века вполне конкретные формы. Идейная основа, на которой зиждился кавуровский либерализм, теперь еще более сузилась. «Пробел в самой истории», о котором говорил Антонио Лабриола, сказывался и в идейно-политической сфере. Либерализм «правой» и с известными оговорками также и «левой» (когда она подыалась к власти) страдал, пожалуй, еще большей ограниченностью, консервативностью, нежели во времена Кавура, во всяком случае он отличался не меньшей нетерпимостью к демократии и еще большей враждебностью к самостоятельности «низов». Если Кавур (о чем он напомнил и в последние дни жизни) полагал возможным дальнейшее расширение либеральной системы и предостерегал против применения крайних мер, вроде «осадного положения», его преемники не останавливались перед жестокими репрессиями, в особенности, когда речь шла о крестьянских выступлениях в обездоленных областях Юга. Да и надежды Кавура на примирение с папством на основе формулы «свободная церковь в свободном государстве» оказались иллюзорными: упразднение светской власти пап, чему предшествовали неугодные церковной иерархии и религиозным конгрегациям законы (предусматривавшие, в частности, секуляризацию церковных земель), до крайности обострило напряженность в отношениях церкви с «новыми властями». Ослабить напряженность не смогли ни «Закон о гарантиях»¹¹, ни до поры до времени иные проявления доброй воли со стороны итальянских правительств. Папа Пий IX объявил себя «узником», и долгие годы наступление реакционных сил на вновь созданный строй включало в себя как важнейший компонент непримиримость клерикалов. Эта тенденция проявилась и в период понтификата нового папы Льва XIII, когда была предпринята попытка «осовременить» католическую церковь с учетом требований сложившейся буржуазной системы и когда поначалу наметилась была возможность примирения Ватикана с итальянским государством. Однако примирения не произошло, и с конца 80-х годов (точнее, со времени первого кабинета Криспи) последовало резкое обострение конфликта между церковной иерархией и клерикальным движением, с одной стороны, и итальянскими правящими кругами, с другой. Итальянские власти повели поэтому борьбу не только против «красных», но и против «черных», как принято было говорить в те годы. Не подлежит, однако, сомнению, что сменявшиеся тогда у власти правительства видели в

¹¹ Изданный в 1871 г. «Закон о гарантиях», определявший взаимоотношения государства и католической церкви, окончательно закрепил свержение светской власти пап, но в то же время предоставлял церковной власти широкую свободу действия. См. *Канделоро Дж.* Католическое движение в Италии. М., 1955, с. 151—158.

в действиях «красных» (в выступлениях масс) главную угрозу, а в самих массах — наиболее опасного противника. Положение это представляется столь очевидным, что оно подсказало любопытное суждение исследователю европейского либерализма, историку отнюдь не марксистского направления, Гуидо Де Руджиеро. Оценивая политические и теоретические установки «правой» (т. е. деятелей, вышедших из рядов умеренных и готовившихся управлять страной), он писал: «Лишенные всякого контакта с народом, они, обуреваемые страхом, готовы увидеть в любом признаке пробуждения народа угрозу мятежа и оказываются способными лишь на то, чтобы жестко придерживаться оборонительной позиции, которая сама по себе представит более реальную угрозу, ибо обречет на развитие вне и против государства то, что следовало бы умело ввести в его лоно»¹². Однако такого умения были лишены не только лидеры «правой», его оказались лишены и деятели «левой». Гегемония представлялась и тем и другим главным образом в плане «господства». Подвергаясь воздействию объективных процессов, а также в силу субъективного предрасположения правительства «правой» (не без колебаний и ограниченных нововведений к этому пришли впоследствии и правительства «левой») не смогли связать задачу сохранения и укрепления созданного строя с необходимостью расширения его массовой основы.

Итальянское государство с самого своего рождения опиралось на крайне ограниченную социальную базу, а реальными правами, прежде всего правами политическими (которыми в более развитых странах уже обладали широкие общественные слои), в Италии пользовалось в те годы лишь незначительное меньшинство¹³.

Консервативная по своему духу конституция Итальянского королевства установлениями своими освящала социальное и политическое неравенство его граждан. Напомним: явственно признавая примат исполнительной власти, целиком принадлежавшей королю (король назначал министров, определял состав сената, заключал договора), она значительно меньшими прерогативами наделяла законодательную власть, которую парламент к тому же делил с королем. Следовательно, в конституционно-парламентарном государстве, каким являлось Итальянское королевство, парламенту была предназначена лишь второстепенная роль, и он отнюдь не отражал, да и не мог отражать сколько-нибудь верно социальный состав и суверенную волю нации. Верхняя па-

¹² *De Ruggiero G. Storia del liberalismo europeo. Bari. 1945. p. 323.*

¹³ Отметим, что Пьемонтский статут 1848 г., который, как уже отмечено, стал основным законом итальянского государства, опирался на устаревшие английский и французский образцы, в частности на французскую конституцию 1830 г. Италия удостоилась конституции, «импортированной из Англии во французском переводе», — говорили о ней ее критики. См. *Seton-Watson Ch. Storia d'Italia. Bari, 1967, p. 19.*

лата, т. е. сенат, назначенный лично королем, состоял из представителей высших монархических, военных, церковных, а также крупнопомещичьих и буржуазных кругов; он являлся, следовательно, выразителем консервативных, более того, реакционных политических настроений и взглядов. Но и социальный состав палаты депутатов, формально выборной, был заведомо ограничен: узкоцензовая избирательная система предоставляла право голоса (женщины были его вовсе лишены) лишь мужчинам, достигшим 25-летнего возраста, уплачивавшим не менее 40 лир прямых налогов и умевшим читать и писать (и это в стране, где до 73% населения было неграмотно). Тем самым автоматически исключались из состава избирательного корпуса «нищие и безграмотные», т. е. большинство рабочих, батраков, а также значительная часть мелкой буржуазии города и особенно деревни. В результате, правом голоса пользовались в 1860—1870 гг. всего 530 тыс. человек, т. е. максимум 2% всего населения страны¹⁴. И в этом, как, впрочем, и в других отношениях, наиболее обделенными оказались жители Юга, где число избирателей было еще меньшим.

Наконец, формально провозглашенные конституцией демократические права и свободы (равенство перед законом, свобода личности, свобода печати и собраний) урезывались, если не упразднялись вовсе предусмотренными той же конституцией ограничениями.

Таковы были узкие пределы дозволенного участия граждан в общественной жизни, еще более суженные повседневной практикой, в которой нормой стали полицейский произвол и узаконенное насилие.

Таким образом, сложившаяся государственно-конституционная система с ее механизмом власти предоставляла правящему блоку широкие возможности для проведения намеченного курса во всех сферах общественной жизни, в том числе и, пожалуй, прежде всего в области осуществления сложной и противоречивой социально-экономической программы. Эта программа предполагала, с одной стороны, сохранение полуфеодальных отношений земельной собственности (в этом, наряду с помещиками традиционной формации, была заинтересована и аграрная буржуазия, после объединения еще расширившая свои владения), с другой — ускоренное осуществление капиталистических преобразований.

И действительно, в первый период существования объединенной Италии была распахана почва для форсированного капиталистического развития. Унификацией таможенной системы и поощрением рыночных связей был создан — пусть первоначально экстенсивно, вширь, — единый национальный рынок; этому со-

¹⁴ *Compendio delle statistiche elettorali italiane dal 1848 al 1934*, v. I. Roma, 1946, p. 68—70.

действовало и строительство широкой железнодорожной сети, которое уже в тот период было в значительной мере осуществлено благодаря всемерной помощи государства и участию иностранного капитала. Поистине, согласно формуле времен Рисорджименто, «нити железных дорог сшили итальянский сапог». Впрочем, железнодорожное строительство стимулировало и последующую ускоренную индустриализацию. Одновременно был завершен процесс «первоначального накопления», решающий толчок которому был дан экономическими мероприятиями, охватившими как аграрную, так и кредитно-финансовую сферы. Распродажей государственных и церковных земель, упразднением традиционных общинных прав и прочих льгот, наконец хищнической фискальной политикой, включавшей, в частности, ненавистный крестьянам налог на помол, было осуществлено подлинное ограбление деревни. Экспроприация и пролетаризация крестьян приняла, в особенности на юге страны, катастрофические масштабы. Процессу «первоначального накопления» должно было способствовать использование государством банковского кредита. В этих целях еще в 1866 г. был введен принудительный курс на банкноты, приравненные к официальным денежным знакам; правом выпуска их обладал до поры до времени монопольно Национальный банк, ставший главным кредитором государства¹⁵. Если обращение к займам укрепило поначалу государственные финансы, то в выигрыше оказался прежде всего Национальный банк, что вызвало нараставшее противодействие в широких банковских кругах. Принудительный курс нанес наибольший удар широким слоям населения: бесконтрольная по существу эмиссия банкнот привела к инфляции, а следовательно, к снижению и без того низкого уровня жизни масс. Итак, в период, который деятели «правой» возвели в «героический период финансовой политики», широким народным массам пришлось не только покрывать «издержки объединения страны», но и расплачиваться за всемерные («героические») усилия, направленные к тому, чтобы Италия смогла наверстать «упущенное», догнать ушедшие вперед страны.

Наконец, составным элементом процесса, предшествовавшего созданию крупнокапиталистической индустрии, являлась широко развернувшаяся практика «свободной торговли», оказавшая противоречивое воздействие на развитие национальной экономики. Воспользовавшись импортом дешевого сырья и оборудования, промышленность Севера сумела выдержать натиск иностранной конкуренции и более того под ее стимулирующим воздействием произвести техническое обновление и расширение производства. Первые фабричные комплексы современного типа

¹⁵ В 1874 г. право выпуска банкнот было передано консорциуму из шести банков; однако господствовавшее в нем положение оставалось за Национальным банком.

возникли поначалу в текстильной промышленности, старейшей и наиболее значительной по удельному весу индустриальной отрасли, центрами которой были Пьемонт и Ломбардия.

Оборотной же стороной фритредерской политики было разложение ремесла и мануфактуры, преимущественно в более отсталых южных областях страны. Заплатив наибольшую дань процессу экономического преобразования объединенной Италии, южные области и острова не были затронуты сколько-нибудь значительно общественным прогрессом, в них, напротив, стала насильственно закрепляться экономическая и культурная отсталость, да и политический гнет ощущался еще сильнее, чем в других областях страны.

Итак, правящим классам удалось достигнуть определенных соответствовавших их интересам экономических и политических целей. В то же время еще усилились издавна присущие итальянскому обществу противоречия, возникли разногласия в самом лоне имущих классов. Завоевавшая прочие позиции крупная буржуазия новой формации, а также определенные торговые круги добивались изменения экономического курса: фритредерство должно было уступить место более решительным формам государственного покровительства «частной инициативе», т. е. таможенному протекционизму. Решительное сопротивление этих кругов вызывало намеченное «правой» огосударствление итальянских железных дорог, а также сохранение принудительного курса.

На другом полюсе резко обострились социальные конфликты, бурно нарастало движение протеста пролетарских и крестьянских масс (в особенности Юга) против нещадной эксплуатации и земельного голода, налогового грабежа и политического бесправия. Недовольство охватывало и широкие слои средней и мелкой буржуазии. Реакционные методы, которыми правительство «правой» надеялось подавить возмущение масс, не приводили к цели, обнаруживали свое бессилие. И действительно, уже к середине 70-х годов выявились не только опасные последствия политики «правой», вступившей в непримиримое противоречие с потребностями широких социальных слоев, но и органические изъяны, неустойчивость, слабость самой государственно-политической системы. Обновление ее, изменение методов управления вызывались, следовательно, необходимостью упрочения основ власти. Более того, они вызывались и логикой капиталистического развития, нуждавшегося в ослаблении классовых конфликтов, в расширении социальной базы государственного строя. Знаменательно, что еще в 1875 г. Паскуале Виллари, один из наиболее проникательных идеологов складывавшегося нового консервативно-либерального течения, признавал, что, «до тех пор пока не будут освобождены угнетенные, у нас не увеличится применение труда, не возрастет производство и мы не будем обладать ни силой, ни богатством, столь необходимы-

ми, чтобы стать великой нацией»¹⁶. Итак, объективно назревшая «социальная проблема», неразрывно связанная с задачей демократизации политической системы, занимала значительное место в политической и духовной жизни страны.

В поисках решений, могущих ослабить создавшееся в годы правления «правой» напряжение, возникали альтернативные правящему курсу программы, в которых, однако, прагматически, в более или менее ограниченных пределах, отражались волновавшие массы острые проблемы; их выдвигали различные политические течения и группировки: от определенных консервативно-либеральных кругов, а также приверженцев оппозиционной «левой» до сочувствовавших «обездоленным классам» (отчасти и социалистическим идеям) мелкобуржуазных течений и деятелей.

Само же рабочее движение (идейное и организационное развитие которого будет особо освещено в следующих главах) было в ту пору далеко от осознания значимости «социальной проблемы» с ее важнейшими компонентами — крестьянским и южным.

Преимущественно политическое решение, предполагавшее демократизацию политического строя, находили эти проблемы в программных установках буржуазно-демократических течений республиканского или радикального толка. Следует при этом учесть, что со времени объединения страны в буржуазно-демократическом лагере произошли существенные сдвиги: изменился его состав, обновилась его идейная основа. Из бывших приверженцев Партии действия одни, разочаровавшись в результатах Рисорджименто и пережив глубокий духовный кризис, увлеклись социалистическими идеями и примкнули к складывавшемуся рабочему движению, другие составили ядро оппозиционной (а впоследствии правящей) «левой», притом некоторые из них (Депретис, Никотера, Криспи) поднялись даже в ранг ее лидеров.

Буржуазно-демократический лагерь в собственном смысле состоял в 70-х годах из объединившихся под эгидой Гарибальди прежде разрозненных демократических сил, заложивших основу будущей «крайней левой». Порвав с «мадзинистской непримиримостью» по отношению к монархическим учреждениям (при этом приверженцы антимонархических взглядов по-прежнему оговаривали свою непоколебимую преданность республиканскому строю), эти демократические группировки стали отныне принимать активное участие в политической жизни, а с 1874 г. также в избирательной борьбе. Символически это нашло выражение в выдвижении в парламент кандидатуры Гарибальди,

¹⁶ *Villari P.* Le lettere meridionali ed altri scritti sulla questione sociale in Italia. Torino, 1885, p. 108. Этот сборник, включающий статьи, опубликованные П. Виллари в периодической печати начиная с 1875 г., вышел первым изданием во Флоренции в 1878 г.

согласившегося (хотя и не без оговорок) принять депутатский мандат; вслед за ним принципиальную целесообразность пересмотра абсентеистских позиций признали видные деятели демократического лагеря А. Саффи и Ф. Каваллотти. Новые силы включались, таким образом, в политическую борьбу, принимавшую более богатое содержание. Определилась и программа буржуазных демократов, наиболее решительно выдвигались в ней политические требования, такие, как демократизация и децентрализация системы правления, реформа избирательного права, введение обязательного начального образования, независимость суда. Антиклерикальную направленность программы выражал отказ признать католическую религию официальным культом. Наконец, немаловажно то обстоятельство, что в ней заключались определенные социально-экономические требования, а именно: облегчение налоговых тягот, проведение общественных, в том числе мелиоративных, работ, конфискация «в пользу бедноты» тех земель, которые находились еще во владении церкви, облегчение особо тяжкого гнета, которому подвергались народные массы Юга (разработка «южного вопроса» не случайно началась именно в эти годы).

Начиная с избирательной кампании 1874 г., эти принципиальные положения стали в большинстве своем платформой демократических течений. Более четко они были сформулированы в дальнейшем в документах республиканской и радикальной партий (последняя выделялась из рядов первой в 1878 г.), а затем и в программе «Демократической лиги», основанной по инициативе Гарибальди в 1879 г. Речь шла, следовательно, о расширении крайне ограниченных гражданских прав и свобод, в сущности же и самих основ государства.

Такова же была в основном и целевая направленность программы «левой», являвшейся наиболее сильным противником правящих кругов и реальным претендентом на смену их у кормила власти. Подобно «правой», это течение не было партией в общепринятом смысле слова. Став глашатаем почти всеобщего недовольства, «левая» сумела опереться на широкие разнородные социальные силы. Ее поддерживали как экономически наиболее влиятельные финансовые круги, так и добивавшиеся такого же положения промышленники индустриально более развитых северных и центральных областей, чьи требования «левая» неизменно отстаивала. Знаменательно, в частности, решительное возращение «левой» против огосударствления железных дорог, а также предоставленных Национальному банку монопольных прав. В то же время она пользовалась все возрастающим влиянием в слоях средней и мелкой буржуазии и даже у определенных категорий пролетариата. В северных и центральных областях страны, отмечает Дж. Кароччи, «связи... «левой» с подлинно народными слоями были не косвенные, а прямые, непосредственные...; к представляемой ею оппозиции примыкали различные народ-

ные течения, в том числе радикального направления»¹⁷. Более того, в отличие от своей предшественницы «левая» пустила корни и на Юге, где обрела немало приверженцев в сравнительно широких буржуазных кругах (аграрных, торговых, предпринимательских), интересами которых «правая» пренебрегала; в то же время она (в известной степени) выражала недовольство дотоле «традиционно забытых» крестьянских масс¹⁸. Представ как бы связующим звеном между разъединенными Севером и Югом, т. е. силой, могущей устранить этот опасный разрыв, «левая» на деле открыла путь к позднейшим классовым союзам и компромиссам.

Столь разнородная социальная основа не могла не обусловить противоречивость политических требований и интересов, которые «левая» призвана была отстаивать. Поднимаясь к власти на волне охватившего страну протеста, она выдвинула, однако, на первый план наиболее общие, популярные социально-экономические требования, в осуществлении которых по-разному были заинтересованы ее многочисленные сторонники. Так, накануне парламентских выборов 1874 г. в программном предвыборном документе, выдвинутом «исторической левой»¹⁹, особое место отводилось резкому изменению фискальной политики (прежде всего отмене налога на помол), упразднению принудительного курса и экономному расходованию бюджетных средств, наконец, проведению общественных работ и стимулированию сельскохозяйственного производства. Не меньшее значение имели содержащиеся в программе требования политических реформ во имя «развития и упрочения политических, религиозных и гражданских свобод». В рамках основных установлений конституционно-монархического строя («лояльное отношение» к монархии, особо оговоренное в упомянутом документе, стало платформой «левой») предполагалось осуществить расширение избирательного права, административную децентрализацию (каковой добивались особенно на Юге), наконец, предусматривалось введение обязательного бесплатного светского образования²⁰.

Результаты парламентских выборов 1874 г., ознаменовавшихся успехом «левой», создали новую политическую ситуацию;

¹⁷ Carocci G. Agostino Depretis e la politica interna italiana dal 1876 al 1887. Torino, 1956, p. 30, 45—46.

¹⁸ Ibid., p. 30, 65—66.

¹⁹ Procacci G. Le elezioni del 1874 e l'opposizione meridionale. Milano, 1956, p. 130—132.

²⁰ Ibid., p. 130. Программу подписали видные деятели бывшей республиканской Партии действия, участники гарibaldiйской «Тысячи»: Никотера, Бертани, Криспи и др. Именно Франческо Криспи принадлежит категорическое положение, сформулированное им еще в 1864 г.: «Монархия нас объединит, в то время как республика нас разъединила бы». От республиканских позиций отошел и будущий премьер-министр Агостино Депретис.

развернувшаяся острая политическая борьба в правящем лагере завершилась отстранением «правой» от власти.

Начался период правления «левой», длившийся с 1876 по 1887 г. Настало время решения насущных проблем, волновавших итальянское общество, время реализации программных деклараций и посулов. Однако то, что прежде являлось силой «левой», стало теперь ее слабостью. Придя к власти, она, естественно, не смогла примирить разнородные, в том числе антагонистические, классовые интересы и требования; она должна была обнаружить свою истинную сущность, и, действительно, чем дальше, тем решительней стала выражать волю тех классовых сил, которые определяли политику ее кабинетов. Этим объяснялся не только характер и направленность взятого курса, но прежде всего необратимая эволюция, которую претерпела «левая» и сам правящий блок. Поэтому и результаты деятельности правительства оказались весьма далеки от обещаний, а может быть, и от намерений тех или иных ее деятелей, а тем паче от надежд тех общественных кругов, которые опрометчиво оценили ее приход к власти как подлинную «парламентскую революцию». Ибо осуществленные преобразования, хотя и не были лишены прогрессивного значения, далеко не соответствовали требованиям тех социальных слоев, чья борьба в конечном счете привела «левую» к власти.

Не без промедления и колебаний в 1879 г. был отменен ненавистный налог на помол, но сохранено множество других фискальных тягот, от которых страдали неимущие. Принятый в 1877 г. закон об обязательном бесплатном образовании для детей в возрасте от 6 до 9 лет, не подкрепленный конкретными мерами, остался в сущности на бумаге; им не смогло воспользоваться большинство трудящихся, влачивших нищенское существование.

Наконец, в 1882 г. в результате упорной борьбы, в которой впервые приняли участие и отдельные рабочие организации, была узаконена избирательная реформа, сыгравшая определенную роль в дальнейшем развитии политической борьбы. В результате снижения возрастного и отчасти имущественного ценза численность избирательного корпуса составляла теперь 2 млн. человек, вместо прежних 530 тыс., что равнялось уже 7% всего населения страны. Активнее смогли участвовать в политической жизни демократически настроенные городские мелкобуржуазные слои; сложившаяся ранее «крайняя левая» (в составе радикалов и республиканцев) завоевала на выборах 1882 г. уже 16 депутатских мандатов. Принципиально еще большее значение избирательная реформа имела для пролетариата. Она открыла перед ним пусть ограниченную, но реальную возможность использования новых форм и методов борьбы.

Но все же едва ли следует переоценивать результаты, достигнутые в области демократизации общественной жизни. Пра-

ва голоса по-прежнему лишена была преобладающая часть трудового населения, разумеется, это касалось прежде всего культурно отсталых сельских районов страны. К тому же в период правления «левой» неустойчивыми оставались рамки узаконенных элементарных прав и свобод. Полицейскими репрессиями, вооруженной силой подавлялись забастовки, разгонялись собрания, распускались рабочие и демократические организации. Аресту подвергались активные участники движения.

Следовательно, и в наступивший новый период обнаружилось неодолимое противоречие между объективной необходимостью проведения «верхами» гибкой политики, способной в той или иной степени учитывать жизненные требования масс, дабы, «приручив» их, упрочить основы власти, и субъективным нежеланием правящих кругов пойти на сколько-нибудь серьезные уступки. Более того, как и прежде, любая вынужденная уступка, завоеванная массами, вызывала вслед за тем негативную реакцию правящих «верхов»: стремление остановить, а чаще всего отбросить назад движение «низов», не допустить, чтобы народные массы активно включались в общественную жизнь.

Однако глубокие процессы, определявшие развитие страны, были уже необратимы, пришедшие в движение массы нельзя было остановить, а сложные проблемы, стоявшие перед страной, не переставали служить причиной неустанной упорной борьбы, сопровождавшейся поиском новых идейных и политических решений.

Не случайно поэтому стремление к критическому осмыслению реальной действительности проявили и деятели, близкие к правящим кругам, выступившие поначалу против политики и практики «правой», а затем и сменившей ее «левой».

Идеологами нового консервативно-либерального течения были наряду с П. Виллари (уже упоминавшимся нами выше) С. Соннино и Л. Франкетти. С их именами связана научно-публицистическая деятельность, значение которой определялось не только ярко выраженной тенденцией к обновлению, «осовременению» концепции либерализма, но также (и прежде всего) тем, что с позиции «либерального реформаторства» острее и для того времени по-новому ставились нерешенные жгучие проблемы национальной жизни.

Начиная с 1866 г., затем глубже в 70-х годах эти проблемы были поставлены в статьях П. Виллари. Речь шла о невыносимых условиях существования «бедных классов» (*le classi povere*), в особенности крестьянства. «Чересчур большая часть итальянского населения, — писал П. Виллари, — почти одичала из-за нищеты, угнетения, нравственного падения, на которые оно обречено»²¹. Такова была, по его мнению, первопричина

²¹ Villari P. Le lettere..., p. 108.

присущей Италии «непомерной слабости», в свою очередь сковавшей прогрессивное развитие промышленности и сельского хозяйства, ограничивавшей накопление богатства и, что важнее всего, подчеркивал он, «не допускавшей интеллектуального и морального подъема страны»²². Опубликовав в 1875 г. первые «Письма с Юга», П. Виллари обратился к вопросу, ставшему затем для него центральным: к южному вопросу. («То был счастливый год,— писал впоследствии современник (Дж. Фортунато),— когда своими «Письмами с Юга» Виллари ...привлек внимание общественного мнения к тому, что составляло и составляет поныне важнейший вопрос нашей внутренней политики...»)²³ Констатируя резкий разрыв в положении северных и южных областей страны, П. Виллари сетовал на пассивность, проявленную не только либералами времен Рисорджименто, но и новыми правящими кругами, не поколебавшимися на Юге господство отсталых аграрных отношений.

Анализ П. Виллари, в значительной мере еще суммарный, был конкретизирован С. Соннино и Л. Франкетти: проведенные ими в 1875—1876 гг. обследования социально-экономического положения континентальных областей Юга, а также Сицилии позволили четче определить связь, существовавшую между обездоленностью Юга, нищетой крестьянства, с одной стороны, экономической структурой и отчасти системой власти — с другой²⁴. С этого времени крестьянский и южный вопросы получили широкое освещение на страницах созданного Соннино и Франкетти журнала «Рассенья сеттиманале», сыгравшего в те годы значительную роль в формировании общественной мысли²⁵.

Выдвижение журналом социальной проблематики, новизна ее трактовки (инициативу Соннино и Франкетти активно поддерживали П. Виллари и Дж. Фортунато, ставший одним из наиболее серьезных исследователей «южного вопроса») обусловили успех журнала, привлечшего столь широкий, сколь и неоднородный по своим взглядам состав приверженцев и сотрудников: в него входили наряду с умеренными либералами или сторонниками «левой» также известные своими демократическими взглядами писатели и политические деятели: один из руководителей «крайней левой», А. Бертани, писатель Дж. Кардуччи, сын великого русского революционера А. А. Герцен и участница движения Рисорджименто англичанка Дж. В. Марио.

²² Ibidem.

²³ *Fortunato G. Pagine e ricordi parlamentari*, v. II. Roma, 1947. Цит. по: *Villari R. Conservatori e democratici nell'Italia liberale*. Bari, 1964, p. 49.

²⁴ *Franchetti L., Sonnino S. La Sicilia*, v. 1—2 (первое издание вышло во Флоренции в 1877 г., второе — там же в 1925 г.); *Villari R. Conservatori e democratici...*, p. 53—56.

²⁵ Идейной направленности и конкретной роли «Рассенья сеттиманале» в политической жизни Италии конца XIX в. посвящен особый раздел в содержательном исследовании Р. Виллари (*Villari R. Conservatori e democratici...*).

Не подлежит, однако, сомнению, что одной из решающих побудительных причин той энергичной научно-публицистической деятельности, вдохновителями которой являлись видные консервативно-либеральные лидеры, было понимание необходимости расширения социальной базы, а тем самым и упрочения самих основ государственного строя. Примечательно с этой точки зрения принципиальное положение С. Соннино, сформулированное им еще в начале 70-х годов: «В общественных низах, составляющих, вероятно, наиболее многочисленную часть общества,— писал он,—накопилось столько страданий, недовольства, ненависти, обид, что нельзя с этим не считаться, если хотеть, чтобы наши государственные учреждения опирались на прочную и нерушимую основу»²⁶. Позже, развивая это положение уже в полемике с поднявшейся к власти «левой», Соннино выступал за такое государственное устройство и такие методы правления, которые способны были бы (?)... обеспечить многообразные интересы всей совокупности общественных сил страны. «Нет устойчивого и прочного правительства,— указывал он в 1881 г. в палате депутатов,—если оно не является представителем всей нации в целом, если ему не обеспечена поддержка (*consenso*) всех, и в верхах, и в низах...»²⁷. Отмечая далее, что политическая жизнь оскудела с тех пор, как прошел «порыв национального чувства, прежде пронизывавшего все фибры национальной жизни», Соннино именно в этом видел причину слабости не «того или иного министерства», а «государственной власти как таковой». «Громадное большинство, свыше 90% населения,— подчеркивал он,—считает себя абсолютно непричастным к нашим учреждениям, видит, что оно всецело подвластно государству и вынуждено служить ему, не щадя крови и денег; в то же время оно (т. е. громадное большинство населения.— К. М.) не чувствует себя живой, органической частью государства, не испытывает никакой заинтересованности в его существовании и развитии. Оно относится к нашим установлениям с недоверием, дух недовольства и ощущение безнадежности охватывает страну—от Альп до Сицилии»²⁸. Возвращаясь к своему предложению почти десятилетней давности, Соннино выступил с проектом избирательной реформы, предоставлявшим право голоса и неграмотным, что предполагало включение в избирательный корпус сельских масс, культурно и политически самой отсталой, опутанной предрассудками части трудящегося населения. Неоднозначно оцененный итальянскими исследователями (наиболее интересные и веские соображения

²⁶ *Sonnino S. Del governo rappresentativo in Italia. Roma, 1872, p. 33.*

²⁷ *Sonnino S. Discorsi parlamentari, pubblicati per disposizione della Camera dei Deputati, v. I. Roma, 1925, p. 21.*

²⁸ *Ibid., p. 22—23.*

высказаны Р. Виллари и Дж. Кароччи)²⁹ этот проект избирательной реформы исходил, несомненно, из представления о крестьянстве не только как основном социальном объекте «разумной» реформаторской деятельности правящих классов, но как о той социальной силе, которая, будучи подчинена их руководству (гегемонии), могла расширить массовую базу государственной власти, а главное, противодействовать возмущавшему участию в политической жизни пролетарских и мелкобуржуазных масс городов. Таков был в конечном счете решающий побудительный мотив занятой Соннино позиции, в сущности признанный им самим: ополчаясь на «фетишизм» образовательного ценза, он обвинял сторонников такого в том, будто их проекты, не учитывающие фактического положения вещей, приведут в конце концов к тому, что государство попадет... «в руки (!) плебейских масс города, самого недовольного, самонадеянного в силу своей полуграмотности, выбитого из колеи, подрывного элемента общества»³⁰. Следовательно, едва ли можно усомниться в консервативной направленности предлагавшейся Соннино избирательной реформы, которую не без колебаний поддерживали либерально-консервативные деятели, группировавшиеся вокруг журнала «Рассенья сеттиманале» (трудно было бы иначе объяснить зигзагообразность их политической линии, да и реакционные отступления, какими еще в конце XIX в. ознаменовался, в частности, путь самого Соннино).

Вместе с тем представляется важным оттенить и другой аспект складывавшейся своеобразной консервативно-либеральной концепции: оставаясь в основном в пределах классического либерализма времен Рисорджименто, она включала в себя весьма существенные критические элементы, созвучные новым временам. Пытаясь проникнуть в суть животрепещущих проблем Италии 70—80-х годов, более того, «обнажая», по выражению П. Виллари, — «язывы национальной жизни», наиболее проницательные представители консервативно-либеральной оппозиции не могли не оценить значения социально-экономических преобразований для решения задачи «обновления» либеральных учреждений, т. е. упрочения основ существующего строя.

И действительно, связь между социально-экономическими и политическими средствами решения этой задачи они в той или иной мере осознавали. «Нет политического вопроса, который мог бы действительно успешно разрешаться в отрыве от вопроса социального, — писал, к примеру, П. Виллари, — ибо изменение формы правления без прогрессивного преобразования самого общества было бы делом совершенно бесполезным»³¹. Однако под-

²⁹ Villari R. Conservatori e democratici..., p. 76—85; Carocci G. Agostino Depretis..., p. 260 e sgg.

³⁰ Sonnino S. Discorsi parlamentari..., p. 35—36.

³¹ Villari P. Le lettere..., p. 39—40.

линия сущность этой связи от них ускользала; ограниченными были также пределы понимания ими тех преобразований, которые могли бы ослабить глубокие противоречия, подрывавшие основы государственной власти. Истоки «социального недуга», от которого страдала страна, идеологи консервативно-либеральной оппозиции правомерно усматривали в отсталости аграрного строя, не задетого революциями Рисорджименто, результатами которого воспользовались «имущие классы». Так, если С. Соннино отмечал «широко распространенное сожаление по поводу того, что Сицилии не довелось почувствовать животворных веяний Французской революции», то Виллари, сетуя на старые беды, унаследованные «новой Италией» (тяжкую долю народных «низов», экономическую и культурную отсталость страны), с горькой иронией указывал, что «у нашей славной революции не было времени думать об этих мелких проблемах»³². Но, отдавая себе отчет в том, сколь сильно сохранение отживших отношений тормозило ход прогрессивного развития страны, и выступая против односторонности политики ее форсированной индустриализации, консервативные либералы оказывались значительно менее прозорливыми, менее решительными, когда от негативной критики правительственного курса «правой», а позже и «левой» переходили к позитивным выводам, к проектам реформ. Исходя из принципиального признания существующего строя, они не шли, естественно, дальше проектов умеренных нововведений. Это касалось как аграрной проблемы, так и привлекавшего их особое внимание южного вопроса. Предлагавшиеся консервативными либералами преобразования не затрагивали самой природы земельных отношений как таковых; они сводились в основном к пересмотру аграрных договоров, распространению «классической» (тосканской) испольщины и на южные области страны, незначительному повышению заработной платы батраков, иными словами, лишь к некоторому смягчению тяжелой участи крестьянских масс. Не случайно, учитывая отношение умеренных либералов к пролетариям городов, еще ограниченнее было содержание предложений, которыми предполагалось ослабить жестокий гнет, давивший трудящихся. Речь шла лишь о первых попытках введения социального законодательства, а именно о принятии мер по охране труда женщин и детей, страхованию рабочих от несчастных случаев на производстве, наконец, об юридическом признании профсоюзных объединений.

Таковы были в основном те конкретные — в значительной мере декларативные — предложения, с которыми в «Рассенья сетиманале» выступали, в частности, Соннино и Франкетти, встречая небезоговорочную поддержку единомышленников и подчас резкую критику со стороны официальных кругов.

³² *Sonnino S. I contadini in Sicilia. Firenze, 1925, p. 342; Villari P. Le lettere..., p. 708; Villari R. Conservatori e democratici..., p. 50, 64, 69.*

Позиции последних в значительной мере соответствовали выводы парламентского обследования, начатого в 1878 г. под руководством сенатора Ячини. В положениях, подводивших итог произведенному обстоятельному анализу состояния итальянского земледелия, отвергалась необходимость существенных реформ, зато отстаивался приоритет независимости и инициативы земельных собственников, а «оздоровительная деятельность» государства, по мнению Ячини, должна была состоять в льготном кредитовании и иных формах содействия «сельскому хозяйству» (т. е. крупным землевладельцам), в частности, посредством ослабления налогового пресса, с помощью которого «Италия политическая грабила Италию аграрную». Итак, как справедливо отмечается в исторической литературе, между концепцией Ячини и установками «Рассенья сеттиманале» существовало немалое расхождение. Ячини считал существовавшие отношения земельной собственности не противоречащими потребностям экономического прогресса, и ставка делалась им на интересы крупных землевладельцев («Земля должна принадлежать тем, кто обладает средствами, обеспечивающими наибольшие результаты»). В установках же «Рассенья сеттиманале», прежде всего Соннино и Франкетти, центр тяжести переносился на реформаторскую деятельность «просвещенных» верхов, должествующую содействовать преодолению отсталости, в частности (а возможно, в особенности) посредством улучшения условий жизни и труда крестьян³³. Нет, однако, сомнения в том, что, расходясь в оценке программных установок, различные близкие к правящему лагерю группировки и деятели не расходились по существу в оценке возможных угрожающих последствий нарастающих классовых битв. Так, этот аспект «социальной проблемы» находил особо рельефное отражение на страницах «Рассенья сеттиманале». Меры, на которых настаивали его идеологи и приверженцы, были направлены к ослаблению классовых конфликтов, причем прежде всего конфликтов, будораживших деревню и принимавших особо острые формы на юге страны. Речь шла, таким образом, об умиротворении сельских масс — той социальной силы, которая, повторим еще раз, согласно представлениям Соннино и его сторонников, могла и должна была стать опорой конституированной власти.

Таким образом, завоевание посредством гибкой и действенной политики правящих классов возможно более широкой поддержки «низов», т. е. крестьянства, составляло ядро новой консервативно-либеральной концепции; им определялись в конечном счете как социально-экономический, так и, судя по проекту избирательной реформы, предложенному Соннино, политический ее аспекты. Эта концепция означала определенный сдвиг по сравнению с идейно-политическими установками либералов эпо-

³³ Villari R. *Conservatori e democratici...*, p. 62—72.

хи Рисорджименто, не рассчитывавших, как известно, на крестьянство как на возможную опору, более того, отбрасывавших его во враждебный лагерь. Возникало новое представление о руководящей роли (гегемонии) правящих классов. Однако то, что представлялось новым, прогрессивным элементом этой концепции, в то же время изобличало ее ущербность, в определенном смысле утопичность: ибо отождествление «низов» с одним лишь крестьянством (характерное для «просвещенных» помещиков) вело к игнорированию пролетариата городов, той важнейшей социальной силы, которая — пусть недостаточно еще самостоятельно и организовано — уже успела проявить свои явные и потенциальные возможности в политической борьбе 70—80-х годов³⁴.

Слабость концепции консервативно-либеральных реформаторов заключалась также в том, что эта идейная концепция, не перенесенная в сферу политической борьбы, осталась в основном достоянием лишь определенного, к тому же неоднородного, круга интеллигенции, в том числе деятелей, связанных с правящим лагерем, которые, однако, не играли сколько-нибудь решающей роли в определении официального курса. Она не нашла отклика в самой стране: ни в сельских массах, которые идеологи консервативно-либерального течения намеревались привлечь, ни, разумеется, у отвергаемых ими масс городов³⁵. Следовательно, отнюдь не консервативно-либеральная оппозиция могла противостоять пришедшей к власти «левой», содействовать ослаблению противоречий, с которыми сталкивались новые правящие круги.

В то же время правительственная деятельность «левой», как уже отмечалось выше, далеко не соответствовала провозглашенным ею в свое время многообещающим программным декларациям. Истинное назначение политического курса правительств «левой» воплотилось поэтому не в осуществленных ими сравнительно прогрессивных, но ограниченных нововведениях, а в иных, оказавшихся более значительными аспектах их деятельности. Речь идет об изменении, точнее расширении, состава правящего блока, о методах и формах политического управления страной и, разумеется, не в последнюю очередь об определении дальнейшего пути ее экономического развития.

Орудием осуществления этого курса явилась политическая система, именуемая «трансформизмом». Когда-то в зародыше введенная умеренными (Кавуром), она развернулась теперь во всей полноте и стала важным компонентом политического творчества правительств «левой», во главе которых почти бессмен-

³⁴ Предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что в иной плоскости будет решаться проблема политической стратегии «верхов», проблема гегемонии в системе либерализма, установившейся в начале XX в. под эгидой Джованни Джолитти.

³⁵ С конца 90-х годов начнет складываться новое идейное течение, которое решало аграрную и южную проблемы с принципиально иных, демократических и социалистических, позиций.

но стоял Агостино Депретис. То была система политического руководства, которая различными не слишком разборчивыми приемами и средствами должна была обеспечить создание все более многочисленного руководящего класса, сопровождавшееся «постепенным, но непрерывным поглощением... активных элементов не только из союзных, но даже из тех неприятельских групп, которые казались непримиримо враждебными»³⁶. И хотя Грамши в данном случае имел в виду ситуацию, которая предшествует приходу к власти политических сил, претендующих на господство, тем более широкие возможности открывались перед этими силами в условиях, когда они уже оказались у власти. Правительства «левой» воспользовались этими возможностями в полной мере. В политической сфере, осуществляя гегемонию, все более отождествлявшуюся с откровенным господством, они добивались устойчивого и покорного парламентского большинства. В этих целях правящие круги «левой» стали искать сближения, а затем и сотрудничества с приверженцами «правой», поначалу с наиболее авторитетными ее деятелями, что, впрочем, встретило сочувственный отклик со стороны последних. Следовательно, вместо существенного расширения и упрочения массовой базы государственной власти произошло расширение и упрочение ее парламентской, преимущественно умеренно-консервативной базы. Параллельно же государственные деятели «левой», о чем свидетельствуют особенно факты конца 80-х годов, предпринимали попытку воздействовать (подчас не безуспешно) и на буржуазно-радикальные течения, стремясь подчинить их себе, «поглотить» их, а главное — расколоть демократические силы, дабы изолировать рабочее, социалистическое движение.

В социальном же плане политика «трансформизма» должна была содействовать созданию «все более многочисленного руководящего класса», т. е. расширению самого состава правящего блока. Если, как уже отмечалось выше, «левая» обрела в свое время дополнительную действенную опору в борьбе за власть в социально неоднородной, пестрой «южной оппозиции», то теперь она произвела «классовый отбор» и определила свой выбор. Компонентом более широкого правящего блока, к образованию которого привела политика ее правительств, стали крупные землевладельцы — латифундисты континентального Юга и островов; не случайно все более ответственную роль в государственно-политической системе стали играть деятели-южане, в частности Франческо Криспи. Осуществилось, по образному выражению Дж. Кароччи, «...восхождение господствующих на Юге кругов к командным высотам в государстве», причем в отличие от первых лет правления «левой» эти круги уже «не ограничивались более тем, что в деле руководства государством домогались сотрудничества с более развитой буржуазией Севера, принимая

³⁶ Грамши А. Указ. соч., т. 3, стр. 345.

скрепя сердце ее формулу правления; теперь они требовали консолидации своей власти в руководстве государством, навязывая ему свою формулу правления...»³⁷ В основном это требование было реализовано: сложился новый блок господствующих классов (так называемый индустриально-аграрный блок), в национально-специфической форме воспроизводивший «прусский образец»: в отличие от прежнего, он включал теперь и землевладельческую аристократию феодального типа³⁸. Начавшись с приходом «левой» к власти, процесс формирования этого нового, более широкого правящего блока продолжался вплоть до последнего десятилетия XIX в. Им была в основном решена двуединая задача, ибо, как отмечает Э. Серени, «трансформизм Депретиса означал не только попытку добиться более прочного скрепления различных региональных группировок господствующих классов, но также попытку создать единый фронт двух основных их *политических* группировок — исторических «правой» и «левой»; их «трансформация» и должна была обеспечить единое политическое руководство, способное дать процессу окончательного оформления итальянского государства консервативную в основном направленность, согласно посылкам, созданным итогами Рисорджименто»³⁹.

Достигнутым компромиссом было ускорено оформление консервативной надстройки; отметим: ускорено, ибо становление такого рода надстройки было результатом не одной лишь воли и установок правящих «верхов», а многообразных экономических и социальных факторов борьбы классов и политических течений. Наконец, будучи составной частью более широкого мира, Италия подвергалась и внешнему воздействию, тем более что для страны, стремившейся вырваться из тисков отсталости, интерес к процессам, происходившим вне ее географических пределов, был вполне закономерен.

Воздействие европейского опыта сказалось как в предыдущий, так и в рассматриваемый нами исторический период на крайних полюсах общественной жизни: на политической и экономической ориентации правящих кругов, с одной стороны, на раз-

³⁷ Carocci G. Agostino Depretis..., p. 450—451.

³⁸ Определение «индустриально-аграрный блок», утвердившееся в итальянской литературе, нуждается, как справедливо отмечает Э. Серени, в уточнении. Об «индустриально-аграрном» (или точнее «аграрно-индустриальном») блоке с большим основанием можно было бы говорить, имея в виду классовые силы, пришедшие к власти с самым образованием объединенного итальянского государства. Что же касается последних десятилетий века, то оно (это определение) уже не соответствовало новому классовому блоку, в который, как отмечено выше, наряду с промышленной буржуазией и аграриями (обуржуазившимися помещиками или крупными буржуа-арендаторами) вошли и землевладельцы — латифундисты феодального типа. Сложившийся блок правомернее следовало бы обозначить формулой «индустриально-помещичье-аграрный» блок (Sereni E. Capitalismo e mercato nazionale. Roma, 1966, p. 117—118).

³⁹ Ibid., p. 148.

витии революционного движения — с другой. Поначалу особый интерес вызывал в Италии опыт Англии и Франции, впоследствии же внимание было приковано к опыту Германии, чье недавнее прошлое напоминало пройденный ею самую путь.

С Германией Италию конца века сближали некоторые сходные исторические и социально-экономические посылки: позднее образование единого национального государства, в разной степени задержавшее и затруднившее процесс капиталистического развития, сохранение и после национального объединения остатков феодальных отношений в общественном строе обеих стран, наконец, родственная структура правящего блока. В то же время сколь различными были рубежи, достигнутые обеими странами к последним десятилетиям века. Кайзеровская Германия вырвалась далеко вперед. Итальянские правящие «верхи» были поражены, увлечены быстрыми темпами индустриального подъема, выросшим международным престижем Германии, которая не только вступила в концерт великих держав, но и не скрывала своих притязаний на будущее первенство среди них. В меньшей степени, нежели воинствующий курс внешней политики, официальной Италии — двору и наиболее консервативным кругам — импонировала жесткая внутренняя политика «железного канцлера». И хотя вступление Италии в Тройственный союз в 1882 г., как бы олицетворявшее взятое направление, было вызвано, главным образом, внешнеполитическими мотивами — обострением противоречий с Францией в связи с захватом ею Туниса и колониальными притязаниями самой Италии, — правы те историки, которые полагают, что сочувствие бисмарковскому внутривнутриполитическому режиму не в последнюю очередь предопределило изменение внешнеполитической ориентации итальянских правящих кругов⁴⁰.

Однако решающей причиной постепенного поправления политической системы являлось ее прогрессирующее бессилие, неспособность, проявленная также и правительствами «левой», совладать с нарастанием трудностей, не в малой степени обостренных, а отчасти и созданных их собственной политикой. Они оказались не в состоянии преодолеть все новые препятствия на пути экономического развития, а главное, подавить волну классового протеста, поднимавшуюся в стране. Создавался порочный круг: в стране, не обладавшей необходимыми ресурсами и силами, пагубно ускоренное развитие капиталистических отношений достигалось жесточайшей эксплуатацией самых широких масс населения, включая и определенные буржуазные слои. Капиталистический процесс оборачивался, следовательно, не только массовым обнищанием, тормозившим экономическое развитие, но и столь же массовым недовольством, крепнувшим сопротивле-

⁴⁰ См. *Romano S. F. L'Italia del Novecento*, v. 1. L'età giolittiana, Roma, p. 48—50; *Procacci G. Storia degli italiani*, v. 2. Bari, 1968, p. 422—423.

нием, борьбой. Складывалась кризисная ситуация, из которой (как это еще не раз повторится в подобных ситуациях) правящие круги, на которые все более сильное давление оказывали поклонники системы «прусского типа», видели выход в переходе к экспансионистской внешней политике, а внутри страны — в установлении «сильной власти» или «власти сильной личности».

Предваряя многие позднейшие тяжкие неудачи, уже первая итальянская колониальная авантюра — попытка утвердиться на эфиопской территории, предпринятая в 1887 г., два года спустя после оккупации порта Массауа на Красном море, завершилась полным разгромом итальянского экспедиционного корпуса в боях при Догали. Безуспешным оказалось и наступление против рабочего и крестьянского движения, направленное по существу против демократического движения в целом. Ибо правящим силам не удалось принудить массы к покорному повиновению, не говоря уже, разумеется, об упрочении основы власти. Удалось им другое: дальнейшим сужением пределов либеральной системы, ограничением роли парламента и расширением прерогатив исполнительной власти, систематическими репрессиями они усилили консервативный характер политической надстройки итальянского общества, подготовили почву для победы реакции. 90-е годы, ознаменовавшиеся созданием нового правящего блока, обернулись «кровавым десятилетием».

Таков был в общих чертах процесс постепенного формирования надстройки объединенного государства, приведший к установлению реакционного режима. Не подлежит сомнению, что процесс этот подготовлялся, а затем и развивался в тесном взаимодействии и под влиянием весьма важных, определяющих экономических и социальных факторов, а также хода классовой и политической борьбы. Однако столь же несомненным было влияние обратного порядка: от состава и природы правящих «верхов», от направления их политики и механизма власти зависели в немалой степени выбор экономического пути развития, конкретные результаты продвижения страны по этому пути и, наконец (что для исследуемой нами темы особенно важно), те конкретные условия, тот общий политический климат, в которых итальянскому пролетариату пришлось вести свои первые крупные классовые битвы. Отметим в этой связи еще раз, что, осмысливая опыт международного рабочего движения, В. И. Ленин предостерегал от недооценки значения политики «верхов», он подчеркивал необходимость учета конкретных форм и методов правления, тактики правящих классов для понимания хода развития, точнее, причин преобладания тех или иных течений в рабочем движении. Разумеется, с наименьшей силой Ленин подчеркивал необходимость учета характера и степени самого общественного развития⁴¹.

⁴¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67—68.

Что касается Италии, то ее сравнительная экономическая отсталость вынуждала как правящие классы, так и рабочее движение действовать в исторических условиях, когда ускоренное капиталистическое преобразование общественных отношений стало первоочередной задачей. Эта задача стояла и перед чередовавшимися у власти правительствами «правой» и «левой», исходившими в ее решении из неодинаковых политических представлений и установок.

В первое 20-летие существования объединенного государства комплекс экономических и политических мер был дан толчок капиталистическому развитию. Италия стала частью мировой экономической системы, подвергшись, сильнее чем когда-либо прежде, прямому и косвенному воздействию более развитых стран. Как и в отношении внутриполитического курса, особый интерес вызывал в итальянских влиятельных кругах опыт преуспевавшей Германии, ее экономические установки, ее образец индустриализации. Интерес этот проявился еще в начале 70-х годов в дебатах, разгоревшихся вокруг выбора определенного направления экономического развития. Однако окончательно это направление утвердилось в последующий период, в результате правления «левой». Сообразным складывавшейся классовой структуре правящего блока (структуре «прусского типа») был и избранный путь капиталистического развития, приближавшийся к «прусскому образцу»⁴². Охватывая различные области социально-экономической жизни, он предполагал, с одной стороны, медленный, мучительный процесс преобразования аграрных отношений, при котором капиталистический уклад уживался с устойчивыми полуфеодальными формами земельной собственности, а крестьяне подвергались двойному, жесточайшему гнету, с другой же стороны — форсированный процесс индустриализации, которому должны были содействовать далеко идущее государственное вмешательство, грабительская фискальная система, наконец, политика протекционизма, заменившая фритредерство «правой».

Разумеется, эти процессы развертывались в Италии в специфических национальных условиях, а следовательно, и специфических формах. Национальное своеобразие проявилось в данном случае в глубоко противоречивом характере экономических и политических последствий избранного пути капиталистического развития, сказавшихся далеко за пределами XIX в.

Однако обратимся к фактам: с приходом к власти «левой» на протяжении 1878—1887 гг. произошел перелом в итальянской экономической политике, ставший затем определяющим. Система «свободной торговли», которой придерживались правительства «правой», сменилась протекционизмом, все более реши-

⁴² К «прусскому» пути развития обратился и ряд других стран, в том числе Россия. Противопоставляя подобный путь капиталистического преобразования аграрных отношений «американскому пути», В. И. Ленин называл его также «итальянским» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 10, с. 48).

тельным становилось государственное регулирование экономического процесса. Таможенная реформа 1878 г. была первым успехом, одержанным приверженцами нового экономического курса, девять лет спустя он был закреплён решительной победой. Зачинателями подлинной битвы за протекционизм, предполагавший многообразное государственное вмешательство, были влиятельные промышленные круги, представлявшие, с одной стороны, традиционно главенствовавшую текстильную промышленность (с ее «лидером» Алессандро Росси), с другой же — металлургию, машиностроение, судостроение (чьим посредником, а затем и облеченным властью исполнителем воли стал Франческо Криспи).

Не случайно именно в эти годы произошло сближение интересов и усилий владельцев предприятий старых и новых отраслей промышленности, заинтересованных в политике протекционизма и экспансии. Наиболее ревностными приверженцами решительного перехода к протекционизму явились, однако, заправили только еще создававшихся тяжелой индустрии и судостроения. Ибо если для текстильных «королей», уже завоевавших сравнительно устойчивые позиции, речь шла о дополнительных стимулах и гарантиях роста, то для новых отраслей протекционизм представлялся важнейшим условием развития. Пусть в разной степени, однако и тем и другим протекционистский курс должен был обеспечить привилегию монопольной эксплуатации внутреннего рынка; и действительно, национальный рынок был с тех пор огражден от иностранной конкуренции высокими таможенными барьерами⁴³.

Не остановившись и перед таможенной войной с Францией, итальянские правящие круги пошли в 1887 г. на дальнейшее повышение ставок на ввоз промышленных изделий. В то же время было положено начало и аграрному протекционизму, в данном случае призванному оградить от иностранной конкуренции интересы помещичьего класса — аграриев капиталистической формации, но в еще большей мере латифундистов Юга. Переход к аграрному протекционизму совпал с периодом глубокого кризиса, охватившего с начала 80-х годов итальянское сельское хозяйство; порожденный внутренними причинами, он был в значительной мере обострен общеевропейским кризисом, в свою очередь вызванным вторжением на европейские рынки потока дешевого заокеанского хлеба. Однако не одни эти чрезвычайные обстоятельства обусловили введение протекционистских тарифов на сельскохозяйственные продукты, что к тому же было осуществлено не без колебаний и разногласий в правящем лагере. Решающим оказалось давление крупных земельных собственников.

При этом если на Севере хозяйства, вставшие на капиталистический путь, нуждались в дополнительном подпорье для интен-

⁴³ *Lémonon E.* L'Italie économique et sociale (1861—1912). Paris, 1913, p. 84; *Carocci G.* Agostino Depretis..., p. 376—379.

сификации производства, то южные латифундисты уповали на протекционистский курс для выхода из кризиса, при сохранении, однако, старых методов хозяйства и эксплуатации. Поэтому едва ли может удивить, что требование о введении протекционистских тарифов для сельскохозяйственной, главным образом зерновой, продукции решительнее всего («агрессивно», по выражению Кароччи)⁴⁴ выдвигали крупные землевладельцы Юга, особенно Сицилии. Примечательно, что весьма сочувственный отклик они находили у текстильного «короля» А. Росси, энергично поддерживавшего введение аграрного протекционизма, при этом он восторженно отзывался о проложенном Бисмарком пути и утверждал, будто именно такой путь приведет не только к слиянию интересов сельского хозяйства, промышленности и морской торговли, но и к сближению Севера и Юга страны⁴⁵. На деле же такого рода позицией крупные промышленные круги, которые и представлял Росси, создавали базу для соглашения с владельцами южных латифундий. Аграрный протекционизм — такова была цена, которой оплачивалось расширение и консолидация правящего блока. Как бы она ни оценивалась⁴⁶, едва ли может быть оспорена узоклассовая сущность протекционистской политики правящих кругов. В жертву приносились интересы национальной экономики в целом, а трудящиеся массы обрекались на жестокие лишения в угоду корыстным интересам и экспансионистским вождениям промышленного капитала и южных латифундистов.

Новый, протекционистский курс имел значительные последствия для аграрной экономики. Протекционистскими барьерами удалось затруднить американскому хлебу доступ на итальянский рынок. Однако не такого рода мерами, к тому же ставившими в привилегированное положение производство лишь одной, зерновой культуры, можно было вывести сельское хозяйство из состояния поначалу кризиса, а затем длительного застоя. Более того, сельское хозяйство подвергалось ответным ударам, предпринимавшимся странами-импортерами; оно подрывалось жестокой налоговой политикой, грабежом ростовщиков, а главное, обрекалось на прозябание закреплением отсталых, паразитических методов ведения хозяйства.

Таково было состояние земледелия в большей части страны. Там, где ко времени воссоединения страны уже успели утвердиться капиталистические отношения — это относится прежде всего к Северной и отчасти Центральной Италии, — капиталисти-

⁴⁴ *Carocci G. Agostino Depretis...*, p. 446.

⁴⁵ Эти положения содержались в его речи в сенате в мае 1882 г. См. *Atti Parlamentari Discussioni del Senato, tornata del 13 maggio 1882*.

⁴⁶ См. материалы дискуссии по проблемам истории экономического развития Италии: *La formazione dell'Italia industriale*. A cura di A. Caracciolo. Bari, 1963.

ческое преобразование земельной собственности шло сравнительно быстрыми темпами, сопровождаясь ростом продуктивности сельского хозяйства. Тому содействовали и предпринятые в эти годы осушительные и ирригационные работы. Так, в Ломбардии, где преобладали крупнокапиталистические хозяйства, валовая продукция земледелия более чем удвоилась за 40-летие существования объединенного государства, в то время как продукция страны в целом осталась на прежнем уровне. Паданская долина, занимавшая не более 13% всей сельскохозяйственной и лесной площади полуострова, поставляла в начале века почти 30% всей валовой продукции земледелия страны⁴⁷. Иным было положение в Южной и во многих районах Центральной Италии, страдавших под бременем феодальных пережитков, хотя и на состоянии сельского хозяйства развитых северных областей не могло не сказаться тормозящее действие аграрного кризиса и негативных факторов, обусловленных экономическим курсом правящих кругов. Обреченным на прозябание и даже деградацию было земледелие большинства областей Юга и части Центральной Италии, страдавших под гнетом феодальных пережитков.

Еще резче был разрыв в динамике развития земледелия и промышленности, ибо действие новой, протекционистской политики, включавшей различные методы и средства государственного вмешательства в экономику, как и непосредственного участия в ней государственных финансов, не замедлило сказаться на главном ее «стратегическом объекте» — на развитии крупной индустрии.

Процесс индустриализации протекал в Италии в условиях незавершенности промышленного переворота и испытывал одновременно воздействие наступившей новой эпохи — эпохи перерастания «свободного» капитализма в капитализм монополистический. Отсюда крайняя сложность, противоречивость развития итальянской крупной индустрии. Так или иначе, в значительной мере в результате взятого курса, в 1881—1888 гг. наступила фаза «умеренного подъема»⁴⁸. Сводный индекс промышленного производства (1881 г. принят за 100) составил по шести важнейшим отраслям промышленности в 1887 г. 137, при среднегодовом приросте в 4,6%⁴⁹.

Подъемом была охвачена старейшая и наиболее крупная отрасль итальянской индустрии — текстильная промышленность, общий индекс которой поднялся за 1881—1887 гг. до 136, при

⁴⁷ Серени Э. Развитие капитализма в итальянской деревне 1860—1900. М., 1951, с. 321—323.

⁴⁸ Таково определение этой фазы, предложенное А. Гершенкроном. См. *Gerschenkron A. Il problema storico della arretratezza economica*. Torino, 1965, p. 74.

⁴⁹ Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Rocca San Casciano, 1963, p. 38—49. Р. Ромео ссылается на разработанный А. Гершенкроном сводный индекс, включающий производство горнорудной, металлургической, текстильной, машиностроительной, химической, пищевой отраслей промышленности: *Gerschenkron A. Op. cit.*, p. 73—75.

среднегодовом приросте — 4,4% ⁵⁰. Быстрыми темпами стали развиваться новые отрасли: производство шелка, в особенности же хлопчатобумажное производство; хлопчатобумажные изделия, огражденные высокими протекционистскими тарифами, завладели внутренним рынком, предъявлявшим сравнительно большой спрос ⁵¹.

Не случайно, однако, наибольший рост наблюдался в новых отраслях, заложивших основу итальянской крупной промышленности в современном смысле слова. Речь идет о металлургической, химической, в меньшей мере о машиностроительной отраслях промышленности; общий индекс производства и среднегодовой прирост составляли в 1887 г. (1881 г. = 100) соответственно 414 и 22%, 267 и 15,1%, 185 и 9,2% ⁵².

То были отрасли, пользовавшиеся особым покровительством государства: их развитию способствовали протекционистская система, щедрые государственные субсидии и прибыльные заказы. Предоставление металлургии наибольших льгот было не в последнюю очередь связано с экспансионистскими внешнеполитическими планами.

Процесс создания итальянской крупной промышленности, который развертывался в преддверии эпохи империализма, с самых истоков заключал в себе присущие этой эпохе специфические тенденции. Промышленность стала сферой приложения капиталов национальных, в годы аграрного кризиса переместившихся в индустриальные предприятия, а также капиталов иностранных, чему способствовала отмена принудительного курса. Таков был важнейший фактор промышленного подъема 80-х годов; мобилизуя внутренние финансовые ресурсы, опираясь на иностранный капитал, банки могли в конечном счете определить направление развития промышленности, ее методы и формы организации. В 80-х годах из существовавших в ту пору шести эмиссионных банков наибольшую роль в стимулировании производственного процесса сыграли первоначально Национальный банк, а затем с нарастающим размахом Кредито мобилнаре и Банка дженерале. К этому периоду (точнее, к 1880 г.) относится и создание Римского банка, связанного с крупным землевладением, римской аристократией, а также во все возрастающей мере с клерикальными финансовыми кругами Ватикана.

Банки и частный капитал финансировали строительный «бум», центром которого стала столица; он сопровождался предпринимательским ажиотажем и яростной спекуляцией зе-

⁵⁰ *Romeo R.* Op. cit., p. 48—49; *Gerschenkron A.* Op. cit., p. 74—75, 386.

⁵¹ *Cafagna L.* L'industrializzazione italiana.— «Studi storici», 1961, N 3—4, p. 705—707. «В экономически слабой стране, подобно нашей,—отмечал современник,—хлопчатобумажные ткани составляют одежду бедняков» (*Fontana Russo L.* I trattati di commercio e l'economia nazionale. Roma, 1902, p. 181).

⁵² *Gerschenkron A.* Op. cit., p. 73—75; *Romeo R.* Op. cit., p. 48—49.

мельными участками⁵³. Однако созвучные новой эпохе тенденции наиболее явственно сказались в создании первых крупных акционерных обществ, ставших впоследствии монополистическими объединениями страны. В 1881 г. в результате слияния компаний «Флорио» и «Рубаттино» образовалось «Общесудовое судоходство»; три года спустя при решающем участии государства и банков возникло металлургическое акционерное общество «Терни», которому суждено было стать ядром будущей крупнейшей монополии. В том же 1884 г. было основано акционерное общество «Эдисон», под эгидой которого стала создаваться электроэнергетическая индустрия, наконец, в пределах 80-х годов возникли акционерные компании «Пирелли» (1883) и «Монтекатины» (1889), соответственно монополично контролировавшие резиновое и горнорудное производство⁵⁴. Знаменательно, что уже в 1887 г. на долю акционерных обществ, игравших решающую роль в металлургии, машиностроении, судоходстве, строительной промышленности и в других вновь созданных отраслях современного типа, приходилось 52,5% всего наличного в Италии акционерного капитала⁵⁵.

Однако процесс создания индустрии современного типа протекал в еще сравнительно скромных масштабах. Так, продукция металлургии, машиностроения и других отраслей тяжелой промышленности составляла в 1891—1895 гг. едва 20% объема всей промышленной продукции страны, подавляющую часть которой (74,2%) поставляли текстильная, пищевая и табачная промышленность⁵⁶. Что же касается новых форм организации производства, то не они, разумеется, определяли структуру итальянской индустрии, в которой количественно еще преобладали мелкие предприятия, рассеянная мануфактура, кустарный промысел. Характерно, что на долю текстильной промышленности, удельный вес которой в народном хозяйстве был весьма значителен, приходилось даже в 1900 г. всего 6,6% всего акционерного капитала страны⁵⁷.

К тому же в 1888—1896 гг. промышленный подъем был приостановлен. Итальянская экономика подверглась тяжелому испытанию. Наступила фаза, определенная Гершенкроном как «застойная»⁵⁸. Сократился объем промышленной продукции, неблагоприятно были охвачены опекаемые государством новые отрасли производства, в частности металлургия. Началась волна банкротств, свертывания деятельности промышленных и торговых предприятий, скандальных банковских афер, на фоне

⁵³ *Romeo R. Op. cit.*, p. 48—51; *Sereni E. Op. cit.*, p. 216—218, 259—260.

⁵⁴ *Romeo R. Op. cit.*, p. 51—55; *Sereni E. Op. cit.*, p. 217, 241—247; Промышленные монополии в Италии. М., 1951, с. 118—119, 135—136, 151.

⁵⁵ *Sereni E. Op. cit.*, p. 236—237.

⁵⁶ *Romeo R. Op. cit.*, p. 67.

⁵⁷ Промышленные монополии..., с. 133.

⁵⁸ *Gerschenkron A. Op. cit.*, p. 74.

которых особо серьезные политические последствия имело в 1893 г. дело Римского банка, раскрывшее неприглядную картину поощрявшейся официальными кругами коррупции.

Тяжелое положение, в котором оказалась итальянская экономика, обнаружило шаткую основу, на которой зиждились надежды на уверенное и быстрое продвижение Италии по пути, проложенному опередившими ее странами. Однако и в этот период спада новые, определившиеся в 80-х годах тенденции капиталистического развития пробивали себе путь. Тому содействовали усилившийся в период правления Криспи (решительно отстаивавшего интересы нового правящего блока) протекционистский курс, а также — в соответствии с утвердившейся внешнеполитической ориентацией — сильный приток германских капиталов. При непосредственном участии берлинского банка Блейхредера возник в 1894 г. в Милане Итальянский коммерческий банк, ставший отныне (после банкротства Кредито мобилиаре и Банка дженерале) ведущим центром, стимулировавшим развитие итальянской промышленности не только инвестицией капиталов, но и перенесением на итальянскую почву германского опыта. Год спустя на этот путь вступил и Итальянский кредитный банк, созданный также германским банковским капиталом.

Последствия внедрения более современных форм и методов производства не замедлили сказаться. Деятельность вновь созданных банков сопровождалась дальнейшей концентрацией промышленности и капиталов, созданием новых крупных акционерных компаний; в самом конце века в огражденной высокими таможенными тарифами сахарной промышленности возникли акционерные общества «Италцуккери» (1898) и «Эридания» (1899), занявшие впоследствии главенствующее положение. Нараставшими темпами складывался финансовый капитал.

Таковы были непосредственные предпосылки возобновившегося в 1896 г. промышленного подъема: началась фаза сравнительно быстрого индустриального развития (фаза «большого рывка») ⁵⁹, продолжавшаяся — не без остановок и срывов — вплоть до 1908 г., когда итальянская экономика вновь вступила в полосу кризисного спада. К этому переломному десятилетию восходят и те существенные сдвиги, которые — как уже отмечено — явились результатом взаимодействия политических и социально-экономических факторов. Именно в ту пору — преимущественно после 1887 г. — сложился обновленный своеобразный правящий блок (по определению Э. Серени, «индустриально-помещичье-аграрный»), скрепленный компромиссом между усилившейся крупной индустриальной и банковской буржуазией новой формации, с одной стороны, и другими группами имущих классов, в первую очередь с крупными землевладельцами Юга —

⁵⁹ *Gerschenkron A. Op. cit.*, p. 74, 76.

с другой⁶⁰. Избранный в угоду этим классовым силам курс экономического развития обуславливал, с одной стороны, форсированный процесс индустриализации, ограниченный почти исключительно Севером (промышленным треугольником Милан — Турин — Генуя), с другой же — закрепление отживших аграрных отношений на большей части страны, в особенности же в южных областях континента и на островах, превращенных в своего рода «колоннальный рынок».

Однако, исключая эти области из процесса капиталистического преобразования производственных отношений, подвергая народные массы жесточайшей эксплуатации и обрекая их на безысходную нужду, правящие круги создавали трудноодолимую преграду на пути экономического прогресса. В значительной мере в результате их политики бедная естественными ресурсами и собственными капиталами Италия была лишена также емкого внутреннего рынка, способного стимулировать равномерный и устойчивый экономический прогресс. Отсюда затрудненный, прерывистый индустриальный подъем, сменяемый кризисными фазами, отсюда застой сельского хозяйства, чье тормозящее действие на общее экономическое развитие было весьма значительным: Италия являлась страной, в которой проблема аграрная перерастала в подлинно национальную проблему⁶¹. Острота ее была тем большей, что насильственная аграризация Юга, углубив неравенство в уровне развития различных областей страны, подрывала достигнутое вековой борьбой национальное единство. «Образовались две Италии, — с горечью констатировал Франческо Нитти, занимавший в те годы радикально-демократические позиции, — одна быстро продвигается вперед по пути прогресса, вступая в лоно промышленной цивилизации, другая зажата в тиски все возрастающих трудностей и лишений»⁶². В то же время происходившие экономические преобразования влекли за собой изменение структуры отдельных классов, равно как и их удельного веса; соотношение сил менялось и в господствующем блоке, где со временем возрастала роль промышленных и финансовых групп новой формации. Результатом этих многообразных процессов было резкое обострение социальных конфликтов и нарастание разногласий в правящих кругах, проявившееся в самом конце века в непосредственном столкновении альтернативных тенденций общественного развития.

Давние социально-экономические противоречия и контрасты еще обострились; они тесно переплелись с основным антагонизмом буржуазного строя — антагонизмом между трудом и капи-

⁶⁰ *Sereni E.* Op. cit., p. 118, 265.

⁶¹ Подобное же явление было отмечено Лениным в отношении России. См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 417.

⁶² *Nitti F.* S. Napoli e la questione meridionale. Napoli, 1903, p. 6.

талом. Классовой ограниченности, консервативности экономического курса, как уже указывалось, соответствовали консервативный, а в последнее десятилетие века реакционный характер и формы надстройки. Предстояла нелегкая борьба за расширение политической свободы, столь же необходимой общественному прогрессу, сколь и обновление экономических отношений. Проявилась сложная сущность революционного процесса, с того времени ставшая традиционной, в особенности для позднейшей истории страны. Подтверждая открытую Лениным «русскую» закономерность⁶³, революционный процесс включал в себя и в Италии две различные по своей сути «социальные войны»: незавершенную буржуазную, демократическую войну, направленную против реакционных пережитков прошлого (и в базисе и в надстройке), и войну антикапиталистическую, пролетарскую, прокладывавшую путь к будущему, к социализму.

РАБОЧИЙ КЛАСС ИТАЛИИ: СТРУКТУРА, ОРГАНИЗАЦИЯ, ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Таков был общенсторический фон, на котором разворачивалось в последние десятилетия XIX в. итальянское рабочее движение. Уходя корнями в процесс промышленного преобразования страны, рабочее движение, естественно, не было им ограничено, точнее, не одним этим процессом определялись его сущность, потребности, идеология. Как и в других странах, оно складывалось под влиянием взаимодействовавших объективных и субъективных, национальных и международных факторов; и само рабочее движение чем дальше, тем все сильнее становилось фактором, влиявшим на ход общественного развития страны.

Сложным был путь становления и развития итальянского рабочего движения, мучительными его поиски верного пути. Понять же эти процессы едва ли возможно без учета самой структуры рабочего класса, влияния непосредственно соприкасавшейся с ним социальной среды, неразрывности отдельных потоков борьбы классов; и, бесспорно, их нельзя понять без учета «внешнего» воздействия революционного движения других стран.

Итак, становление рабочего движения, его идейное формирование в значительной мере обуславливались его социальной основой. Недостаточно еще отдифференцированный от окружающей его социальной среды, итальянский рабочий класс был тысячами нитей связан с другими слоями народа, он разделял их страдания и бурно нараставший протест. Постепенно становясь решающей движущей силой революционного процесса, он приобщал массы эксплуатируемых к собственному опыту, но в то же время испытывал влияние этих масс. Разорявшиеся крестьяне и ремесленники, деклассированная интеллигенция привносили в рабочее движение дух стихийного бунтарства, вернее, усиливали в нем сходные настроения и тенденции, которые лишь постепенно стали уравниваться стремлением к организованному социальному действию. В то же время тесная связь рабочего класса с его крестьянским тылом, синхронность революционных выступлений рабочих и крестьянских масс, общность стоявших перед ними демократических задач, наконец, увлечение социалистическими идеями значительной части интеллигенции — все эти факторы, хотя и заключали в себе несомненные опасности, открывали все же новые революционные пути

и широкие перспективы, которые заключали в себе потенциальную возможность гегемонии пролетариата. Теоретическое осмысление и практическое осуществление этой потенциальной возможности являлись задачей политического авангарда рабочего класса, увы, не решенной итальянской социалистической партией, точнее ее лидерами, ни в то время, ни значительно позднее.

Но так или иначе, эта возможность существовала. Объективным действием вышеуказанных факторов, хотя и не осознанным рабочим классом, объяснялось то обстоятельство, что еще в конце XIX в. рабочий класс смог играть в итальянской политической жизни роль, значение которой превосходило его удельный вес в социально-экономической структуре страны. Ведь занятые в промышленности лица составляли по данным на 1901 г.— 3 989 816 человек, т. е. всего лишь 15% общего числа населения против 37%, занятых в сельском хозяйстве. При этом поскольку под «промышленностью» в переписи 1901 г. подразумевалось производство материальных благ вообще, независимо от характера производства, то из вышеназванной категории исключались, например, рабочие, занятые на транспорте и в коммунальном хозяйстве; зато в нее включались ремесленники, владельцы мастерских или даже предприятий (всего 1 043 152 человека), ткачи и прядильщики, самостоятельно работавшие на дому (313 236 человек) и приказчики, коммивояжеры и другие категории служащих (40 741 человек)¹. Следовательно, за вычетом этих категорий, подлинных наемных рабочих насчитывалось всего 2 592 487 человек. И хотя это число не охватывало все категории рабочих, все же, как отмечает Дж. Прокаччи, оно в наибольшей степени отвечало истинному положению вещей².

К наиболее многочисленным отрядам рабочего класса относились: неоднородная категория, представленная рабочими, занятыми изготовлением предметов одежды, а также обуви и пр., т. е. портными, сапожниками, модистками, перчаточниками и др. (их насчитывалось 559 707 человек, и составляли они около 21,5% общего числа занятых в промышленности лиц). Вслед за тем шли рабочие-строители (552 497 человек — примерно 21%), а на третьем месте — текстильщики (446 452 человек — около 17%). Таким образом, одни эти три категории

¹ Не располагая точными статистическими данными о социальной структуре рабочего класса в конце века, мы ссылаемся на более поздние цифры. См. Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. Direzione generale della statistica. Censimento della popolazione del Regno d'Italia al 10 febbraio 1901. Relazione sul metodo e sui risultati del Censimento raffrontati con quelli dei Censimenti italiani precedenti e dei censimenti esteri. Roma, 1904, tav. XXX, p. 124—125 (далее: Censimento...). Приводимые данные охватывают лиц в возрасте от 9 лет и выше. Подробнее см. *Procacci G. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX*. Roma, 1970. Исследование Дж. Прокаччи содержит ценный, глубоко обобщенный автором фактический материал.

² *Procacci G. La lotta di classe...*, p. 4—5.

составляли в совокупности около 60% итальянского рабочего класса.

Остальные 40% распределялись между рабочими, занятыми в различных отраслях, в частности в деревообделочной и мебельной промышленности, в отраслях производства, изготавливавших предметы домашнего обихода (244 399 человек — около 10%), в металлургической и машиностроительной промышленности (236 876 человек — едва 10%), в пищевой (163 026 человек — 6%), горнорудной (85 897 человек — свыше 3%) и др.³ Что касается неучтенных переписью категорий рабочего класса, то следует особо отметить две из них, наиболее важные: железнодорожников, насчитывавших в 1885 г. 84 212 человек, и типографов, число которых составляло в 1901 г. 50 492⁴.

Такова была в общих чертах к началу века структура рабочего класса. Однако трудно составить себе о ней сколько-нибудь полное представление, если не учесть слабую еще степень концентрации рабочей силы. Ибо, как уже отмечено, сравнительно высокий уровень организации производства наблюдался преимущественно в отраслях производства более позднего происхождения. Так, предприятия хлопчатобумажной промышленности насчитывали, в среднем, по 183 рабочих каждое против соответственно 52 и 88 рабочих на более старых предприятиях шерстяной и шелковой промышленности. Однако наиболее высокий уровень концентрации рабочей силы встречался в некоторых отраслях машиностроения или на предприятиях, входивших в сферу государственной монополии, таковых было 43, и насчитывали они 14 841 человека, т. е. в среднем 345 человек каждое⁵.

Подавляющая же часть рабочих была занята на мелких предприятиях, в мастерских ремесленного типа или в рассеянной мануфактуре. Как и на начальной стадии формирования рабочего класса, удельный вес женского и детского труда был весьма значителен: 27% занятых в промышленности составляли женщины, 17% — дети в возрасте моложе 15 лет (соответственно 726 944 и 465 373 человек), причем в некоторых отраслях, в том числе в текстильной промышленности, удельный вес женского труда был еще выше (79% общего числа).

Что же касается детского труда, то сравнительно более высоким было участие маленьких тружениц, оно составляло примерно 26,7%, а доля труда мальчиков — 14,5% соответственно к труду работающих женщин и мужчин. Наиболее широкое использование детского труда наблюдалось на юге страны — в Калабрии

³ Censimento..., tav. XXXII, p. 136—141; *Procacci G.* La lotta di classe..., p. 4—5.

⁴ Censimento..., tav. XXXII; *Guerrini L.* Organizzazione e lotte dei ferrovieri italiani, v. 1 (1862—1907). Firenze, 1957, p. 20; *Procacci G.* La lotta di classe..., p. 29.

⁵ Ministero di Agricoltura. Industria e Commercio. Direzione generale della statistica industriale. Riassunto delle notizie sulle condizioni industriali del Regno, v. 1. Roma, 1905, p. 12, 14; *Procacci G.* La lotta di classe..., p. 7—8.

(32,5%), Абрущах (24,4%), а также в Эмилии (30,1%)⁶. В целом же, по сводной оценке Дж. Прокаччи, до 40% работающих, а быть может и того больше составляли женщины, дети и подростки⁷.

Как и в других странах сравнительно позднего промышленного развития, неиссякаемым резервуаром рабочей силы являлась деревня. Потоки постоянной и временной миграции связывали деревню с городом, поддерживая непрерывный процесс обновления и расширения рядов рабочего класса. Весьма распространенным было сочетание промышленного и сельского труда. Занятый в промышленности рабочий нередко обрабатывал и клочок земли, являвшийся его собственностью или взятый им в аренду. Еще чаще встречалась фигура крестьянина, занимавшегося «дополнительным» трудом на текстильных фабриках, в строительной, деревообделочной и других отраслях промышленности⁸. Постоянное «присутствие деревни» сказывалось и в значительном удельном весе сельскохозяйственного пролетариата.

Особая, весьма активная роль, которую батраки играли в общей борьбе пролетариата, представляла отличительную черту итальянского рабочего движения. Громадная армия сельскохозяйственных рабочих, порожденная пролетаризацией крестьянства и разрушением ремесла, населяла к концу XIX в. итальянскую деревню. То были прежде всего сельскохозяйственные рабочие Паданской долины, порвавшие привычные связи с землей и представившие в многоликой массе батраков передовые истинно пролетарские отряды. Сюда, к Паданской долине, где капиталистический способ производства издавна проник в сферу аграрных отношений, тянулись потоки мигрантов из горных районов Северной и отчасти Южной Италии, привлекаемых возможностью применить свой труд на обширных рисовых плантациях, на осушительных работах и крупных капиталистических фермах, представлявших большой спрос на рабочую силу⁹.

Иными были условия труда, иной была психология сельских пролетариев Центральной и особенно Южной Италии, оставшихся по своей сущности безземельными крестьянами, мечтавшими о собственном клочке земли. Так, бывшие испольщики или мелкие собственники Тосканы или Марке, уходившие на сезонные работы в смежные районы, продолжали работать и у себя дома на помещичьих землях, а иногда на собственном крохотном

⁶ Censimento..., prosp. XLVIII, p. XCIII; *Procacci G.* La lotta di classe..., p. 9—10.

⁷ *Procacci G.* La lotta di classe..., p. 12.

⁸ Согласно данным переписи 1901 г., 100 834 опрошенных лица сообщили, что сельское хозяйство было их дополнительным занятием. По тем же данным, 206 153 человека находили случайную и сезонную работу в указанных отраслях промышленности (Censimento..., tav. XXXVIII, p. 153).

⁹ *Серени Э.* Развитие капитализма в итальянской деревне (1810—1900). М., 1951. с. 336.

участке. Еще сложнее протекал процесс образования сельского пролетариата на Юге, экономически отсталом, отягченном феодальными пережитками. Здесь искусственное перенаселение в земледелии принимало громадные масштабы и многочисленный сельский пролетариат сливался с массой крестьян — бедняков, вынужденных искать работу по найму, чтобы не умереть с голода. Между тем, ни сельское хозяйство, ни промышленность не могли поглотить эту свободную рабочую силу. Создавалась огромная «резервная армия», давившая на рынок труда и во многом определявшая процесс формирования рабочего класса и специфику его классовой борьбы.

Таким образом, рабочий класс распадался на различные категории, обладавшие несхожими чертами. Индустриального рабочего, управлявшего более или менее сложной машиной, заслонял куда более характерный для итальянской промышленности высококвалифицированный мастер, глубоко связанный с традициями и навыками ремесла.

В то же время сравнительно немногочисленным кадрам высокой квалификации противостояла необученная масса вчерашних крестьян, обладавших лишь силой рабочих рук.

Многообразными были формы и методы эксплуатации труда, неодинаковыми были продолжительность рабочего дня и уровень заработной платы в различных отраслях производства и областях страны. Однако общим для всех категорий рабочего класса был жестокий режим эксплуатации, обрекавший итальянских рабочих на острую нужду и унижительное бесправие, какие едва ли наблюдались где-либо еще в Западной Европе.

Продолжительность рабочего дня, составлявшая в среднем 10—12 часов, достигала и 15—16 часов в тех отраслях промышленности, где преобладало мелкое производство. Десять часов длился рабочий день в металлургии, машиностроении, строительной промышленности, хотя нередко в этих отраслях продолжительность рабочего дня была и большей. Еще хуже обстояло дело в отраслях производства, применявших преимущественно труд женщин и детей. Так, в текстильной промышленности преобладал 11-часовой рабочий день, но весьма часто он был и более продолжительным. Крайне редким явлением был 9-часовой рабочий день; ценой упорных боев его завоевали рабочие-типографы, он был узаконен также на предприятиях, подведомственных государству. Исключительной привилегией рабочих табачной промышленности, являвшейся государственной монополией, был 8-часовой рабочий день; для остальных же категорий он был еще целью нелегкой борьбы, как и незавоеванный еженедельный день отдыха¹⁰.

Если учесть, сколь продолжительным был рабочий день, еще мизернее представляется заработная плата итальянского рабоче-

¹⁰ *Morandi R. Storia della grande industria in Italia. Bari, 1931, p. 165—174.*

го, значительно отстававшая от уровня заработной платы рабочих более развитых европейских стран. При этом наличие громадной «резервной армии» позволяло предпринимателям снижать заработную плату до предельного, по существу нищенского уровня.

Именно таковыми были ставки весьма многочисленной массы неквалифицированных рабочих, в особенности же женщин и детей. 81% рабочих, в возрасте старше 15 лет, получал менее 1,5 лиры в день, а то и меньше одной лиры¹¹. Ничтожной была заработная плата подростков, причем девочкам-работницам едва выплачивалось в день 0,59 лиры. Что же касается заработной платы взрослых рабочих-мужчин, то она колебалась в пределах 3 лир и выше, а при высокой квалификации достигала 5 лир в день; так обстояло дело в машиностроительной, металлургической, строительной и типографской промышленности. Однако и эти сравнительно высокие ставки были ниже соответствующих ставок французских или английских рабочих¹².

Тяжелое положение рабочих усугублялось произволом предпринимателей, чьи действия облегчались почти полным отсутствием социального законодательства¹³. Разве можно говорить о таковом, если вплоть до начала века законодательными актами 1886 г. запрещалось лишь использование труда детей, не достигших 9 лет (соответственно 10—11 лет, когда речь шла о подземных работах или ночных сменах), а предусмотренное страхование рабочих от несчастных случаев на производстве было признано законом обязательным лишь в 1898 г., но, как, впрочем, и ограничения применения труда малолетних, обязательным на практике не стало¹⁴. Наконец, лишь формальным было отвоеванное трудящимися право на организацию и забастовку; узаконенное новым уголовным кодексом в 1889 г. право на забастовку подрывалось то «юридическими» средствами, с помощью статей того же кодекса, направленных против нарушителей «свободы труда»¹⁵, то неприкрытым насилием. Что же касается рабочих

¹¹ Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. La donna nell'industria italiana. Studi di demografia e di economia industriale. Roma, 1905, p. 44, prosp. XXI.

¹² Ibid., p. 20, 28, prosp. V; Bollettino dell'Ufficio del lavoro aprile—luglio 1904, p. 362—366; Procacci G. La lotta di classe..., p. 19—21; Morandi R. Op. cit., p. 135—149.

¹³ Артуро Лабриола считал, что Италия отставала в этом отношении даже от царской России. См. Лабриола Артуро. Положение рабочего класса в Италии. СПб., б. д., с. 38.

¹⁴ Morandi R. Op. cit., p. 165—166.

¹⁵ Речь идет о статьях 166 и 167 уголовного кодекса, предусматривавших наказание (штраф или даже тюремное заключение до трех лет) для всякого, кто «силой (насилием) или угрозой ограничивает или подрывает каким-либо образом свободу в промышленности или торговле», а также вызывает прекращение или перерыв в работе, дабы вынудить будь то рабочих, будь то мелких хозяев или предпринимателей произвести сокращение или увеличение заработной платы...

или крестьянских организаций, профессиональных союзов, лиг и палат труда, то они могли быть распущены по «усмотрению» (вернее, произволу) тех или иных органов власти. Префекты, судебные чиновники, квесторы, полиция — весь разветвленный механизм насилия действовал безотказно, выполняя «социальный заказ» власть имущих.

Непосильный труд в тесных, пыльных помещениях, антисанитарные жилища, вечное недоедание — такова была горькая доля людей труда. «На фабриках нам не хватает воздуха, на чердаках — хлеба», — гласил рефрен горестной песни туринских текстильщиц¹⁶.

В довершение частые увечья на производстве, неизлечимые профессиональные болезни, подтачивавшие силы рабочих, обрекали их на преждевременную старость, если смерть не уносила их в молодом еще возрасте.

Беспрепятственно пользуясь системой штрафов, увольнений и локаутами, предприниматели урезывали и без того скудные заработки, попирали самые элементарные права рабочих, пытались держать их в постоянном страхе.

С особой силой все эти тяготы и невзгоды обрушивались на батрацкие массы. Процесс образования массового сельскохозяйственного пролетариата, хронологически укладывавшийся в последние десятилетия XIX в., происходил в результате воздействия противоречивых процессов. Новые капиталистические формы эксплуатации, наслаиваясь на полуфеодалные аграрные отношения, взрывали прежнее равновесие. Процесс дифференциации крестьянства развивался неединообразно в различных областях страны, но так или иначе он сопровождался пролетаризацией крестьян, усилением их кабальной зависимости от землевладельцев.

Первые крупные отряды сельскохозяйственного пролетариата сформировались в Северной Италии, главным образом в Паданской долине, где, как отмечено, до объединения страны начали утверждаться капиталистические формы и методы ведения хозяйства. До 1890 г. здесь концентрировалась основная масса сельских пролетариев, позже центром ее сосредоточения стали зоны Полезины, Феррары, Романьи, а с конца века процесс пролетаризации крестьянства охватил и южные области страны. Образование массового сельскохозяйственного пролетариата являлось результатом сдвигов, происходивших в социально-экономическом строе деревни. Широкие масштабы приняла экспроприация крестьянской собственности. Она подтачивалась, разрушалась в результате захвата помещиками общинных и государственных земель, безжалостного гнета и налогового бремени, ростовщичества, пагубного действия аграрного кризиса. Только за 15 лет (с 1886 по 1900 г.) количество земельных владений,

¹⁶ Noce T. Gioventù senza sole. Roma, 1947, p. 32.

экспроприированных по судебным приговорам за неуплату налогов или долгов частным лицам, достигло весьма значительной цифры — 70 774, причем в нее не входили многочисленные случаи продажи участков мелких собственников по требованию кредиторов. Наиболее тяжким ударом подвергалось и без того обездоленное крестьянство Юга. Приведенные Э. Серени данные служат тому ярким подтверждением: из 13 375 принудительных продаж недвижимости, произведенных во всей Италии по судебному решению за неуплату налогов, — 11 505, т. е. 86%, приходилось на земельные участки, расположенные в Южной Италии и на островах¹⁷. Экспроприированная земля переходила в руки помещиков и новых буржуазных собственников и банков; крестьяне же увеличивали армию батраков.

Эта армия батраков пополнялась и в результате массового обнищания испольщиков. Сложный процесс видоизменения, а в развитых областях страны и разложения системы испольщины, вызванный капиталистическим развитием земледелия, сопровождался усилением дифференциации испольщиков. Наиболее зажиточные среди них, выдержав натиск, становились арендаторами и даже земельными собственниками; однако подобный исход был сравнительно редким. В массе же испольщики попадали в новую тяжкую кабалу, обусловленную капиталистическими формами эксплуатации, так как процесс модернизации аграрных отношений, происходивший с различной интенсивностью в областях «классической испольщины» (Тоскане, Умбрии, Марке), а следовательно, настоятельная потребность в современной технике и более значительных капиталовложениях в сельскохозяйственное производство видоизменяли традиционные договорные отношения: испольщик, не будучи в состоянии внести в хозяйство полагавшуюся половину технических и денежных средств, лишался прав на соответствующую долю урожая и на «соучастие» (фактически и без того весьма ограниченное) в управлении фермой. Он превращался по существу в наемного сельскохозяйственного рабочего, а для покрытия все возрастающей задолженности землевладельцу вынуждена была работать вся его семья, включая и малолетних детей¹⁸. Таким образом, испольщина претерпела существенные изменения, хотя неизменной осталась ее юридическая форма; в Паданской долине она исчезла вовсе, в других областях она превратилась в издольщину, при которой крестьянину полагалась лишь $\frac{1}{3}$ сельскохозяйственной продук-

Положение сельских масс осложнялось еще тем, что спрос на рабочую силу в стране резко отставал от предложения. Соз-

¹⁷ Серени Э. Указ. соч., с. 254—256.

¹⁸ К 1901 г. на каждую 1000 взрослых обоего пола, занятых в сельском хозяйстве, приходилось в среднем 133 мальчика и 150 девочек в возрасте от 9 до 16 лет, а в областях классической испольщины и того больше (Серени Э. Указ. соч., с. 302—304).

давалось «искусственное перенаселение» деревни (явление, сущность которого была раскрыта Лениным применительно к России)¹⁹. Особенно острые формы приняло оно в южноитальянских областях. На долю сельскохозяйственных рабочих выпадало самое тяжкое испытание: хроническая безработица, а следовательно, безысходная нужда. Гонимые голодом, терзавших их семьи, они покидали родные места, вливались в потоки сезонников-мигрантов в надежде найти вдали от дома хоть какую-нибудь работу.

Еще в 70-х годах XIX в. на Юге наблюдалось явление, ставшее впоследствии постоянным: толпы сельскохозяйственных рабочих — мужчин и подростков — собирались на площадях городов, выжидая, чтобы кто-нибудь пришел нанять их на день или на неделю... На этих своеобразных рынках труда происходила купля-продажа рабочей силы на условиях, диктовавшихся то приходью землевладельцев, то законами рынка, там, где капитализм успел глубже проникнуть в сферу аграрных отношений. Колебания в условиях найма были весьма значительными. Но так или иначе, сельскохозяйственного рабочего ожидал мучительный труд до полного изнеможения на обожженных солнцем землях южных латифундий, в болотистых зонах Центральной Италии, на «проклятых» (как называл их Кардуччи) рисовых плантациях Паданской долины. Неописуемыми были страдания сборщиков риса, одного из самых обездоленных отрядов армии сельских пролетариев, насчитывавшего примерно 250 тыс. человек, половину которых составляли мигранты²⁰. «Невозможно забыть длинные, молчаливые ряды мужчин и женщин, от рассвета до сумерек стоящих по колено в воде; ноги их погружены в жидкую грязь; под палящим солнцем, согнув спину, они словно ищут сокрытое от глаз редкостное сокровище...», — читаем мы на страницах «Критика сочпале». И далее: «...прибыв на рисовые поля здоровыми и сильными, они уезжают нередко больными, измученными лихорадкой и почти всегда с явными признаками крайнего физического перенапряжения»²¹. Работая в поле номинально не более 9 часов, а фактически 12—14 часов в сутки, батраку удавалось получать за свой труд заработную плату, составлявшую всего лишь 1,2—1,5 лиры в день, подростки получали не больше 1 лиры²². Не лучше были условия найма, существовавшие для других видов сельскохозяйственных работ. Во многих случаях узы унижительной зависимости связывали батрака не только с землевладельцами, но и с «посредником», т. е. с лицом, вербовав-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 136—137.

²⁰ «Critica Sociale», 1904, 1 marzo. Данные, приведенные этим журналом, содержатся в материалах обследования миланского общества «Уманитарна».

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

шим сельскохозяйственных рабочих, определявшим условия найма и затем устанавливавшим над ним жестокий надзор. При наличии массовой безработицы в руках работодателя оказывалось сильное орудие давления: он мог по своему усмотрению ухудшить условия найма, придать им временный, неустойчивый характер.

Эксплуатация, которой подвергались батраки, была столь бесчеловечной, что еще в 70-х годах положению сельскохозяйственных рабочих уделялось особое внимание в проведенном специальным парламентском обследовании: в представленных докладчиками материалах не без тревоги отмечалось, что сельские пролетарии влачат полуголодное существование, живут в «отвратительных жилищах» и являются жертвой смертоносных эпидемий и тяжелых заболеваний, массовое распространение которых наряду с отмеченными причинами вызывается «ужасным переутомлением», особенно у женщин и детей, работающих «как вьючные животные»²³.

Но даже такая участь была завидней той, которая выпадала на долю сельских пролетариев, обреченных на хроническую безработицу. Таково было их положение в некоторых зонах Паданской долины, в частности в области Эмилии; здесь в некоторых общинах Феррарской провинции безработные батраки составляли в самом начале XX в. от $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{3}$ самодеятельного населения, а в провинции Болоньи, в общинах Сан Джованни ин Персичето и Молинелла, насчитывалось соответственно 47 и 52% безработных²⁴. Эмиграция, стремительно нараставшая, стала одним из драматических последствий итальянского пути капиталистического развития. Так, если, по неполным данным, не учитывавшим временную эмиграцию, покинуло родину в поисках работы в 1878 г.—96 268 человек, то в 1900 г.—352 782. Всего за эти годы свыше 5 млн. эмигрантов навсегда оставили Италию, направляясь в европейские и заокеанские страны, преимущественно в «деньгами богатую Америку», куда, по словам калабрийской песни, эмигранты бежали «от нужды проклятой»²⁵.

Подавляющую массу эмигрантов поставляла деревня: к концу XIX в. число сельскохозяйственных рабочих и землекопов (по своему социальному происхождению тоже выходцев из деревни) составило свыше 70% эмигрировавших из страны. Остальную часть (29%) составляли рабочие (каменщики, каменотесы и др.), а также ремесленники. Характер, размеры и географическое распределение эмиграции, отмечает Э. Серени,

²³ *Лабриола Артуро*. Указ. соч., с. 24—31.

²⁴ *Società Umanitaria. La disoccupazione nel Basso Emiliano. Inchiesta diretta nelle provincie di Ferrara, Bologna e Ravenna. Milano, 1904, p. XXX; Zangheri R. Introduzione.*— In: *Lotte agrarie in Italia. Milano, 1960, p. XVII; Серени Э.* Указ. соч., с. 354—358.

²⁵ *Fontani A. Gli emigrati. Roma, 1962, p. 227; Серени Э.* Указ. соч., стр. 367.

не допускают кривотолков: речь идет о подлинном бегстве тружеников сельского хозяйства из тех зон, где особенно сильны были феодальные пережитки²⁶. Таковыми являлись прежде всего области Южной Италии и островов. Не удивительно поэтому, что эмиграция, носившая к тому же постоянный характер, принимала особо значительные размеры на юге страны, откуда эмигранты, в отличие от севера, нередко уезжали навсегда. Так, если в 1880 г. эмигранты-южане составляли 17,6%, то в 1895 г.—уже третью часть (32,6%) всего эмигрантского потока²⁷. А в 1895—1900 гг. из общего числа эмигрантов, обосновавшихся за океаном, большей частью навсегда, 63% были жителями Южной Италии²⁸.

Эмиграция являлась одним из самых мучительных проявлений южного вопроса. В то же время это была участь наиболее обездоленных пролетарских масс не одного Юга, но всей Италии. Господствующие классы лишили их даже родины, ставшей для них адом. «...Можно ли считать отчизной страну, где невозможно прокормиться своим трудом?»—таков был преисполненный горечи вопрос, содержащийся в воззвании ломбардских крестьян²⁹. И действительно, прокормиться своим трудом не дано было не только батракам, но и преобладающей части крестьян, будь то исполицик, колон или владелец карликового земельного участка.

Глубокие социально-экономические сдвиги в развитии страны отзывались на положении самых широких слоев населения, они втягивали в разрушительный круговорот не одни пролетарские и крестьянские массы. От их мучительных последствий страдала и мелкая буржуазия городов—ремесленники, лавочники, мелкие предприниматели,—а также интеллигенция, чей удельный вес в итальянском обществе, издавна весьма значительный, не соответствовал существовавшим реальным возможностям применения умственного труда³⁰. Так создавалась окружающая рабочий класс неустойчивая, беспокойная социальная среда, откуда вливались в его ряды все новые кадры и которая не могла не влиять на его «идейный мир» и революционное действие.

И все же если в 60-х и отчасти 70-х годах это влияние было в основном преобладающим, то в дальнейшем усилились противоборствующие тенденции, отражавшие потребность пролетариата утвердить свою классовую независимость и стремление рабочего движения к организационной и политической самостоятельности, к освобождению из плена буржуазно-демократ-

²⁶ Серени Э. Указ. соч., с. 362, 365.

²⁷ Fontani A. Op. cit., p. 16.

²⁸ Серени Э. Указ. соч., с. 364.

²⁹ Там же, с. 367.

³⁰ Michels R. Il proletariato e la borghesia nel movimento socialista italiano. Torino, 1908, p. 116—128.

тической, утопическо-социалистической или анархистской идеологии.

То был сложный процесс, предполагавший решение различных взаимосвязанных задач: теоретических и практических, из которых главная заключалась в соединении рабочего движения с научным социализмом. Решающим рубежом должно было стать создание политической партии пролетариата. К этому рубежу привел нелегкий путь, отмеченный преодолением чуждых рабочему движению идейных концепций, сменой организационных форм и методов революционного действия³¹. В намеченную нами канву исследования не входит сколько-нибудь обстоятельное освещение первых этапов этого пути. Если, тем не менее, мы остановимся на предыстории образования социалистической партии, то потому, что идейные поиски и испытания той поры не могли не оставить след в позднейшем развитии социалистического движения. Более того, преодоленные на одном этапе тенденции возрождались в изменившейся форме на другом, последующем этапе, ибо порождались самой действительностью.

У истоков пути первые рабочие организации — общества взаимопомощи — оказались под идейным воздействием сначала умеренных, затем мадзинистов. В отличие от умеренных, отгораживавших рабочих от политики и пытавшихся удержать их под «патерналистской» опекой, сторонники Мадзини, чья идейная платформа являлась своеобразным сплавом буржуазно-демократической идеологии и утопического социализма, приобщали рабочий класс к политической борьбе — борьбе за демократию, — однако как подчиненную, подсобную силу. Лишь к началу 70-х годов мадзинизм лишился гегемонии в рабочем движении. Возникли секции Интернационала; их утверждению, быстрому распространению влияния не в малой степени способствовал сильный импульс Парижской Коммуны. К этому времени относится и установление первых контактов итальянских социалистов с Марксом и Энгельсом (Энгельс был, как известно, секретарем-корреспондентом Генерального Совета Интернационала для Италии). Неоценимой была в последующие годы их теоретическая и практическая помощь итальянскому рабочему движению, в частности в преодолении возникшего на его пути нового идейного тупика. Ибо, освободившись от влияния мадзинизма, рабочее движение оказалось в плену анархистской пропо-

³¹ Мы позволим себе сослаться на разделы упомянутого выше коллективного труда «История II Интернационала», т. I, в которых эти этапы рабочего движения подвергнуты нами более подробному рассмотрению. См. также монографические исследования: Манакорда Г. Итальянское рабочее движение по материалам съездов от его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892). М., 1955; Григорьева И. В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966; Romano A. Storia del movimento socialista in Italia (1861—1892), v. 1—3. Bari, 1966—1967.

веди Бакунина. Причины успеха бакунизма коренились в самой итальянской действительности с ее давними и новыми острейшими противоречиями, в реальных процессах ее развития (именно поэтому новые разновидности анархизма произрастали на итальянской почве и впоследствии).

Ломка отживших свой век общественных устоев наряду с сохранением традиционных форм эксплуатации, обрекавших на разорение и страдания громадные массы людей, произвол власти имущих, за которыми стояло враждебное народу буржуазное государство с его бюрократическим централизмом и репрессивным аппаратом,— все это порождало в массах не только глухое недовольство и бессильное отчаяние, но и яростную ненависть и все возраставшее возмущение, выливавшиеся в бурные, беспорядочные повстанческие выступления. Ответом на насилие господствующих классов был, как отмечал В. И. Ленин, рост анархизма в рабочем движении³². В то же время социально неоднородный, идейно незрелый пролетариат испытывал, как уже отмечалось, воздействие окружавшей его бурлящей крестьянской массы, а также выбитой из колен, разуверившейся в идеалах Рисорджименто радикальной интеллигенции. А посему бунтарская бакунистская пропаганда, превозносившая «стихийность» и «прямое революционное действие», отрицавшая политическую борьбу и классовую организацию, призывавшая к уничтожению всякой государственной власти во имя анархистского безвластия, падала на благоприятную почву.

Господствуя на протяжении целого десятилетия в итальянском рабочем движении, бакунизм лишал его подлинно революционной перспективы, вел его по пагубному пути обреченных на неудачу вооруженных выступлений, каковыми явились анархистские выступления 1874 и 1877 гг. Тем самым бакунисты подрывали силу рабочего движения в то самое время, когда на него обрушивались удары репрессивного аппарата. Напуганные Парижской Коммуной, ее отзвуком и обострением классовых боев в самой Италии, правящие круги перешли в наступление. Последовали роспуск сочувствовавших Коммуне секций Интернационала, судебные процессы против интернационалистов. Репрессиям подвергалось и республиканское движение; возмущение в широких общественных кругах вызвал арест в Романье в августе 1874 г., в самый канун парламентских выборов, видных республиканцев и радикалов, бездоказательно обвинявшихся в «подготовке республиканского переворота».

В осложнившейся политической обстановке пробивали себе путь новые идейные тенденции, новые формы организации; прежде всего в индустриально развитых областях стали складываться группы, кружки, течения, все решительнее противодействовавшие диктату бакунистов. Ядром этой оппозиции анар-

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67—68.

хизму стала в 1876 г. группа, сплотившаяся вокруг миланской газеты «Плебе»; на ее основе примерно год спустя образовалась Верхнеитальянская федерация, отмежевываясь от бакунизма идейно и организационно³³. Порвали с анархизмом и некоторые секции интернационалистов в других областях страны; оппозиционная анархизму социалистическая группа возникла на Юге, в Палермо, органом ее была газета «Иль поверо».

Не случайно именно в 70-х годах прочно утвердилась новая форма классовой борьбы, ставшая отныне важным компонентом развивавшегося в Италии революционного процесса; если в 60-х годах рабочими было проведено всего 132 стачки, то в следующее десятилетие количество их возросло до 553. В бой вступили и сравнительно менее сплоченные отряды пролетариата — забастовали строители и слесари предприятий Мантуи, работницы-табачницы Рима и Флоренции. Стаечное движение крепло, несмотря на обрушивавшиеся на его участников удары³⁴.

Таким образом, уже к концу 70-х годов, а затем и в последующее десятилетие в истории итальянского рабочего движения наметился качественный сдвиг. Не случайно — повторяем — это произошло в начальный период правления «левой», когда известное расширение рамок демократии (в частности, принятие нового избирательного закона) позволило пролетариату сделать первые шаги на политическом поприще. Еще существеннее оказалось действие изменений, порожденных в социально-экономической структуре страны капиталистическим развитием, т. е. прежде всего увеличение в общей пролетарской массе удельного веса индустриальных рабочих и сельскохозяйственных пролетариев преимущественно северных областей.

В нараставших социальных и политических противоречиях рельефнее стала проступать взаимозависимость явлений: обреченность стихийных взрывов и необходимость перехода к более современным организационным формам экономической и политической борьбы, неотделимость борьбы за насущные экономические требования от завоевания политических прав и свобод, от участия в политической жизни страны. Ускорилося действие основных закономерностей, характерных для рабочего, социалистического движения и других стран.

Трудно в этой связи переоценить воздействие идей марксизма, получивших теперь более широкое распространение в Италии, причем не только среди переходившей на социалистические

³³ Энгельс высоко оценил это событие, отметив принципиальное значение образования Верхнеитальянской федерации, которая «отреклась от бакунистской секты и встала на общую почву великого европейского рабочего движения» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 104).

³⁴ Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. *Statistica degli scioperi avvenuti nell'industria e nell'agricoltura durante gli anni dal 1884 al 1891*. Roma, 1892, p. 24 (далее: *Statistica degli scioperi...*); *Corbino E. Annali della economia italiana*, v. 4. Città di Castello, 1934, p. 14; *Angiolini A. Socialismo e socialisti in Italia*, v. 1. Firenze, 1919, p. 91.

позиции республиканской, демократической интеллигенции, но и среди рабочих. Появились первые переводы произведений Маркса и Энгельса, до этого известных лишь в извлечениях или только упоминавшихся отдельными органами печати³⁵. Непосредственные связи с Марксом и Энгельсом отдельных деятелей, организаций, газет, установившиеся, как выше указывалось, еще в начале 70-х годов, теперь укрепились, расширились. Маркс и Энгельс поддерживали, просвещали итальянское рабочее движение, содействуя созданию предпосылок для вывода его на подлинно революционный путь. В продолжительной резкой полемике с Бакуниным, столь важной и для итальянского рабочего движения, особое внимание Маркс уделял роли политического авангарда, роли партии³⁶. Впоследствии, после смерти Маркса, эту многогранную стимулирующую движение помощь продолжал оказывать Энгельс. К нему обращались, к его советам прислушивались многие из вновь обращенных социалистов, в том числе и виднейшие деятели итальянского социализма. Отметим прежде всего Антонио Лабриолу и Филиппо Турати. На обретенный итальянским движением собственный опыт наслаивался богатый опыт международного революционного движения, в те годы преимущественно германской социал-демократии, идеи и практика которой с готовностью стали перениматься отдельными отрядами и деятелями итальянского социализма³⁷.

Не переоценивая достигнутые результаты, нельзя, однако, не заметить обозначившийся на фоне кризиса, а затем и поражения бакунизма поступательный ход развития: в упорных классовых боях крепло сопротивление итальянского пролетариата капиталистической эксплуатации, закладывались основы его классовой организации, наконец, рабочий класс, избавляясь от навязанного ему «воздержания от политики», начал постепенно, пусть в значительной мере эмпирически осознавать свою историческую миссию, становиться политической силой, способной оказать влияние на развитие общества. Охватывая экономическую, политическую и идейную сферы, революционный процесс протекал отнюдь не прямолинейно, не единообразно. Географически разобщенные (явление закономерное для страны, все еще не достигшей органичного единства), различные организации и

³⁵ В 1872—1873 гг. газетой «Плебе» были опубликованы обращенные непосредственно к итальянцам статьи Маркса и Энгельса, имевшие большое значение в борьбе с бакунизмом, в частности «Об авторитете» и «Политический индифферентизм». В 80-х годах вышли в свет переводы работ Маркса и Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (1883), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1885), «Капитал», т. I (1886), «Гражданская война во Франции» (1887), «Манифест Коммунистической партии» (1889). См. *Bosio G. La diffusione degli scritti di Marx e di Engels in Italia dal 1871—1892.*— «Società», 1951, N 7.

³⁶ *Ragionieri E. Il marxismo e l'Internazionale.* Roma, 1968, p. 38—40.

³⁷ *Ragionieri E. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani (1875—1895).* Milano, 1961.

течения развивались параллельно, даже обособленно друг от друга. И все же они не только соприкасались, но в той или иной форме взаимодействовали, подстегиваемые стихийным выступлением масс, и тем самым обуславливали общее продвижение вперед³⁸. Важное значение имело зарождение двух новых организаций: Революционно-социалистической партии Романьи (позднее именовавшейся итальянской) и образовавшейся вслед за тем Итальянской рабочей партии³⁹.

Распространив вскоре свое влияние за пределы Романьи и Ломбардии, где они первоначально действовали, эти вновь созданные организации стали отныне основными центрами рабочего движения, по-разному и в разной степени способствовавшими созданию единой политической партии пролетариата. Предварительным условием решения этой первостепенной задачи был окончательный разрыв с бакунизмом. По-разному это условие было выполнено Революционно-социалистической и Рабочей партиями, из которых каждая олицетворяла лишь определенную, притом однозначно, примитивно усвоенную и выраженную тенденцию революционного процесса: если Итальянская революционно-социалистическая партия выражала преимущественно политическую тенденцию движения, провозглашая в основном в декларативной форме его социалистический характер и цели, то в идейной платформе Рабочей партии преобладал сектантский «экономизм», т. е. признание всеобъемлющего значения «классового сопротивления», ограниченного рамками экономической борьбы, в то время как борьба политическая представлялась ее сторонникам лишь как «второстепенное, вспомогательное средство освобождения трудящихся».

Разумеется, сказанным не исчерпывается сущность идейных посылок этих партий, внесших позитивный вклад в становление рабочего движения, но в то же время немало осложнивших этот процесс.

Порывая с недавним прошлым, Итальянская революционно-социалистическая партия признавала правомерность, более того, необходимость использования средств политической, в частности парламентской, борьбы. Ее лидер Андреа Коста стал в

³⁸ Интересные соображения о взаимодействии массового, в том числе крестьянского, движения и политических организаций рабочего класса высказывает Г. Манакорда. См. *Manacorda G. Formazione e primo sviluppo del Partito Socialista in Italia.*— In: *Movimento operaio e socialista. Bilancio steno-grafico e problemi storici.* Milano, 1965.

³⁹ Революционно-социалистическая партия Романьи была основана в городе Римини в 1881 г. при решающем участии бывшего ближайшего сподвижника Бакунина А. Косты, теперь решительно пересмотревшего прежние взгляды. Итальянская рабочая партия, возникавшая в 1882 г. в Милане, окончательно оформила свою идейно-политическую платформу три года спустя; основателем ее наряду с рабочим-перчаточником Дж. Кроче был К. Ладзари, чье имя вплоть до 20-х годов нашего века неразрывно связано с итальянским социалистическим движением.

1882 г. первым социалистом, избранным в итальянский парламент. В избирательной кампании с независимой платформой участвовала и только что созданная Рабочая партия.

Итальянская революционно-социалистическая партия считала целесообразным заключение тактических соглашений с буржуазными демократами и республиканцами, а также участие в общей борьбе за реформы; заслугой ее было выдвижение, в противовес анархизму, революционной перспективы завоевания государственной власти, т. е. установления «временной диктатуры трудящихся классов» (чем она приближалась к признанию диктатуры пролетариата). Наконец, впервые в итальянском рабочем движении ею был поставлен вопрос о неотложном создании единой, независимой политической партии рабочего класса. Однако все эти принципиально важные положения обесценивались отсутствием конкретной программы революционного действия, а главное, тем, что выдвигавшая их партия, опираясь на неустойчивые, преимущественно мелкобуржуазные социальные слои, не обладала сколько-нибудь широкими связями с рабочим классом, слабо откликалась на его непосредственные нужды, на трудную его борьбу за человеческие условия труда и существования. Следовательно, будучи лишены решающего источника силы, изложенные выше программные положения превращались в отвлеченные, в лучшем случае умозрительно-агитационные формулы. Таковым был и настойчиво выдвигавшийся Костой призыв в слиянии в «единый поток» различных течений рабочего движения. К тому же единство разнородных течений предполагало, согласно концепции Косты, терпимое отношение к их идейным установкам. Оно должно было заведомо зиждиться на эклектичной и потому шаткой идейной и организационной основе.

Иными были позитивные элементы и существенные изъяны в воззрениях и практике Итальянской рабочей партии. Организически связанная с рабочим классом, она поддерживала, защищала, подчас возглавляла его экономические бои, ибо в забастовке видела наиболее эффективное средство сопротивления капиталистической эксплуатации. Это позволяло Рабочей партии по мере роста ее влияния закреплять в рабочем движении стремление к организованному действию, пробуждать в нем сознание классовой независимости, содействуя тем самым его размежеванию с буржуазной демократией. Однако то, что представлялось сильной стороной Рабочей партии, превращалось ввиду примитивности, узости ее идейных представлений в свою противоположность: признанию всеобъемлющего значения «классового сопротивления капиталу», т. е. экономической борьбы пролетариата, сопутствовала недооценка борьбы политической, не говоря уже о крайне общем программном определении конечных целей движения («освобождение от капиталистического рабства»). Наконец, признание главенствующей роли пролетарских

масс, составлявших решающую силу движения, обращивалось опасным сектантством, отрывом рабочего класса от его естественных союзников.

Выражая в элементарной экстремистской форме классовый протест против буржуазной политики («адвокатской болтовни») и преобладания в рабочем движении непролетарских элементов, Рабочая партия (партия «мозолистых рук») не допускала в свои ряды интеллигенцию, а также ремесленников, крестьян-собственников, которые представлялись ей «чуждыми» рабочему классу слоями. Ее членами могли стать только «истинные пролетарии»; отсюда и присвоенное ей определение «операистской» партии⁴⁰. Созвучными этой концепции были и ее организационные принципы, предполагавшие скорее тред-юнионистскую структуру: соединение рабочих организаций цехового, профессионального типа.

«Классовая непримиримость» Рабочей партии, обостренная объективной необходимостью противодействовать стремлению буржуазно-радикальной партии (особенно активной в Милане) подчинить рабочие организации своей опеке, выражалась в оговоренном самим уставом категорическом отказе от каких-либо отношений с какой бы то ни было политической партией; следовательно, рабочее движение обрекалось на политическую изоляцию.

Таким образом, возводя в принцип то, что было болезнью роста рабочего движения, сторонники Рабочей партии не скрывали своего пренебрежения к теории, недооценивали значения политической пропаганды и парламентской борьбы, а поэтому весьма критически относились к «теоретическим увлечениям», политической деятельности «революционных социалистов».

Сближение столь различных позиций, а тем более объединение двух основных течений рабочего движения представлялось до поры до времени трудно осуществимым. Образовался снова тупик, из которого рабочее движение могло выбраться, только поднявшись на более высокую ступень идейного и организационного развития. Итак, уже в ту пору перед итальянским рабочим движением возникали теоретические и практические проблемы, которые еще долго будут волновать умы (ибо до поры до времени найдут половинчатое решение или останутся не решенными): каково взаимодействие экономических и политических форм борьбы, какова связь между демократией и социализмом. А главное, еще настоятельнее и острее становилась потребность в создании политической партии, не замыкающейся в узкосектантских рамках, способной объединить разрозненные революционные силы и содействовать слиянию рабочего движения с передовой социалистической теорией.

⁴⁰ «Операизм» (от итальянского *operaio* — рабочий) — сектантская тенденция, выражавшаяся в узкоцеховом понимании интересов и задач рабочего класса.

Решение этой задачи — в сообразных тому времени пределах — было ускорено глубокими процессами, происходившими в социально-экономической и политической жизни страны. Но и процесс развития самого рабочего движения был теперь уже необратим: к 80-м годам рабочий класс обрел уже известный опыт, завоевал пусть недостаточно прочные, но все же немаловажные позиции. С этого времени классовые бои стали принимать более организованные формы, кривая забастовочного движения неуклонно пошла вверх. Если в 70-х годах произошло 553 забастовки, в следующее десятилетие число забастовок возросло до 865, а в 90-х годах, по неполным данным, — до 1821⁴¹. Непосредственными требованиями забастовщиков были сокращение изнурительного рабочего дня, повышение заработной платы, нередко стачки вспыхивали в знак протеста против снижения и без того мизерного ее уровня. Знаменательно, что больше половины забастовок носило в 80-х годах наступательный характер и заканчивалось полной или частичной победой бастующих. Некоторые забастовки, в особенности во второе пятилетие, приобрели широкий размах: в них участвовало от двух до десяти тысяч рабочих и длились они от 20 дней до трех месяцев⁴². Трудно было бы, однако, дать верное представление о сущности и значимости происходивших в те годы классовых боев без учета той роли, которую в развитии революционного движения играли крестьянские и особенно батрацкие массы. Традиционные формы и методы «крестьянской войны» сопутствовали (и еще долго будут сопутствовать) движению сельских (впрочем, нередко и городских) пролетарских масс. Таков был, к примеру, характер волнений, разгоревшихся в 1883 г. в сицилийской провинции Катании, где доведенные до отчаяния батраки разгромили помещичьи усадьбы и расправились с самими землевладельцами; ярко выраженный бунтарский характер носили в 1889 г. в Фаэнце, Ферраре и Парме выступления батраков, требовавших «хлеба и работы»⁴³. Однако новое уже неодолимо определяло будущее развитие борьбы: в жизнь деревни прочно вошла забастовка. Если первые сельские стачки в 1871—1875 гг. носили локальный характер (например, стачки сельскохозяйственных рабочих в Ломбардии), то уже в 80-х годах забастовочное движение, опираясь на вновь созданные организации сельского пролетариата, развернулось во многих областях страны, усилившись в последующее десятилетие. По далеко не полным статистическим данным, в 1881—1890 гг. на селе имела место 121 забастовка, в которой участвовало 22 тыс. человек, а в следующем десятилетии, невзирая на жестокие репрессии, число стачек возросло до 152 и участвовало в них

⁴¹ *Statistica degli scioperi...*, p. 24; 30—31.

⁴² *Ibidem*.

⁴³ *Zangheri R. Op. cit.*, p. XXXI; *Серени Э. Указ. соч.*, с. 353.

72 тыс. человек⁴⁴. Стаечная борьба сельских масс разгорелась в 1884—1885 гг. во многих районах Северной и Центральной Италии — в провинциях Ровиго и Феррары, в деревнях Романьи. Эпицентром борьбы стала Мантуанская провинция, где существовали крепкие организации сельскохозяйственных рабочих. Сила, размах развернувшихся здесь боев поразили страну. Выразительная деталь: в деревнях, охваченных забастовками, раздавался один и тот же подсказанный отчаянием и гневом клич «La boje», клич, подобный французскому «Ça ira», указывал современник, и означал он, по-видимому, одно: «Пора положить всему этому конец»⁴⁵. Борьба была трудной и неравной. Мантуанская стачка была подавлена беспощадными полицейскими репрессиями. Крестьянские организации, причастные к движению, были распущены как «преступные сообщества»; 200 батраков подверглись аресту. Однако год спустя, весной 1886 г., громкий процесс над организаторами и участниками забастовки, взволновавший общественное мнение, закончился неожиданным оправданием арестованных. Борьба, следовательно, не прошла бесследно. К тому же новые забастовки батраков развернулись в провинциях Кремоны и Милана, а затем в Эмилии, ставшей центром стачечного движения. В том же 1886 г. забастовали сборщики риса провинции Болоньи, не раз и в последовавшие за тем годы поднимавшиеся на решительную борьбу.

Тяга народных масс к более высоким формам классового протеста и в связи с этим к объединению сил привела в те годы к организационному сплочению трудящихся, что и стимулировало развитие забастовочной борьбы, создание новых союзов, лиг сопротивления, боевых центров, как политического, так и профсоюзного типа, причем в отличие от многих других стран они возникали одновременно как в городе, так и в деревне⁴⁶. К середине 80-х годов — началу 90-х годов относится, в частности, создание первых сравнительно крупных профессионально-отраслевых организаций городского и сельского пролетариата — Федерации строительных рабочих и Федерации рабочих полиграфической промышленности, возникших в 1886 г. и в 1893 г. (в полиграфической промышленности до этого существ-

⁴⁴ Statistica degli scioperi..., p. 6—7; Zangheri R. Op. cit., p. XXX; Серени Э. Указ. соч., с. 347.

⁴⁵ Rigola R. Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947, p. 87. «La boje» дословно означает «закипело» («дошло до точки кипения»).

⁴⁶ Р. Цангери (в предисловии к сборнику документов: Lotte agrarie in Italia, p. IX) ссылается на любопытное заявление А. Кабрини (видного профсоюзного и политического деятеля), присутствовавшего на съезде германских профсоюзов в Штутгарте в 1902 г., где было отмечено отсутствие каких-либо форм организации сельскохозяйственных рабочих в немецкой деревне. «Когда кончилось заседание, — рассказывал Кабрини, — меня обступили Gelpossen, бомбардировавшие меня вопросами: «А в Италии, как же это вам удалось с крестьянами? Их действительно 250 тысяч?»» (имелась в виду численность организованных крестьян, батраков, исполщиков, а также мелких собственников).

вовали разного вида ассоциации рабочих-типографов). Позже образовалась Федерация пекарей и сравнительно более современная по своей структуре Федерация железнодорожников. Попытки же организационного объединения сельскохозяйственного пролетариата были предприняты раньше других мест в Мантуанской провинции, где руководившие забастовками, о которых шла речь выше, крестьянские организации (Общество взаимопомощи крестьян провинции Мантуи и Всеобщее товарищество итальянских трудящихся) образовались в 1882 г.; еще до этого, в 1876 г., возникла Ассоциация мантуанских трудящихся города и деревни, распущенная властями год спустя⁴⁷.

Другой рано укоренившейся формой организации были кооперативы (производственные, потребительские, кредитные), объединявшие рабочих и ремесленников; в 1886 г. их насчитывалось 250 и участвовало в них 70 тыс. тружеников городов. Кооперативное движение пустило корни и в деревне, оно охватывало уже ряд провинций, в том числе Равенны, Феррары, Мантуи, объединяя в 1887 г. свыше 15 тыс. человек, а в 1894 г. уже существовало 380 производственных кооперативов батраков⁴⁸. Формировался сельскохозяйственный рабочий нового типа, который — по свидетельству современника — столь распространенному в деревнях «фатализму, уповавшему на чудо, противопоставлял теперь одну лишь веру в собственные, объединенные силы»⁴⁹.

К этому же периоду относится и возникновение палат труда, этой своеобразной формы организации итальянских трудящихся. Первая Палата труда образовалась в Милане в 1891 г., спустя два года их насчитывалось уже 12 и около 20 в 1897 году⁵⁰. Представляя собой территориальное объединение всех трудящихся определенного города или сельской местности независимо от профессиональной или политической их принадлежности, палаты труда выражали не узкокорпоративные, а более широкие интересы. Они отражали тем самым, как отмечал Антонио Лабриола, «особую, специфическую черту (элемент) итальянского рабочего движения»⁵¹.

Неоднородность структуры рабочего класса, сравнительная отсталость общего экономического и политического строя страны, курс правящих кругов в национально-своеобразных формах предопределяли неразрывность непосредственно классовых задач

⁴⁷ *Zangheri R.* Op. cit., P. XXI; *Канделоро Дж.* Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, с. 18—20.

⁴⁸ *Valiani L.* L'Italia dal 1876 al 1915.— In: *Storia d'Italia*, v. IV. Diretta da N. Valeri. Torino, 1960, p. 478.

⁴⁹ *Romei R.* L'organizzazione proletaria campagnola. S. Benedetto Po, 1900, p. 102—103.

⁵⁰ См. V Congresso delle Camere del Lavoro. Il Convegno della Resistenza. Milano, 1904, fasc. 1, p. 80.

⁵¹ *Labriola A.* Democrazia e socialismo in Italia. Milano, 1954, p. 103—104.

и задач политического, демократического характера. Явственно обозначившись в последнее десятилетие века (о чем речь пойдет впереди), эта особенность итальянского рабочего движения сказывалась на всем протяжении развития классовой и политической борьбы в стране. И хотя палаты труда провозглашали «аполитичность», порождались они именно потребностью и обязанностью рабочего класса придать своей борьбе вполне определенный общенародный политический характер, возрождая вековую традицию итальянских городов⁵².

Эта потребность и обязанность становились сильнее по мере того, как политика врывалась в жизнь масс, захватывала их в водоворот стремительно развивавшихся событий, ускоряя процесс их политизации. Во второй половине 80-х годов к экономическим бедствиям, вызванным аграрным кризисом, а затем и начавшимся промышленным спадом, прибавились первые пагубные последствия новой внешнеполитической ориентации правящих кругов, положившей начало экспансионистским колониальным авантюрам в Африке. К этому же времени определился поворот правящих кругов к репрессивному курсу внутри страны, отражавшему страх власть имущих перед пробуждением масс, перед новой социальной силой, заявившей о себе на арене классово-борьбы.

Снова под угрозой оказались завоеванные столь трудной борьбой элементарные демократические права и свободы. С особой силой и чаще прежнего обрушивались на рабочее движение полицейские репрессии, разгонялись демонстрации, подавлялись боевые выступления рабочих, безработных, бастующих батраков.

Удар был нанесен и свободе союзов: в 1886 г. (при последнем кабинете Депретиса) полицейской акцией и декретом префекта была распущена Рабочая партия, арестованы ее лидеры, запрещена газета. После подавления Мантуанской стачки вооруженными силами была разогнана в Риме трехтысячная демонстрация рабочих-строителей.

Итак, наступило время, когда подспудно нараставшая реакционная тенденция стала все явственнее проявляться в системе и методах управления страной. Рамки политических столкновений расширялись; однако, как не раз бывало в истории, наступление против революционных сил, означавшее сужение и без того ограниченных свобод, не замедлило вызвать противодействие. Вопреки возникшим, казалось бы неодолимым, преградам наметился новый существенный сдвиг в поступательном развитии рабочего движения: произошло сближение уже существовавших политических организаций и создание (как мы видели на примере палат труда) новых форм объединения трудящихся. Наконец,

⁵² Интересные соображения и фактические данные на этот счет приводятся в работе: *Procacci G. La lotta di classe...*, p. 53—66; *idem. Antonio Labriola primo marxista italiano.*— «*Rinascita*», 1963, N 3.

тельно, внешние импульсы, действовавшие словно катализатор на процессы, назревавшие в самом итальянском рабочем движении. Такое воздействие сказывалось на идейном и организационном развитии социалистического движения и позднее. Однако последствия его не были однозначными: привнесенные «извне» передовые идеи и передовой опыт наталкивались на объективные и субъективные преграды — незрелость исторических условий и субъективную неподготовленность самого рабочего движения и его лидеров к восприятию этих идей, а потому и опыта. Так, перенесенная на итальянскую почву, где в сфере философии господствовал позитивизм, марксистская теория получала упрощенное, более того, нередко искаженное преломление, сводилась к примитивному «экономическому материализму». Такое восприятие (впрочем, характерное не для одного только итальянского социалистического движения) еще долго будет определять его идейный уровень. Что же касается влияния германской социал-демократии, то, учась у нее, итальянские социалисты подчас слепо копировали ее опыт, стремились подражать ей, не будучи в состоянии ни понять ограниченность этого опыта, ни применить его с учетом конкретных национальных особенностей и традиций⁶¹.

В какой мере научный социализм, а также опыт немецкой социал-демократии определили идеологическую и политическую платформу итальянского социалистического движения, свидетельствовали направление журнала «Критика социале», в своей пропаганде марксизма не свободного от весьма существенных изъянов, а также программные документы социалистов, в особенности же составленная Турати и Кулишевой программа Миланской социалистической лиги⁶². Этот документ, по замыслу его авторов, должен был явиться теоретической основой итальянского социалистического движения. Особый интерес привлекают поэтому содержащиеся в нем основные принципиальные положения. Бесспорно, программа Миланской социалистической лиги обладала рядом достоинств, ибо наносила решительный удар анархизму и «операнizmu» и в то же время утверждала самостоятельность рабочего движения от буржуазной демократии. Впервые в итальянском теоретическом документе социализм рассматривался как объективный результат, как закономерная фаза исторического развития, во имя наступления которой поднимались на борьбу пролетарские массы. В ней признавалось (не без «оперантской» переоценки) значение повседневной эко-

⁶¹ Следует отметить, что несколько лет спустя Антонио Лабриола почти одновременно с Лениным (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 214—220) выступал против примитивного, догматического подражания опыту германской социал-демократии, по существу высоко оцененному: «...Мне никогда не приходило в голову, — писал Лабриола в 1897 г., — что подражание может освободить кого-либо от необходимости действовать самостоятельно...» (*Labriola A. Discorrendo di socialismo e filosofia.* Bari, 1947, p. 53—54).

⁶² «*Critica Sociale*», 1891, aprile.

номической борьбы, но вместе с тем подчеркивалась связь последней с конечными целями борьбы пролетариата. Следовательно, перед рабочим классом надлежало раскрыть эту дальнюю революционную перспективу, привить ему социалистическое сознание; эту задачу и предстояло выполнить партии, ибо именно она — по словам программы — должна быть «верным выразителем интересов и сознательным авангардом движения борющегося пролетариата»⁶³.

Не случайно, однако, в Миланской программе, составленной уже после обнародования Марксовой «Критики Готской программы», не нашли отражения содержащиеся в этом документе весьма важные принципиальные положения, хотя его публикация Энгельсом и последовавшая затем дискуссия в германской социал-демократии вызвали в Италии широкий резонанс. Они привлекли внимание не одних социалистических кругов. «Невежественно, грубо, непозволительным образом» (такова была оценка Лабриолы)⁶⁴ откликнулись на «Критику Готской программы» в консервативной печати, пришедшей в восторг от наличия разногласий в рядах социал-демократии. Почтительно и, разумеется, весьма сочувственно отнеслись к ней в кругу ведущих социалистических деятелей, не обнаруживших все же понимания живой, творческой сущности Марксовой критики.

Попытку развернуть на страницах первых же номеров «Критика социале» обсуждение Марксовой «Критики Готской программы» предприняли Турати и Кулишева, дабы отразить вражеские нападки и разъяснить читателям значение опубликованного документа. В какой мере это им удалось, можно судить по напечатанной в журнале статье экономиста и социолога Акилле Лориа⁶⁵ (псевдомарксиста и в то же время «критика» и фальсификатора марксизма), столь же теоретически несостоятельной, сколь и покровительственно-претенциозной. И даже собственные комментарии Турати отнюдь не свидетельствовали о том, что автору удалось уловить подлинное значение обсуждавшихся проблем, ибо он относил Марксову критику к уже пройденному этапу и в силу этого полагал, что к современным программам замечания Маркса не применимы⁶⁶.

Сравнительно более зрелой была реакция Турати, когда спустя несколько месяцев в Германии был напечатан проект новой социал-демократической программы, предназначавшийся для Эрфуртского съезда. Опубликовав его в «Критика социале»,

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Labriola A. Lettere a Engels. Roma, 1949, p. 9.

⁶⁵ В адресованном Энгельсу письме Лабриола, упомянув о статье Лориа, иронически отзывался о его способности играть одновременно разные роли в комедии: то антисоциалиста в академических изданиях, то марксиста в политической полемике, а затем, добавлял он, определенная печать воздает ему хвалу за то, что он отразил «софизмы» Маркса (Labriola A. Lettere a Engels, p. 9).

⁶⁶ «Critica Sociale», 1891, gennaio.

Турати и Кулишева отметили превосходство проекта новой программы, в которой «Маркс решительным образом одолел Лассалю»⁶⁷. Это было важное признание; однако, принципиальные критические положения Марксовой «Критики Готской программы» были вновь ими не поняты (впрочем и Эрфуртская программа, как известно, не во всем соответствовала марксистским требованиям: Энгельс, в целом одобрявший ее проект, подверг критике ряд содержащихся в нем положений, тем не менее сохранных и в ее окончательном тексте)⁶⁸.

Итак, в Миланской программе не нашли отражение положения, теоретически обогащавшие международное революционное движение: о путях и формах борьбы за социалистическую революцию, о переходном периоде от капитализма к коммунизму, о диктатуре пролетариата. В документе, который призван был стать «теоретической основой» социалистической партии, отсутствовали признание роли классовой борьбы, а также тезис о пролетарском интернационализме. Были обойдены и положения, имевшие весьма важное, актуальное значение для рабочего движения таких стран, как Италия, где вследствие незавершенности буржуазно-демократической революции на очереди дня стояли задачи демократического преобразования общественного строя и в соответствии с конкретными историческими условиями следовало решать проблему соотношения демократия — социализм.

В этой связи трудно объяснить то обстоятельство, что в тексте Миланской программы игнорировалась критика Марксом лассалевских утверждений, будто по отношению к рабочему классу «все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу», ибо такой глубоко ошибочной установкой, заведомо ограничивавшей сферу революционного действия, рабочий класс отрывался от естественных союзников, прежде всего от крестьянства. В Миланской программе была обойдена острейшая для Италии аграрная проблема: помещичий класс не упоминался вовсе, а о крестьянах говорилось лишь в весьма общей, туманной форме: они включались в понятие «четвертого сословия», а термины — «эксплуатируемые трудящиеся», «работающие по найму», подразумевавшие преимущественно городской пролетариат, могли реально относиться к одним лишь батракам.

Если первое «упущение» (неупоминание о классовой борьбе и диктатуре пролетариата) было, по-видимому, подсказано тактическими соображениями: как бы «не спугнуть» буржуазных демократов — радикалов, республиканцев, — то поистине парадоксальным было игнорирование крестьянского вопроса в стране, где экономическая отсталость, на которую сетовали социалисты и, разумеется, сам Турати, являлась в значительной мере результатом сохранения полуфеодалных аграрных отношений

⁶⁷ «Critica Sociale», 1891, agosto.

⁶⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 227—243; т. 38, с. 132—134.

и где крестьянский вопрос с его «южным» аспектом стал предметом внимания общественных и даже консервативных кругов. Это представлялось парадоксальным и потому, что стихийное соединение борьбы рабочих и крестьянских масс уже в ту пору становилось особенностью развития итальянского революционного движения. Тем не менее игнорирование крестьянского вопроса было фактом, и оно — увы — стало затем традиционным для руководства социалистической партии, возрождая в новых исторических условиях слабость, присущую итальянской демократии времен Рисорджименто.

Правда, если отвлечься от текста программы, то нетрудно заметить, что в публицистике, да и в тактической линии того же Турати и его единомышленников один аспект только что затронутой проблемы находил несколько иное решение, нежели в раскритикованной Марксом лассальянской формуле. Речь идет об отношении к городской мелкой буржуазии и даже буржуазным слоям, которые на политической арене были представлены радикальным и республиканским течениями. Вопрос об отношении к этим социальным и политическим силам, возникший уже в ту пору, не раз вставал перед итальянскими социалистами и позднее, и не раз в последнее десятилетие века их позиция претерпевала известные изменения. В канун образования партии эта позиция была двойственной, противоречивой: с одной стороны, Турати, а с ним и Кулишева добивались политического размежевания с буржуазным радикализмом, а в рядах рабочего движения с мелкобуржуазными течениями экономистско-операйстского и прежде всего анархистского толка, с другой же — в практической деятельности по организации будущей общенациональной партии они боялись оттолкнуть эти слои и течения и потому, противясь компромиссам, проявляли стремление «вобрать все и принять всех», «охватить все и удовлетворить всех», как (не без полемического преувеличения) осуждающе констатировал Лабриола в письмах Энгельсу⁶⁹. В определении этой позиции известную роль сыграли особенности идейного формирования самого Турати: придя к социализму из буржуазно-демократического лагеря, он полагал, что при определенном идейном воздействии ту же эволюцию смогут совершить и другие сторонники его прежних взглядов. Но, несомненно, большую роль играла необходимость противопоставить воинствующему сектантству анархистов и «операйстов» «разумные, реалистичные» установки, исходившие из признания значимости демократических прав и свобод для «облегчения участи и организации угнетенных», а следовательно, и признания целесообразности широкого объединения сил.

Нарастание реакционных тенденций в политике правящих классов лишь усиливало это убеждение. Показательна в этой

⁶⁹ *Labriola A. Lettere a Engels*, p. 65, 70.

связи передовая статья «Критика социале», в которой в самый канун учредительного съезда партии Турати, указывая, что антагонизм, разделяющий итальянский рабочий класс с классом буржуазии, «превращается в невежественных умах в своего рода иррациональное, инстинктивное недоверие ко всему, что исходит от буржуазии, даже когда речь идет о силах, по-настоящему противящихся буржуазному господству», писал далее: «Отсюда тенденция отбрасывать мощное оружие избирательной борьбы, считая его действие преходящим и развращающим... отсюда систематическая незаинтересованность в политическом действии..., априорное недоверие к тем непосредственным завоеваниям, которые упорными усилиями организованный пролетариат сможет вырвать у господствующих классов, чтобы, пользуясь ими, стать сильнее и обратить их против тех же господствующих классов»⁷⁰. С этими соображениями была связана и сложившаяся у Турати концепция партии, представлявшей ему непременно массовой партией, ибо только в таком случае она могла, по его мнению, избежать изоляции и добиться успеха в сложной итальянской обстановке. Забывал, однако, Турати о главном: существовали ли тогда объективные и субъективные посылки, дабы партия (к тому же массовая) могла действительно добиться успеха?!

Таковы были различные аспекты одной и той же проблемы, а именно, в какой мере подлинная сущность научного социализма стала или, вернее, не стала достоянием наиболее авторитетных лидеров итальянских социалистов. Не случайно поэтому начавшееся было к концу 1890 г. сотрудничество между Турати и Лабриолой вскоре оборвалось, а в их «любопытной частной эпистолярной полемике»⁷¹, длившейся около двух лет, почти до самого съезда, со стороны Лабриолы стали звучать все более резкие ноты⁷².

Разногласия между ними были очень глубокими, непримиримыми. Они касались коренных вопросов теории и политической стратегии. Если, как справедливо отмечает итальянский философ-марксист В. Джерратана, оба—и Турати, и Лабриола—стремились к созданию социалистической партии, выражавшей политическую независимость, самостоятельность рабочего класса, то расхождение между ними начиналось (но не кончалось) там, где речь шла об оценке политических средств, которые следовало применять для преодоления препятствий, возникавших на этом пути вследствие социально-экономической отсталости

⁷⁰ «Critica Sociale», 1892, agosto.

⁷¹ Labriola A. Lettere a Engels, p. 65.

⁷² Критика Лабриолы исходила из принципиальных соображений и отнюдь не являлась проявлением его «желчного злословия», как вслед за Турати ее подчас оценивают отдельные историки. См. Arfé G. Storia del socialismo italiano, p. 9—10.

итальянского общества⁷³. В отличие от Турати для Лабриолы решающим было внесение в рабочее движение подлинно научного социалистического сознания, теоретическая четкость, последовательность избранной политической линии, поэтому и партия не должна была быть ни социально неоднородной, ни тем более неоднородной теоретически, идейно. Можно «принадлежать и к маленькой партии,—считал Лабриола,—если налицо сознание собственной безусловной правоты»⁷⁴. Но главное разногласие касалось отношения Турати и «миланцев» (сторонников Турати) к буржуазным демократам, ради установления связей, а тем паче сотрудничества с которыми они были готовы на идеологические уступки. Выражая решительное несогласие с этой позицией, Лабриола еще в начале 1891 г. писал Турати: «Вы смотрите на вещи иначе, чем я. Вы хотите вести пропаганду среди буржуа, вы хотите сделать социализм привлекательным, да поможет Вам бог в этом филантропическом начинании»⁷⁵.

Разумеется, напряженная организаторская деятельность по созданию партии, которой посвятили себя Турати и Кулишева, была отнюдь не филантропическим начинанием. Однако несомненно и то, что решение задачи объединения социалистических сил требовало принципиальной ясности установок и отсутствие этой ясности пагубно сказалось на дальнейшем ходе событий. Оно сказалось прежде всего на проекте программы и устава, который предназначался для готовившегося объединительного съезда будущей общенациональной партии. Для разработки проекта была создана специальная комиссия; в нее входили и представители «операстов» (к ним принадлежал сблизившийся с Турати К. Ладзари), и приверженцы буржуазно-демократических взглядов. Характерно, что решающую роль в составлении указанного выше проекта сыграл А. Маффи, в прошлом рабочий, чьи эклектические идейные представления, не подкрепленные сколько-нибудь серьезной теоретической основой, сформировались преимущественно под влиянием буржуазно-демократических «опекунов». Не удивительно поэтому, что программа представляла собой сплав «операистских» и расплывчатых буржуазно-демократических формул, а устав был в основном воспроизведением сектантского устава Рабочей партии. В то же время не может не удивить, что вплоть до кануна съезда Турати и Кулишева не принимали участия в определении содержания столь важных документов.

Лишь после опубликования проекта программы и устава на страницах вновь созданной газеты «Лотта ди классе»⁷⁶ (редакто-

⁷³ *Gerratana V.* Introduzione.— In: *Labriola A.* Scritti politici, p. 72.

⁷⁴ Filippo Turati attraverso le lettere dei corrispondenti (1880—1925). A cura di Alessandro Schiavi, p. 84—85.

⁷⁵ Ibid., p. 79.

⁷⁶ «Лотта ди классе», 30—31.VII 1892. См. также *Cortesi L.* La costituzione del partito socialista italiano, p. 256—260.

рами которой они фактически являлись) Турати и Кулишева отошли от прежней пассивной позиции. В следующих номерах газеты появились посвященные опубликованным документам критические статьи, принадлежавшие перу Турати—Кулишевой. Статьи эти опирались на серьезную аргументацию, свидетельствовавшую об углубившемся понимании их авторами стоявших перед рабочим движением политических задач⁷⁷. Бесспорно, однако, что поворот Турати и Кулишевой и использованная ими в «Лотта ди класе» критическая аргументация были сознательной позитивной реакцией на беспощадную критику, которой подверг представленные комиссией документы Антонио Лабриола. Возмущенный их содержанием, их «третьесортным тред-юнионистским духом и бескровным анархизмом», он вступил в резкую эпистолярную полемику с Турати, обнаружившую всю остроту их разногласий. Лабриола решительно атаковал «поспешбилизм» Турати, отвергал доводы его и «миланцев» (организаторов съезда), утверждавших, как писал Лабриола Энгельсу, что составление «четкой программы — дело невозможное, ибо следует умело лавировать среди анархистов, социалистов и «чистокровных» рабочих (т. е. «операистов». — К. М.), и что итальянские рабочие не созрели еще для политической деятельности»⁷⁸. Не веря при такого рода идейных послылках в возможность создания социалистической партии, Лабриола отказался участвовать в работе съезда.

Со своей стороны Турати и Кулишева, как нередко и до этого, вняв критике Лабриолы, внесли существенные коррективы в идейно-политическую направленность подготовки съезда. Непростая тема взаимоотношений Турати—Лабриола раскрывается и на этом переломном этапе. В предсъездовские дни выявились не только идейное превосходство Лабриолы, но и стимулирующая роль его мысли, его пусть косвенное, но бесспорное влияние на развитие итальянского революционного процесса. В то же время выявилась и способность Турати и Кулишевой осознать значимость преподанных им Лабриолой уроков и перенести их в сферу конкретного политического действия.

Начатое ими в предсъездовские дни на страницах «Лотта ди класе» идейное наступление было продолжено на самом съезде. Не случайно программные документы будущей партии оказались в центре страстных дебатов, развернувшихся 14—15 августа 1892 г. на учредительном съезде в Генуе⁷⁹. Съезд, носивший подлинно общенациональный характер, собрал делегатов со всех концов Италии — от Ломбардии, являвшейся центром движения, до Сицилии: здесь незадолго до этого, в 1889 г., возникли широ-

⁷⁷ «Lotta di classe», 6—7, 13—14.VIII 1892.

⁷⁸ Labriola A. Lettere a Engels, p. 43, 64—65, 70.

⁷⁹ «Lotta di classe», 20—21.VIII 1892. Опубликованный в газете отчет см. в кн.: Cortesi L. La costituzione del partito socialista italiano, p. 265—276.

кие союзы трудящихся, первые организации социалистического направления,— сицилийские фаши⁸⁰, сыгравшие вскоре значительную роль в революционном движении. На съезде, согласно заранее принятым установкам, вызвавшим гнев Лабриолы, были представлены все существовавшие течения: социалисты Ломбардии, «операисты», «революционные социалисты» Романьи, «социальные демократы» и, наконец, анархисты; были представлены организации как политического, так и профсоюзного и кооперативного типа. При столь разнообразном составе съезда разделявшие рабочее движение разногласия не могли не создать на нем накаленной атмосферы. И хотя поводом к первым бурным инцидентам послужили процедурные вопросы, основным объектом горячих схваток явилась программа партии, точнее, вопрос о признании необходимости политической борьбы и в частности участия в борьбе избирательной. Анархисты, блокировавшиеся с крайними приверженцами «операистского» сектантства, прибегли к методам обструкции, не желая, однако, раскола. Разрыва потребовало и осуществило его подавляющее большинство делегатов съезда, группировавшееся вокруг Турати. Решительную позицию большинства выразил сторонник Турати К. Прампolini, заключивший свою взволнованную речь словами, обращенными к анархистам: «Мы идем противоположными путями... Пойдите же вы своей дорогой, мы пойдем своей...»⁸¹

Собравшись 15 августа отдельно от анархистско-операистского меньшинства, делегаты съезда вернулись (теперь в иных условиях) к обсуждению программы, начавшемуся со вступительного слова Турати; предложенные им поправки коренным образом меняли содержание выработанного комиссией проекта, что вызвало, естественно, возражение А. Маффи и ряда других делегатов, в частности Ладзари, опасавшегося «включения в программу принципов, не понятных еще незрелым массам»⁸². Однако подавляющее большинство делегатов поддержало предложения Турати. Внесенные им поправки предполагали исключение из программы теоретически и политически наиболее слабых положений и включение в нее других, придававших ей определенно социалистический характер. Так, одна из одобренных съездом поправок гласила: «...трудящиеся смогут осуществить свое освобождение лишь через *обобществление* средств труда (земля, шахты, фабрики, средства транспорта и т. д.) и овладение *управлением* производства...» Еще важнее был другой внесенный в программу пункт, по которому к достижению выше определенной цели ведет лишь «действие организованного в *классовую партию* пролетариата», осуществляющееся в двух

⁸⁰ «Фаши деи лаворатори» («Fasci dei lavoratori»).— Союзы городских и сельских тружеников, включавшие и крестьян-собственников.

⁸¹ Cortesi L. Op. cit., p. 133.

⁸² Ibid., p. 272.

направлениях: борьба за «немедленное улучшение условий существования рабочего (продолжительность рабочего дня, заработная плата, производственные нормы и т. д.)» и *самая широкая борьба, направленная к завоеванию политической и административной власти*, дабы «превратить ее из орудия угнетения и эксплуатации рабочего класса в орудие экономической и политической экспроприации господствующего класса»⁸³.

Принятая съездом программа, воспроизводившая в сжатой форме положения Миланской и отчасти Эрфуртской, не была, однако, свободна от серьезных изъянов. В ней сохранилось влияние как отвлеченно-демократических, так и узкокорпоративных установок, унаследованных от Рабочей партии. Подобно прежним документам, программа игнорировала понятие «классовая борьба», в ней не были определены пути и формы завоевания политической власти, не признавалась необходимость установления диктатуры пролетариата. По-прежнему была обойдена аграрно-крестьянская проблема, которая нашла отражение лишь в приложенной к документам съезда резолюции, выдвигавшей задачу создания кооперативов сельских тружеников и лиг сопротивления исполщиков и колонов⁸⁴. Об идейных уступках сторонникам радикально-демократических и «операистских» взглядов свидетельствовало и принятое съездом название партии (из которого не случайно было исключено определение «социалистическая»); оно гласило: Партия итальянских трудящихся. Об идейных уступках, в данном случае преимущественно «операистам», свидетельствовал в особенности принятый съездом устав, ибо в отличие от программы выработанный комиссией проект не подвергся сколько-нибудь существенным изменениям (причиной чему была и спешка при обсуждении). Организационные принципы партии, закрепленные уставом, были непосредственно заимствованы из устава Рабочей партии.

Неоднородной была структура партии, представлявшей собой федерацию, в которую входили социалистические секции и кружки, сицилийские фаши, лиги сопротивления и кооперативы, общества взаимопомощи и другие виды организаций⁸⁵.

⁸³ Cortesi L. Op. cit., p. 260—261 (Il Programma e lo Statuto del Partito dei Lavoratori italiani approvati nel I Congresso del Partito, tenutosi a Genova nei giorni 14 e 15 agosto 1892).

⁸⁴ Ibid., p. 275.

⁸⁵ Согласно данным Р. Михельса, в 1892 г. социалистическая партия состояла примерно из 200 секций и насчитывала 131 тыс. членов, включая, в частности, не менее 11 тыс. членов Мантуанской сельскохозяйственной федерации. При этом не учитывались «тысячи молодых социалистов», имевших самостоятельные организации. Кроме того, указывал Михельс, было немало рабочих и особенно сельских пролетариев, искренне сочувствовавших социалистической партии, считавших себя социалистами, но по разным причинам не вступивших в ее организации. Следовательно, реальная численность социалистической партии была выше обозначенной в официальной статистике (Michels R. Op. cit., p. 133—136).

Неоднородной была и социальная база социалистической партии: наряду с преобладавшими в ней пролетариями города и деревни она включала исполщиков и крестьян-собственников, в ней была широко представлена мелкая городская буржуазия, в особенности же интеллигенция, которую притягивали социалистические идеи, заполнявшие, как признавал Бенедетто Кроче, образовавшийся «вакуум идей и идеалов»⁸⁶.

Обладая, таким образом, сравнительно широкой, пестрой массовой базой, социалистическая партия отражала разнородные классовые требования и идейные представления, что составляло в одно и то же время ее силу и ее слабость.

Однако же главное было достигнуто: на Генуэзском съезде была создана общенациональная партия пролетариата, вставшая под знамя социализма⁸⁷. Создание ее было положительно оценено Энгельсом. И Лабриола, первоначально отрицательно отнесшийся к возможным результатам Генуэзского съезда, теперь признавал, хотя и не без оговорок, что образование социалистической партии ознаменовало собой начало нового этапа в истории рабочего движения⁸⁸. Свершилось событие, которому предстояло оказать глубокое воздействие на все дальнейшее развитие страны.

⁸⁶ Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915, p. 157.

⁸⁷ Спустя год и в название партии было включено определение «социалистическая».

⁸⁸ Labriola A. Lettere a Engels, p. 76.

НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ. ПЕРВАЯ БИТВА РАБОЧЕГО КЛАССА ЗА ДЕМОКРАТИЮ

В последнее десятилетие века, когда социалистическая партия вступила на арену борьбы, глубокий экономический кризис потряс страну.

Уже первые годы этого десятилетия ознаменовались резким ухудшением экономического положения в стране. Кризис, в течение многих лет подрывавший сельское хозяйство, поразил также решающие отрасли промышленности. Он был осложнен не ослабевавшей таможенной войной с Францией. Тяжкие бедствия обрушились на народные массы: усилилась эксплуатация труда, рабочий день превышал теперь 13—14 часов и на тех предприятиях, где до этого был сравнительно менее продолжительным; сокращению подвергалась и без того нищенская заработная плата при одновременном росте цен и налогов. Массовые масштабы приняло разорение мелких крестьянских хозяйств, пополнялась «резервная армия» пролетариата. Безработица, катастрофически возрастающая, порождала все новые эмиграционные потоки: в последнее десятилетие XIX в. Италию покинули около 3 млн. человек, отправившихся в зарубежные страны в поисках работы¹. От последствий кризиса страдали и широкие слои городской мелкой и средней буржуазии.

Недовольство все более широких социальных слоев, вызванное пагубными последствиями экономического курса правящих «верхов», усугублялось непопулярной в стране воинствующей политикой, проводившейся под сенью Тройственного союза и обрекавшей страну на неисчислимые жертвы. Вслед за первым крупным поражением, понесенным в конце 80-х годов, экспансионистская авантюра в Эфиопии завершилась для итальянской армии катастрофой.

Создалась сложная кризисная ситуация, таившая в себе возможность альтернативных решений острых социальных и политических проблем. Перед различными классами, политическими партиями и течениями по-новому и, естественно, по-разному встала задача определения собственной стратегии и тактики в ходе бурно развивавшихся событий.

Стратегический и тактический выбор правящих кругов определился уже в конце 80-х годов. Если в области внешнеторговой

¹ Fontani A. Gli emigrati. Roma, 1962, tab. I, p. 227.

политики и шире — всей внешнеполитической ориентации — возобладали протекционистские и экспансионистские тенденции, то во внутриполитическом курсе обозначилась резко выраженная тенденция к установлению реакционного режима. Страшась «неуправляемого» рабочего движения и крестьянского «бунта», расширения политических прав и свобод, наконец, одержимые великодержавными устремлениями и планами, правящие круги все решительнее ориентировались на реакционно-диктаторские формы и методы управления страной.

Реакционная тенденция, как уже отмечалось выше, проявилась уже в последний период правления Депретиса; пришедшее в 1887 г. к власти правительство Криспи положило начало откровенно реакционному курсу, который определил политическую форму правления на протяжении последнего десятилетия века. Исключение составил сравнительно краткий период существования министерства Джованни Джолитти, длившийся с мая 1892 по ноябрь 1893 г. Оказавшись у власти впервые, а главное, натолкнувшись на неодолимые трудности, Джолитти смог в ту пору лишь заложить основу будущей прогрессивно-либеральной программы; реальной же оказалась реакционная альтернатива².

Поворот к авторитарному режиму не случайно был осуществлен Криспи, преклонявшимся перед Бисмарком. Расширение прерогатив исполнительной власти в ущерб законодательной, возвышение роли правительства, а в самом правительстве сосредоточение основных рычагов управления в руках премьер-министра — таковы были изменения, которые, придя к власти, Криспи ввел в государственный механизм управления страной. Напомним, что именно он стал также ревностным поборником политики протекционизма и экспансии, которую проводил с немалой энергией.

Курс Криспи, однако, не был проявлением только его собственных политических взглядов и установок, его «сильной и властной натуры». Сменивший его дважды (в 1891 и 1896 гг.) у кормила власти Рудини, а затем в 1898 г. и Пеллу в новых условиях и в иных вариантах проводили все ту же политику «сильной руки». Этой политики добивались классовые силы, игравшие до поры до времени ведущую роль в складывавшемся в ту пору господствующем блоке; то были определенные группы крупной промышленной буржуазии, все теснее связанные с банковским капиталом и осуществлявшие эту роль, опираясь на компромисс с крупными латифундистами Юга³. Близкие к дворцовым и военным кругам, эти силы рассчитывали в политической сфере на

² О первом министерстве Дж. Джолитти см. исследование Г. Манакорды, глубоко раскрывающее эту тему: *Manacorda G. Il primo ministero Giolitti. — «Studi storici», 1961, N 1; 1962, N 1.*

³ *Sereni E. Capitalismo e mercato nazionale. Roma, 1966, p. 267.* В этой работе освещаются непосредственные связи Криспи с судостроительными компаниями, в том числе в его родной Специи, и шире — с предпринимателями зарождавшейся тяжелой индустрии.

поддержку сторонников не только крайне правой, но и более влиятельной консервативно-либеральной ориентации. Оплотом их являлся сенат, игравший реакционно-консервативную роль в общественно-политической жизни страны.

Процессы, определявшие как политический курс правящих кругов, так и развитие общественной жизни страны в целом, включали в себя важный компонент: таковым было воздействие Ватикана, а также католического движения, ставшего в эти годы значительной силой; однако воздействие неединообразное, противоречивое. Что же касается позиции Ватикана в отношении официальной Италии, то она не подвергалась до поры до времени существенным изменениям: «римский вопрос» (т. е. притязания «непримиримых» католиков и самого папы Льва XIII на светскую власть) не был снят, более того, в период правления Криспи разногласия церкви с правящими кругами еще более обострились и перспектива «примирения» сторон представлялась едва ли осуществимой. В то же время реакционный курс «верхов» в сущности подкреплялся политикой католической иерархии, главной целью которой была защита консервативных устоев общественного строя. Обеспокоенная распространением социалистических идей в массах, в особенности же в деревне, являвшейся ее вотчиной, церковь объявила войну социализму.

Антисоциалистическим духом была проникнута провозглашенная в 1891 г. энциклика Льва XIII «Рерум новарум», претендовавшая на противопоставление социализму католической «социальной доктрины». Исходя из консервативных посылок, папа провозглашал в ней незыблемость «естественного права» на частную, в том числе освященную «божьей волей», земельную собственность и неукоснительную обязанность государства обеспечивать «общественный порядок». В то же время он демагогически взывал к «нравственному долгу богатых по отношению к бедным». Столь же демагогически «опекая» людей труда, папа взывал к вмешательству государства, чтобы оно гарантировало рабочим улучшение условий существования и труда, впрочем весьма обще обозначенных (обеспечение «прожиточного минимума», ограничение рабочего дня и предоставление отдыха). Но реальную же значимость имели положения энциклики, в которых поощрялась практическая деятельность католиков в социальной сфере, прежде всего создание широкой сети рабочих обществ в противовес классовым организациям пролетариата.

Энциклика «Рерум новарум» оказалась действенным, стимулирующим фактором: к концу века существовало уже 921 католическое рабочее общество, а в деревне создавались крестьянские кооперативы и кассы взаимопомощи; в 1897 г. насчитывалось 705 касс взаимопомощи.

В то же время энцикликой был дан сильный толчок собственно католическому движению, вернее, новым его течениям, позиции которых подкреплялись ее «социальной» направленно-

стью. И хотя именно в эти годы главенствующее положение занимали «непримиримые» (все усиливавшие свое наступление), процесс обновления католического движения был уже необратим. Одним из главных его ответвлений было течение, возглавлявшееся Дж. Тониоло, еще в 1889 г. создавшим Католический союз по изучению социальных проблем; спустя пять лет этим союзом была принята так называемая Миланская программа, утвержденная затем состоявшимся в Риме католическим съездом; ею было прежде всего определено резко отрицательное отношение католиков к социализму, а решение «социальной проблемы» (судя по содержавшимся в программе положениям) должно было быть достигнуто в результате направляемой церковью патерналистской деятельности имущих классов и «содружества» предпринимателей и рабочих.

Не случайно тогда же в политическую жизнь вошел термин «христианская демократия», а к концу века создались первые христианско-демократические группы и организации; Тониоло разделял идейную платформу этого течения, но его главными вдохновителями и основателями были католики нового молодого поколения, одним из наиболее видных представителей которых был священник Ромоло Мурри. Традиционным отныне компонентом социально-политических движений, носивших массовый народный характер, стало в Италии наряду с социалистическим также и католическое движение⁴.

Итак, положение осложнилось и для правящих кругов. Однако главным объектом предпринятого реакционного наступления было рабочее движение. Наступило время жестоких репрессий: с введением в 1889 г. нового уголовного кодекса властям предоставлялась возможность приравнивать забастовки, в особенности политические, к уголовным действиям, пять лет спустя законом об «общественной безопасности» еще большему ограничению подверглась свобода собраний, жертвами произвола оказывались политические деятели, объявлявшиеся «неблагонадежными». Не раз за эти годы вновь распускались рабочие организации, запрещалась социалистическая партия, арестовывались их лидеры. Посягательства правящих «верхов» на конституционные установления завершились в самом конце века внесением в парламент чрезвычайных законопроектов. В то же время расстрелом в 1890 г. бастующих батрачек в Конселиче (в провинции Равенна), год спустя — первомайской демонстрации в Риме, а в январе 1893 г. — в Калтавутуро (Сицилия) безоружных крестьян, занимавших бывшие общинные земли, которыми незаконно завладела местная буржуазия, были за-

⁴ О католическом движении (которому мы не можем в пределах данной работы уделить специальное внимание) см.: *De Rosa G. Storia del movimento cattolico*. Bari, 1965, и главное, *Candeloro G. Il movimento cattolico in Italia*. Roma, 1953 (русс. перевод: *Канделоро Дж. Католическое движение в Италии*. М., 1955).

креплены методы неприкрытого насилия — кровавые расправы, которыми власть имущие усмиряли поднявшихся на борьбу людей труда (жертвой этих расправ являлись чаще всего крестьяне обездоленного Юга).

Наступление реакции рождало и в эти жестокие годы все более решительное противодействие масс, в первую очередь рабочего класса. Упорная борьба, наполнившая собой последнее десятилетие XIX в., прошла через различные фазы и вылилась в различные формы: крестьянский бунт и массовые забастовки рабочих и батраков, уличные манифестации безработных и массовые выступления протеста против войны в Эфиопии, в периоды же наибольшего накала — народные волнения и революционные бои, обнаружившие всю силу накопившегося отчаяния и возмущения масс и в то же время — достигнутый ими новый, более высокий уровень классовой организации и политического сознания.

Таким периодом явились 1893—1894 гг., когда Сицилия стала ареной стремительно нараставшего движения, во главе которого стояли объединившиеся в Социалистическую федерацию сицилийские фаши. «... Классовая борьба в современном смысле слова развернулась, наконец, и на итальянской авансцене...», — писал в 1894 г. о сицилийском движении Антонио Лабриола⁵. Спустя несколько лет на «итальянской авансцене» развернулись события еще большего масштаба: ареной новой классовой битвы стала теперь вся страна — от Ломбардии до Апулии. Традиционные голодные бунты переросли в уличные столкновения, в баррикадные бои, являвшиеся выражением решительного протеста против полицейских репрессий и кровавых расправ, учиненных вооруженной силой. Борьба против голода сливалась с борьбой против бесправия и насилия.

Затем на самом исходе века центр тяжести борьбы на время переместился в стены парламента, ибо введением чрезвычайных законов правящие круги предприняли в сущности попытку осуществить государственный переворот. Однако сражение было ими проиграно: реакция вынуждена была отступить, в то время как в парламенте и за его пределами возросло влияние социалистической партии, расширился фронт сил, объединившихся для защиты конституционных свобод.

Наконец, эпилогом непрекращавшейся на протяжении «кровавого десятилетия» борьбы против наступления реакции была генуэзская всеобщая забастовка, отвоевавшая право рабочего класса на организацию и, более того, гражданские и политические права народа.

Итак, каковы бы ни были конкретные формы классовой и политической борьбы (к фактическому ходу развития которой мы подробнее вернемся ниже), каков бы ни был их размах, мас-

⁵ *Labriola A. Scritti politici*. Bari, 1970, p. 342.

совое революционное движение тех лет уже несло в себе в зародыше то новое, что отныне отличало поступательное движение истории: непосредственную связь и взаимозависимость борьбы за демократию — социальную и политическую — и борьбы за грядущее социалистическое преобразование общества. Новое содержание исторического процесса обнаружилось явственнее, нежели до этого, в 1893—1894 гг., когда движение сицилийских фаши открыло новую фазу классовой и политической борьбы. Сложившись первоначально в городах, оно превратилось в значительную силу лишь тогда, когда к рабочим стали присоединяться массы сельских труженников, а также городских и сельских мелких собственников. В мае 1893 г. фаши насчитывали уже 90 организаций, в июле число их возросло до 116, а в октябре до 162⁶. Столь быстрое расширение организационной сети фаши объяснялось активной защитой ими интересов широких народных слоев, страдавших от гнета эксплуататоров и правительственной политики. Фаши отстаивали интересы и требования металлистов и машиностроителей Палермо, портовиков Мессины, рабочих серных копей Катании, поднявшихся на упорную, долгую стачечную борьбу. Они выступали в поддержку ремесленников, которым угрожало разорение и безработица. Влияние их особенно возросло, когда, развернув широкую деятельность в деревне, они взяли на себя руководство борьбой наиболее эксплуатируемой части сельских труженников — батраков и испольщиков.

По инициативе фаши в июле 1893 г. состоялся первый съезд сицилийских крестьян, выработавший требования, которые следовало предъявить землевладельцам при заключении новых договоров об испольщине и определении оплаты труда батраков. Отказ земельных собственников от принятия этих требований повлек за собой — как и было решено съездом — объявление всеобщей забастовки. Длительной массовой, самой крупной забастовкой, какую знала сицилийская деревня, удалось не только отразить попытки землевладельцев угрозами и террором подавить движение, но и сломить их сопротивление. Крестьяне, руководимые фаши, одержали крупную победу⁷. Направляющая роль фаши в борьбе крестьянских масс являлась (в особенности на фоне деятельности социалистической партии в общенациональном масштабе) бесспорным достижением сицилийских социалистов; Р. Г. Боско, одному из видных лидеров фаши, принадлежат слова, обращенные к рабочим и студентам Палермо: «...Мы не сумеем победить, если крестьяне, которые в Италии составляют большинство эксплуатируемых, не присоединятся к нам»⁸.

⁶ Romano S. F. *Storia dei fasci siciliani*. Bari, 1959, p. 225.

⁷ Ibid., p. 263—338; *Marsilio R. I fasci siciliani*. Milano — Roma, 1954, p. 19—33.

⁸ «Il Socialista», 3.VII 1902; Romano S. F. *Op. cit.*, p. 166.

Однако, чем шире становилась социальная основа движения и многообразнее интересы и стремления, которые в нем сочетались, тем настоятельнее становилась и необходимость определения политической перспективы борьбы. Руководители фаши — члены их Центрального комитета — не были в состоянии решить эту задачу. Этому заведомо препятствовали присущие большинству из них идейная незрелость и пренебрежение к теории (которой одним из наиболее видных лидеров, Де Феличе, принципиально противопоставлялась «действенность практики»⁹), ограниченный политический опыт, наконец, глубокие разногласия, разделявшие лидеров фаши. Резко расходившиеся взгляды и установки, которых они придерживались, затрудняли выработку общей политической ориентации и организационную согласованность действий. Разделявшие лидеров идейные и политические тенденции, будучи привнесены в самое движение, еще углублялись в нем: многие организации фаши были в плену либо далеко не преодоленного анархистского бунтарства, либо же буржуазного радикализма. Сказывались также местные сепаратистские традиции, точнее тяга к автономии, проявившаяся, в частности, в стремлении большинства делегатов учредительного съезда отстаивать самостоятельность Сицилийской федерации по отношению к общенациональной Партии итальянских трудящихся. Сказывалось и характерное для юга Италии влечение к утопическим формам «мессианского» христианского социализма, от которого начали уже освобождаться батраки Севера¹⁰.

В то же время внутри фаши крепло опиравшееся на палермскую организацию социалистическое течение, занимавшее сравнительно наиболее передовые позиции. Отвергая анархистскую «революционность», как и буржуазный демократизм, это течение, чьи идейные позиции определеннее всего выражал Боско, добивалось органической слитности сицилийского и общенационального социалистического движения. Оно провозглашало необходимость укрепления организации и политического сознания масс, не исключая при терпеливой и долгой подготовке также возможности повстанческого выступления; оно безоговорочно настаивало на классовой независимости пролетариата от буржуазной демократии, из-под влияния которой следовало высвободить и крестьянство¹¹. «Мы являемся марксистскими социалистами», — писал Боско, — и полагаем, что непримиримость к любой фракции буржуазной демократии и полнейшее

⁹ Romano S. F. Op. cit., p. 202.

¹⁰ «Мы боремся за эмансипацию человечества, — говорил в публичном выступлении Де Феличе. — Наш красный стяг символизирует любовь к ближнему, как и проповедует вера Христа, наша программа провозглашает братство, как и программа Христа» (Romano S. F. Op. cit., p. 235).

¹¹ Romano S. F. Op. cit., p. 214, 216, 389—390.

размежевание с нею являются важнейшими условиями существования нашей партии»¹².

Таковы были основные тенденции, сталкивавшиеся в самом ходе борьбы и в значительной степени отражавшиеся в ней. В последние месяцы 1893 г. волна крестьянских выступлений прокатилась по Сицилии; на этот раз движение, все менее подчинявшееся руководству фаши, было вызвано, помимо требований пересмотра аграрных или трудовых договоров, преимущественно протестом против налогового гнета и грубого произвола властей. Движение принимало бурные повстанческие формы, выливалось в кровавые столкновения с полицейскими силами, нередко преднамеренно спровоцированные последними. Политическое напряжение в стране возросло. Реакционные круги требовали роспуска фаши и «водворения порядка» силой. Охваченные ненавистью и страхом крупные земельные собственники требовали от правительства расправы с «бунтовщиками». Их требования нашли поддержку в дворцовых кругах и у самого короля, настаивавшего на принятии «энергичных мер против провокационной дерзости фаши»¹³. Возглавлявший правительство Джолитти, чье положение было к тому времени подорвано разразившимся банковским скандалом, предпочел отставку принятию «энергичных мер». К власти был снова призван Криспи.

Реакция предприняла новую яростную атаку. В Сицилии было объявлено осадное положение. Тысячи активных членов фаши были брошены в тюрьмы, в том числе все члены их Центрального комитета. Расправа с трудящимися острова вызвала сильное возбуждение среди рабочих всей Италии. Откликом на сицилийские события явилось выступление рабочих мраморных копей в Луниджиане в январе 1894 г. жестоко подавленное вооруженной силой. Создалась накаленная атмосфера, предвещавшая — по широко распространенному тогда представлению — близкую революционную бурю. Ее опасались близкие к правящим сферам деятели и течения, вызывавшие к сплочению сил и твердой власти во имя защиты существующего строя. «Теперь уже все предвидят приближение революции», — заявлял Криспи королю в ноябре 1893 г., незадолго до прихода к власти, утверждая при этом, будто угроза нависла и над государственным единством страны, подрываемым федералистскими и сепаратистскими тенденциями¹⁴. Возможность, более того, вероятность «социальной» революции (именуемой нередко «социалистической») предсказывалась, а нередко обосновывалась исходя из европейского исторического опыта социалистами и республиканцами, радикалами, а также либералами. Итальянскую действительность с определявшим ее движением фаши (в кото-

¹² Ibid., p. 216.

¹³ Natale G. Giolitti e gli italiani. Milano, 1949, p. 244.

¹⁴ Romano S. F. Op. cit., p. 503—509.

ром не один Паскуале Виллари увидел появление «призрака социализма») все же чаще сравнивали с ситуацией, сложившейся во Франции накануне 1789 г. К историческому прошлому революционной Франции обращались, как увидим ниже, Турати и Кулишева. Далеко идущие выводы из сопоставления сицилийских событий с предысторией Французской революции конца XVIII в. формулировал видный деятель демократическо-республиканского течения Н. Колайанни; правомерность проводимой им прямой аналогии и вытекавшего из нее прогноза он подтверждал ссылками на произведения исследователей французской революции Тэна и Токвиля. Наконец, газета либерального направления «Джорнале делли экономисти» рядом с подробной хроникой развернувшихся на юге Италии волнений печатала особо подобранные выдержки из «Старого порядка» Токвиля¹⁵.

В какой мере прогнозы приближавшейся «социальной» революции (типа французской) соответствовали истинному положению вещей, показало дальнейшее развитие событий. Не подлежит, однако, сомнению, что с 1893 г. Италия вступила в полосу острого политического кризиса, потрясавшего ее вплоть до конца века; наряду с вновь возникшими его порождениями, как уже подчеркивалось, глубокие противоречия, которые в отличие от свершившегося во Франции — не были сняты буржуазными революциями прошлого. Следовательно, перспектива завершения «социальной», вернее, буржуазно-демократической, революции объективно вырисовывалась в Италии. Но отметим еще раз, что в новых исторических условиях выход из кризиса не мог быть найден на путях классических революций; более того, формы и уровень борьбы масс, ее перерастание в революцию не были predeterminedены, детерминированы одними объективными факторами, т. е. объективно назревшими потребностями развития. Действительность выдвигала новые сложные проблемы (практические и теоретические), воспринимавшиеся по-разному разными классами и политическими партиями, и от соотношения сил, от решений и действия этих классов и партий зависел не в меньшей степени реальный ход событий.

С особой остротой эти проблемы встали в 1893—1894 гг. перед социалистической партией. В создавшейся трудной обстановке предстояло осмыслить сущность переживаемого исторического этапа и соответственно решить тактические, а главное, стратегические вопросы, занимавшие социалистическое движение и других стран: какую роль призван играть рабочий класс в период торжества реакции, в борьбе за социально-экономические и политические преобразования, не выходящие, однако, за рамки бур-

¹⁵ См. «Critica Sociale», 1894, 15 gennaio; Marx e Engels. Corrispondenza con italiani (1848—1895). A cura di G. Del Bo. Milano, 1964, p. 515—516; *Cola-janni N. Gli avvenimenti di Sicilia e le loro cause*. Palermo, 1894, p. 505—508; «Giornale degli economisti», 1894, 1. I.

жуазного строя? Каково должно быть при этом соотношение между непосредственно классовыми задачами пролетариата и задачами общедемократическими, общенациональными? Особое значение приобретали в этой связи установки, которыми должна руководствоваться партия при определении своего отношения к стихийным, массовым, преимущественно крестьянским движениям, выдвигавшим социальные и политические задачи общедемократического характера. Наконец, допустимы ли в подобных случаях тактические соглашения с буржуазными и мелкобуржуазными партиями и течениями? Речь шла о радикальной и республиканской партиях — так называемых родственных партиях.

Сицилийские события самым ходом своего развития поставили эти вопросы. Едва возникнув, социалистическая партия оказалась, следовательно, перед трудным испытанием. Незадолго до этого она утвердила свою классовую и политическую самостоятельность, отмежевываясь организационно и идейно как от буржуазной демократии, так и от анархизма и «операизма». Однако она далеко еще не освободилась от отвергнутых идейных воззрений; в той или иной форме они возрождались и впоследствии, осложняя процесс освоения марксизма и созревания в рядах рабочего движения подлинно революционного сознания.

С первых же лет существования — да и позже — социалистическая партия находилась в плену противоречивых тенденций, из которых каждая отражала лишь односторонне, примитивно и поверхностно тот или иной аспект единого в своей сложности революционного процесса. Так, на начальном этапе в рядах партии — в том числе и среди ее руководителей — преобладали все еще операистские воззрения и установки, укоренившиеся особенно на Севере: здесь наряду с традицией сказывался и положительный опыт создания рабочих организаций (ассоциаций и лиг сопротивления, палат труда), сумевших не только выстоять, но и добиться определенных вдохновляющих на дальнейшую борьбу результатов. Широкое распространение в рядах партии имело поэтому признание первостепенной важности экономической борьбы (на деле чаще всего сводившейся к защите корпоративных, узкоцеховых требований); именно экономическая борьба представлялась «истинно классовой» в противовес борьбе политической, участие в которой будто бы угрожало социалистам подрывом только что обретенной независимости. Не меньшее предубеждение, более того, опасение вызывала у многих социалистических деятелей причастность к стихийно возникавшим массовым движениям, в которых усматривалось «бунтарское» начало, уводящее партию от непосредственно социалистических задач. Проблема политического руководства такого рода движениями не возникала вовсе перед большинством ведущих деятелей социалистической партии, что подтверждалось пренебрежением, с каким ее лидеры относились к крестьянскому вопросу.

Такого рода представлениями и установками определялось и отношение большей части социалистических организаций и деятелей к сицилийскому движению, непонимание его сути, недооценка его значимости в национальной жизни.

В сущности пассивным, формальным было и отношение центральных органов партии. Так, общенациональный съезд, собравшийся в сентябре 1893 г. в Реджо-Эмилии, в период ожесточенной борьбы фаши и угрозы предстоявшего их роспуска правительством, не удостоил сицилийские события специального рассмотрения. Съезд ограничился весьма общей резолюцией, в которой выражался «протест против деятельности правительства, попирающей человеческие права», и заявлялось о его — съезда — «солидарности с сицилийскими товарищами»¹⁶. Уточнив принципиальные положения принятой в Генуе программы, съезд уделил особое внимание вопросу о тактике партии; на принятой съездом резолюции лежал отпечаток решений Цюрихского конгресса II Интернационала (в его работах участвовала многочисленная итальянская делегация, возглавлявшаяся Турати)¹⁷. Подтвердив принцип организационной и политической независимости партии пролетариата, съезд большинством голосов отклонил предложения, исключавшие возможность каких бы то ни было соглашений и компромиссов. В то же время оговаривалась недопустимость соглашений и компромиссов, противоречащих «принципам и линии партии». Признавая целесообразность, наряду с другими формами борьбы, также и участия в парламентской борьбе, посвященная этому вопросу резолюция обязывала депутатов-социалистов согласовывать свои действия с руководством партии и ни в коем случае не голосовать за доверие буржуазному правительству. По-прежнему проявилось на съезде пренебрежение к проблемам решающего теоретического и практического значения; вопрос о путях и методах борьбы за политическую власть был затронут в основной резолюции лишь мимоходом и в самой общей форме; что же касается аграрного вопроса, то съезд ограничился постановлением о создании специальной комиссии, в задачу которой входило изучение «аграрных условий в Италии, равно как и методов пропаганды и организации... сельскохозяйственных тружеников и мелких собственников различных областей страны»¹⁸. Факт этот, разумеется, неслучайный, отражал — увы — весьма распространенное, в особенности среди социалистов Севера, отрицательное отношение к движению фаши. Наиболее четкое выражение оно нашло на страницах «Лотта ди класе». Еще в начале 1893 г. миланская газета в критических тонах констатировала идейный разброд в самом руководстве фаши; позже, в разгар борьбы, она

¹⁶ Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. 1. Milano, 1959, p. 27—43.

¹⁷ История II Интернационала, т. I. М., 1965, с. 245—259.

¹⁸ Il Partito Socialista Italiano..., v. 1, p. 39.

неоднократно подчеркивала несоответствие характера сицилийского движения принципам социализма. Это движение, порожденное условиями полуфеодальной Сицилии, где еще не было рабочих «современного типа», утверждала газета, не могло быть ни пролетарским, ни тем более социалистическим. Оно было всего-навсего «голодным бунтом», ничего общего не имеющим с борьбой партии, с социализмом¹⁹. Еще суровее были оценки рабочих и социалистической печати после повстанческих взрывов конца 1893 г., а социалистический депутат Бадалони, выступая в парламенте, заявил даже, что «восстание масс» в Сицилии могло вспыхнуть потому, что там отсутствовало «новое могучее орудие порядка», а именно «сознательная организация трудящихся — классовая партия»²⁰. На всем протяжении событий в Сицилии (судя по данным, которыми располагают исследователи) руководство социалистической партии не меняло занятой им позиции и в соответствии с ней самоустранилось от какого-либо непосредственного участия в сицилийском движении.

Помимо вышеупомянутой резолюции съезда, единственным партийным документом, откликнувшимся на сицилийские события, было воззвание парламентской социалистической фракции к социалистам Италии. Опубликованное после объявления в Сицилии осадного положения, оно содержало резкое осуждение правительственной политики и призыв к «энергичному протесту» против готовившихся репрессий. Однако не менее определенно проявлялось в нем стремление снять с партии ответственность за происходившие в Сицилии события, не являвшиеся, как подчеркивалось в документе, «воплощением социалистической программы». Одновременно не скрывалось и стремление остановить движение, побудить сицилийцев прекратить «не сулящее пока успеха сопротивление», ибо «наша программа видит путь к победе не в бунтарских и кровавых выступлениях, а в сознательной организации трудящихся в классовую партию»²¹. Даже демонстрации солидарности с борющейся Сицилией, происходившие в разных городах полуострова, возникали, как правило, стихийно и не получали поддержки со стороны центральных органов партии, чей призыв в «энергичному протесту» сопровождался, а по существу парализовался призывом к «организованным, мирным» формам борьбы.

Следовательно, во имя «чистоты программных принципов» предоставлялось самотеку массовое движение, пусть еще «большей частью хаотичное», но уже вливавшееся в поток общенациональной пролетарской борьбы.

Несоответствие такой позиции создавшейся в стране политической ситуации, а главное, нараставшему революционному дви-

¹⁹ «Lotta di classe», 10—11.II, 30—31.XII 1893.

²⁰ Atti parlamentari. Discussioni 23 febbraio 1894, p. 6622.

²¹ Romano S. F. Op. cit., p. 531—533; Marsilio R. Op. cit., p. 48—49.

жению не могло ускользнуть от наиболее дальновидных из итальянских социалистов. Глубже, проникательнее других сумел осознать остроту поразившего страну кризиса и оценить значение сицилийских событий Антонио Лабриола. И хотя именно ему принадлежало признание «хаотичного» характера охвативших Сицилию волнений, тем не менее в движении фаши Лабриола увидел «первое в Италии крупное движение пролетарских масс und die erste Tat des Sozialismus in Italien (и первое в Италии свершение социализма.— К. М.)». Таково было определение, содержащееся в статье, направленной им В. Элленбогену для венской «Фолькстрибуне»²². Несколько недель спустя, в письме Энгельсу, он уточнял представление о сицилийских событиях, знаменовавших собой в одно и то же время «возрождение революционного духа, инициативы народных масс, демократического сознания в широком смысле слова (выделено нами.— К. М.)» и вместе с тем «выход итальянского пролетариата на авансцену истории», что, возможно, добавлял он, предвещало «созревание подлинно социалистического сознания»²³. Эти положения Лабриолы содержались в адресованных им зарубежным товарищам письмах и корреспонденциях²⁴, благодаря которым движение фаши получило признание за пределами Италии, в международном социалистическом движении. Немецкие социал-демократы провели сбор средств в пользу сицилийцев; социал-демократическая печать за рубежом — немецкая, австрийская, русская, бельгийская — следила за их борьбой.

Исходя из сложившихся у него представлений, Лабриола правильнее других итальянских социалистов подходил к вопросу о политической линии и тактике, которых надлежало придерживаться партии. Показательно в этом отношении письмо, адресованное им Р. Боско для передачи Центральному комитету сицилийской социалистической организации²⁵. Вторгаясь, вопреки обычным его установкам, в сферу непосредственного политического действия, Лабриола стремился (как он сам писал Энгельсу) ослабить сумасбродное, парализующее влияние на фаши демократическо-радикальных деятелей Де Феличе и Колайанни²⁶. В то же время он стремился выправить — в пределах возможного — линию сицилийских и не одних только сицилийских социалистов. Комментируя высказывания партийных газет, заявлявших, что

²² *Labriola A. Scritti politici*, p. 307—310; Текст статьи впервые опубликован в Италии Э. Раджоннери: *Ragionieri E. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani (1875—1895)*. Milano, 1961, p. 400—402.

²³ *Labriola A. Lettere a Engels*. Roma, 1949, p. 136—138.

²⁴ Так, в корреспонденции о событиях в Сицилии, напечатанной в венской «Арбайтер цайтунг» 24 апреля 1894 г., говорилось: «Ныне впервые в Италии пролетариат с присущим ему сознанием угнетенного класса и стремлением к социализму оказывается лицом к лицу с буржуазией» (*Labriola A. Scritti politici*, p. 319).

²⁵ *Labriola A. Scritti politici*, p. 311—314.

²⁶ *Labriola A. Lettere a Engels*, p. 139.

«там (в Сицилии. — К. М.) речь идет не о социализме, а о голоде», или осуждавших «безответственных зачинщиков эксцессов», Лабриола недвусмысленно направлял свою критику против «тех, кто так или иначе взял на себя бремя вождей и учителей пролетарского движения»²⁷, т. е. против стоявших за этими газетами социалистических лидеров.

Подчеркивая необычную сложность создавшегося положения, он отмечал и особую ответственность, которую история возложила на социалистическую партию. «Отказаться брать на себя эту ответственность,— писал он,— означало бы, что нам, социалистам, угодно отмежеваться от пролетариата всякий раз, когда он, восстав, дойдет до эксцессов... Такое поведение помимо того, что оно свидетельствовало бы о малодушии, привело бы к следующему прискорбному последствию: хваленый социализм, который проповедуют пропагандисты, витает где-то далеко в небесах, вне всякой связи с данной исторической и социальной действительностью или же представляет собой лишь модернизированную форму некоего *«радикального спорта»*. Мы знаем многих бравых представителей подобного спорта, поклонников *мадонны Эволюции*, как чумы боящихся слова *«революция»*... Но, с другой стороны, погрузиться в нынешний неожиданно разгоревшийся бунт, более того, безоговорочно слиться с ним — это было бы равносильно отказу от всякого представления о правильной организации пролетарских сил и оплошлению принципа политической борьбы, что — иными словами — свелось бы к извращенному представлению о путях и средствах пролетарской революции». И далее: «... итальянская социалистическая партия... может жить, набираться сил и процветать только в том случае, если она не впадет снова в *бессмыслицу* анархизма; не закоснеет в нелепой идее парламентского легалитаризма..., а будет руководствоваться, захочет и сумеет руководствоваться принципом реальной и прогрессирующей революции, пользуясь не предвзятыми, а испытанными способами организации и такими формами пропаганды, каких требуют условия страны и темперамент людей»²⁸.

Несколько месяцев спустя, когда в результате дальнейшего наступления реакции обстановка еще более обострилась, Лабриола, сохраняя верность этим принципам, указал на необходимость применения такой тактики, которая предотвратила бы изоляцию социалистов. И хотя он отчетливо понимал, сколь глубокими были принципиальные расхождения в политических воззрениях и целях между социалистами и буржуазными демократами, он все же полагал, что в «столь тяжелый и не скоро преходящий момент более чем когда-либо не следует пускаться в пустые и злобные дискуссии с радикалами и демократами

²⁷ Labriola A. Scritti politici, p. 313—314.

²⁸ Ibid., p. 312—313.

вообще». Оговаривая при этом, что он отнюдь не воспринимает эти политические течения как «родственные» социалистам партии, он, однако, считал возможным заключение с ними «временных соглашений». Эти соображения Лабриола изложил в письме к Энгельсу, не скрывая своей озабоченности по поводу резкой полемики, которую в то время вели с демократами «миланские товарищи» («Genossen di M.»), и прося Энгельса воздействовать на последних²⁹.

Между тем все эти проблемы встали к началу 1894 г. с особой остротой и перед «миланскими товарищами», точнее, перед их лидерами, Турати и Кулишевой. Но как решить эти проблемы, не было ясно. По основным вопросам стратегии и тактики партии — соотношения демократических и социалистических задач, целесообразности политических соглашений — Турати, как и Кулишева (ибо в основном политическая линия, отражавшаяся в «Критика социале», вырабатывалась ими совместно), занимал по-прежнему двойственную противоречивую позицию, носившую преимущественно «непримиримый» характер, но не исключавшую и даже предполагавшую возможность тактических соглашений и сотрудничества с буржуазно-демократическими силами, исходя в последнем случае из более реалистичного представления о переживаемом Италией историческом периоде³⁰.

Углубление политического кризиса, но прежде всего размах стихийного протеста масс в Сицилии, а затем в Лундджане породили, по словам Турати, «мучительные сомнения и тревоги», ибо «неожиданно, почти насильственно партия вынуждена из относительно спокойной сферы теории и систематической медленной подготовки, над которой она властна, перейти в сферу несравненно более бурную, в которой скорее факты властвуют над идеями и двигают их вперед»³¹. Правда, еще в октябре 1893 г. Турати в «Критика социале», оценивая движение фаши, расходился с мнением большинства лидеров партии, приближаясь, так же как и Кулишева, к оценке Лабриолы. Он отмечал

²⁹ Marx e Engels. Corrispondenza con italiani (1848—1895). Milano, 1964, p. 540. В письме (которое — отметим — было датировано 27 июля 1894 г.) под «миланскими товарищами» подразумевались миланские социалисты, группировавшиеся вокруг «Критика социале».

³⁰ Вопрос о двойственной позиции Турати, сочетавшей в этот период взаимоисключающие установки, и о причинах их обуславливавших, по-разному трактуется итальянскими исследователями Кортези, Каталано, Мерли, Джерратана и др. См. уже упомянутую нами статью: *Strik Lievers L. Turati, la politica delle alleanze e una celebre lettera di Engels.* — «Nuova Rivista Storica», 1973, gennaio — aprile. Статья, носящая проблемно-историографический характер, содержит интересные, хотя по ряду весьма важных вопросов и не бесспорные соображения. Так, не все положения письма Энгельса к Турати (о котором особо пойдет речь впереди) находят в ней, на наш взгляд, верную оценку, да и вопрос о «политике союзов» рассматривается автором почти исключительно в аспекте политическом, независимо от аспекта социального.

³¹ «Critica Sociale», 1894, 16 gennaio.

общенациональное значение сицилийской организации, подчеркивал, что фаши являются «неотъемлемой составной частью социалистической партии»³². Не одобряя «анархистского» характера бунтарских выступлений конца 1893 г. и сожалея о допущенных сицилийцами ошибках, Турати не отмежевывался от движения фаши, а признавал, что разразившаяся в Сицилии «гражданская война» не только является «неподдельным проявлением признанной и проповедуемой нами (социалистами. — К. М.) классовой борьбы», но и «носит в себе если не форму, то душу социалистическую». Поэтому как Турати, так и Кулишева, вызывая критику соратников по партии, предлагали не сторониться, а участвовать в поднявшемся в стране массовом движении. Однако неуверенность, мучительные сомнения и тревоги не покидали их, тем более что речь шла об определении позиции применительно к данной конкретной ситуации, представлявшей им «предреволюционной», и к революционной перспективе вообще³³.

Таковы были мотивы, побудившие Анну Кулишеву обратиться за советом и указаниями к Энгельсу³⁴. Письмо Кулишевой (сопровождавшееся кратким постскриптумом Турати) содержало сжатое, четкое изложение проблем, перед которыми стояла Италия, страна «на $\frac{2}{3}$ средневековая, в которой крестьяне находятся в условиях, аналогичных тем, что существовали во Франции 1789 года». Отмечая глубокое недовольство, охватившее самые широкие слои, размах крестьянских волнений, возраставшие экономические и финансовые трудности и реакционное наступление «верхов», Кулишева указывала на возможность революционного взрыва, не считая чересчур утопической перспективу падения монархии.

Естественно, однако, оговаривала она, что в условиях, когда социалистическая партия еще только родилась, а Италия так отстала в своем социально-экономическом развитии, о социалистической революции не могло быть и речи.

Проводя историческую параллель с Францией, Кулишева сравнивала ситуацию, характерную для половины Италии (части центральных областей и всего Юга) и для Италии Северной, соответственно с французской 1789 и 1848 гг. Но тут же подчеркивалось и отличие: в Италии, отмечала Кулишева, нет «образованной, смелой буржуазии, способной встать во главе движения в переживаемый страной революционный период». Буржуазные партии — республиканская и демократическая — бесспорные политически и организационно, не в состоянии выдвинуть ни определенной программы, ни проявить боевую инициативу.

³² «Critica Sociale», 1893, 1 ottobre.

³³ «Critica Sociale», 1894, 1 gennaio, 16 gennaio, 16 febbraio.

³⁴ Marx e Engels. Corrispondenza con italiani, p. 515—517.

Каково же должно быть, следовательно, поведение социалистической партии пред лицом массовых движений, являющихся «органическим продуктом завершающегося исторического периода», иначе говоря, в условиях демократического по своему характеру революционного выступления масс? Таков был центральный вопрос, поставленный Кулишевой Энгельсу. При этом она указывала, что в самой социалистической партии существовали течения, по-разному определявшие ее стратегические и тактические установки. Одно из них считало необходимым, пока свирепствует реакция, сосредоточиться на методической, организаторской работе, ибо «незачем таскать каштаны из огня для республиканцев»; другое же утверждало, что в «революционный период, даже если речь идет лишь о завоевании республики, социалисты должны воспользоваться брожением, где бы оно ни возникло: среди крестьян, безработных, голодающих, лавочников...»

Сама же Кулишева была убеждена, что «политическая революция... создала бы столь благоприятные условия для дальнейшего развития социалистической партии, что, даже если бы она привела всего лишь к республике, социалистам было бы достаточно и этого». Однако такой позиции, писала она в заключение, решительно противятся «социалисты-доктринеры (составляющие в партии большинство), что порождает в нашей среде неуверенность, колебания и, возможно, даже инертность в такой момент, когда следует действовать, реагировать». Эти последние положения еще определеннее формулировались в постскрипуме Турати: «Два течения существуют не только в партии, но и в каждом из нас, — признавал он, — и даже те, кто выступает за ту или иную линию поведения, обуреваемы в душе сомнениями, парализующими их»³⁵.

В ответе, адресованном Турати³⁶ (и опубликованном 1 февраля 1894 г. в «Критика социале» под заглавием «Будущая итальянская революция и социалистическая партия», позже он был перепечатан другими социалистическими изданиями), Энгельс, глубоко проникнув в самую суть поставленных перед ним проблем, преподал итальянским социалистам непреходящей значимости урок революционной стратегии и тактики. Ссылаясь на выверенную временем тактику, намеченную еще Манифестом Коммунистической партии, оговаривая при этом необходимость применения ее к конкретным «нынешним условиям Италии» (что должно быть «решено на месте» теми, кто «находится в центре событий»), Энгельс выделял, однако, принципиальные общие положения. Социалисты, отмечал он, не только не долж-

³⁵ Marx e Engels. Corrispondenza con italiani, p. 517.

³⁶ Турати просил Энгельса не упоминать в ответе имя А. Кулишевой, учитывая ее положение «иностранки, уже подвергавшейся высылке из Италии» (ibidem).

ны отстраняться от *действительно* народного, общенационального движения, направленного к прогрессивному демократическому преобразованию буржуазного строя, но, напротив, принимая в нем участие как *независимая партия*, должны «толкать вперед другие революционные партии», никогда при этом не теряя из виду конечной цели, т. е. не смешивая борьбы за демократическую революцию с борьбой за революцию социалистическую³⁷.

Что же касается собственно итальянской обстановки, Энгельс поддержал в основном соображения, изложенные Кулишевой; он углубил характеристику социально-экономической структуры Италии и согласился с оценкой перспектив развития сложившейся в стране кризисной ситуации: в силу объективных и субъективных факторов в Италии не могло быть и речи о революции социалистической (как того утопически ожидали некоторые итальянские социалисты), в то время как не была исключена возможность буржуазно-демократической альтернативы, включавшей даже победу республики. В стране, где «мало *настоящего* пролетариата...» массу борцов и вождей революционного движения могла выдвинуть только мелкая и средняя буржуазия городов, постоянно находящаяся под угрозой разорения и доведенная до отчаяния; ее поддержат крестьяне, которые явятся ее «сильными и необходимыми союзниками».

Такая революционная альтернатива, сулившая расширение демократических свобод, создала бы благоприятные условия для развития рабочего движения и дала бы социалистам «новое оружие, которым не следует пренебрегать», а установление буржуазно-республиканского строя «еще больше расширило бы свободу и поле нашей деятельности». Поэтому, указывал Энгельс, социалисты «обязаны поддерживать всякое *действительно* народное движение»; они совершили бы «величайшую ошибку, если бы стали воздерживаться», если бы в «отношении к *«affini»* («родственным». — К. М.) партиям ограничились бы чисто негативной критикой». Ибо, добавлял он, может наступить момент, когда социалистической партии придется «сотрудничать с ними положительным образом...»³⁸. Таковы были весьма важные принципиальные указания Энгельса, призванные вывести итальянских социалистов из состояния «неуверенности, колебаний и... даже инертности», в котором они, судя по оценке Кулишевой, пребывали, и стимулировать их положительное действие.

Не менее важными были содержащиеся в письме Энгельса советы. Осью изложенной Энгельсом концепции была мысль о необходимости ясного осознания сущности переживаемого исторического этапа. Энгельс предостерегал от заблуждений «сентиментальных социалистов», которые «принимают за конечную цель движения то, что является простым этапом», в то же время

³⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, стр. 457—460.

³⁸ Там же, стр. 459.

он предупреждал об опасности «бесплодных местных мятежей», от которых социалисты обязаны уберечь пролетариат, а также о том, что не следует «жертвовать понапрасну только что сформировавшимся ядром» партии.

Наконец, с особой силой Энгельс отстаивал принцип классовой политической независимости партии, имея в виду, что на этой основе и должно осуществляться участие социалистической партии в борьбе за демократические преобразования. Это важнейшее теоретическое и практическое положение Энгельс рассматривал также и в перспективе, вновь отмечая взаимосвязь развития революционного наступления пролетариата, в котором достигнутый промежуточный этап является для социалистов «лишь новой операционной базой для дальнейших завоеваний». Сохраняя безусловную независимость и на достигнутом в результате борьбы новом рубеже, социалисты, предупреждал Энгельс, должны будут составить по отношению ко вновь образованному правительству (буржуазно-демократического толка) *новую оппозицию*, но оппозицию «прогрессивную... которая будет побуждать к новым завоеваниям, выходящим за пределы уже завоеванного»³⁹.

Следовательно, изложенная Энгельсом концепция марксистской стратегии и тактики борьбы выявляла динамику развития революционного процесса, при котором пролетариату, ведомому социалистической партией, в перспективе предстояло стать решающей движущей силой общественного прогресса, идя от участия в борьбе за расширение демократии к непосредственно пролетарской борьбе за социализм⁴⁰.

В статье, сопровождавшей публикацию письма Энгельса, Турати и Кулишева выражали безоговорочное согласие с указаниями Энгельса, подкрепившими его высоким авторитетом оспариваемую в партии позицию журнала⁴¹. Несколько позже в личном послании Турати благодарил Энгельса за письмо, которое «принесло нам большую пользу», «выправив некоторые чересчур категоричные и *механистические* точки зрения». И тут же добавлял: «Ведь среди нас были социалисты, которые считали себя вправе бездействовать (ждать, «скрестя руки») до того дня, когда произойдет чудодейственная марксистская эволюция»⁴².

³⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, стр. 459, 460.

⁴⁰ Не случайно в ходе первой русской революции вокруг письма Энгельса к Турати разгорится острая полемика: Ленин отвергнет оторванное от конкретной действительности догматическое толкование его содержания новосковцами; отстаивая подлинную сущность марксистской стратегии и тактики, он подчеркнет, что, руководствуясь ею, большевики стремятся к «наибольшему использованию демократического переворота в целях успешнейшей дальнейшей борьбы пролетариата за социализм». См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 76—77.

⁴¹ «Critica Sociale», 1894, 1 febbraio.

⁴² Marx e Engels. Corrispondenza con italiani, p. 528.

В какой мере безоговорочное согласие Турати и его соратницы с указаниями Энгельса означало действительное понимание марксистской революционной стратегии и тактики, исчерпывающе показало дальнейшее развитие их теоретических воззрений и политической программы действия. С самого начала Турати обнаружил одностороннее, прагматическое восприятие, (или, во всяком случае, использование) им содержащихся в письме Энгельса теоретических положений. Нарушая целостность изложенной Энгельсом концепции, Турати выделял то отдельно взятое положение, которое соответствовало данным обстоятельствам и намеченной им самим политической ориентации. Ибо для Турати, как справедливо отмечает исследователь-марксист В. Джерратана, теория «нужна лишь в том случае, если ею можно воспользоваться непосредственным образом; однако ее можно легко отбросить в сторону и заменить другими «теориями», если обстоятельства того потребуют»⁴³. Так, в начале 1894 г., имея в виду движение фаши, Турати в поддержку собственного отношения к нему концентрировал внимание на положении Энгельса, предусматривавшем обязанность социалистов «поддерживать всякое *действительно* народное движение». В последующие же годы он неоднократно ссылаясь на письмо Энгельса для обоснования целесообразности политических соглашений, притом не всегда оправданных, социалистической партии с партиями демократическими, хотя на эту позицию (как явствует из изложенного выше) Турати перешел не сразу⁴⁴; после известных колебаний она утвердилась окончательно лишь в самом конце века, притом по сути своей она шла вразрез с истинным смыслом указаний Энгельса.

Таким образом, подчиняя тактику непосредственным задачам «текущего момента», отрывая ее от стратегической перспективы, Турати (а вместе с ним его единомышленники), вопреки своим субъективным намерениям, суживали сферу революционного действия социалистической партии и, разумеется, рабочего класса. К тому же вопреки не только декларируемому, а действительному стремлению к субъективному действию Турати, как и многие другие социалистические лидеры, уже в этот период делал ставку на объективную эволюцию. Упрочение капиталистических основ, рост буржуазии современного, индустриального склада должны были с их точки зрения как бы автоматически повлечь за собой установление передовых политических порядков; именно это Антонио Лабриола называл упованием на «Мадонну Эволюцию». Отсюда происходила и свойственная им до поры до времени недооценка политических соглашений с

⁴³ См. предисловие В. Джерратаны к изданию политических статей и писем А. Лабриолы: *Gerratana V. Prefazione.* — In: *Labriola A. Scritti politici*, p. 76.

⁴⁴ Вплоть до октября 1894 г. Турати продолжал выступать с «негативной критикой» против радикалов и республиканцев, чем и было вызвано обращение А. Лабриолы к Энгельсу, упоминавшееся нами выше. См. стр. 118.

мелкобуржуазными партиями ввиду малого удельного веса последних и — что еще важнее — пренебрежение к соглашениям социальным, т. е. соглашениям с теми классовыми силами города и деревни, прежде всего с крестьянством, без которых рабочий класс бессилён был решить поставленные перед ним историей задачи. Отсюда же и непонимание стимулирующей, руководящей роли рабочего класса в революционном процессе.

Более того, когда сам ход событий подсказывал, а затем и доказывал, что именно социалистической партии, рабочему классу предназначена в борьбе за поправленные демократические свободы решающая роль, Турати, констатируя этот факт, все же сетовал на то, что тем самым социалистам приходится выполнять задачу радикально-буржуазных партий вместо собственных классовых задач⁴⁵. Не исключено при этом, что политическая линия, которой придерживался в это время Турати, зависела не только от того, что он продолжал пребывать в том двойственном состоянии, о котором он писал Энгельсу, но и от того, что он полагал необходимым считаться с еще сильной в партии тенденцией «непримиримых». Когда же социалистическая партия наконец осуществила поворот от защиты сектантски толкуемого принципа классовой независимости к тактическим соглашениям с демократическими буржуазными партиями, она осуществила его, не опираясь на сколько-нибудь ясную научно-теоретическую основу. Это привело к далеко идущим последствиям, ибо в жертву был принесен принцип классовой независимости: вместо ведущей социалистическая партия стала ведомой. Истоки реформизма, как верно указывает Г. Манакорда, восходят еще к началу 90-х годов⁴⁶.

Поворот же от «непримиримости» к политике «демократического союза» с «родственными» партиями начал совершаться под давлением новых, решающих обстоятельств.

В первые месяцы 1894 г. после объявления осадного положения в Сицилии политический кризис еще более обострился; правительство Криспи взяло решительный курс на установление реакционной диктатуры. В апреле 1894 г. военный трибунал в Палермо вынес жестокие приговоры членам ЦК фаши: наиболее видные их деятели были осуждены на сроки от 10 до 22 лет тюремного заключения. Через несколько месяцев под флагом борьбы с анархизмом была ограничена свобода собраний и печати, а в октябре были распущены все рабочие общества и организации, включая и социалистическую партию. Последовав примеру Бисмарка, Криспи прибег к чрезвычайным законам. Однако расчеты его не оправдались: ответом было широкое движение протеста, а престиж подвергшейся гонениям социалистической партии еще более возрос. Радикалы и республиканцы

⁴⁵ «Critica Sociale», 1896, 1 aprile, 16 aprile.

⁴⁶ Manacorda G. Il socialismo nella storia d'Italia. Bari, 1966, p. 248.

создали национальную Лигу защиты свободы и предложили социалистам присоединиться к ним. Социалисты — прежде всего миланские во главе с Турати — приняли это предложение, дававшее им легальную возможность сплотить свои силы. Тем самым было положено начало созданию общего фронта борьбы против реакции. В то же время, продолжая свою работу в подполье, социалистическая партия сумела провести в январе 1895 г. свой III съезд; он собрался нелегально в Парме, вопреки запрету и преследованиям⁴⁷.

Съезд внес существенные изменения в устав Итальянской социалистической партии (таково было окончательно утвержденное ее название), установив принцип индивидуального членства, и поручил исполнительному комитету ввиду изменившейся в стране политической ситуации составить новую программу (так называемую программу-минимум). Знаменательным явилось принятие съездом (хотя и после острых споров и отнюдь не единогласно) резолюции, утверждавшей более гибкую избирательную тактику. Отныне, выступая самостоятельно и выдвигая на выборах собственные списки, социалисты могли все же — при баллотировке во втором туре — голосовать за тех кандидатов, чья «приверженность свободе» не вызывала сомнения. Таким образом, линия на возможные соглашения с «родственными» партиями получила официальное подтверждение съезда.

Новое, неопровержимое доказательство бессилия реакционного курса Криспи принесли досрочные парламентские выборы, назначенные после роспуска палаты депутатов. Дискредитированный обвинениями в соучастии в аферах Римского банка, Криспи побудил короля распустить палату во избежание сгущения и без того напряженной политической атмосферы. Выборы же, проходившие в условиях прямого давления властей, тем не менее принесли серьезную потерю голосов правительственным спискам, тогда как социалистическая партия собрала 76 тыс. голосов (вместо 20 тыс., поданных за нее на предыдущих выборах) и завоевала 11 депутатских мандатов (вместо прежних 5)⁴⁸. В парламент были избраны осужденные палермским трибуналом руководители фаши — Барбато, Де Феличе, Боско. И хотя палата депутатов признала их избрание недействительным, все они были вновь избраны на дополнительных выборах. Успех социалистической партии предвещал поражение режима Криспи.

Вторая половина 90-х годов XIX в. началась для Италии военной катастрофой. Поражение итальянских войск при Адуе в марте 1896 г. потрясло страну. Стало известно, сколь тяжкими были человеческие жертвы, понесенные Италией в этой последней проигранной битве: 4600 убитыми, 2000 ранеными, 1500 плен-

⁴⁷ Il Partito Socialista Italiano..., v. 1, p. 51—55.

⁴⁸ Trevisani G. Storia del movimento operaio italiano, v. 2, Milano, 1965, p. 271.

ными⁴⁹. Волна протеста поднялась в стране: массовые демонстрации, на которых раздавалось главное требование: «Вон из Африки», — волнения в университетах, стихийные взрывы возмущения масс имели место во многих городах страны, наиболее крупные в Павии и Милане, где дело дошло до вооруженных столкновений. Выражая настроения народа, социалисты требовали немедленного отвода войск из Африки, прекращения военных действий. Правительство Криспи было опрокинуто волной протестов; оно уступило место кабинету Рудини, вынужденному искать выхода из создавшегося тупика в отказе от крайних мер, применявшихся Криспи.

От крайних мер новому кабинету пришлось отказаться прежде всего в области внешней политики, ибо необходимо было ослабить напряженность, созданную предшествовавшим агрессивным курсом. Это в известной мере удалось в результате заключения мира с Эфиопией и наметившегося сближения с Францией, чему предшествовало признание Италией французского протектората над Тунисом и прекращение таможенной войны между обеими странами.

Большую сложность представляла задача ослабления напряженности во внутривнутриполитической жизни. Не отказываясь по существу от прежнего курса, правительство (точнее сменившиеся правительства) Рудини попыталось сочетать «трансформистскую» тактику Депретиса с репрессивными методами Криспи. Маневрируя (в конечном счете безуспешно), Рудини пытался расширить политическую базу правительства, то ориентируясь на леволиберальные и радикальные круги, то подчиняясь давлению правых, в частности дворцовых кругов и самого короля. В социально-экономической области была выдвинута ограниченная «реформистская» программа, к тому же в основном не претворенная в жизнь. Известное значение имел в области социального законодательства принятый в 1898 г. закон, обязывавший предпринимателя страховать рабочих (притом речь шла только о промышленных рабочих) от несчастных случаев. Придя к власти, правительство Рудини амнистировало осужденных участников движения фаши и волнений в Луниджиане. Социалистическая партия смогла перейти из подполья к открытой политической деятельности. Однако, столкнувшись с нарастанием классовых конфликтов, с активизацией политических сил («красных», а также «черных»), Рудини обратился в дальнейшем преимущественно к репрессивным методам обеспечения «общественного порядка», направленным главным образом против движения рабочих и крестьянских масс, их воссоздающихся классовых организаций, против социалистической партии.

И все же в создавшейся обстановке относительной легальности социалистическая партия, воспользовавшись ею, сумела

⁴⁹ Battaglia R. La prima guerra d'Africa. Torino, 1954. p. 785—789.

восстановить и увеличить свою организационную базу, возобновить и расширить связи с массами. То были годы, когда неустанными усилиями, страстной упорной деятельностью зачинатели социалистического движения, чьи имена сохранила история, а также оставшиеся неизвестными, предопределили дальнейшие судьбы партии. «Верно то, что они не были марксистами, — писал об этих первых социалистах П. Тольятти. — Никто из них не имел сколько-нибудь ясного представления о том, каким образом осуществляется на деле то социальное преобразование общества, которое они проповедовали массам. И все же они шли к этим массам, они обращались к толпам рабочих, ремесленников, крестьян-бедняков, ко всем тем, кто на протяжении веков не знал ничего иного, кроме нищеты и угнетения. Они говорили этим толпам людей, что настанет день, когда они обретут, наконец, свободу и благосостояние. Они звали их к борьбе, к тому, чтобы своими собственными руками творить свою судьбу»⁵⁰.

О росте влияния социалистической партии неопровержимо свидетельствовали факты: к середине 1896 г. партия опиралась уже на 442 местные организации, созданные во всех (за исключением четырех) провинциях Италии и насчитывавшие 19 121 члена (все они вступили в партию в соответствии с новым уставным принципом индивидуального членства)⁵¹. В следующем году партия добилась успехов, тем более значительных, что 1897 г. был отмечен резким обострением классовой борьбы и усилением реакционной тенденции в политике правительства. Тем не менее количество местных партийных организаций возросло до 623, а их численный состав — до 27 281 члена⁵². На пороге этого же года (точнее, 25 декабря 1896 г.) был создан центральный орган партии — ежедневная газета, название которой не случайно было «Аванти!»⁵³. Она завоевала большую для того времени популярность, тираж ее составлял 50 тыс. экземпляров. Рост влияния социалистической партии подтвердили и парламентские выборы, состоявшиеся весной 1897 г. Социалисты собрали 135 тыс. голосов против 76 тыс. на прежних выборах и получили 15 мандатов вместо прежних 11⁵⁴.

О растущей связи с массами говорило и более активное участие социалистов в боях пролетарских масс города и деревни. Наметившийся в 1896 г. выход итальянской экономики из подрывавшего ее кризиса далеко еще не отразился на положении широких народных слоев, измученных тяжким налоговым

⁵⁰ *Togliatti P. Momenti della storia d'Italia. Roma, 1963, p. 10.*

⁵¹ *Il Partito Socialista Italiano...*, v. 1, p. 85—86.

⁵² *Ibidem.*

⁵³ Название «Аванти!» («Avanti!» — «Вперед!») воспроизводило подобное же название органа немецкой социал-демократии («Vorwärts!»), на что прямо указывала «Лотта ди классе» от 5—6 декабря 1896 г., оповещающая о выходе новой газеты.

⁵⁴ *Il Partito Socialista Italiano...*, v. 1, p. 85—86.

временем, дороговизной, нищенской заработной платой. Глубокое недовольство, охватывавшее массы, выливалось по-прежнему в беспорядочные волнения, но все чаще в забастовки, вспыхивавшие в большинстве случаев стихийно; но затем они поддерживались, а нередко и направлялись социалистами. Так, 1896 год был ознаменован победоносной забастовкой рабочих шпальных мастерских Флорентийской провинции, состоявших, несмотря на вмешательство военных частей, направленных на их «усмирение», а также 60-дневной самоотверженной борьбой батрачек Моллиеллы, закончившейся менее успешно⁵⁵. С новой силой стачечная волна поднялась в 1897 г.: всего в этом году произошло 189 забастовок, как правило длительных, в которых участвовали 21 809 мужчин, 38 435 женщин; 94 стачки были проведены в городах, 12 — в деревне, для которой 1897 г. (как отмечает Прокаччи) стал «жарким годом»; большинство забастовок было вызвано требованием повышения заработной платы. С особой силой развернулись стачки батраков и сборщиц риса в Эмилини, забастовки прядильниц и каменщиков в Кремоне; внушительная крестьянская забастовка парализовала экономическую жизнь Болонской провинции. В течение месяца полиция тщетно пыталась массовыми арестами сломить упорство бастующих. Руководимые социалистами крестьяне одержали победу⁵⁶.

В те же годы деятельность социалистической партии разветвлялась в более широких, нежели прежде, политических рамках: усилилось участие депутатов-социалистов в парламентских дебатах, активную пропаганду вела «Аванти!». Особое внимание привлекла к себе кампания, направленная против реакционного правительственного законопроекта, предусматривавшего судебное преследование всякого, кто «какими-либо подготовительными действиями» угрожает «основам правопорядка — семье и собственности». К манифесту протеста, подписанному социалистами, присоединились и радикалы⁵⁷. Наконец, итальянская социалистическая партия принимала участие в работе конгрессов II Интернационала, состоявшихся в эти годы в Цюрихе и Лондоне, укрепляя тем самым свои интернациональные связи.

Итак, со времени боевых выступлений сицилийских фаши рабочим движением был накоплен опыт, который, неся на себе отпечаток идейных установок, преобладавших в рядах социалистической партии, не мог в свою очередь не влиять на дальней-

⁵⁵ *Trevisani G.* Op. cit., p. 283.

⁵⁶ Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. *Statistica degli scioperi nell'industria e nell'agricoltura dal 1892 al 1900.* Roma, 1901, p. 18; *Trevisani G.* Op. cit., v. 2, p. 291; *Procacci G.* La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970, p. 77; *Colapietra R.* Il Novantotto. La crisi politica di fine secolo (1896—1900). Milano — Roma, 1959, p. 51, 53—54, 73.

⁵⁷ *Colapietra R.* Op. cit., p. 55.

шее определение ее идейных позиций. В какой же мере этот опыт был учтен, а тем более идейно осмыслен — представление об этом важнейшем условии развития социалистического движения дают партийные съезды, происходившие в 1896—1897 гг. во Флоренции и Болонье: обсуждавшиеся на них вопросы, принятые в ходе работы решения.

В порядок дня съезда, собравшегося во Флоренции, был включен сравнительно широкий круг проблем — от организационной структуры партии до основных направлений ее деятельности. Съездом был подтвержден уже одобренный в Парме и оправдавший себя на практике принцип индивидуального приема в партию, дополненный поправкой, согласно которой в качестве исключения партия могла и впредь опереться на местные экономические организации (кооперативы, лиги сопротивления). Тем самым лишь мимоходом и с явной недооценкой затрагивалась тема отношения партии к экономическому движению трудящихся и его организациям, тема, которая ни тогда, ни — как показал ход событий — позже не нашла верного решения.

В принятой на Флорентийском съезде резолюции (принятой, правда, незначительным перевесом голосов) подчеркивалась важность стоявших перед партией политических задач, которые ограничивались парламентской сферой, поскольку речь шла об «интенсивной пропагандистской деятельности», направленной к тому, чтобы массы трудящихся осознали значимость «избирательного права в качестве орудия их освобождения». Несогласие с этой позицией выразило значительное число делегатов, чья правомерная критика исходила, однако, из не менее ограниченных, в данном случае сектантских, представлений о задачах политической борьбы и о классовых силах, на которые партия следовало опереться.

Спорным явился также казалось бы уже решенный вопрос об избирательной тактике; вновь столкнулись различные точки зрения, отличавшиеся степенью «непримиримости» к избирательным соглашениям с «родственными» партиями. В результате была принята резолюция, предложенная Э. Ферри (в 1893 г. примкнувшим к социалистическому движению), в ней подтверждались положения, уже одобренные предыдущим Пармским съездом. Согласно этим положениям социалистическая партия выступала в избирательной кампании независимо от других партий и лишь при баллотировке во втором туре допускалась возможность поддержки близких к социалистическому движению кандидатов, изъявлявших согласие — таково было введенное уточнение — с его программой-минимум. Однако это уточнение повисло в воздухе: проект программы-минимум, предложенный Артуро Лабриолой, был отклонен съездом по предложению Кулишевой, так как, будучи — по ее мнению — буквальным воспроизведением Эрфуртской программы, он не учитывал

конкретных итальянских условий⁵⁸. Не может не привлечь внимания та готовность, с которой столь важный вопрос был снят с обсуждения и перенесен на рассмотрение будущего съезда.

Поставленный в порядок дня Болонского съезда проект программы-минимум стал на этот раз предметом оживленной дискуссии. Решающий вклад в нее внес Ф. Турати, изложивший во вступительном докладе содержание, а главное, принципиальные установки проекта программы; последние, сформулированные им же в предпосланной программе особой декларацией, свидетельствовали об определенных идейных сдвигах в представлениях как самого Турати, так и большинства делегатов, в основном одоббивших эти установки. Так, в декларации подчеркивался преходящий «не социалистический» еще характер программы, предусматривавшей борьбу за «все более значительные реформы, которые будут содействовать градуальной эволюции основ существующего экономического строя», повышая жизненный уровень трудящихся и создавая более нормальные условия для сознательного развития классовой борьбы и укрепления сил самой партии. Ставя ударение на значимости реформ, декларация указывала, что социалистическая партия стремится вырвать их у правящих партий, используя в качестве средства давления собственное политическое влияние⁵⁹.

Показательны вновь развернувшиеся дебаты по вопросу об избирательной тактике партии. Поводом для его обсуждения явилось поведение кремонских социалистов, голосовавших во время выборов за кандидатов-радикалов. Против требования «непримиримых» об исключении кремонцев из партии выступили Турати и Биссолати, к которым присоединились многие делегаты. Была принята резолюция Ферри, полностью подтверждавшая тактику, намеченную Флорентийским съездом⁶⁰.

Преимственность в определении партийной платформы проявилась и в допущенной опять переоценке политической деятельности партии в ущерб экономической борьбе масс. И все же Болонский съезд подверг обсуждению вопросы, до этого игнорировавшиеся или лишь мимоходом затронутые на предыдущих съездах. Таковыми являлись вопросы об отношении партии к экономическому движению пролетариата, а также к «сельским классам». Бесспорно, к этому повороту вынуждала социалистов сама действительность: эти вопросы были выдвинуты в центр внимания общественной жизни происходившими в стране событиями — от движения сицилийских фаши до взлета стачечной борьбы, в том числе и в деревне.

По первому вопросу (ему был посвящен доклад Кулишевой) была принята резолюция, не лишенная известных достоинств:

⁵⁸ Il Partito Socialista Italiano..., v. 1, p. 61—78.

⁵⁹ Ibid., p. 97—99.

⁶⁰ Ibid., p. 100.

в ней признавалась неразрывная связь между политической и экономической деятельностью партии, подчеркивалась обязанность социалистов участвовать в движениях и организациях «экономического сопротивления» (забастовках, лигах сопротивления) и вести среди рабочих социалистическую пропаганду, чтобы «развить в них классовое самосознание и убедить их в необходимости политической борьбы». Другой формой экономической деятельности партии, причем наиболее существенной, должна была стать агитация, целью которой являлась защита труда, прежде всего женщин и детей, для чего необходимо было добиться действенного социального законодательства⁶¹. Положения эти, сами по себе не вызывающие сомнения, носили, однако, преимущественно декларативный характер, ибо не подкреплялись разработкой конкретных мер для их осуществления, не говоря уже о том, что проблема соотношения политической и экономической деятельности партии не была сколько-нибудь серьезно решена в теоретическом плане.

Идейная слабость итальянской социалистической партии в еще большей мере обнаружилась при состоявшемся, наконец, обсуждении на съезде проблемы аграрной. Отметим, что именно в это время аграрная проблема являлась предметом горячих дебатов в рядах международного социалистического движения. Истоками эти дебаты восходят к аграрной программе французских социалистов, принятой в мае 1892 г. в Марселе и дополненной позже в Нанте. Последняя программа, в которой защита крестьянской собственности простиралась и на те слои крестьянских собственников или арендаторов, которые «эксплуатировали поденщиков», вызвала по инициативе Каутского появление в журнале «Нойе цайт» работы Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». В ней Энгельс, проводя резкую грань между различными слоями крестьянства и соответственно определяя отношение социалистов к ним, отвергал положение, будто перед социалистической рабочей партией какой-либо страны стояла задача принимать в свои ряды «...лиц, эксплуатирующих землю страны на капиталистический лад»⁶². В то же время он настаивал на привлечении на сторону пролетариата мелких крестьянских собственников, на защите их от помещичьего гнета. «... Чтобы завоевать политическую власть, эта партия (социалистическая.— К. М.) должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне»⁶³. И далее: «Мы же стоим решительно на стороне мелкого крестьянина; мы предпримем все в пределах возможного, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решается, и даже дать ему от-

⁶¹ Ibid., p. 94—97.

⁶² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 513.

⁶³ Там же, с. 504.

срочку для размышления на своей парцелле, если он не может еще принять такого решения»⁶⁴.

Эта работа Энгельса, однако, не стала известной в Италии. Известность обрели (разумеется, в сравнительно узких кругах) программа французских социалистов, а позже, в 1895 г., решения Бреславского съезда германской социал-демократии, которым «Критика социале» посвятила специальные статьи, не отличающиеся последовательностью в оценке самой проблемы⁶⁵. Если, комментируя марсельскую программу, журнал пытался доказать закономерность защиты крестьянина-собственника и арендаторов, приравнивая логике вопреки их условия труда и существования к условиям сельских наемных тружеников, то позже, после Бреславского съезда, в противоречивой статье не очень определенно отказывался от этой позиции. В последовавшей затем полемике, развернувшейся на страницах «Критика социале», столкнулись различные и даже противоположные точки зрения.

Состоявшийся во Флоренции съезд, о котором шла речь выше, не только не прояснил позиции социалистической партии, но и вовсе ушел от сколько-нибудь серьезного решения стоявшего в повестке дня аграрного вопроса, передав представленный аграрной комиссией доклад на рассмотрение местных организаций⁶⁶.

Следовательно, только на Болонском съезде аграрный вопрос подвергся сравнительно обстоятельному обсуждению. С докладом по вопросу об отношении партии к «сельским классам» выступил Джероламо Гатти (автор книги «Сельское хозяйство и социализм», которую резко критиковал Г. В. Плеханов). Центральной темой его доклада был вопрос о судьбах мелкой крестьянской собственности, полемически им заостренный; при этом он подвергал критике как существовавшие в рядах партии точки зрения, так им же самим искаженные выводы Маркса по этому вопросу. Абсолютизируя отмеченную Марксом тенденцию к вытеснению мелкой крестьянской собственности, он подчеркивал ее устойчивость вопреки «кризисам, налоговому гнету и недостатку капиталов» и предлагал в поддержку ее ряд мер: создание кооперативов, касс взаимопомощи, страховых обществ. В то же время он игнорировал или превратно трактовал вопросы, касавшиеся тех слоев крестьянства, которые не владели землей, хотя именно они и составляли в Италии основную массу сельского населения. Так, в докладе не уделялось должного внимания

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 520.

⁶⁵ См. Zangheri R. Introduzione.— In: Lotte agrarie in Italia. La Federazione nazionale dei lavoratori della terra 1901—1926. Milano, 1960, p. LXXI—LXXII; Procacci G. Prefazione.— In: Kautsky K. La questione agraria. Milano, 1959.

⁶⁶ Il Partito Socialista Italiano..., v. 1, p. 76.

условиям труда и борьбы сельскохозяйственных рабочих, недооценивалось значение якобы несостоятельных постоянных форм их организации, на деле уже в ту пору доказавших свою жизнеспособность. Не без основания возражая тем, кто (как, например, Биссолати на Флорентийском съезде) предлагал содействовать процессу превращения исполщиков в сельскохозяйственных рабочих, Гатти вовсе исключал исполщиков из сферы деятельности партии, поскольку, полагал он, заинтересованность этой категории крестьян в закреплении отношений ипольной аренды представляла «большую трудность на пути их завоевания на сторону социализма»⁶⁷.

Съезд в принятой после оживленных дебатов резолюции выразил несогласие с предложениями Гатти, подтвердил необходимость сохранения и укрепления лиг сельскохозяйственных рабочих и, руководствуясь более правильными, действенными установками, в том что касалось ипольной аренды, поставил вопрос о необходимости пересмотра договоров в пользу исполщиков. По вопросу же о мелких собственниках съезд отверг основной тезис Гатти, но, подтвердив положения о закономерности «исчезновения мелкой собственности», занял пассивную, выжидательную позицию: в резолюции предлагалось лишь ограничиться разъяснением причин, вызывающих «капиталистическую концентрацию (земельной собственности) и соответственно пролетаризацию мелких собственников»⁶⁸, что явно означалоклонение от конкретного решения вопроса.

Итоги прошедших съездов свидетельствовали о неспособности социалистической партии выработать действенную программу борьбы за решение стоявших перед рабочим движением непосредственных задач. Отметим вновь: проблема, в решении которой наиболее явственно обнаружилась политическая и теоретическая слабость итальянских социалистов, была аграрная. Нельзя не согласиться с выводом Р. Цангери: от социалистов ускользали как сущность аграрного, крестьянского вопроса, каким он конкретно сложился в Италии, так и особенности отдельных областей страны и, наконец, резкие контрасты, противоречия между Севером и Югом⁶⁹. «Южная проблема» (еще долго игнорировавшаяся социалистической партией) была вовсе обойдена съездами. Процесс формирования идейно-теоретической основы итальянского социалистического движения, и без того нелегкий, осложнялся воздействием европейского ревизионизма, наиболее сильной в ту пору его разновидности, вдохновителем которой был Э. Бернштейн. Почти одновременно сказалось влияние ревизии марксизма, осуществлявшейся во Фран-

⁶⁷ Zangheri R. Introduzione.— In: Lotte agrarie..., p. LXXVI.

⁶⁸ Il Partito Socialista Italiano..., v. 1, p. 93—94.

⁶⁹ Zangheri R. Introduzione.— In: Lotte agrarie..., p. LXIV.

ции А. Мильераном (вскоре давшим практический образец реформистского ревизионизма), а «слева» — Ж. Сорелем⁷⁰.

Забегая вперед, отметим, что лишь с начала века в прямой связи с происшедшими в стране экономическими и политическими сдвигами ревизионистские тенденции обрели и в Италии реальную значимость; они послужили идейной основой двух с этого времени традиционных течений итальянского социализма — реформистского и «непримиримого» (на определенном этапе — синдикалистского). В 90-х годах реакция социалистов на доходившую в Италию ревизионистскую «критику» марксизма была поначалу ограниченной, замедленной; она свелась к дискуссии на страницах «Критика социале» вокруг Марксовой теории стоимости и интерпретации ее А. Лорией (экономистом и социологом позитивистского направления), который уже в 80-х годах занялся ревизией марксизма. Однако дискуссия эта не затронула сколько-нибудь самой партии.

Впрочем, и позже, в последние годы века, собственно итальянский ревизионизм складывался в основном вне рядов социалистической партии. Не были социалистами Акилле Лория, Бенедетто Кроче, еще не вступил в те годы в партию Франческо Саверио Мерлино. Лория атаковал Марксову «теорию стоимости», а материалистическое понимание истории, сведенное до уровня вульгарного «экономического материализма», еще в 1886 г. попытался изобразить как свое собственное «открытие». Это отмечал, впрочем, Б. Кроче, который под влиянием А. Лабриолы подверг Лорию уничтожающей критике в своей работе «Исторические теории профессора Лории»⁷¹. Однако вскоре, отказавшись от кратковременного увлечения научным социализмом, Кроче сам стал виднейшим идеологом не только итальянского, но и международного ревизионизма⁷².

⁷⁰ Santarelli E. La revisione del marxismo in Italiana. Milano, 1964. p. 29—125; Ragionieri E. Op. cit., p. 31—41; Arfé G. Storia del socialismo italiano. Torino, 1965, p. 83—97.

⁷¹ Так, к 1896 г. относится проницательная оценка Б. Кроче: дискуссия целого десятилетия вращалась вокруг «эквилога, будто Лория является первооткрывателем исторического материализма, исправляющим и усовершенствующим учение Маркса, о котором, впрочем, никто не знал ничего настолько определенного, чтобы сказать, что собственно было исправлено и что усовершенствовано» (Croce B. Le teorie storiche del prof. Loria. Цит. по: Santarelli E. Op. cit., p. 35).

⁷² Это обстоятельство особо отмечал А. Грамши, указывая, что работы Кроче по теории истории идеологически вооружили два самых крупных «ревизионистских движения»... И далее он добавлял: «Сам Бернштейн писал, что он пришел к выводу о необходимости пересмотреть свои философские и экономические воззрения после того, как прочел труды Кроче. Тесная связь между Сорелем и Кроче была общеизвестна, но насколько глубокий характер носила эта связь, выявилось с предельной ясностью только тогда, когда были опубликованы письма Сореля, в которых он неоднократно с поразительной откровенностью подчеркивает свое полное духовное подчинение Кроче» (Грамши А. Избр. произв., т. II. М., 1958). См. Кувалдин В. Б..

Объектом ревизионистской атаки Б. Кроче явились экономическое учение Маркса, в частности, теория прибавочной стоимости, объявленная им лишенной научной основы абстракцией, исторический материализм, низведенный им до простого эмпирического «канона интерпретации истории», и, наконец, Марксова философия, единственным научно состоятельным компонентом которой он объявлял гегелевское «диалектическое ядро»⁷³.

С-инных позиций повел атаку на марксизм бывший анархист Ф. С. Мерлино, ибо его идейные воззрения представляли собой своеобразное сочетание идей Бернштейна (хотя и не полностью признававшихся им) и положений Сореля; тем самым он предвосхищал идеологию будущего итальянского анархо-синдикализма. Заявив о себе на идеологическом поприще работой «За и против социализма», Мерлино развернул затем широкую деятельность по ревизии марксизма. Под его редакцией стал издаваться журнал с недвусмысленным названием «Ривиста критика дель социализмо» («Критическое обозрение социализма»), в котором особое место отводилось сочинениям Бернштейна и Сореля. В «критике» учения Маркса, развернувшейся на страницах журнала, принимали участие — наряду, естественно, с самим Мерлино — представители различных идейных направлений от либерала Луиджи Эйнаути до социалиста Артуро Лабриолы.

Ревизионистские позиции журнала были явно противоречивы: в согласии с посылками Бернштейна отрицались положения о «далеко идущей концентрации богатства» (т. е. производства и капиталов), о прогрессирующем обнищании пролетариата и обострении классовой борьбы. В то же время в полемике с Бернштейном Мерлино не признавал возможности «мирного преобразования капиталистическо-олигархического строя в строй демократическо-социалистический»⁷⁴. Бесспорно, в те годы именно Мерлино принадлежала наиболее активная, действенная роль в лоне итальянского ревизионизма, в частности потому, что в отличие от Лорини и Кроче он ближе соприкасался с социалистическим движением, в которое в 1901 г. вступил.

Однако, как уже отмечалось выше, в так называемой дискуссии вокруг кризиса марксизма, не вызвавшей в рядах социалистической партии сколько-нибудь серьезного отклика, не был дан осознанный отпор ревизионистской атаке. С резкой критикой ревизионизма выступил тогда один лишь Антонио Лабриола, на позиции которого мы остановимся в дальнейшем. Сведения о происходившей дискуссии едва доходили до рядовых членов партии, а лидеры ее, для которых теория и политическая практика

Генезис философско-исторической концепции Бенедетто Кроче. Крочеанская ревизия марксизма.— В кн.: Проблемы итальянской истории. М., 1975.

⁷³ Croce B. *Materialismo storico ed economia marxistica*. Saggi critici. Milano, Palermo, 1900.

⁷⁴ Merlino F. S. *Il nostro bilancio morale*.— «Rivista critica del socialismo». Цит. по: Santarelli E. *Op. cit.*, p. 61.

не воспринимались как неразрывное целое, занятые острой политической борьбой, ограничивались поверхностными суждениями, выражавшими как не очень четко сформулированное несогласие (таковы были в то время суждения Биссолати, редактора «Аванти!»), так и одобрение (со стороны А. Грацпадеи)⁷⁵. В целом же социалистические лидеры занимали двойственную, эклектическую позицию. Такова была позиция Турати, отразившаяся на редактируемом им журнале «Критика социале».

В 1897—1898 гг., когда за пределами Италии, прежде всего в столь авторитетной для итальянских социалистов германской социал-демократии, разворачивались дебаты вокруг так называемого кризиса марксизма, журнал «Критика социале» проявлял то недостаточное знание и слабый интерес к самой сути теоретической проблематики, которые — как несколько лет спустя констатировал сам Турати — были присущи итальянской социалистической партии⁷⁶. На страницах «Критика социале» атакам подвергался лишь наиболее откровенный ревизионизм, вроде ревизионизма Мерлино (еще резче против него выступала «Аванти!»). В то же время «Критика социале» печатал, объявляя их всех без различия «приверженцами марксизма», Э. Бернштейна, Ж. Сореля, Б. Кроче наряду с полемизировавшими с ними Антонио Лабриолой и К. Каутским. При этом в суть теоретических проблем журнал не входил.

Знаменательно в этой связи, что, когда в 1899 г. «Критика социале» вновь начал выходить после вызванного репрессиями перерыва, из подзаголовка «журнал научного социализма» редакцией было изъято прилагательное «научного»⁷⁷. Тем самым лишний раз подчеркивалось узкополитическое, точнее, практическое толкование социалистического учения, которому Маркс и Энгельс дали незыблемую научную основу. Собственно, в этом ограниченно-посибиллистском толковании марксизма и заключалось, хотя поначалу неясно еще обозначенное, влияние ревизионизма Бернштейна, так как разрыв между политикой и теорией, между «конкретным фактором» и научно обоснованной перспективой революционной борьбы («конечная цель» признавалась лишь декларативно) и служил исходной посылкой итальянского реформизма.

Идейная ориентация Турати была эклектической, восходящей к «позитивистскому радикализму», в сфере которого он сформировался. Еще в 1899 г. в письме Бебелю (носившем, однако, личный характер) Турати и Кулишева поддерживали точку зрения верных марксизму германских социал-демократов, выступавших против Бернштейна. В последующие же годы все яснее стала

⁷⁵ Santarelli E. Op. cit., p. 64—66; Ragionieri E. Op. cit., p. 37—39; Bissolati L. Per la democrazia socialista. Milano, 1899.

⁷⁶ «Critica Sociale», 1902, 1 gennaio.

⁷⁷ Santarelli E. Op. cit., p. 62.

выявляться эволюция Турати, окончательно определившаяся в начале века, когда реформистское течение успело утвердиться в итальянском социалистическом движении. Тогда программные и тактические установки Турати уже носили на себе недвусмысленный отпечаток идейного воздействия Бернштейна. В августе 1901 г. Турати писал Бернштейну: «Полагаю, что очень хорошо будет перевести ваш труд (речь идет о книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». — К. М.)». И далее: «...Я не обладаю должным уровнем, чтобы судить о ваших разногласиях с Каутским и «непорочными» марксистами, но полагаю, что наша партия только выиграет, если ознакомится и подвергнет анализу результаты дискуссии»⁷⁸. Последнее, т. е. серьезное ознакомление и анализ результатов дискуссии, так и не последовало. Что же касается самого Турати, то год спустя он идейно сблизился с Бернштейном, о чем поведал сам в интервью, перепечатанном «Критика социале». Подчеркивая, что поведение социалистической партии должно определяться *фактическим* ходом развития, ибо «факты и вытекающие из фактов уроки ценнее всякой априорно выработанной теории», он добавлял: «В этом смысле и следует понимать формулу Бернштейна: *в социализме движение всё*»⁷⁹. Следовательно, в ходе острых дебатов вокруг ревизии марксизма реакция лидеров итальянского социалистического движения обнаружила их идейную незрелость, слабость, а также таившиеся в самом движении тенденции правого и «левого» ревизионизма.

Исключение представлял, как уже отмечалось нами, Антонио Лабриола. К 1895—1896 гг. относится выход его теперь широко известных работ «Памяти Коммунистического манифеста» и «Об историческом материализме»⁸⁰, в которых глубокое изложение Марксова учения отражало осознанное им единство теории и практики, неразрывность идейной платформы и революционного действия. Именно в силу этой исходной посылки Лабриола избег опасности, с одной стороны, схематичного, книжного усвоения марксизма, с другой же — сведения его к узкопрактическому повседневному действию.

Осуждая догматизм, отстаивая творческое отношение к учению Маркса и Энгельса, учитывавшее историческую реальность, притом «под углом зрения национального мозга», Лабриола решительно отвергал «приспособленчество, соглашательство», в результате которых социализм был бы поглощен «гибким механизмом буржуазного мира»⁸¹.

В силу решительного неприятия догмы он поначалу поверил в провозглашенный Бернштейном «критический» подход (пони-

⁷⁸ Цит. по: *Ragionieri E.* Op. cit., p. 37.

⁷⁹ «Critica Sociale», 1902, 1 gennaio.

⁸⁰ Первые издания вышли соответственно в 1895 и 1896 гг.

⁸¹ *Labriola A.* Discorrendo di socialismo e di filosofia. Bari, 1944, p. 212.

маемый Лабриолой как подход «творческий») и некоторое время поддерживал его (отделяя Бернштейна — активного социалистического деятеля — от непартийных «литераторов», вроде Сореля, Масарика, Кроче) и даже защищал от резкой критики Плеханова⁸². Однако, когда в самом начале 1899 г. Бернштейн опубликовал свою печально знаменитую книгу, Лабриола осудил его взгляды, а затем порвал с ним. «Случай с Бернштейном — истинное несчастье», — писал он Луизе Каутской, сетуя на то, что Бернштейн дал толчок новому «крестовому походу» итальянской буржуазной печати, вопящей о «кризисе» социализма и его «агонии»⁸³. Лабриола не скрывал от самого Бернштейна «неудовольствия» от чтения его книги, а в предназначенном для печати письме к Лагарделлю (опубликованном 1 мая одновременно в «Мувман сосьялист» и в «Аванти!») он заявлял, что книга Бернштейна, преднамеренно направленная к «реформе социализма», не может служить «темой простой рецензии», ибо «здесь надобно спорить, анализировать, бороться». В качестве же примера «спора и борьбы в интересах партии» он ссылаясь на полемические статьи, появившиеся в Германии, в частности на «живые, пронизательные» статьи Розы Люксембург⁸⁴.

Гневно выступил Антонио Лабриола и против отечественных ревизионистов, уничтожающе высмеивали претенциозность и невежество, абсурдность разглагольствований о «кризисе» и «преодолении» марксизма⁸⁵. Он добивался, чтобы итальянские социалисты заняли активную, боевую позицию в защиту марксизма. Естественно, что он не мог простить партийной печати ее инертности, а по существу примиренчества в вопросах теории, как не мог простить Турати и Кулишевой идейных отступлений и компромиссов. Однако голос Лабриолы не нашел тогда отклика в социалистической партии, а его идейное наследие было впоследствии надолго предано забвению. Впрочем, как он сам констатировал, теоретические и политические столкновения, происходившие в Германии, не могли вызвать сильной и длительной реакции в итальянской социалистической партии, вынужденной в те годы вести борьбу за «самое элементарное существование»⁸⁶. Разгоревшаяся в Италии классовая и политическая борьба потребовала от социалистической партии предельного напряжения сил.

После тяжелой зимы 1897/98 г., сопровождавшейся ростом дороговизны и безработицы, наступила еще более трудная весна. К последствиям экономического кризиса и катастрофического

⁸² Antonio Labriola e la revisione del marxismo attraverso l'epistolario con Bernstein e con Kautsky.— In: Istituto G. G. Feltrinelli. Annali. Anno III. Milano, 1961, p. 317—318.

⁸³ Ibid., p. 322, 326.

⁸⁴ Labriola A. Scritti politici, p. 437.

⁸⁵ Santarelli E. Op. cit., p. 46—55.

⁸⁶ Labriola A. Scritti politici, p. 439.

неурожая 1897 г. прибавились новые бедствия: скудные запасы хлеба не могли быть пополнены ввозом. Тому препятствовала начавшаяся испано-американская война, а высокие таможенные тарифы (составлявшие свыше 40% рыночной стоимости центнера хлеба) и безудержная спекуляция взвинчивали и без того высокие цены.

Еще осенью 1897 г. оправдались страхи, обуявшие за несколько лет до этого имущие классы: волнения, потрясшие тогда Сицилию, перекинулись теперь и на весь полуостров. Ареной массовых демонстраций и бунтарских выступлений стали Форли и Анкона, Флоренция и Болонья, Неаполь и Милан⁸⁷.

С еще большей силой пламя народной борьбы разгорелось с первых месяцев 1898 г., когда новое резкое повышение цен на хлеб довело возмущение народных масс до крайних пределов. Толпы отчаявшихся людей громили хлебные лавки, склады продовольствия, здания муниципалитетов. «Голодные бунты» вспыхнули в феврале в Сицилии, «подавшей, — по словам Колайанни, — сигнал» к бою и вновь познавшей кровавые репрессии; затем с конца февраля, стремительно нарастая, волнения охватили всю Италию⁸⁸. Начавшись на юге страны, в Бари, волнения под лозунгом «Хлеба и работы» распространились по городам Апулии и почти одновременно Романьи, они охватили Неаполь и провинцию, перенеслись вновь в Сицилию, вскоре в Калабрию, а затем разгорелись в городах Тосканы, Эмилии и, наконец, Ломбардии, где Милан стал полем наиболее крупной и ожесточенной классовой битвы⁸⁹.

События бурного 1898 г. (по знаменательному совпадению происшедшие в полувековую годовщину революции 1848 г.) явились продолжением, развитием массовой борьбы предшествовавших десятилетий; в то же время они отличались новыми существенными особенностями: классовые бои впервые приняли общенациональные масштабы и в известной мере однородный характер⁹⁰. Порожденные нищетой, безработицей, дороговизной, они выходили за рамки «голодного бунта». Наряду со стихийным взрывом народного возмущения, преобладавшим в южных районах, протест масс выливался в более зрелые формы борьбы там, где существовали рабочие и социалистические организации, способные направлять движение. По мере нарастания событий отчетливее становился их политический характер. Тому со-

⁸⁷ Colajanni N. L'Italia nel 1898. Tumulti e reazione. Milano, 1951, p. 23—24.

⁸⁸ Ibid., p. 24—28; Colapietra R. Op. cit., p. 75—80.

⁸⁹ Colajanni N. Op. cit., p. 29—45.

⁹⁰ Это обстоятельство, как и то, что официальные торжества, которыми предполагалось отметить в Турине 50-летие 1848 г., были поначалу «омрачены», а затем и вовсе «отменены королем» ввиду миланских событий, отмечает в своих донесениях царский посол в Италии Нелидов. См. Архив внешней политики (далее: АВПР), ф. Канцелярия, 1898, оп. 470, д. 83, лл. 6—10, 33—34, 98—100.

действовал и разгул реакции, вызывавший решительный и все более сознательный ответный протест масс. Правительство же не видело иного пути, кроме насильственного подавления «бунтарских» выступлений. Так, для обеспечения «порядка» в Бари был срочно направлен армейский корпус под командованием генерала Пеллу, проявившего «необычайную энергию». Неаполь был наводнен войсками, ряд городов оказался на осадном положении, а в Риме были приняты «усиленные меры предосторожности»⁹¹. Как свидетельствовал Колайанни, трудно было установить число арестованных, столь массовыми были полицейские репрессии; только в Бари в один день было арестовано до 500 человек, в Ливорно — 300, в Неаполе же в разное время — около 1000 человек, по всей стране — десятки тысяч⁹².

Жестокие столкновения, спровоцированные, как правило, полицией и вооруженной силой, сопровождались кровавой расправой с безоружными демонстрантами. Так было в Баньякавалло и Мольфетте (провинции Равенны и Бари), в Сесто-Фиорентино (на окраине Флоренции), в Ливорно и Павии. Еще до событий в Милане было убито свыше 50 человек, число раненых, по свидетельству Колайанни, превысило 1000⁹³. Не без основания Биссолати заявлял в палате депутатов, что в результате «диких» репрессивных методов борьбы, к которым прибегала реакция, «борьба за хлеб стала борьбой за свободу», а социалистическая партия — «хранительницей и защитницей наиболее ценных завоеваний цивилизации»⁹⁴.

Неразрывная связь экономических и политических требований масс, все более явное преобладание политического, демократического аспекта в борьбе пролетариата проявились в революционных событиях, на протяжении пяти дней разгоревшихся в передовом центре рабочего движения — Милане. Летопись новых «пяти дней» Милана (наполненных иным историческим содержанием, нежели миланские «пять дней» за пятьдесят лет до этого) открылась арестом рабочего, расклеивавшего социалистическую листовку; в ней миланские социалисты призывали трудящихся объединиться под социалистическим знаменем в борьбе за народные права, за восстановление свободы и справедливости⁹⁵. На произвол полиции рабочие завода «Пирелли» ответили забастовкой, распространившейся затем и на другие заводы. Против бастующих были брошены вооруженные силы. Демонстрация протеста, в которой участвовало много женщин и подростков, была расстреляна войсками. Длительное кровавое сражение разыгралось вслед за тем на улицах Милана, покрыв-

⁹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1898, оп. 470, д. 83, лл. 121—122.

⁹² *Colajanni N.* Op. cit., p. 28.

⁹³ *Ibidem.*

⁹⁴ *Atti Parlamentari. Camera dei Deputati, XX Legislatura, Discussioni, tornata 22 marzo 1898.*

⁹⁵ *Colapietra R.* Op. cit., Appendice, p. 214—216.

шихся баррикадами. Оно возобновилось в последующие дни: новая демонстрация протеста, во главе которой снова шли рабочие завода «Пирелли», была встречена огнем. Жестокие столкновения все вновь разгорались в разных районах города. Пехотные и кавалерийские отряды зверски нападали на демонстрантов, шли в атаку на баррикады, расстреливали безоружное население. Много часов гремели пушки⁹⁶. В городе, объявленном на осадном положении, расправа с восставшими была беспощадной; ею руководил заслуживший зловещую славу генерал Бава-Беккарис, за восстановление «порядка» удостоенный королем высшей военной награды. По официальным преуменьшенным (по мнению Колайанни) данным было убито 80 и ранено 450⁹⁷.

Репрессии обрушились на оппозиционные партии и течения — от социалистической партии до католического движения. Повсюду в стране производились аресты, заработали специально учрежденные военные трибуналы. Закрыты были многие органы печати (наряду с социалистической «Критика социале» республиканская «Италия дель пополо», радикальная «Секоло» и католическая «Оссерваторе каттолико»). Однако основной удар был нанесен социалистической партии. В нарушение депутатской неприкосновенности были арестованы видные социалистические лидеры: Турати, Коста, Биссолати, Ладзари, Моргари; аресту подверглись также Анна Кулишева и сотни других деятелей партии. Турати был приговорен военным трибуналом к 12 годам тюремного заключения, суровые приговоры были вынесены другим обвиняемым. Как и во времена Криспи, были распущены палаты труда и другие рабочие организации, запрещена социалистическая партия.

Как писал Турати Анне Кулишевой, реакционные круги решили, что «настал момент, когда любой ценой следовало сломить социалистическую партию»⁹⁸. Для осуществления этого плана реакция обратилась к откровенному произволу, ибо законные основания для арестов отсутствовали. Ведь охватившее Италию революционное пламя вспыхнуло стихийно, стихийными были и многие выступления масс, составившие боевую летопись 1898 г.

Социалистическая партия, застигнутая врасплох, не была ни вдохновителем, ни, тем более, организатором этих выступлений, но в отличие от позиции, занятой во время сицилийских событий, она, вернее, центральное ее руководство не самоустранилось теперь от происходившей классовой схватки. Нараставшее снизу бурное движение сопровождалось политическими выступлениями социалистической партии. Тем самым был обозначен известный качественный сдвиг: по-прежнему отвергая «негативный бунт», социалистические лидеры стремились позитивными лозун-

⁹⁶ Colajanni N. Op. cit., p. 29—45; Colapietra R. Op. cit., p. 81—84.

⁹⁷ Colajanni N. Op. cit., p. 60.

⁹⁸ Turati F. — Kuliscioff A. Carteggio. Torino, 1949, p. 349.

гами выразить назревшие объективные потребности. Вскрывая подлинные причины глубокого недовольства масс, разоблачая произвол правящих кругов, они выдвигали конкретные экономические и политические требования, призванные облегчить тяжкую участь народа, страдавшего от голода и бесправия. Таковы были требования, содержащиеся в ряде воззваний и в резолюциях миланских социалистов, а отчасти и в законопроектах, внесенных социалистическими депутатами в палату: упразднение высоких таможенных ставок и налогов на продукты питания, прежде всего на зерно, пресечение спекуляции и злоупотреблений, передача муниципалитетам практического решения жилищной «хлебной проблемы»⁹⁹.

Особое значение имели и требования восстановления попраных конституционных свобод, которые социалистическая партия на протяжении всех этих кризисных лет решительно выдвигала на страницах печати, отстаивала в стенах парламента, где складывалось сотрудничество партий «крайней левой», вносила в гущу политической жизни. Известный качественный сдвиг обозначился и в идейном обосновании борьбы рабочего класса, в понимании непосредственной заинтересованности пролетариата в завоевании политических свобод. Более того, хотя и не осознав решающие политические и тактические выводы, вытекающие из столь важного положения, социалисты признавали ту новую историческую миссию, которую должен был выполнить рабочий класс в борьбе за расширение рамок демократии. Мысль о том, что именно пролетариат является носителем славных традиций борьбы за свободу (уже содержавшаяся в приведенном выше выступлении Биссолати), развивалась, в частности, в воззвании социалистической фракции, посвященном юбилею революции 1848 г. «Памятуя... о том, что Конституция (Статут Карла-Альберта) являлась завоеванием, а не подаением, ...трудящиеся обещают себе сегодня завоевать вновь для самих себя, для всех в интересах громадного большинства, в интересах человечества те гражданские права, которые завоевала буржуазная революция»¹⁰⁰.

Было бы неправомерно переоценивать достигнутый уровень: позиция социалистической партии в эти трудные, наполненные боями месяцы знаменовалась разрывом, противоречием между проповедуемыми установками и практическим действием по обеспечению их реализации, что объяснялось не только объективными, но и субъективными причинами. Парламентская и пропагандистская деятельность социалистической партии, сопровождавшая движение «низов», осуществлялась энергично, мужественно. Она не включала, однако, главного: руководства массами, поднявшимися в бой. Выдвинув конкретные установки

⁹⁹ Colapietra R. Op. cit., Appendice, p. 189—195, 211—212, 214—216.

¹⁰⁰ «Avanti!», 3.III 1898.

и лозунги, социалисты не предприняли сколько-нибудь серьезной попытки организовать массы в их поддержку. В то же время они не попытались внести хотя бы элемент организации в уже развертывавшееся стихийное движение. Отвергая «стихийный бунт», принципиально отмежевываясь от него, они прилагали усилия к тому, чтобы умиротворить страсти, предотвратить фронтальные столкновения. В воззвании, с которым миланские социалисты обратились к трудящимся (и шире — к гражданам) Милана, явно отражалось это стремление. В этом именно воззвании, носившем скорее радикально-демократический характер, и заключался упоминавшийся декларативный призыв объединиться под социалистическим знаменем в борьбе за завоевание экономических прав народа, восстановление свободы и справедливости. В заключение же оно звало трудящихся, поскольку «правительство этого не хочет и не умеет, ...не допустить, чтобы отчаяние народа дошло до крайних пределов, предотвратить новые кровопролития... Пусть сама страна спасет страну!»¹⁰¹

Сообразно этим установкам действовал и лидер партии Турати; когда волнения среди рабочих завода «Пирелли» уже начались, он приложил усилия к «умиротворению»: поспешив к ним, Турати попытался остановить движение доводом, что «час действия еще не настал»¹⁰².

Позиция социалистической партии, столь определенно выраженная формулой Турати («час действия еще не настал»), соотносилась, естественно, с данной конкретной ситуацией, но — как увидим — не ее спецификой объяснялись тенденция к «выжиданию» момента, расчет на эволюционное созревание условий, оправдывавших «действие»; тенденция и расчеты, о которых идет речь, сказались еще резче на последующем развитии рабочего движения. Воспринимавшееся сквозь призму господствовавшего в итальянской общественной мысли позитивизма марксистское учение сводилось социалистическими лидерами к вульгарному экономическому материализму. Согласно догме, исторический процесс находился в механической зависимости от объективного, т. е. экономического, фактора, в то время как фактору субъективному — революционному действию масс, рабочему классу и, что особенно важно, политическому его авангарду, т. е. партии, отводилась лишь второстепенная, подчиненная роль. Проявилось то непонимание диалектической связи между объективной действительностью и освещенным теорией революционным действием, то непонимание значения революционной, практической деятельности¹⁰³, о котором в несколько

¹⁰¹ Colapietra R. Op. cit., Appendice: «Manifesto dei socialisti milanesi prima dei moti del maggio 1898», p. 214—216.

¹⁰² Colapietra R. Op. cit., p. 82.

¹⁰³ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, стр. 1—3.

ином контексте, вскрывая несостоятельность пассивно-созерцательного материализма, писал Маркс в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» («Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹⁰⁴).

Это важнейшее положение Маркса (в начале XX в. оно вошло в гениально разработанную Лениным стратегию и тактику революции) не могло быть понято итальянскими социалистическими лидерами. Пренебрегая теорией, они суживали само понятие политической практики (примат которой считали безусловным) до пределов, представлявшихся им «реально возможными, достигаемыми». Тем самым обеднялось содержание стоявших перед рабочим классом задач, а также формы и средства революционного действия. И поскольку, с точки зрения итальянских социалистических деятелей, резкий демаркационный рубеж отделял борьбу за демократическое преобразование общественного строя от «непосредственно классовых социалистических задач», то последние необозримо отодвигались во времени. Италия — экономически и политически отсталая — не обладала, по их мнению, необходимыми предпосылками для самостоятельного выступления рабочего класса, а тем паче широких масс. Следовательно, приходилось ждать той «новой Италии», которая, как писала «Аванти!», предоставит социалистам «экономический и политический субстрат для грядущих боев»¹⁰⁵. Разумеется, речь шла не о пассивном ожидании, а о преимущественно постепенном, эволюционном продвижении по пути, ведущему к конечной цели.

Постепенным, эволюционным представлялся уже в эти годы наиболее авторитетным социалистическим лидерам процесс развития классового, идейного самосознания и организации пролетариата. Преимущественно в стимулировании той или иной формы организации масс — профсоюзной, кооперативной, политической — видели социалисты свою миссию и в то же время источник своей силы¹⁰⁶. В том, что было достигнуто ими в этой области, заключалась их бесспорная заслуга. Однако, пользуясь выражением Грамши, пробуждение масс «к гражданской жизни, к экономической и политической борьбе» может быть успешным, если указываются «средства и пути, благодаря которым пробудившиеся массы могут конкретно, полностью утвердить себя»¹⁰⁷. Неумение лидеров социалистической партии выполнить эту вторую задачу сказывалось особенно явственно, когда движение, возникшее в том или ином районе, разрасталось до общенациональных масштабов. Так было в 1898 г.

¹⁰⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.

¹⁰⁵ «Аванти!», 7.I 1899.

¹⁰⁶ «Аванти!», 3.III 1899.

¹⁰⁷ «Stato operaio», 28.VII 1924. Статья А. Грамши была напечатана без подписи. Теперь опубликована: Gramsci A. La costruzione del Partito comunista (1923—1926). Torino. 1971, p. 41.

Бесстрашно ведя парламентскую акцию и публицистическую кампанию, разоблачавшие произвол и расправы, наиболее авторитетные руководители партии — как уже отмечено — не приняли даже робкой попытки опереться на непосредственную борьбу масс, подчинить руководству партии то незрелое еще движение, последствий которого они так боялись. Они стремились лишь к тому, чтобы ограничить действие масс, добиться «умиротворения». «Умиротворение» Милана 1898 г., да и всей Италии, было действительно достигнуто — но террором, репрессиями, картечью. Умиротворение было, однако, внешним и лишь временным. Расчеты реакции не оправдались: политический кризис обострился, фронт оппозиции расширился, он включал теперь новые общественные силы, а социалистическая партия, подвергаясь преследованиям и роспуску, вопреки намерению реакции не была сломлена. Она продолжала борьбу, как о том заявила в парламенте социалистическая фракция, возбуждая сочувствие и симпатии в народе.

В обстановке возросшего недовольства, охватившего широкие слои и разные политические течения, правительство Рудини, не видя иного выхода, пошло дальше по пути реакции: премьер внес в парламент новые законопроекты, предусматривавшие репрессивные нормы «военного времени». Но, потеряв поддержку правых кругов, которым оно представлялось немошным, не способным осуществлять политику «сильной руки», правительство Рудини подвергалось и неослабным атакам слева. Поражение его было предreshено. В июне 1898 г. на смену ему пришло правительство генерала Пеллу. После краткого периода «затишья» новым кабинетом был сделан дальнейший решительный шаг по пути усиления реакционной диктатуры. Палате депутатов было предложено утвердить проект чрезвычайных законов, которые, воспроизводя с некоторыми изменениями репрессивные законопроекты Рудини, наносили сильный удар конституционным правам и свободам.

В стране поднялась волна протеста, а в парламенте разгорелась ожесточенная борьба, длившаяся целый год и оставившая след в истории страны. Решительное выступление оппозиции, искусно применившей тактику парламентской обструкции, сорвало введение чрезвычайных законов, в том числе и попытку Пеллу ввести их в силу в обход парламента посредством королевского декрета.

В ходе парламентской битвы в защиту конституционных свобод сплотились широкие политические силы: от социалистов, республиканцев и радикалов, объединившихся в блоке «крайняя левая», до сторонников «конституционной оппозиции» — леволиберального течения. Потерпев поражение, правительство Пеллу распустило непокорную палату. Однако назначенные на июнь 1900 г. выборы закрепили происшедшие политические сдвиги: приверженцы правительственного курса собрали всего 611 425

голосов против 749 485 голосов, завоеванных кандидатами оппозиционных партий и течений (из них 303 891 голос был подан за леволиберальных деятелей, 445 594 — за кандидатов избирательного блока «крайней левой»). Социалисты завоевали 33 депутатских мандата вместо прежних 15¹⁰⁸. Правительство Пеллу было сметено.

В наступивший затем краткий «переходный» в сущности период пришедшее к власти правительство Саракко оказалось бессильным перед возникшими новыми трудностями. Совершенное анархистом Бреши убийство короля Умберто I, расплатившегося жизнью за санкционированный и нередко вдохновлявшийся им жестокий репрессивный курс, накопило до предела политическую атмосферу. Однако продолжать политику «сильной руки» было уже невозможно; впрочем, и ход классовой борьбы определяли теперь отнюдь не бунтарские, анархистские методы действия. Вскоре о том поведало новое знаменательное событие: на исходе века в Генуе, городе давних революционных традиций, развернулась всеобщая забастовка, значение которой было тем большим, что в ней рабочий класс утверждал свое право на организацию и — в более широком плане — завоеванные в трудных боях политические свободы, расчищая тем самым путь общественному прогрессу.

Спровоцированная реакцией, она вспыхнула в знак протеста против роспуска префектом местной Палаты труда. Ее начали рабочие порта, поддержали рабочие металлургических предприятий и судостроительных верфей, а затем и другие отряды рабочего класса. Число бастующих достигло 20 тыс. человек¹⁰⁹. Захваченная порывом рабочих вся трудовая Генуя в знак солидарности поддержала их борьбу. Опустел порт, остановились предприятия, в городе замерла деловая жизнь.

Правительство Саракко, первоначально одобрявшее действия префекта, теперь вынуждено было их дезавуировать. Палата труда была восстановлена. Победа рабочих была полной и безоговорочной.

Политические последствия генуэзской забастовки сказались в масштабах, какие трудно было предвидеть. Острая борьба разгорелась в парламенте, где правительство Саракко подверглось ожесточенным атакам как справа, так и слева. В то время как консервативные фракции обвиняли правительство в капитуляции перед массами, «крайняя левая», поддерживаемая леволиберальной фракцией, возглавлявшейся Дзанарделли и Джолитти, резко осуждала первоначальную поддержку кабинетом произвола префекта, а главное — требовала решительного изменения политического курса правящих кругов. Не выдержав натиска оппозиции, правительство Саракко подало в отставку.

¹⁰⁸ *Trevisani G.* Op. cit., v. 2, p. 306—307.

¹⁰⁹ *Rigola R.* Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947, p. 192—193.

Отныне борьба рабочего класса, развертывавшаяся на авансцене политической жизни страны, прямо или косвенно обуславливала политику господствующих классов, накладывала свой отпечаток на ход событий, более того, становилась важнейшей движущей силой прогрессивного развития итальянского общества. С полным основанием «Критика социале» писала о победе геновских рабочих: «Это было поистине самое характерное и примечательное событие новейшей истории страны: им «пролетарская Италия» с затаенной надеждой приветствовала восходящее «новое столетие»¹¹⁰.

Таков был исполненный символического смысла пролог грядущей борьбы — борьбы упорной и долгой, — в которой пролетарская Италия, прокладывая путь к социализму, неизменно и самоотверженно вставала на защиту великого дела демократии и свободы.

¹¹⁰ См. «Critica Sociale», 1901, 1 gennaio.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЫ». ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Вступление Италии в XX в. совпало с началом нового значительного периода ее истории, периода, который в итальянской литературе принято называть либеральной, точнее «джолиттианской» эрой. В пределах этого периода (хронологически ограниченная 1901—1914 гг., «джолиттианская эра» оказалась недолговечной) сложилась политическая система управления страной, при которой на обновленной основе и шире, чем когда-либо прежде, развернулась политика и практика буржуазного либерализма. Она сложилась в непосредственной взаимозависимости и антагонистическом столкновении с развитием рабочего движения. Позади были годы глубокого экономического и политического кризиса, яростного наступления на рабочее, социалистическое и одновременно на общедемократическое движение в защиту конституционных прав и свобод, годы агрессивных и обреченных колониальных авантур.

Откровенный произвол и жестокие репрессии оказались бесильными: последнее «кровавое десятилетие» XIX в. завершилось крушением «чересчур 'насильственной, чересчур прямой» диктатуры господствующих классов, против которой «одновременно (хотя и несогласованно) восстали крестьяне Юга и рабочие Севера»¹.

Поворот к новому, «либеральному» курсу стал фактом. Пришедшее к власти министерство Дзанарделли, в котором главной политической фигурой стал министр внутренних дел Джолитти, положило начало новой, либеральной ориентации правящих кругов. Не подлежит сомнению, что крутой перелом был обусловлен глубокими объективными и субъективными сдвигами, о которых шла речь в предыдущих главах: возобновившимся экономическим подъемом, усилившим процесс преобразования социально-экономической структуры страны, изменением соотношения классовых и политических сил; при этом особое значение имело создавшееся к концу века соотношение сил в самом правящем блоке. Именно последний фактор, т. е. рост в правящем блоке удельного веса и влияния капиталистических

¹ Грамши А. Избр. произв., т. 1. М., 1954, с. 488. *Gramsci A. Alcuni temi della questione meridionale.*— In: *La costruzione del Partito Comunista (1923—1926).* Torino, 1971, p. 145—146.

сил новой формации — заправил крупной промышленности и банков, — не мог не проявиться в политической жизни страны. Определенной части крупной промышленной и финансовой буржуазии, обретшей уверенность в собственной силе, не чужды были созвучные времени, испытанные в передовых странах экономические установки и политические воззрения. Эти капиталистические группы постепенно убеждались в целесообразности либеральных форм и были непосредственно заинтересованы в столь необходимом для промышленного развития «классовом мире». Придерживаясь такой установки, они в сущности подчинялись уже выверенной закономерности. Так, в Англии середины XIX в., отмечал Энгельс, крупные фабриканты, являвшиеся поначалу застрельщиками борьбы с рабочим классом, стали затем призывать к «миру и гармонии», к уступкам, «справедливости и человеколюбию»². Другой аспект того же явления подчеркивал Ленин: «Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения...»³.

Наиболее динамичные капиталистические группы к переходу на либеральные позиции, наряду с причинами экономического характера, побуждала и сама логика классовой борьбы, разгоревшейся в стране. В поисках выхода из кризиса, потрясавшего страну, в самом господствующем лагере сталкивались различные классовые силы (вследствие итальянской специфики размежевание носило и территориальный характер), по-разному представлявшие себе пути и средства его преодоления. Еще в 1895 г. не без основания «Критика социале», отмечая поляризацию сил в правящем лагере в период реакционного режима Криспи, писал, что «...архибуржуазная Ломбардия вся выступает против него», в то время как его (Криспи) «подлинная армия, его лейб-гвардия, его янычары находятся там, откуда он сам, в местах, где нет еще буржуазии» (имеется в виду «феодальный Юг») ⁴. Но падение правительства Криспи не привело, как известно, к существенным изменениям системы правления, носившей то консервативный, то в конце века откровенно реакционный характер. Понадобилось, таким образом, еще пятилетие, отмеченное экономическими сдвигами, тяжкими испытаниями, ожесточенными классовыми и политическими конфликтами, дабы этот политический перелом осуществился.

Нельзя не согласиться с историками, считающими, что процесс перехода от реакционной к либеральной форме правления был связан с ростом удельного веса и политической инициативы новых капиталистических групп, нельзя, однако, забывать, что эти группы выступали в рамках ставшего отныне традици-

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, стр. 261.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 68.

⁴ «Critica Sociale», 1895, 1 luglio.

онным классового блока, в котором были представлены и силы «старой формации» — от аристократическо-дворцовых кругов до латифундистов Юга. Этим объясняется — притом на протяжении всего существования либеральной системы — не только сложность процесса утверждения ее прогрессивных тенденций, но и ограниченность реальной возможности их воплощения⁵. Именно вследствие этих причин столь же бесспорным является признание особой роли, которую в предопределении политического перелома начала века сыграло создание широкого фронта социальных и политических сил, заинтересованных в обновлении политических форм и методов управления страной. Решающим же было движение масс, штурмовавших «крепости» реакции, революционное действие рабочего класса, отстаивавшего не только узкоклассовые интересы, но и общее дело демократического развития страны. Проявилась, следовательно, в известной мере и в Италии закономерность, которую для иной эпохи (имея в виду Францию XVIII—XIX вв.) подчеркнул Ленин: «...в конце долгого периода буржуазных революций,— отмечал он,— по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных... элементов» французская буржуазия (в начале эпохи революций — монархическая) «была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»⁶. Но в отличие от Франции революционный процесс, принявший в Италии 90-х годов столь широкий размах, не вылился (вопреки предположениям, не отвергнутым и Энгельсом) в буржуазно-демократическую революцию, завершившую ликвидацию пережитков средневековья. Он привел к осуществленной «сверху» умеренной реформе, хотя и в этом случае реформа явилась результатом («побочным продуктом») революционной борьбы масс, прежде всего революционной борьбы пролетариата, его политической партии.

Разумеется, такой исход не был случайностью: в числе объективных и субъективных факторов, которых мы коснулись в ходе изложения, он был обусловлен в конечном счете реальным удельным весом, равно как и степенью зрелости противостоящих друг другу политических сил, присущим тем и другим умением выработать стратегию и тактику, сообразную конкретным условиям борьбы. В сущности, дело шло о том, какой из этих политических сил удастся овладеть решающими позициями, стать ведущей, дабы определять и направлять дальнейшее развитие страны.

⁵ См. уже упомянутый обзор Ф. Де Феличе, содержащий, на наш взгляд, обоснованные оценки трактовки этой проблемы историками различных направлений (*De Felice F. L'età giolittiana*. — «Studi storici», 1969, N 1, p. 129—136).

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 83—84.

Не оказались в состоянии овладеть этими решающими позициями те политические силы, которые внесли наибольший вклад в борьбу против реакции, так как размаху самого движения не соответствовала политическая способность социалистической партии и ее буржуазно-демократических союзников возглавить его, выдвинув конкретную программу действия. Роль их в разгоревшейся битве была преимущественно ролью ведомых, что не могло не сказаться на ходе и исходе событий. В водовороте этих событий исторической проверке подверглись также классовые силы и политические течения, принадлежавшие к правящим сферам. Стоявшие перед страной острейшие проблемы по-разному решались различными кругами. Реакционные круги упорно добивались «сильной власти», продолжения репрессивного курса, расправы с «бунтовщиками». Однако возврат к прошлому был уже невозможен. Тому свидетельством являлись, в частности, не только все шире утверждавшиеся идейные и политические взгляды и концепции социалистического или радикального направлений, но также проекты реформ, выдвигавшиеся наиболее серьезными политическими деятелями леволиберального или консервативного течений. Знаменательно при этом, что, каково бы ни было содержание предлагавшихся проектов, важнейшим их аспектом была социальная проблема, по-разному интерпретируемая, а в непосредственной связи с нею и вопрос о методах и средствах, которыми следовало добиваться «социального мира». В сущности же речь шла об определении форм и методов правления страной, о тактике, способной обеспечить расширение и укрепление основ государственной власти путем подчинения масс гегемонии господствующих классов.

В острой борьбе за гегемонию в правящем лагере столкнулись два главных течения: консервативное, наиболее влиятельным и видным идеологом которого был по-прежнему С. Соннино, и леволиберальное, имевшее в лице Дж. Джолитти незаурядного, сильного лидера. Из поединка с Соннино (как и неоднократно впоследствии) победителем вышел Джолитти, превосходивший своего «антагониста» энергией и решимостью «человека действия», а прежде всего тем, что, яснее осознав сущность сложившейся исторической ситуации, он сумел выдвинуть реалистическую политическую альтернативу, в наибольшей мере соответствовавшую в тот момент «велениям времени», точнее, интересам новых, современных капиталистических групп.

Соннино же откликнулся на «веления времени», оставаясь на консервативных позициях. Основные положения его социально-политической концепции были сформулированы им еще в 1870—1880 гг.; о них уже шла речь выше. 90-е годы, не внося в эту концепцию принципиальных изменений, усилили ее консервативную направленность. Дважды в конце века Соннино выступил в журнале «Нуова анталоджия» со статьями, вызвавшими

острые дебаты и разноречивые суждения⁷. Под влиянием обострившейся кризисной обстановки в них затрагивались новые проблемы; неизменным оставался основной стержень отраженной в них системы взглядов — требование упрочить основы существующего государственно-монархического строя путем создания сильной исполнительной власти. Если в первой статье, опубликованной в 1897 г. («Вернемся к статуту», т. е. к букве и смыслу статута Карла-Альберта), выдвигался принцип безусловного примата прерогатив короля, перед которым были непосредственно ответственны министры, и тем самым ограничивалась сфера действия парламента, то спустя три года в новой программной статье упор делался не на особые прерогативы короля, а на сильное правительство и прежде всего на объединение консервативно-либеральных, так называемых национальных партий, дабы противопоставить их сложившемуся на выборах 1900 г. блоку «народных партий», объединявшему радикалов, республиканцев и социалистов. Таким образом, Соннино, по-прежнему критически относясь к существующей парламентской системе, выступал ныне против якобы допускавшегося в ее практике «злоупотребления свободой», вследствие чего, по его мнению, и стала возможной беспрецедентная парламентская обструкция.

С консервативных позиций Соннино решал и социальную проблему, раздвигая теперь ее рамки. Если в центре внимания по-прежнему был ее крестьянско-аграрный и в то же время «южный» аспект, то теперь речь шла также о другом — о мерах, призванных улучшить условия «материального и морального» существования различных социальных слоев, в частности рабочих (которым впервые уделялось внимание в программных положениях Соннино); для них предусматривались определенные формы участия в прибылях промышленных предприятий.

Целью этих мероприятий являлось ослабление недовольства, угрожавшего конституционно-монархическим установлениям. Однако осуществлять эту крайне умеренную реформаторскую деятельность надлежало, по расчету Соннино, лишь объединению «национальных партий», т. е. консервативно-либеральным кругам, опиравшимся на поддержку монарха. Участие левых партий в решении этих задач, а тем паче непосредственное действие масс не должно было допускаться. «Основная занимавшая его (т. е. Соннино. — К. М.) проблема, особая типичская его черта, — пишет историк Кароччи, — заключалась в том, чтобы попытаться осуществить реформаторскую программу, ограниченную социально-экономической сферой, без того, чтобы этой программе соответствовала аналогичная тенденция левого направления в сфере политической: *pour le peuple, non par*

⁷ *Sonnino S. Torniamo allo Statuto.* — «Nuova Antologia», 1897, 15 gennaio; *idem. Quid agendum.* — «Nuova Antologia», 1900, 16 settembre.

le peuple»⁸ (для народа, а не самим народом) — такова была его установка.

Однако воззрениям Соннино, одобрительно встреченным в консервативном лагере, не суждено было одержать политическую победу. Его объединительный призыв был отклонен влиятельным леволиберальным течением, прежде всего Джованни Джолитти.

Происходя из среды пьемонтского чиновничества, которой не чужды были умеренно либеральные взгляды и настроения времен Кавура, Джолитти самим укладом семьи, воспитанием, наконец, опытом, приобретенным на служебном поприще⁹, был в большей мере, чем многие деятели его круга, подготовлен к восприятию новых социальных явлений итальянской общественной жизни конца XIX в.

Еще в речи 29 октября 1899 г., обращенной к избирателям и получившей широкую известность¹⁰, Джолитти, предвосхищая призыв Соннино к созданию единого блока конституционно-либеральных партий, отверг эту идею, ссылаясь на разделявшие эти партии, точнее течения, существенные разногласия. Тогда же обстоятельно и четко изложив свою политическую платформу, он противопоставил Соннино принципиально иную концепцию политического развития страны. Сложившись в основном к концу века, она стала вскоре официальной правительственной программой. То была более прогрессивная политическая концепция, в которой уроки и традиции прошлого (не случайно Джолитти взывал к «славной политике» Кавура) переплетались, органически сливались с реалистическим представлением о необратимых изменениях, происшедших в жизни итальянского общества. В той же речи Джолитти озабоченно и предостерегающе указывал: «Итальянское общественное мнение глубоко встревожено, крайние партии никогда еще со времени образования Итальянского королевства не были так сильны и дерзки; новые социальные проблемы встают перед страной, новые природные течения вступают в политическую жизнь, кризисом поражены парламентские учреждения — все это является знаменем того, что настал период глубоких преобразований»¹¹.

Разумеется, ни тогда, ни позднее, находясь у власти, Джолитти (впрочем, о том говорит и приведенная выше оценка «крайних партий») не переступал пределов, предначертанных

⁸ *Carocci G. Giolitti e l'età giolittiana*. Torino, 1961, p. 56.

⁹ Позади была многообразная деятельность; Джолитти не было и 20 лет, когда, окончив юридический факультет Туринского университета, он начал успешно продвигаться по службе, занимая различные должности в высшем государственном аппарате. В 1882 г. он был избран депутатом, а в 1889 г. вошел в качестве министра казначейства в кабинет Криспи; три года спустя он впервые занял пост премьер-министра, который и впоследствии довелось ему занимать не раз и надолго.

¹⁰ *Giolitti G. Discorsi extraparlamentari*. Torino, 1952, p. 211—232.

¹¹ *Ibid.*, p. 211.

интересами «верхов», тех капиталистических сил, с которыми он связывал рост экономического и политического веса и престижа страны в лоне передовых держав. Однако ревностно отстаивая эти интересы (а позднее, уже у власти, оказавшись вынужденным учитывать и интересы всего правящего блока в целом), он все же исходил из более широких представлений, учитывавших и традиции Рисорджименто, а также исторический опыт других стран, установки и практику государственных деятелей, к которым он проявлял особое пристрастие (недаром, как свидетельствует его биограф Г. Натале, портрет Ллойд Джорджа украшал кабинет Джолитти¹²). Так или иначе, сила Джолитти заключалась в ту пору главным образом в том, что он обладал способностью воспринять то новое, что несла с собой бурно развивавшаяся действительность конца века и — пусть инстинктивно — уловить динамику общественного развития. Руководствуясь этими представлениями, он искал новые пути решения острых проблем, волновавших страну. Уже в наше время, ретроспективно оценивая его деятельность, Тольятти писал о нем: «Нельзя отрицать, что среди политических деятелей его эпохи он представляется нам сегодня тем политическим деятелем, который лучше других понял, в каком направлении должно было двигаться итальянское общество, дабы вырваться из тисков противоречий»¹³.

Направление это определялось, по мнению Джолитти, либеральной концепцией, согласно которой главным методом политического управления страной должен был стать отказ от подавления масс силой, так как путь реакции — подчеркивал он в упомянутой нами речи октября 1899 г. — был бы роковым. Служа лишь интересам меньшинства, такой метод восстановил бы против конституционных учреждений «самые живые неистребимые силы современного общества», противоречил бы интересам «наиболее многочисленных классов, наиболее интеллектуально развитых людей»¹⁴. Джолитти подвергал резкой критике господствовавшую систему управления, заключавшуюся в том, чтобы «отказываться от каких бы то ни было уступок и применять к недовольным силу, урезывая гражданские свободы и умножая орудия репрессий»¹⁵.

Вместо этой пагубной системы он выдвигал систему либеральную, назначение которой должно было заключаться в том, чтобы «удовлетворить запросы и стремления огромного большинства страны, устранить или хотя бы ослабить действие причин общественного недовольства, по крайней мере в той части, которая может зависеть от законов и методов правления»¹⁶. Речь

¹² *Natale G. Giolitti e gli italiani*. Milano, 1949, p. 30.

¹³ *Togliatti P. Momenti di storia d'Italia*. Roma, 1963, p. 94.

¹⁴ *Giolitti G. Discorsi extraparlamentari*, p. 221.

¹⁵ *Ibid.*, p. 208, 218, 232.

¹⁶ *Ibid.*, p. 218, 220.

шла, таким образом, об определенной тактической линии, направленной к расширению и упрочению социальной, массовой базы буржуазно-конституционного строя. Эту цель Джолитти раскрывал с предельной ясностью. Ошибочно полагать, указывал он, будто «сильным правительством является такое правительство, которое при малейшем шелесте листьев объявляет осадное положение, отменяет обычное судопроизводство, учреждает военные трибуналы и попирает конституционные свободы». И далее он убежденно доказывал, что лишь то правительство обладает подлинной дееспособностью, чью прочную опору составляет большинство населения страны¹⁷ (эту же мысль он выдвигал уже будучи министром внутренних дел, в резкой полемике с консервативной оппозицией). «...Управлять Италией,— указывал он,— должно в условиях свободы и законности... во избежание опасных социальных волнений», ибо, разъяснял он далее, «в народных классах созрело сознание собственных прав и собственной силы, которое никакой реакционный закон, никакое своеволие власти не в состоянии подавить...» Следовательно, чтобы сила этих масс не стала вскоре неодолимой, назрела необходимость «удержать ее в рамках законности», но для этого правительство должно действовать и быть воспринято этими народными массами «как защитник их прав и законности их интересов»¹⁸.

В концепции Джолитти поражаало смелое признание обособнанности недовольства, «недовольства глубокого и опасного», первопричины которого он видел в тяжких материальных, политических, моральных условиях существования большинства населения страны. Ответственность за создавшееся кризисное положение Джолитти возлагал на правящие круги, обнаружившие политическую слепоту, косность, приверженность интересам и требованиям «узкой привилегированной касты, толкавшей их на путь реакции»¹⁹. Не случайно поэтому жгучий социальный вопрос, выдвинутый в центр общественной жизни ожесточенными классовыми боями, занимал особое место в его идейных установках, а позже и в правительственной программе. Но решал он его иначе, нежели в том же правящем лагере или примыкавших к нему кругах другие влиятельные деятели, в частности его соперник Сидней Соннино.

Джолитти настойчиво возвращался в эту пору к задаче улучшения условий существования «наиболее многочисленных классов общества», ибо в этом он видел один из источников стимулирования экономического, прежде всего индустриального, развития страны и нормализации общественного климата. Он подчеркивал необходимость пересмотра «чудовищной налоговой

¹⁷ Ibid., p. 221; *Giolitti G. Discorsi parlamentari*, v. 2. Roma, 1953, p. 673.

¹⁸ *Giolitti G. Discorsi extraparlamentari*, p. 231—232.

¹⁹ Ibidem.

в представлениях и деятельности социалистических лидеров и самой партии борьба за промежуточные задачи заслоняла отдаленную цель, борьба за демократию не составляла неотъемлемую часть борьбы за социализм, не рассматривалась как органическое, кровное дело пролетариата. «... То, что на протяжении уже многих лет делает наша партия,— писали Турати и Кулишева в «Критика социале»,— ... это защита свободы, это благородный протест, это необходимая демократическая битва: это — все что угодно, только это не имеет ничего общего с социализмом. Мы перейдем к подлинно социалистическому действию в тот день, когда сможем прекратить быть тем, чем в силу необходимости являемся сегодня,— просто демократами!»⁴³

Следовательно, Турати и Кулишевой, а также их единомышленникам виделось четко разграниченное поэтапное развитие, в котором рабочему классу, социалистической партии отводилась до поры до времени лишь вспомогательная, подчиненная роль, поскольку борьба за демократию была, по их мнению, делом буржуазии и ее партий. Из субъекта истории рабочий класс, народные массы превращались в объект; формальным, декларативным оставалось также признание независимости, самостоятельности социалистического движения. И это именно тогда, когда в наступившую новую историческую эпоху рабочему классу, его партии предстояло выполнять роль ведущей, руководящей силы в борьбе за общественный прогресс. Идя на политические союзы и соглашения, итальянские социалисты не только не подкрепляли их широкими и прочными союзами с массами — городскими и сельскими, но и не ставили перед собой и решающей задачи — завоевания рабочим классом, его политическим авангардом, гегемонии в борьбе против реакции, за утверждение и расширение демократических прав и свобод. Так было в трудных битвах на рубеже века.

Тем самым социалистическая партия уступала политическое руководство буржуазии, конкретно же «парламентско-конституционной левой» — леволиберальному течению, возглавлявшемуся Джолитти, именно этому течению и дано было завладеть гегемонией и ввести в «либеральное лоно» демократическое

сторону, К. Каутским и В. Либкнехтом — с другой, он добавил: «помнится... одна наша беседа..., в ходе которой вы в конце концов согласились со мной, что поистине: конечная цель — ничто, движение все» (*Turati F. — Kuliscioff A. Carteggio. Torino, 1949, v. 1, p. 498—499*).

Несколько лет спустя в перепечатанном в «Критика социале» интервью Турати содержался следующий примечательный тезис: в определении поведения социалистической партии «факты, уроки, преподанные фактами, представляют значительно большую ценность, нежели любая априорно сконструированная теория. Исключительно в этом смысле и следует понимать изречения Бернштейна: в социализме движение все» (цит. по: *Santarelli E. La revisione del marxismo in Italia. Milano, 1964, p. 56*).

⁴³ «Critica Sociale», 1899, 1 agosto.

движение, проявившее в битвах конца века несомненную силу и опиравшееся на широкую массовую основу.

Таковы были идейно-политические установки, с самых истоков лежавшие в основе итальянского реформизма.

Сравнительное их преобладание в социалистической партии не исключало, однако, наличия в ней противоборствующих тенденций, что отчетливо проявилось на партийном съезде, состоявшемся в Риме 8—11 сентября 1900 г.

Это был первый съезд, собравшийся после долгих лет подполья, преследований и репрессий. Как верно отмечали его участники, по своему составу он «походил скорее на собрание бывших политических узников»⁴⁴. Не случайно поэтому на нем царила атмосфера подъема и оптимизма, в которой сильнее всего проявлялось стремление к единству, к сглаживанию разногласий, реально существовавших, хотя и не носивших еще острого характера. И все же на самом съезде, а до него на страницах печати установки реформистов (или *transigenti* — примиренцев) подвергались критике слева. Так, в предсъездовской полемике их упрекали в чрезмерном увлечении «законностью», в пренебрежении к революционным средствам и методам борьбы. Пожалуй, четче и острее всего эти упреки прозвучали в статье Гаэтано Сальвемини в «Критика социале». Полемизируя с Турати и Кулишевой, Сальвемини возражал против умозрительных формул реформистов, игнорировавших «чреватую взрывами» реальную итальянскую действительность, заменявших ненавистную им «словесную революционность» другой крайностью — проповедью «законности» и «пассивного сопротивления». Сальвемини упрекал их в том, что, уверовав в чудодейственность тактики союзов с левобуржуазными партиями, они не требовали при этом от союзников «безоговорочной поддержки» борьбы за «конкретную программу неотложных политических и финансовых реформ»⁴⁵.

Предметом споров, возражений были отдельные положения проекта программы-минимум, опубликованного в «Критика социале» и предназначенного для обсуждения съездом. В нем предлагались политические и экономические реформы, направленные к демократизации политической жизни, расширению гражданских прав трудящихся, улучшению условий их труда и существования. Составители проекта оговаривали, что предлагавшиеся реформы (всеобщее избирательное право, защита женского и детского труда, налоговая реформа, пересмотр арендных договоров, наконец национализация транспорта и рудников) намечают лишь общее направление, по которому должно осуществляться преобразование общественной

⁴⁴ «Critica Sociale», 1900, 16 settembre.

⁴⁵ «Critica Sociale», 1900, 16 febbraio.

жизни страны⁴⁶. При этом подчеркивалось «качественное отличие» предложенного проекта программы от установок буржуазных реформаторов, поскольку предлагавшаяся программа-минимум являлась не самоцелью, а лишь «средством достижения цели». Она должна была содействовать организации и воспитанию пролетариата, готовя его «к будущей задаче управления обществом, построенным на коллективных началах». Наконец, по мнению составителей проекта, «одно уже требование реформ, в том числе и не осуществимых при данном механизме государства», может «все же подтолкнуть последнее по пути преобразования, по направлению к свободе и социальной справедливости»⁴⁷.

Дискуссия, развернувшаяся до съезда на страницах «Критика социале», не отличалась особой глубиной. Важно, однако, что в ней был затронут вопрос о соотношении программы-минимум с конечными целями движения; было высказано опасение, как бы эта программа не оказалась чересчур приспособленческой, не утратила социалистического характера⁴⁸.

Подобные же опасения были высказаны и на съезде; критике «слева» подверглось само разделение партийной программы на программу-максимум (так и не разработанную) и программу-минимум, ставшую основной. Несогласие вызвало и программное положение о национализации экономических отраслей, поскольку в нем таилась угроза «государственного, капиталистического социализма» (таково было, в частности, мнение Артуро Лабриолы)⁴⁹. Съезд, не вняв этим аргументам, подавляющим большинством голосов принял программу-минимум. Наиболее острую полемику вызывал — как в печати, так и на самом съезде — вопрос о блоках с буржуазными партиями, который, как известно, волновал не одних итальянских социалистов. Он горячо обсуждался на Парижском конгрессе II Интернационала, состоявшемся уже после Римского съезда, в конце сентября 1900 г. Острота развернувшейся на нем дискуссии была вызвана, в частности, тем, что «казус Мильерана» поставил перед международным социалистическим движением серьезную проблему, требовавшую неотложного принципиального решения. Безуспешной оказалась попытка некоторых делегатов оправдать поведение Мильерана; не была принята и составленная Ж. Гедом и Э. Ферри резолюция, в которой предлагалось «запретить всякое участие социалистов в буржуазных правительствах, по отношению к кото-

⁴⁶ «Critica Sociale», 1900, 16 febbraio, 1 settembre. Проект программы-минимум, первоначальный вариант которого, как уже отмечено, обсуждался на Болонском съезде 1897 г., был теперь доработан Турати, Тревесом и Самбукко с учетом всех высказанных ранее соображений и пожеланий.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ «Critica Sociale», 1900, 16 agosto.

⁴⁹ Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. 1. Milano, 1959, p. 139—145.

рым социалисты должны придерживаться решительной оппозиции». Большинство делегатов отдало свои голоса резолюции Каутского — «половинчатой, примирительной», по оценке Ленина⁵⁰.

Незадолго до этого и на Римском съезде итальянских социалистов было отклонено требование «непримиримых» о возобновлении «строго классовой политики» и прекращении избирательной тактики блокирования. Тщетно Э. Ферри, поддержанный на Римском съезде делегатами Пьемонта и отчасти Тосканы, заявлял, что в создавшейся обстановке политика блокирования с буржуазными партиями была уже нецелесообразной и даже опасной, ибо в новых условиях она вносила в социалистическое движение одну лишь сумятицу и подрывала основы социалистической идеологии⁵¹. Большинством голосов (106 против 69 при 2 воздержавшихся) была принята резолюция, идущая дальше резолюций предыдущих съездов, так как она предоставляла местным организациям партии «полную автономию», т. е. свободу действия в заключении избирательных союзов с так называемыми родственными, демократическими партиями.

Примечательно при этом, что разгоревшиеся было на съезде страсти легко улеглись: Ферри, неоднократно выступавший против платформы большинства, призвал теперь делегатов к сплочению рядов, указывая, что на съезде, каковы бы ни были его решения, нет «ни побежденных, ни победителей», а другой лидер «непримиримых», Артуро Лабриола, воздал должное деятельности газеты «Аванти!», подвергавшейся на съезде критике «слева»⁵².

Съезд закончился, таким образом, под знаком согласия и единства. И хотя внешним единодушием прикрывались первые признаки не прекращавшейся в последующие годы идейной борьбы, победа реформистской тенденции представлялась неоспоренной.

Перелом в политической жизни страны был обозначен 1901 годом.

Наступила так называемая джолиттианская эра, когда, по мнению Б. Кроче, «наилучшим образом воплотилась в жизнь идея либерального правления»⁵³. Действительность лишь в известной мере подтвердила эту апологетическую оценку: в бурном потоке событий проявились не только прогрессивные тен-

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 105; История II Интернационала, т. I. М., 1965, с. 363—366.

⁵¹ Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi..., v. 1, p. 130.

⁵² Комментируя поведение Ферри на Римском съезде и на Парижском конгрессе II Интернационала, Антонио Лабриола высказал Каутскому убийственные для Ферри суждения: «Ферри, выступивший в Париже в роли непримиримого, больше чем кто-либо другой хотел бы играть роль Мильерана» (Antonio Labriola e la revisione del marxismo..., p. 334).

⁵³ Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1928, p. 223.

денции, заключавшиеся в новом политическом курсе, но также ограниченность, шаткость его основы.

Несомненно, однако, что в результате свершившегося либерального поворота создались условия, при которых дотоле назревавшие процессы могли впредь развиваться ускоренными темпами с небывалым еще размахом. Они охватили все сферы общественного развития страны. Такой вывод не представляется удивительным, если учесть, что объективное назначение «нового курса» заключалось в конечном счете в решении двуединой задачи: в обеспечении хотя бы относительного «классового мира», дабы, укрепив основы существующего строя, расчистить путь экономическому, прежде всего индустриальному, развитию, т. е. обеспечить быстрое и успешное продвижение страны по капиталистическому пути. Италия могла бы тогда во всеоружии добиваться «места под солнцем» на накаленной международной арене.

И действительно, в десятилетие так называемой либеральной эры произошли существенные изменения в экономическом и социальном облике страны; развернулись процессы, восходящие истоками к последним переломным годам XIX в. и завершившиеся лишь после первой мировой войны; «свободный» капитализм перерос в капитализм монополистический, сложился итальянский империализм.

К решению стоявших перед ними задач новые правящие круги шли не без zigzagов, в значительной степени эмпирически, стихийно и тем не менее целеустремленно. Как и в последние десятилетия века, промышленному развитию всемерно содействовало вмешательство государства в сферу экономической деятельности; продолжалась политика протекционизма, предоставления государственных субсидий и прибыльных заказов «опекаемым» отраслям промышленности. Таким образом, если утверждение «нового курса» было подготовлено происшедшими в предшествовавший период социально-экономическими сдвигами и не случайно совпало с возобновившимся промышленным подъемом, то либеральная политика в свою очередь еще сильнее прежнего стимулировала, подстегивала индустриальное развитие страны. И хотя либеральный поворот заметнее всего сказался в социально-политической сфере (о чем пойдет речь ниже), именно в пределах «либеральной эры» произошли те глубокие экономические преобразования, с которыми Гершенкрон связывает понятие «великого рывка»⁵⁴.

С 1901 г. кривая промышленного производства все стремительнее пошла вверх, вплоть до кризисных 1907—1908 гг., после которых наметилось замедление темпов роста. Индекс промышленной продукции (1900 г. принят за 100) поднялся со

⁵⁴ *Gerschenkrone A. Il problema storico dell'arretratezza economica. Torino, 1965, p. 74, 76.* Гершенкрон имеет в виду 1896—1908 гг.

104 в 1901 г. до 163 в 1908, причем ежегодный ее прирост составлял в 1896—1908 гг. в среднем 6,7%⁵⁵. При этом дальнейшее развитие и техническое перевооружение традиционных отраслей промышленности сопровождались особо быстрым ростом новых привилегированных отраслей. Если в текстильной промышленности индекс производства повысился со 105 в 1901 г. до 153 в 1907 г. (1900 г. = 100), то наибольший успех был достигнут хлопчатобумажным производством, чьи изделия, монополюсво овладев внутренним рынком, с 1895 г. благодаря высоким ценам внутри страны смогли с помощью демпинга утвердиться и на внешних рынках⁵⁶. Как и в предшествовавший период, но в еще большем масштабе, форсированное развитие наблюдалось в отраслях крупной современной индустрии, пользовавшихся особым покровительством государства; речь идет о металлургии, электроэнергетике, химической промышленности, отдельных отраслях машиностроения, до этого либо находившихся в начальной стадии производства, либо еще не существовавших вовсе в Италии⁵⁷.

Тенденции, сказавшиеся еще в преддверии новой исторической эпохи, проявились с начала века со все большей силой. Одним из решающих условий промышленного подъема являлся ускоренный процесс концентрации производства, на почве которого стали вырастать первые подлинно монополистические объединения, основы которых были заложены еще в 80-х годах. В утверждении новых тенденций и форм организации промышленности решающую роль играло поощрявшееся государством участие банков в индустриализации страны.

В нарастающем темпе происходило сращивание промышленного и банковского капитала, обуславливавшее специфику процесса экономического преобразования Италии; по точному определению Э. Серени, «возникновение и развитие итальянской крупной промышленности происходило не в период восходящего и прогрессивного капитализма, а под знаком финансового капитала»⁵⁸. Как и в последние годы века, немаловажным факто-

⁵⁵ *Gerschenkron A. Op. cit.*, p. 72—76. Индекс, как уже указывалось, рассчитан применительно к важнейшим отраслям промышленности: горнорудной, металлургической, машиностроительной, текстильной, химической, пищевой. В первые годы нового века индекс промышленной продукции составлял: в 1901 г. — 104, 1902—109, 1903—114, 1904—117, 1905—126, 1906—139, 1907—152, 1908 г. — 163 (*Ibid.*, p. 73).

⁵⁶ *Gerschenkron A. Op. cit.*, p. 74. В 1908 г. индекс текстильного производства снизился до 142 (*Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Rocca San Casciano, 1963. p. 90*).

⁵⁷ Если в 1896 г. производство средств производства составляло 28% всего промышленного производства (а в 1891—1895 гг. едва 20%), то в 1908 г. удельный вес его возрос до 43% (*Romeo R. Op. cit.*, p. 67; *Gerschenkron A. Op. cit.*, p. 76).

⁵⁸ *Серени Э.* Аграрный вопрос в Италии. М., 1949, стр. 46. Это положение особо подчеркивается в интересной статье итальянского исследователя-марксиста Дж. Морни в полемике с Ришардом А. Вебстером, автором работы

ром, предопределявшим конкретное направление и специфику развития итальянской экономики, являлось воздействие иностранного, преимущественно германского, капитала, благодаря которому банкам удалось стать решающим рычагом экономической, да и не только экономической жизни страны. «Банк в одно и то же время стимулировал рост промышленности и господствовал над ним, он приобрел небывалую — явную и скрытую — власть над жизнью нации, в частности и над политическими ее проявлениями», — констатировал современник, итальянский экономист Р. Баки⁵⁹.

Опираясь на германский капитал и опыт, используя государственный аппарат, заправила итальянских банков и индустрии форсировали концентрацию капиталов и производства, содействовали укреплению уже созданных и формированию монополистических объединений, в которых интересы банков и промышленности теснейшим образом переплетались. Под эгидой банков происходило развитие пользовавшихся особой поддержкой государства ключевых отраслей крупной промышленности: металлургии, машиностроения, энергетической индустрии. Так, Коммерческий банк сыграл значительную роль при создании в 1902 г. металлургического объединения «Терни» (включавшего акционерные общества «Терни», «Раджио» и др.). С самого начала существования металлургического объединения «Терни» получило от государства почти безвозмездную концессию на разработку рудных залежей острова Эльбы. В 1905 г. в результате слияния «Терни» с возникшим за год до этого новым объединением «Ильва» образовалась монополия «Терни — Ильва». Не меньшую роль приток банковских капиталов — германского происхождения и того же Коммерческого банка — сыграл при создании энергетической базы итальянской промышленности, в частности производства «белого угля», возбудившего поначалу столько радужных надежд⁶⁰. И хотя эти надежды оправдались далеко не полностью, тем не менее наличие — пусть ограниченной — энергетической базы не могло не содействовать индустриальному прогрессу. Наряду с главенствовавшей еще в 1880 г. акционерной компанией «Эдисон» в энергетической промышленности образовались новые крупные акционерные общества — «Брешиана», «Генуэзские электропредприятия», «Ломбарда» и др. Все эти объединения ускоренными темпами набирали силу. Укрепились позиции акционерных обществ «Пирелли» и «Монтекатини», по-прежнему определявших развитие резинового и горно-рудного производства.

«Итальянский индустриальный империализм 1908—1915» (*Mori G. Banche, industria e imperialismo nell'età giolittiana.* — «Studi storici», 1975, N 3).

⁵⁹ *Bachi R.* I lineamenti della recente evoluzione dell'economia italiana. — In: *L'Italia economica nel 1913.* Torino, 1914, p. 300—301.

⁶⁰ Производство электроэнергии, составлявшее в 1900 г. всего 160 млн. квтч, достигало в 1908 г. уже 1150 млн. квтч. (*Romeo R.* Op. cit., tav. 17, p. 232).

Значительным, хотя и неравномерным, был прогресс машиностроительной индустрии, в то время представленной главным образом судостроением, производством железнодорожного оборудования и военными отраслями производства, поощрявшимися щедрыми государственными субсидиями и заказами. Новые крупные объединения складывались и здесь; причем и в данном случае не без содействия банковского капитала. Так, например, «Виккерс — Терни» (предприятие по производству орудий) было связано с Коммерческим банком и, как явствует из самого названия, с контролируемым тем же банком металлургическим комплексом «Терни». Обособленно, благодаря инициативе акционерного капитала, возникли машиностроительные объединения «Бреда» и «Ансальдо».

Исключительным оказался путь развития автомобильной промышленности, добившейся головокружительных успехов. Едва возникнув в конце XIX в., автомобильные компании, ядром которых была туринская ФИАТ, стали стремительно расширять производство, поддержанное рекламным ажиотажем и крупными спекулятивными операциями. Автомобильная лихорадка охватила деловой мир, буржуазное и аристократическое «высшее общество». «Всего за несколько дней, — сообщала газета «Стампа», — все почти носители княжеского титула стали владельцами машин, приобретенных у фирмы ФИАТ»⁶¹. В автомобильных гонках, о которых, захлебываясь, сообщала печать, принимал участие даже отпрыск королевского дома, герцог Абруцский. Итальянские машины успешно конкурировали с зарубежными автомобилями «рено», «мерседес» и другими, прибыль вырастала до небывалых еще размеров: так, в 1906 г. котировка акций ФИАТ в 75 раз превышала их номинальную стоимость⁶².

Наконец, упомянем еще одну отрасль, в которой новые тенденции сказались весьма отчетливо: сахарное производство, пользовавшееся преимуществом таможенных тарифов. Влиятельные акционерные компании, объединенные в 1904 г. в сахарный трест, завладели монопольным положением в производстве и сбыте продукции, навязав потребителю грабительские цены. Кривая выпуска продукции стремительно пошла вверх: с 1901 по 1908 г. производство сахара увеличилось больше чем в два раза⁶³.

В экономике страны происходили, следовательно, существенные сдвиги, значение которых не следует, однако, переоценивать: крупная индустрия современного типа, несмотря на возросший ее удельный вес, в начале века еще только создавалась. Даже в 1911 г. бо́льшая доля промышленной продукции (59,2%)

⁶¹ «Stampa», 10 XI 1901.

⁶² *Morandi R.* Storia della grande industria in Italia. Bari, 1941, p. 210—211; *Spirano P.* Socialismo e classe operaia a Torino dal 1892 al 1913. Torino, 1958, p. 152—156.

⁶³ *Romeo R.* Op. cit., tav. 10, p. 220.

падала на текстильную, пищевую, табачную промышленность, т. е. на отрасли, отличавшиеся сравнительно слабой концентрацией производства; значительное число предприятий на деле походило на мастерские ремесленного типа⁶⁴.

Итак, процесс индустриализации страны характеризовался и в этот период крайней неравномерностью: форсированным развитием одних отраслей в ущерб другим, сочетанием разнородных форм организации производства, что не могло не сказаться на состоянии экономики в целом. Однако решающим препятствием на пути экономического прогресса оставались и в период «либеральной эры» отсталость сельского хозяйства, отягченного феодальными пережитками, нищета громадной части населения, обуславливавшие узость внутреннего рынка. Пришедшее к власти либеральное правительство, действительно способствовавшее индустриальному преобразованию страны, в то же время заходило в тупик, когда речь шла о решении проблемы аграрной, в особенности же «южной». И это в условиях, когда Италия была все еще преимущественно сельскохозяйственной страной, свыше половины населения которой занималось земледелием.

В результате сельское хозяйство в большей части страны находилось и в начале века в состоянии застоя, а в некоторых районах Юга даже деградировало. Крупнокапиталистическое земледелие укрепилось главным образом в Северной Италии, производя значительную часть валовой продукции; оно представляло собой, как отмечает Э. Серени, «жизненный центр сельского производства»⁶⁵. Но даже эти хозяйства страдали в известной степени от политики промышленного протекционизма, лишавшей их зарубежных рынков сбыта; что же касается аграрного протекционизма, то он ограждал преимущественно интересы крупных землевладельцев, в частности латифундистов Юга.

Преобладание крупного помещичьего землевладения в сочетании с сохранением полуфеодалных форм ведения хозяйства увековечивало безземелье крестьянства: в первое десятилетие века из общего числа около 10 млн. крестьян 4,4 млн. составляли батраки, 3,2 млн. — арендаторы и испольщики и лишь 1,8 млн. — крестьяне-собственники⁶⁶. В свою очередь хищническая эксплуатация труда батраков и испольщиков обрекала их на невыносимую нужду; она усугублялась хронической безработицей, носившей массовый характер в южных областях страны, поскольку

⁶⁴ Ibid., p. 67. В том же 1911 г. лишь 7% предприятий насчитывали от 100 до 1000 рабочих; 90% и того больше составляли предприятия ремесленного типа с числом рабочих до 10 человек (Censimento degli opifici e delle imprese industriali, al 10 giugno 1911, v. V. Roma, 1916, p. 158).

⁶⁵ Серени Э. Развитие капитализма в итальянской деревне (1860—1900). М., 1951, с. 322. Напомним, одна Паданская долина, занимавшая не более 13% всей земледельческой и лесной площади, давала в начале XX в. почти 30% всей валовой продукции сельского хозяйства страны (там же).

⁶⁶ Serpieri A. La guerra e le classi rurali italiane. Bari, 1930, p. 8.

ни отсталое земледелие, ни промышленность Севера не были в состоянии поглотить громадную «избыточную» рабочую силу.

Эмиграционный поток, принявший внушительные размеры еще в конце века, все более нарастал: если в 1900 г. число эмигрантов составляло несколько более 300 тыс. человек, то в 1906 г. — уже 787 977⁶⁷. «...И все это нищие, которых гонит из своей страны прямо голод в самом буквальном значении слова, — писал об итальянских эмигрантах Ленин, — все это поставщики рабочей силы в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности, вся эта масса населяет самые тесные, бедные и грязные кварталы американских и европейских городов». И расширяя рамки анализа, Ленин связывал проблему массовой эмиграции, ставшую для Италии традиционной, с особенностями итальянского империализма, не случайно прозванного «империализмом бедняков»⁶⁸.

Забегая вперед, отметим: обусловленная, точнее, ограниченная волей господствующих классов политика либерального правительства оказалась не в состоянии сколько-нибудь последовательно решить социально-экономические проблемы, затрагивавшие жизненные интересы широких народных слоев. «Либеральный курс» не только не «снял» старые, но и породил новые глубокие противоречия и острые классовые конфликты. Еще возросла диспропорция в уровне развития промышленности и сельского хозяйства, углубился разрыв между городом и деревней, а южный вопрос, возникший в предшествующие десятилетия, стал острейшим вопросом итальянской национальной жизни.

Обездоленность Юга, принесенного в жертву процессу индустриализации Севера, сказалась во всех областях общественной жизни. К 1911 г. в северных районах страны была сосредоточена подавляющая часть (от 65 до 75%) крупных предприятий, насчитывавших от 100 до 1000 рабочих, а в южных районах, обладавших весьма ограниченным промышленным потенциалом, по-прежнему преобладали ремесленные мастерские и лишь 9,5% самодеятельного населения было занято в промышленности⁶⁹. Насильственная аграризация Юга сопровождалась, как уже отмечалось, превращением его в своеобразный (наподобие Ирландии) «экономический придаток» развитого Севера, откуда выкачивалась «колоннальная дань». На трудящихся южных районов страны ложилось столь тягостное бремя налогов, которого не знали более богатые районы Севера. Трудовое население южных областей страдало от бездорожья, было обречено на ужасающие жилищные условия, было лишено, как правило, больниц и школ. Не случайно процент смертности был здесь наиболее

⁶⁷ Fontani A. Gli emigrati. Roma, 1962, p. 227—228, tav. 1, 2.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 17, 16.

⁶⁹ Romeo R. Op. cit., p. 105—106.

высоким в стране, а число неграмотных составляло, по данным 1911 г., от 54 до 90% местного населения⁷⁰.

Следовательно, из порочного круга, в который ввел Италию сделанный правящим блоком выбор капиталистического пути развития, она не смогла уже вырваться (ни в начале века, ни в дальнейшем, на новых исторических этапах).

Однако эти глубокие противоречивые последствия «нового курса» определились далеко не сразу, и отнюдь не изменение экономической ориентации нового кабинета и реальные ее результаты обозначили начало «либеральной эры».

Наметившийся в 1901 г. резкий поворот в общественном развитии страны был непосредственно связан с политическим аспектом «нового курса», ибо то подлинно «новое», что с момента прихода к власти было внесено правительством Дзанарделли — Джолитти в общественную жизнь, заключалось в восстановлении конституционных свобод и сравнительно последовательном их соблюдении, более того, в распространении их на те социальные слои, которые до этого были, как правило, их лишены.

Создалась, таким образом, обновленная политическая ситуация, чему в немалой степени содействовала изменившаяся расстановка политических сил, сама по себе тоже представлявшая нечто новое в общественном развитии страны, ибо впервые в Италии у власти оказалось правительство, опиравшееся на коалицию политических сил, в которой значительную, а до поры до времени решающую роль играли партии «крайней левой». В палате депутатов, где уже не существовало сплоченного правоконсервативного большинства времен Пеллу, преобладание голосов, поданных в поддержку нового министерства (264 голоса против 184), было обеспечено депутатами леволиберального течения — сторонниками Дзанарделли и Джолитти и крайне левых фракций — радикалами, республиканцами и, отметим это особо, социалистами, которые вразрез с прошлым, хотя и не без оговорок, выразили теперь доверие буржуазному правительству.

Этот беспрецедентный факт являлся закономерным следствием политических сдвигов конца века; в новых условиях он выражал установки ведущих деятелей вновь образованного кабинета и партий, оказавших ему поддержку. Поддержка же левых партий, в особенности социалистов, была для нового кабинета важнейшим условием осуществления стратегических и тактических задач, которые наиболее четко сформулировал Джолитти еще до прихода к власти. Она была тем необходимым, что возмещенный либеральный курс был встречен враждебно реакционными классовыми силами, сохранившими в правящем блоке прочные позиции; последние были представлены в парламенте широкой оппозицией, особенно сильной в сенате, усматривавшей

⁷⁰ Nitti F. *La ricchezza d'Italia*. Napoli, 1904, p. 103; Seton-Watson Ch. *Storia d'Italia*. Bari. 1967, p. 357—358.

в распространении политических свобод на так называемые низшие сословия и в самом отношении лидеров нового правительства к «социальному вопросу» угрозу «священным правам» имущих классов. Задача расширения политической основы власти представлялась поэтому делом первоочередной важности. Ей была посвящена правительственная программная декларация, обеспечившая новому кабинету вотум доверия «крайней левой». Соответственно политическому расчету, на первый план были выдвинуты «принципы свободы»: новое правительство гарантировало неукоснительное соблюдение конституционных свобод и уважение «индивидуальных и коллективных прав граждан»; впервые официально провозглашалось право трудящихся на организацию, собрания и (что представлялось особо знаменательным) на забастовку. Правительство же (а следовательно, и органы власти) обязывалось соблюдать «невмешательство» в конфликты между трудом и капиталом»⁷¹. В правительственной программе в тени оставались ожидавшиеся страной социально-экономические реформы, которыми предполагалось облегчить участь «бедных классов» (налоговая реформа и социальное законодательство), а также требование левых партий о снижении военных расходов⁷².

Обещанные же политические свободы оказались тем решающим фактором, который определил положительное отношение левых партий к правительству Дзанарделли — Джолитти. Несомненно, позиция социалистической фракции парламента, точнее большинства руководителей партии (нашедшая первоначально широкий отклик и в ее рядах), объяснялась возобладавшими в ней идейно-политическими воззрениями реформистского толка (об осознанной реформистской ориентации, как справедливо отмечает Дж. Прокаччи, о реформизме в полном смысле этого понятия тогда еще не шла речь)⁷³. Подкреплялась эта позиция дополнительными мотивами политического и психологического свойства, продиктованными новой обстановкой: страхом перед возможным реваншем реакции и в то же время надеждой, преисполненной оптимизма, на «непрерывный прогресс итальянской демократии, которая, вопреки многим ошибкам, более чем когда-либо жива»⁷⁴, доверием к «доброй воле» новых правителей, прежде всего Джолитти, олицетворявшего «новый курс» (т. е. человека, который «на том берегу... понял нас»), наконец, переоценкой собственных сил.

⁷¹ Тем самым юридическая свобода стачек, формально провозглашенная еще в 1889 г., обретала реальную значимость.

⁷² Несогласие Дзанарделли с требованием не допускать увеличения военных расходов заставило лидеров радикалов, Сакки и Маркора, отказаться от предложенных им министерских портфелей.

⁷³ *Procacci G.* La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970, p. 164.

⁷⁴ См. статью И. Бономи («Critica Sociale», 1901, 1 marzo).

На страницах «Критика социале» наиболее решительно отстаивал правомерность поддержки правительства Филиппо Турати; в его статьях, относящихся к первому же периоду существования нового кабинета, мы находим отражение упомянутых выше положений. «Всего несколько месяцев тому назад,— писал он в феврале 1901 г.,— возникла дилемма: либо ужасающая реакция, либо же восстание, вероятнее всего бесплодное. Между тем, благодаря нашей энергии, поддержанной исходом последних выборов, мы имеем сегодня министерство Джолитти, рожденное проблемой свободы, в свою очередь решенной в духе свободы; мы имеем министерство, которое, чтобы управлять страной, нуждается в поддержке крайней левой»⁷⁵. Спустя месяц Турати обстоятельнее развивал эти положения. Он подчеркивал мысль, что «революционность партии вовсе не требует того, чтобы она всегда находилась в оппозиции»; вновь отдавая должное новому министерству, «открыто выступившему на поле боя против объединенных сил Вандеи», он призывал к тому, чтобы поддержать это правительство, ибо «поддержка его отвечает интересам всех тех, кто опасается возврата реакции». И далее: «Как только эта опасность будет предотвращена, партии «крайней левой» смогут потребовать от министерства гораздо больше того, что оно собиралось предоставить». А главным объектом требований являлись социально-экономические реформы, в которых столь остро нуждался народ. Но как добиться всего этого? В политике,— указывал Турати,— правилом является *do ut des*: надобно дать, чтобы получить. Следовательно, поскольку в данный момент ничего для нас нет важнее свободы пропаганды и организации, мы должны требовать ее в качестве компенсации за нашу поддержку кабинета Дзанарделли»⁷⁶.

Правда, еще в упомянутой первой статье в общей форме говорилось о реальных силах, которые социалистической партии предстояло «раскрепостить, суметь выразить и направлять», так как этим силам «суждено решать судьбы страны»⁷⁷. Практически Турати имел в виду другое: необходимо было добиться изменения соотношения сил в парламенте («никогда яснее, чем сейчас, избирательная урна не сможет доказать, что она способна заменить баррикаду»), а затем, опираясь на парламентское большинство и общественное мнение страны, заставить правительство продвигаться по пути необходимых прогрессивных преобразований⁷⁸.

Реальные силы, которым суждено было (по выражению самого Турати) решать судьбы страны, отступали в его рассуждениях на задний план, а решающее их действие, видимо, перено-

⁷⁵ «Critica Sociale», 1901, 16 febbraio.

⁷⁶ «Critica Sociale», 1901, 16 marzo.

⁷⁷ «Critica Sociale». 1901, 16 febbraio.

⁷⁸ «Critica Sociale», 1901, 16 marzo.

сплось в далекое будущее. Эти установки Турати, не лишённые в известной мере реалистического подхода к действительности, отражали прежде всего поспещизм и эволюционную концепцию развития. Они и легли в основу политической позиции партии, не случайно полемически обозначенной термином «министериализм». Включая в себя элементы осуждённого мильерановского ревизионизма, «министериализм» итальянских социалистов конкретизировал реформистскую идейно-политическую тенденцию, яснее и шире определившуюся в партии впоследствии.

И хотя — повторяем — поддержка правительства, обещавшего политические свободы, одобрялась в тот момент большинством членов партии, однако ошибочно было бы недооценивать и другого рода реакцию, вызванную столь неожиданным тактическим поворотом. Против тактики «министериализма» выступил на страницах той же «Критика социале» Г. Сальвемини⁷⁹. Вскоре к нему присоединился Артуро Лабриола, атаковавший аргументацию Турати, в частности тезис об угрозе возврата реакции⁸⁰. До этого в «Аванти!» он подверг критике узость, неустойчивость политических свобод, фактически предоставленных новым правительством⁸¹. Выражение несогласия с поддержкой социалистами буржуазного правительства не сводилось, видимо, к единичным случаям. Об этом свидетельствует неослабная полемика, которую начиная с марта 1901 г. повёл Турати в «Критика социале», то убеждая читателя в том, что социалистам «не нужно бояться обвинений в министериализме»..., то решительно опровергая эти обвинения⁸². Ещё существеннее другое обстоятельство: по вопросу об отношении партии к правительству потребовалось принятие особого официального решения, призванного согласовать неоднозначные мнения. Такое решение последовало в мае в виде совместной резолюции руководства партии и социалистической фракции парламента. Вразрез с точкой зрения Турати, выступавшего за поддержку «политической линии» нового правительства, была принята резолюция Ферри, содержавшая компромиссную формулу: социалистическая партия может «от случая к случаю поддерживать голосованием деятельность и реформы правительства, которые в наибольшей мере согласуются с нормальным развитием классовой борьбы и с интересами пролетариата»⁸³. Разумеется, «снятие» возникшей принципиальной проблемы, породившей в зародышевой пока форме те глубокие разногласия, вокруг которых разгорится в дальнейшем идейная

⁷⁹ «Critica Sociale», 1901, 16 aprile.

⁸⁰ Статья А. Лабриолы была напечатана в неаполитанской «Пропаганда»; основанная в 1899 г., эта газета стала вскоре «южным центром оппозиции к политической линии «миланцев»» (т. е. руководства социалистической партии) («La Propaganda», 28.IV 1901).

⁸¹ «Avanti!», 11.III 1901.

⁸² «Critica Sociale», 1901, 16 marzo; 1901, 6 aprile; 1901, 1 maggio.

⁸³ «Critica Sociale», 1901, 1 giugno.

борьба в партии (эта тема будет особо освещена нами в следующей главе), не могло быть осуществлено всего лишь резолюцией, к тому же компромиссной, декларативной. Взаимодействие либерального курса и социалистического движения должно было подвергнуться испытанию в ходе сложного исторического процесса, важнейшим компонентом которого была борьба классов, бурно развернувшееся движение масс.

Раскрепощенное в условиях восстановленной законности рабочее и крестьянское движение развернулось с небывалой еще в Италии силой: волна забастовок захлестнула страну — от традиционных центров классовых боев до районов Центральной и Южной Италии, не знавших ранее стачечной борьбы. В одной лишь промышленности в кульминационный 1901 г. произошло 1034, а в 1902 г. — 801 забастовка, в которых соответственно приняли участие 189 271 и 196 699 рабочих⁸⁴.

Поразительным был взлет стачечного движения в деревне, поистине свидетельствовавший, как отмечал Турати, о «великом пробуждении» крестьянских масс⁸⁵. В различных, преимущественно северных, районах страны в 1901 г. произошло 629 сельских стачек, охвативших 222 238 человек, что превзошло даже число бастовавших промышленных рабочих. Даже год спустя, когда уже наметился вынужденный спад, в сельских стачках еще участвовало 146 706 человек⁸⁶.

В рамках данного исследования мы лишены возможности остановиться на отдельных, даже самых значительных забастовках, составивших летопись героической борьбы итальянских трудящихся в 1901—1902 гг. В большинстве своем то были крупные, порой длительные стачки, сопряженные с тяжелыми жертвами и доказавшие самоотверженность, упорство вступивших в борьбу масс. Бастовали рабочие Турина и Неаполя, Милана и Палермо; многие города Центральной Италии — Рим, Генуя, Флоренция, Болонья — стали ареной повторявшихся в те годы ожесточенных боев. Сотни тысяч крестьян поднялись на борьбу в долине По, в деревнях Ломбардии и районах Венето (Полезине и Вероне), особенно крупные стачки развернулись в провинции Мантуи; волнения, принявшие драматический оборот, вспыхнули в Апулии и других районах Юга.

Протекая по-разному, стачечные бои тех лет обладали сходными чертами, позволяющими определить их общую направлен-

⁸⁴ Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. Ufficio del Lavoro Statistica degli scioperi avvenuti in Italia dal 1901 al 1905. Roma, 1911, tav. VII, p. 64—65; tav. I, p. 146—147. Для сравнения следует отметить, что в 1906 г. произошло всего 410 забастовок, в которых участвовало лишь 80 858 человек (*Rigola R. Storia del movimento operaio italiano*. Milano, 1947, p. 214).

⁸⁵ *Turati F. Discorsi parlamentari*, v. 1. Roma, 1950, p. 180—181.

⁸⁶ Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. Statistica degli scioperi avvenuti nell'agricoltura durante l'anno 1901. Roma, 1909, p. X, XL; *Procacci G.* Op. cit., p. 77.

ность и присущие им особенности⁸⁷. Так, важной особенностью стачечного движения, проявившейся особенно явно уже в первые месяцы 1901 г., являлся его наступательный характер; преобладающее число забастовок прошло под знаком борьбы за улучшение условий труда, повышение заработной платы и сокращение рабочего дня; нередко выдвигалось также требование признания классовых организаций. Такого рода наступательные забастовки составили в 1901 г. 69% всех стачек, развернувшихся в промышленности, и 73% — в сельском хозяйстве⁸⁸. Большинство стачек завершилось полной или частичной победой бастующих (соответственно 26% и 50%), лишь 24% — потерпели поражение. Увеличение заработной платы, которого добились трудящиеся в 1901 г., составило 15 млн. лир. В 1902 г. (в силу причин, о которых пойдет речь впереди) число забастовок, окончившихся поражением, увеличилось до 34, а в 1903 — до 44%⁸⁹.

В развитии стачечного движения тех лет весьма важное значение имела другая тенденция: постепенное возрастание степени организованности, сплоченности самого движения, ибо если в 1901 г. в забастовках (городских и сельских), носивших в той или иной мере организованный характер⁹⁰, участвовало лишь 23% рабочих и 37% крестьян из общего числа бастующих, то в следующем трудном 1902 г. этот процент увеличился соответственно до 57,7 и 71%. Не мог не удивить современников — как в Италии, так и за ее пределами — высокий уровень организованности, достигнутый только еще набиравшим силу крестьянским движением⁹¹. Тяга трудящихся к сплочению, к организации сказалась и в усилившемся процессе создания отраслевых федераций — профсоюзных организаций современного типа, подавляющее большинство которых, в том числе и такие крупные, как федерации текстильщиков, железнодорожников, металлургов, образовалось именно в эти первые годы века; в 1902 г. в общей сложности они насчитывали уже 238 989 членов⁹². Она сказалась также на расширении сети крестьянских лиг, число которых возросло к 1901 г. до 724. На их базе и была создана в 1901 г. Национальная федерация трудящихся земли, насчитывавшая 152 122 члена; основную ее массу составляли батраки. В то время это был единственный в своем роде центр объединения сельских тружеников, подобных которому не было еще в других странах.

⁸⁷ Мы опираемся, в частности, на обобщения, сформулированные Дж. Прокаччи в результате тщательного анализа стачечного движения 1901—1902 гг. (*Procacci G. Op. cit.*, p. 66—81). См. также: *Канделоро Дж.* Профсоюзное движение в Италии. М., 1958, с. 37—40.

⁸⁸ *Канделоро Дж.* Указ. соч., с. 39.

⁸⁹ Там же, с. 39—40.

⁹⁰ Речь шла о забастовках, которыми чаще всего руководили организации, создававшиеся в самом ходе борьбы.

⁹¹ *Procacci G. Op. cit.*, p. 66, 70, 81.

⁹² *Ibid.*, p. 25—28.

Специфической особенностью итальянского рабочего движения было, как уже отмечено, существование палат труда; в отличие от профессиональных федераций они объединяли в рамках определенного города рабочих различных профессий, а в ряде случаев (в долине По, в Центральной и Южной Италии) также и крестьянские лиги.

Одержанная в Генуе победа дала сильный толчок их дальнейшему развитию: если в 1900 г. насчитывалось 14 палат труда, то в 1901 г. число их возросло до 57, а в 1902 г. до 76. Более емкой и многообразной была сфера их деятельности: помимо защиты непосредственных классовых интересов трудящихся она охватывала и более общие задачи. Опираясь на широкую массовую основу, палаты труда, вопреки объявленному уставом отказу от политики, на деле в большей степени, нежели профсоюзные организации, соприкасались с той политической сферой борьбы, в которой сплетались воедино типично пролетарские и народно-демократические требования. Как в 1900 г. в Генуе (и как повторялось многократно впоследствии), палаты труда выступали не только в защиту экономических требований, но и отстаивали политические права и свободы трудящихся. Упрочение этих основных видов и форм организации создало основу для образования на совместном съезде отраслевых федераций и палат труда Центрального секретариата сопротивления, в задачу которого входила координация боевых выступлений трудящихся в общенациональном масштабе.

Проявленную массами силу, готовность к борьбе, тягу к организованным действиям трудно недооценить. И все же неправомерно и переоценивать уровень, а также устойчивость достигнутого. Стихийность оставалась (и в дальнейшем надолго останется) значительным фактором, определявшим характер и ход борьбы масс. «Организовать стихийность» — такова была (по меткой формуле Прокаччи)⁹³ задача профессиональных федераций и палат труда. Решать ее было, однако, нелегко на том начальном этапе движения, когда этим вновь возникшим союзам, объединениям недоставало помимо опыта сколько-нибудь ясной, научно обоснованной перспективы действия. В резкое противоречие с истинной ролью палат труда вступали, к примеру, расплывчатые «осмотрительные» установки, формально определявшие их деятельность; фактам вопреки провозглашалась «аполитичность» и отрицалась «классовая природа» палат труда, на деле внесших столь важный вклад в борьбу за политические права трудящихся и явившихся начинателями особой формы классовых боев, какими были ставшие с 1900 г. традиционными общегородские всеобщие забастовки⁹⁴. Если установки палат труда были подсказаны опасением, как

⁹³ Ibid., p. 69.

⁹⁴ Ibid., p. 63—64.

бы не оттолкнуть «непролетарские» слои или «несоциалистические» течения, то противоположные посылки определяли идейную ориентацию Национальной федерации трудящихся земли. Как о том свидетельствовали решения ее учредительного съезда, осью ее программы было положение о «социализации земли», а условием принятия той или иной организации в состав федерации — признание «коллективизации земли в качестве конечной цели». Игнорируя реальную сущность аграрной проблемы, руководители федерации, поддержанные авторитетными социалистическими лидерами — Ферри, Гатти, Бономи (особенно горячо пропагандировал идею «социализации земли» Ферри), — выдвигали отвлеченные программные установки, отвечавшие в лучшем случае чаяниям батраков, но не учитывавшие жажды земли, столь распространенной среди владельцев карликовых хозяйств да и — шире — среди других слоев крестьянства⁹⁵.

Разумеется, идейная слабость организаций, призванных руководить массами, прежде всего социалистической партии, отрицательно влияла на ход классовых боев. Однако развитие массового движения в 1901—1902 гг., — его подъем и спад, его успехи и поражения — обуславливалось не одним этим фактором; оно являлось составной частью исторического процесса, отмеченного нараставшими классовыми и политическими конфликтами. Сила вступившей в решительную борьбу трудовой Италии застигла имущие классы врасплох. Неожиданным оказался для них размах движения, неожиданным после долгих лет репрессивной политики правящих «верхов» оказалось и то, что правительство поначалу не подавляло забастовки силой; наконец к указанным выше причинам, содействовавшим успеху стачечной борьбы, «Аванти!» не без основания добавляла и то обстоятельство, что в условиях жесточайшей эксплуатации трудящихся хозяева немногим жертвовали, идя на уступки, к тому же не столь значительные⁹⁶.

Но состояние растерянности, смятения длилось недолго. Уже в середине 1901 г. последовало контрнаступление имущих классов, особенно ожесточенное в последовавшие затем годы. Подстрекаемые ненавистью и страхом предприниматели и помещики отказывались теперь, как правило, от каких-либо уступок, шире прежнего (преимущественно на Севере) заменяли рабочих машинами («злейшими штрейкбрехерами», как их называли рабочие), но чаще всего, объявляя локауты, прибегали к массовому применению труда «живых» штрейкбрехеров, привозимых из дальних районов. В то же время они взывали к властям, решительно требуя «водворения порядка». На их требования не-

⁹⁵ Zangheri R. Introduzione.— In: Lotte agrarie..., p. LVII; LXII; «Avanti!», 26.XI, 1.XII 1901.

⁹⁶ «Avanti!», 14.VIII 1901.

замедлительно отзывались местные власти, направляя против бастующих полицейские отряды и нередко армейские вооруженные части. Многократно на протяжении 1901—1902 гг. бастующие, в большинстве случаев безоружные крестьяне, становились жертвой кровавых расправ. Яростная реакция имущих классов находила всемерную поддержку консервативных и откровенно реакционных кругов. Правая печать требовала подавления «безрассудных забастовок», а парламентская оппозиция, состоявшая большей частью из деятелей Юга, нападала на правительство в палате депутатов и особенно в сенате, настаивая на прекращении «пагубной политики» кабинета, потворствовавшего будто бы подрывной деятельности «поджигателей», стремящихся к государственному перевороту⁹⁷.

Атака справа не могла остаться без последствий (яснее и резче порожденные ею сдвиги в политической линии правящих кругов и самого Джолитти скажутся впоследствии). В основном же правительство выдержало в те годы натиск консервативных сил. Выдержал его и министр внутренних дел, против которого было направлено острей нападок. В официальных декларациях, в практической деятельности Джолитти остался верен провозглашенным им же «социально-политическим» установкам, как известно, двуединым: защита конституционных свобод сочеталась с политикой «твердой руки» во имя обеспечения «общественного порядка». На протяжении этих лет, даже в период классовых боев, он подтверждал (хотя не всегда последовательно применявшийся) принцип «невмешательства государства» в конфликты между трудом и капиталом, отстаивал право трудящихся на забастовку, свободу организации и собраний. В то же время он проводил четкую грань между дозволенными и «противозаконными» стачками и выступлениями. Такими он объявлял стачки, посягавшие на «свободу труда», т. е. на применение труда штрейкбрехеров, или публичные выступления, массовые сходки, ярко выраженный политический характер которых будто бы подрывал «общественные устои». В ходе трудовых конфликтов, за которыми Джолитти неослабно следил, он взывал к «великодушию» работодателей и «благоразумию» местных властей; он побуждал префектов содействовать компромиссному исходу конфликта, не торопиться с принятием «крайних мер», каковые следовало отодвинуть до «последней возможности». Вместе с тем не раз в эти годы с его ведома или по его личному распоряжению привлекались войсковые части для «устрашения» бастующих⁹⁸.

⁹⁷ *Albertini L. Venti anni di vita politica (1898—1908), v. 1. Bologna, 1950, p. 50.*

⁹⁸ Убедительные свидетельства двойственности установок и соответственно практической деятельности министра внутренних дел содержатся в доступных ныне исследователям документах — переписке Джолитти с государственными и политическими деятелями, в особенности же в его распоряже-

Таковы были взаимодополняющие аспекты деятельности Джолитти; по мере обострения классовой борьбы и под давлением консервативных сил внутреннее их равновесие менялось в пользу политики «сильной руки». Эта тенденция проявилась уже в июне 1901 г., когда повинный в расстреле бастующих батраков в местечке Берра (провинция Феррары) лейтенант Де Бенедетти нашел защитника в лице министра внутренних дел. Это была вторая кровавая расправа над безоружными крестьянами со времени прихода к власти либерального правительства. Сам этот факт, усугубленный связанными с ним обстоятельствами, не мог не вызвать взволнованной реакции в стране. Вспыхнувшую забастовку батраков, требовавших повышения заработной платы, сначала попытались сорвать привлечением сотен штрейкбрехеров, переброшенных из Пьемонта в Берру. Бастующие, сумевшие привлечь на свою сторону часть пьемонтских батраков, продолжали мужественное сопротивление. Тогда приказом префекта против них был брошен вооруженный отряд. Мирная манифестация, в которой участвовали женщины и дети, была расстреляна без предупреждения, жестоко, в упор. Следствие, начатое против лейтенанта Де Бенедетти, приказавшего открыть огонь по демонстрантам и выстрелом сразившего парламентаря батраков, завершилось вскоре оправданием убийцы военным трибуналом. Ссылаясь на необходимость защиты «свободы труда» и «общественного порядка», оправдал его действия и Джолитти; опираясь на судебное решение, он затем санкционировал запрещение «противозаконных» митингов и демонстраций протеста против учиненной властями расправы⁹⁹.

Политика «твердой руки» преобладала и в ходе новых крупных классовых столкновений, которые развернулись в стране; вопреки ожесточенному отпору предпринимателей и помещиков борьба рабочих и крестьянских масс была по-прежнему решительной, упорной. Особое место в хронике боевых действий рабочего класса заняло движение железнодорожников, начавшееся еще в середине 1901 г. Требованием их было повышение заработной платы, упрочение положения кадрового состава и улучшение условий труда, обеспечение норм безопасности. Встав на путь борьбы, они не отступили перед отказом железнодорожных компаний (на условиях концессии управлявших государственной железнодорожной сетью), а, напротив, предъявили ультиматум, из которого вырисовывалась перспектива всеобщей забастовки¹⁰⁰. Перспектива эта представлялась пра-

ниях префектам и подчиненным ему чиновникам (см. Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2. Milano, 1962).

⁹⁹ «Avanti!», 1, 5.VII 1901; АВПР, ф. Канцелярия, 1898, оп. 470, д. 83, лл. 149—150; Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 66.

¹⁰⁰ Guerrini L. Organizzazione e lotta dei ferrovieri italiani, v. 1. Firenze, 1957, p. 191—193.

вительству, и не только ему, угрожающей: впервые в Италии речь шла о всеобщей забастовке общенационального масштаба, способной парализовать хозяйственную и общественную жизнь страны.

Министр внутренних дел вопреки декларациям о «невмешательстве» в трудовые конфликты решил на этот раз открыто вмешаться в затянувшийся конфликт, когда в начале 1902 г. он принял весьма острый характер. Так, в заявлении совета министров (составленном самим Джолитти) указывалось, что, поскольку забастовка железнодорожников, занятых в производственной сфере общественной значимости, не может быть причислена к забастовкам, дозволенным законом, участники ее подлежат судебному наказанию, а правительство не остановится, в случае ее возникновения, перед «крайними мерами»¹⁰¹. Проявляя в то же время свойственную ему маневроспособность, Джолитти принимал определенные шаги, дабы министр общественных работ Джуссо и соответственно железнодорожные компании согласились пойти на уступки. Примирительная позиция Джолитти, встречавшая явное сопротивление министра и компаний, не могла ослабить напряжение, которое нарастало повсюду в стране. Железнодорожники не прекращали борьбы; во многих городах происходили массовые митинги, участники которых проявляли твердое стремление добиться удовлетворения выдвинутых требований, а в ряде городов — Пизе, Неаполе и в самом Риме — вопрос о всеобщей забастовке на железных дорогах непосредственно выдвигался в порядок дня¹⁰².

Другим очагом волнений стал в этот же период Турин, где с первых чисел февраля развернулась забастовка рабочих-газовщиков. И здесь требования рабочих о повышении оплаты труда, о введении 8-часового рабочего дня, о признании праздника 1-го Мая были решительно отвергнуты газовыми компаниями, значительная часть бастующих была заменена техническим персоналом, но главным образом солдатами.

Трудовой Турин ответил движением солидарности с бастующими: в поддержку рабочих-газовщиков забастовали рабочие ряда фабрик и заводов. Когда же стихийная демонстрация, собравшая тысячи рабочих, была разогнана кавалерийскими частями, в городе началась всеобщая забастовка. Последовал запрет митингов, арест свыше 300 рабочих, участвовавших в демонстрации. Срочно направленные из Рима войсковые подкрепления прибыли в Турин; численность их достигала 9000 человек¹⁰³.

Полицейским вмешательством были распущены собрания и митинги во многих провинциальных центрах страны. В Риме

¹⁰¹ «Gazzetta ufficiale», 25.I 1902; *Guerrini L.* Op. cit., p. 191—193.

¹⁰² *Guerrini L.* Op. cit., p. 193; *Procacci G.* Op. cit., p. 197.

¹⁰³ *Spriano P.* Op. cit., p. 102—103; *Procacci G.* Op. cit., p. 197—198.

царило все усиливавшееся возбуждение: угроза всеобщей забастовки в знак протеста против безработицы (лозунг забастовки был выдвинут на многолюдном митинге) нависла и здесь; в то же время на протяжении ряда дней происходили студенческие волнения; начавшись в Римском университете, они перекинулись на улицы города, где встретили жестокий отпор полицейских сил. И в столице были запрещены все митинги и собрания ¹⁰⁴.

Политическую атмосферу накалили следовавшие друг за другом неожиданные события (к значению которых мы вернемся еще в дальнейшем): 21 февраля 1902 г. на совместном заседании руководства и парламентской фракции социалистической партии (примечательно, что Турати в нем не участвовал) было принято решение, в котором отмечалось проявленное правительством в последнее время стремление «противодействовать движению трудящихся полицейскими акциями и коварными, двусмысленными законами», а поэтому объявлялось о соответственном изменении позиции социалистической фракции парламента ¹⁰⁵. И действительно, на следующий же день социалистические депутаты голосовали против предложенной министерством кандидатуры депутата Вилла на пост председателя палаты депутатов. Тем самым был брошен вызов правительству и ускорен назревавший министерский кризис.

В тот же день отставка кабинета Дзанарделли — Джолитти (чему предшествовал уход из его состава министра общественных работ Джуссо) стала фактом, хотя и фактом мимолетным, ибо король отставки кабинета не принял. Правительство, в котором освободившийся портфель министра общественных работ был передан самому премьер-министру Дзанарделли, осталось у власти.

Непосредственным результатом свершившегося явилось усиление одного из постоянных слагаемых либерального курса: Джолитти решил не медлить с «проявлением силы», тем более что такого рода действиями он шел навстречу консервативным кругам и в то же время бросал вызов занявшим «непримиримую» позицию социалистам. При этом он, видимо, не мог не учитывать, что, невзирая на решение руководства и голосование парламентской фракции, среди них были деятели, на поддержку которых — при определенных условиях — он мог по-прежнему рассчитывать.

Первым актом силы явился декрет совета министров о «милитаризации» (т. е. о дисциплинарном приравнении к военнослужащим) значительного контингента рабочих и служащих железных дорог, о чем Джолитти секретной телеграммой оповещал

¹⁰⁴ *Procacci G.* La lotta di classe..., p. 193; АВПР, ф. Канцелярия, 1898, оп. 470, д. 84, лл. 12—14, 33—36.

¹⁰⁵ «*Avanti!*», 23.II 1902; «*Il Socialismo*», 25.II 1902.

префектов¹⁰⁶. Этой, по позднейшей оценке Джолитти, «весьма действенной мерой» предполагалось предотвратить ожидавшуюся всеобщую забастовку. В последующие дни от министра внутренних дел непрерывным потоком шли телеграммы префектам с категорическим требованием недопущения «беспорядков». Особенно резким был тон телеграмм, адресованных префекту Турина, где продолжалась, хотя и не ставшая всеобщей, городская забастовка солидарности с газовщиками, в которой участвовали 15 тыс. рабочих крупнейших туринских предприятий¹⁰⁷.

В соответствии с полученными директивами, полиция энергично вступила в действие, главным объектом репрессий было движение железнодорожников: производились аресты профсоюзных лидеров — сторонников забастовки, разгонялись митинги и собрания, и без того запрещенные, строгой цензуре подвергались газеты и телеграммы, если в них содержались даже завуалированные призывы к боевым выступлениям.

Одновременно, верный избранной тактике, Джолитти возобновил усилия, направленные к достижению «благоразумного компромисса»¹⁰⁸. Начавшиеся переговоры между представителями железнодорожных компаний, с одной стороны, и профсоюзными лидерами — с другой (в них в качестве посредника участвовал сам Дзанарделли), привели к соглашению: в ответ на обещанный отказ от объявления всеобщей забастовки компании пошли на уступки, согласившись на удовлетворение основных требований железнодорожников — повысить ставки заработной платы (тем более что большую часть необходимых для этого денежных средств вносила государственная казна), упорядочить штаты, наконец, что имело принципиальное значение, признать организацию железнодорожников. Движение одержало беспорную победу¹⁰⁹.

Небезрезультатными оказались, однако, и комбинированные действия правительства: ими была предотвращена перспектива нового успешного наступления трудящихся, столь пугавшая консервативные круги. Более того, примененная правительством тактика привела к затуханию боевых действий даже там, где революционный порыв рабочих далеко еще не иссяк. Так, в Турине, согласившись на предложение префекта о совместном арбитраже, Палата труда приняла решение о прекращении за-

¹⁰⁶ Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 173—174. «Avanti!», 26.II, I.III 1902.

¹⁰⁷ Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 174—179; *Spriano P.* Op. cit., p. 103.

¹⁰⁸ Для тактики Джолитти показательна аргументация, которой он доказывал премьер-министру правомерность переговоров: «Теперь, когда правительство объявлением милитаризации проявило силу, — писал он Дзанарделли, — оно может пойти и на известную уступку, не опасаясь того, что это может показаться проявлением слабости» (Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 180).

¹⁰⁹ *Guerrini L.* Op. cit., p. 197—198.

бастовки, не без оснований вызвавшее протест, а затем и глубокое разочарование забастовщиков, поскольку так называемый арбитраж завершился их полным поражением¹¹⁰. Поражением спустя несколько месяцев закончилась всеобщая забастовка, охватившая Флоренцию; зачинателями ее были рабочие литейного завода «Пиньоне». Не выдержали атаки предпринимателей рабочие текстильных предприятий провинции Комо и города Монца; к тому же стихийное их выступление было ослаблено нерешительностью профсоюзных лидеров¹¹¹.

Беспощадным было контрнаступление помещиков, поддержанных властью в южной деревне: вспыхнувшие осенью 1902 г. крестьянские волнения и стачки сельскохозяйственного пролетариата были подавлены вооруженной силой. Новые кровавые расправы произошли в Апулии и Сицилии, в местечках Кандела и Джарратана¹¹². Под ударом оказались крестьянские лиги. Кризис, завершившийся распадом, поразил Национальную федерацию трудящихся земли (к 1903 г. она сохранила в своих рядах лишь 45 тыс. членов против 227 791 в первые месяцы 1902 г.)¹¹³, чему содействовали также изъятия в деятельности самой федерации.

В итоге двух первых лет либерального правления накопился двойственный противоречивый опыт, во многом определивший дальнейшее общественное развитие — диалектическую взаимосвязь политики «верхов» и революционного действия масс.

¹¹⁰ *Spriano P.* Op. cit., p. 130.

¹¹¹ *G. Procacci.* Op. cit., p. 293—284.

¹¹² «*Avanti!*», 25.IX, 15, 19, 21.X 1902; Dalle Carte di G. Giolitti, p. 269; *Procacci G.* Op. cit., p. 148—149.

¹¹³ *Procacci G.* Op. cit., p. 303.

НАРАСТАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ. РАЗМЕЖЕВАНИЕ ТЕЧЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В первое двухлетие «либеральной эры» с его реальными прогрессивными переменами и неосуществившимися посулами уже обнаружилось истинное значение достигнутого: ограниченность конкретных преобразований, беспочвенность порожденных «новым курсом» иллюзий.

Слабость экономического строя Италии (промышленный подъем происходил, как известно, в условиях сохранения отсталого аграрного «тыла»), неоднородность господствующего блока (скрепившего союз передовых буржуазных сил Севера с латифундистами Юга) — эти решающие объективные и субъективные факторы являлись препятствием на пути широкого развития либерального курса.

В свете развернувшихся в 1901—1902 гг. классовых боев четче определились позиция либерального правительства, классовая обусловленность, а следовательно, суженность пределов буржуазного реформаторства. Как искусно ни лавировал Джолитти, с деятельностью которого прежде всего связывали «новый курс», он не мог, естественно, примирить антагонистические классовые силы. Утопическим оказалось стремление создать сплоченный правящий блок, опирающийся на широкую основу, блок, которому удалось бы «поглотить», обезоружить социальные силы и политические течения, угрожавшие «либеральной системе» как справа, так и особенно слева.

Нереальными были его расчеты на компромисс (не говоря уже о «сотрудничестве классов») в сфере производства. Еще менее реальным было «умиротворение» деревни: бурные крестьянские выступления и яростное контрнаступление помещиков в 1902 г. явились тому красноречивым доказательством. Отступая в 1902 г. (как отступал и позднее) перед непримиримостью землевладельческих классов, а также переоценив готовность промышленников пойти на уступки, Джолитти вынужден был сузить сферу реформаторской деятельности. «Новый курс», определявшийся в конечном счете волей господствующих классов, обнаруживал свою органическую слабость. Ее признавал, впрочем, сам Джолитти. «Либеральная система,— констатировал он в 1902 г.,— с одной стороны, вступала в конфликт с определенными интересами наиболее состоятельных классов, с другой же — она возбудила в трудящихся классах

надежды, идущие значительно дальше того, что было реально осуществимо»¹. Возникшее противоречие между интересами одних и «непомерными надеждами» других классовых сил было решено в пользу первых.

«Социальные реформы», о которых неоднократно возвещалось в официальных декларациях, были сведены к минимуму. Скромными явились нововведения в области социального законодательства. Законом 1902 г., которому предшествовала энергичная кампания, проведенная социалистами в стране (пожалуй, единственная энергичная кампания, проведенная ими в защиту реформ), были введены новые нормы, ограничивавшие применение труда женщин и детей, подвергавшихся нещадной эксплуатации². Был также принят закон, предусматривавший обязательное страхование рабочих от несчастных случаев на производстве. При министерстве сельского хозяйства, промышленности и торговли решено было учредить Национальное бюро труда, наделенное консультативными полномочиями. Значение этих и без того робких мер по улучшению условий труда умалялось отсутствием сколько-нибудь действенного контроля, да и охватывали они далеко не все категории рабочих; будучи рассчитаны, главным образом, на северные области, они не распространялись на все области страны.

Разрыв между декларациями правительства и его конкретной реформаторской деятельностью недвусмысленно проявился в области финансовой, особенно же налоговой политики, в изменении которой столь нуждалась народная масса. Между тем предложенная в 1901 г. министром финансов Воллемборгом налоговая реформа (она предполагала упразднение наиболее тяжелых косвенных налогов, взамен которых вводился прогрессивный налог на наследование, на биржевые сделки и др.) встретила столь сильное сопротивление влиятельных кругов, представлявших «наиболее состоятельные классы», что проект закона не дошел даже до палаты депутатов; такая же участь постигла позднее и переработанный (расширенный) Воллемборгом новый проект, что и послужило причиной отставки министра³. Отказом были встречены и требования фракций «крайней левой» о сокращении военных расходов.

¹ *Giolitti G. Discorsi parlamentari*, v. 2. Roma, 1953, p. 721.

² Согласно новому закону, в котором лишь ограниченно учитывались выработанные социалистами — Турати, Кулишевой — предложения, запрещалось принимать на работу детей в возрасте моложе 12 лет (вместо прежних 9 лет), на шахтах — моложе 14 лет. Женский труд на шахтах был вообще запрещен. Кроме того, для детей в возрасте до 15 лет рабочий день не должен был превышать 11 часов, а для женщин — 12 часов. Предусматривались также льготы для работниц в период беременности (*Valiani L. L'Italia dal 1876 al 1915. La lotta sociale e l'avvento della democrazia*. — In: *Storia d'Italia*, v. IV. Diretta da N. Valeri. Torino, 1960, p. 534).

³ Полный текст проекта Воллемборга см.: *Dalle Carte di G. Giolitti. Quarant'anni di politica italiana*, v. II. Milano, 1962, p. 74—91.

Однако ярче всего классовая ограниченность «нового курса» проявилась в том аспекте правительственной деятельности, которым наиболее резко обозначился поворот от политики и практики «кровавого десятилетия» конца века: речь шла о реальной сущности провозглашенных либеральным министерством «легальных свобод». Уже отмечалось выше, что на протяжении истекшего двухлетия, в том числе и в ходе острых стачечных боев 1902 г., Джолитти, противостоя атаке правой оппозиции в палате депутатов и в особенности в сенате, продолжал доказывать закономерность существования организации трудящихся и законность стачечной борьбы. Но в то же время он не менее решительно отвергал обвинения в слабости правительства, притом не без основания, поскольку министр внутренних дел проявлял действительно непреклонную твердость в обеспечении того, что им именовалось «общественным порядком». К концу 1902 г. в консервативных кругах должно было оставаться все меньше сомнений в том, что Джолитти отнюдь не предполагал расширять рамки предоставленных народу свобод далее весьма определенных, контролируемых «сверху» пределов. Ведь уже позади были по-разному завершившиеся стачечные бои железнодорожников и туринских газовщиков, в ходе которых Джолитти сочетал маневроспособность с авторитарными методами в преодолении «конфликтов между трудом и капиталом». Более того, позади были новые кровавые расправы над крестьянами Юга: за кровопролитием в Берре трижды в 1902 г. волнения в южной деревне были «усмирены» картечью. В конфликтах, возникавших в аграрных районах Юга, позиция министра внутренних дел была в сущности однозначной⁴. Применявшийся им на Юге откровенно репрессивный курс стал составной частью «либеральной» системы правления. Не желая вступать в конфликт с интересами землевладельческих классов, Джолитти пытался объяснить «невозможность применять на Юге принципы свободы» особым, отличным от Севера характером происходивших там классовых боев, точнее, «незрелостью крестьянского населения Юга», присущим ему бунтарством, противоречившим «нормам свободы»⁵.

Противоречивая политическая линия и соответственно практика либерального правительства не могли не отозваться противоречивой реакцией различных социальных и политических

⁴ Для позиции Джолитти характерна телеграмма, направленная им префекту провинции Фоджа на следующий день после расстрела 8 сентября 1902 г. бастующих батраков в деревне Кандела (Апулия). По существу оправдывая действия властей, Джолитти приказывал префекту «действовать с предельной энергией», не допускать «сборищ» и подвергать аресту всех членов крестьянской лиги, участвовавших «в попытке воспрепятствовать свободе труда», т. е. привлечению штрейкбрехеров (Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 269).

⁵ *Villari R.* Il Sud nella storia d'Italia. Bari, 1961, p. 313.

течений. В той мере, в какой позиция правительства, понимается, прежде всего его наиболее спорной, центральной фигуры — Джолитти, примиряла с собой правоконсервативные классовые и политические силы, она вызывала разочарование и брожение в массах, идейные расхождения в партиях «крайней левой». Смятение царило к концу 1902 г. среди республиканцев. Особенно острое положение сложилось в социалистической партии. Кровавая расправа в Берре явилась памятным рубежом. С этого времени подспудно назревавшие разногласия в партии стали явными. Открыто в бой против «министерализма» партийного руководства вступили группировавшиеся вокруг неаполитанской «Пропаганда» оппозиционно настроенные «непримиримые» — южане во главе с Артуро Лабриолой и Э. Леоне. Неаполитанская социалистическая секция в резолюции протеста против кровопролития в Берре подвергла резкой критике поддержку социалистами правительства; требования о разрыве с политикой «министерализма» начали поступать и из районов Севера, в частности из Турина⁶. Расширение региональной сферы оппозиции, до этого в основном ограниченной Югом, представляло собой новое явление. Оно приобрело тем большее значение, что неожиданные события развернулись в Милане, цитадели Турати и его единомышленников. На массовом митинге солидарности с мучениками Берры с резким осуждением «примиренчества» к буржуазным партиям и «парламентских заблуждений» выступил К. Ладзари; Турати тщетно попытался отстоять проводившуюся руководством линию, призывая Миланскую социалистическую федерацию к соблюдению «партийной дисциплины». Оказалось, однако, что он уже не пользовался прежним безусловным престижем: натолкнувшись на сопротивление, Турати, Кулишева, Тревес и целый ряд их сторонников (всего 60 человек) вышли из состава федерации и образовали Миланский социалистический союз. Примечательно, что раскол носил одновременно и социальный характер: в федерации остались рабочие, лидерами которых являлись бывшие «операисты» во главе с К. Ладзари; покинули ее (за исключением В. Мокки) все представители интеллигенции, до этого пользовавшиеся особым авторитетом среди членов миланской федерации⁷.

На протяжении всех последовавших за тем месяцев на страницах социалистической печати не прекращалась полемика, вращавшаяся в сущности вокруг определения основных идейно-политических установок партии. Предметом наиболее острых дебатов являлся вопрос об отношении социалистов к правительству. Спорной представлялась и оценка широко развернувшегося забастовочного движения. Начало дебатам положил Тура-

⁶ «La Propaganda», 11.VII 1901.

⁷ «Avanti!», 29, 31.VII, 10.VIII 1901; Procacci G. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970. p. 172, 174—176.

ти. В обстоятельной программной статье, вышедшей почти одновременно с вышеупомянутым миланским «казусом» (т. е. расколом федерации), в синтетической форме воспроизводились положения, лежавшие в основе туратианской реформистской концепции⁸. Подчеркивалась необходимость градуального развития экономической, профессиональной организации пролетариата, равно как и политической и парламентской деятельности партии в целях достижения реформ и постепенного завоевания рабочим классом политических органов власти; отмечалась значимость наступившего благодаря давлению масс периода «упрочения свобод и уважения законности» («совершилась парламентская революция первостепенного значения», — указывал Турати); вновь отвергалась формула «единой реакционной массы», противостоявшей пролетариату, и доказывалась заинтересованность последнего в поддержке «новой, предприимчивой, современной буржуазии» в борьбе с «не отжившим еще средневековым». И хотя после расстрела в Берре Турати не мог не осудить занятую правительством позицию (которую он квалифицировал лишь как «проявление слабости» под давлением реакции), он всей своей аргументацией подкреплял основной политический вывод: дальнейшая поддержка правительства, разумеется, прежде всего Джолитти, не только целесообразна, но и необходима. Противников этой ориентации он объявлял носителями еще не изжитых «модернизированных анархистских» настроений. Этот довод не раз будет приводиться Турати и его сторонниками в борьбе с разного рода противоборствующими левыми тенденциями и течениями.

Главными оппонентами Турати являлись в те дни Артуро Лабриола и Э. Леоне. Полемике с реформистским лидером Лабриола посвятил специальную брошюру⁹. Аргументации Турати он противопоставлял отказ от сотрудничества с буржуазией вообще, с правительством Дзанарделли — Джолитти в частности, поскольку последнее отнюдь не представляло, по мнению Лабриолы, более прогрессивные классовые силы. Не возражая в принципе против «полезности системы реформ и относительных свобод», как, впрочем, и против «использования избирательного механизма» (эту мысль он повторял и в позднейшей статье), Лабриола обрушивался на «туратианскую тенденцию», согласно которой, по его оценке, действенность парламентской деятельности (а следовательно, и обеспечение реформ) являлась результатом «комбинаций и распрей парламентских фракций». На деле же, подчеркивал он, «социальное законодательство окажется тем прочнее и шире, чем более враждебную позицию ра-

⁸ Статья Турати («Социалистическая партия и нынешняя политическая ситуация»), полностью опубликованная в «Критика социале», была напечатана в сокращенном виде в «Аванти!» («Avanti!», 19.II 1901).

⁹ *Labriola Arturo. Ministero e socialismo. Risposta a Turati.* Firenze, 1901.

бочие классы займут по отношению к классам капиталистическим». Сблизившись с республиканцами, он включил в свои программные установки и требование борьбы за республику¹⁰.

Такого содержания была и критика Э. Леоне. Поддерживая в споре с Турати соображения неаполитанской «Пропаганды», он присоединялся к категорическому отказу газеты от «министералистского тезиса» Турати. Подобно Лабриоле, он не разделял «позитивной оценки», согласно которой правительство Дзанарделли — Джолитти предпочтительнее других кабинетов (при этом он вступал, однако, в противоречие с собственными оценками как правительства Пеллу, так и эвентуального кабинета Соннино, чей приход к власти представлялся не только ему «возрождением реакции»). «Напротив, действием, фактами, — писал Леоне, — надо показать, что существует и не может не существовать глубокая пропасть, отделяющая нашу программу от какой бы то ни было программы буржуазного правительства. Если же в известных условиях, — указывал он, — и удастся воспользоваться определенными преимуществами, то это не означает, что нужно идти на компромисс с политикой или программой правительства. Напротив, пользуясь более широкой свободой, следует вести против правительства еще более решительную борьбу; задача партии — поддерживать, стимулировать революционное сознание масс»¹¹.

В полемике на стороне Турати выступали Кабрини, Прампolini, Бономи, статьи которых «Аванти!» нередко сопровождала сочувственным «послесловием». Перу Бономи принадлежал «Ответ Лабриоле», в котором решительно отстаивались позиции тех, кого Лабриола именовал «туратианцами». Вводя некоторые новые соображения в обычную уже реформистскую аргументацию, Бономи уверял, что от правительства они, т. е. сторонники Турати, не ждут «крупных реформ, которые могли бы явиться лишь подарком», а «скромно ждут уважения элементарных свобод, дабы иметь возможность завоевать эти реформы в будущем...»¹² Разногласия с Лабриолой он объяснял региональными различиями обстановки, в которой действовали социалисты на Юге и на Севере страны; здесь, в северных областях, социалисты могли опереться на индустриальный пролетариат и пролетариат сельский, обладавший сравнительно крепкой организацией. Иные представления о задачах партии, подчеркивал Бономи, возникали на Юге, где в самой партии и вне ее рядов сильны были мелкобуржуазные элементы. Поэтому, добавлял он, там, на Юге, полагают, что «борьба ведется не просто за интересы пролетариата, а за итальянские проблемы вообще», там думают, что «необходимо поддерживать револю-

¹⁰ Ibidem; «Avanti!», 23.VIII 1901.

¹¹ «Avanti!», 24.VII 1901.

¹² «Avanti!», 2.VIII 1901.

ционное пламя, дабы привлечь в партию все те элементы, которые оппозиционно настроены к линии правительства»¹³. Подвергая позицию южан в общем примитивной критике (верной в той мере, в какой критикуемая концепция могла лишить партию ее классового характера), Бономи впадал сам в другую крайность, отрицая общенациональные задачи пролетариата и его авангарда, их роль гегемона, объединяющего вокруг себя широкие борющиеся массы. В таком же, скорее «корпоративном» (узкоцеховом) плане представлял он себе и задачу придания партии «классовой физиономии», ибо сводилась эта задача, по его словам, «к подготовке подлинно пролетарского войска»¹⁴.

Менее оживленная, но также немаловажная с точки зрения принципиальной дискуссия вокруг происходивших стачечных боев развернулась в социалистической печати. Инициативу определения «критериев правомерности» этого столь широко внедрившегося метода классовой борьбы взял на себя Турати. В опубликованной «Аванти!» статье¹⁵ острые его критики было направлено против совпадавших в сущности центральных тезисов «левых» газет, отстаивавших «справедливость, правомерность любой забастовки, пусть даже преждевременно вспыхнувшей, недостаточно подготовленной», и осуждавших действия реформистов, пытавшихся «примирить требование повышения заработной платы с обеспечением действенности промышленного производства». «Если забастовка не уместна, если она вредна, то она не может быть справедливой, правомерной... Если забастовка парализует производство, если она подрывает производительный капитал, не улучшая условий труда, если она обречена на поражение,... то она не может быть правомерной» — таков был ответный тезис Турати. Отстаивая правомерность этого тезиса, Турати выражал опасение, что «разгул (!) беспорядочных, не подготовленных, бесполезных забастовок» (в «превознесении» которых усматривалось отражение «анархистского бунтарства») мог подорвать и без того шаткую легализованную свободу стачек и организации трудящихся. Посему Турати предостерегал от применения этого «крайнего, опасного метода борьбы, могущего нанести ущерб не только рабочим, непосредственно им пользовавшимся, но и всему движению»¹⁶. И, наконец, как бы подытоживая вышесказанное, он указывал: «Необходимо внушить рабочим, что ... нельзя предположить, будто по капризу можно насильственно воздействовать на экономиче-

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ «Аванти!» мотивировала перепечатку статьи Турати («Критерии применительно к забастовкам») из миланской «Лотта социале» своим согласием с изложенными в ней положениями («Аванти!», 27.VIII 1901).

¹⁶ «Аванти!», 27.VIII 1901.

ские закономерности, и что забастовка является только средством крайней защиты, главное же — организация»¹⁷.

Однако задача организации самого забастовочного движения, в котором, как известно, превалировало стихийное начало, не занимала не только «анархистствующих» защитников «любой забастовки», но и ревнителей принципов «организации». В установочных статьях Турати и его единомышленников мы тщетно стали бы искать признания ответственности партии, а тем более ее руководства за недостаточную сплоченность, организованность, за отсутствие должной направлявшей, стимулировавшей помощи профессиональным федерациям и лигам. Преобладали, как о том можно судить по вышеупомянутой статье Турати, поддержанной центральным органом партии «Аванти!», другие установки и заботы.

Еще убедительнее о том свидетельствовала непоследовательная, колеблющаяся позиция, которую реформистское руководство партии с начала 1901 г. заняло непосредственно в ходе самих стачечных боев. Даже в тех случаях, когда перед лидерами партии возникала возможность, более того, необходимость вмешательства в разгоревшийся классовый конфликт, то преобладавшим оказывалось их стремление к компромиссу. Нередким было прямое обращение социалистических лидеров к министру внутренних дел Джолитти. Такова была, к примеру, позиция партийного руководства весной 1901 г. во время крупной сельской стачки и сопряженных с нею кровавых столкновений в Молинелле (в провинции Болонья). В передовых статьях «Аванти!» был выражен резкий протест против действий властей, а редактор газеты Биссолати обратился к Джолитти, добываясь освобождения незаконно арестованных участников волнений, взывая к личному его содействию, дабы обещанные конституционные свободы были действительно соблюдены¹⁸. Забастовка же закончилась поражением, а кровавые расправы, как известно, не прекратились.

Прошел год, внесший немалые изменения в политическую ситуацию. И хотя изменившаяся действительность не могла не оказать своего воздействия, поведение реформистского руководства партии осталось в конечном счете по-прежнему непоследовательным, «компромиссным». Новым испытанием явились забастовка железнодорожников и почти одновременно начавшаяся стачка туринских газовщиков. Министр внутренних дел обратился к политике «твердой руки», прибегнув, в частности, к угрозе «милитаризации» железнодорожников, а реакция руководства социалистической партии и парламентской фракции была лишь поначалу весьма решительной. Когда же угроза «милитаризации» стала фактом, руководители партии в сущности

¹⁷ «Avanti!», 27.VIII 1901.

¹⁸ Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 48, 53.

самоустранились от обязанности направлять движение, пассивно выжидая развития событий.

Знаменательна в этой связи позиция «Аванти!». Если в начале конфликта газета приветствовала идею всеобщей забастовки на железнодорожном транспорте, то после декрета о «милитаризации» она проявила полную растерянность, не скрывая своей озабоченности перспективой фронтальных классовых столкновений. Указывая в передовой, что железнодорожники стоят перед дилеммой: либо начать забастовку, либо же покориться силе, — центральный орган партии не высказывался в пользу ни одной из альтернатив, а ограничивался лишь весьма общими советами: «Если начнется забастовка, то пусть никто не совершит предательства по отношению к братьям, вступившим в бой, если же придется покориться, пусть никто не попытается поднять бунт, ибо при частичном охвате сил бунт оказался бы только гибельным...» Доминировало, следовательно, беспокойство, не бросятся ли рабочие в рискованную всеобщую забастовку. И газета считала возможным усомниться, является ли всеобщая забастовка действенным оружием пролетарской борьбы¹⁹. Предпочтительным представлялось бездействие... Действовал, верный своим установкам, Турати; в содружестве с радикалом Ромусси он старался урегулировать конфликт путем «верхушечных» переговоров с Джолитти²⁰. Компромисс был, как известно, достигнут, и не без основания Турати писал впоследствии Джолитти о забастовке, возникновения которой «мы не допустили»²¹. Таким образом, политическая практика, подкрепляя газетную полемику дополнительными аргументами, расширяла сферу идейной борьбы.

Об усилении в 1902 г. разногласий в партии свидетельствовали все новые факты и явления. Не случайно в кризисные февральские дни в Риме вышел в свет новый журнал «Сочиализмо». Основателем его был Э. Ферри, к этому времени поднявшийся в разряд наиболее видных лидеров складывавшегося антиреформистского течения; тому содействовали наряду с объективно нараставшим и среди римских социалистов недовольством политикой реформистов присущие Ферри субъективные качества — дар увлечь массы риторической пропагандой и ораторским блеском, политическая гибкость наряду с изрядной долей тщеславия.

Однако появление журнала «Сочиализмо» имело бесспорно самостоятельное и немаловажное значение: наряду с издаваемой оппозиционной реформизму газетой «Пропаганда» появился новый орган печати, выражавший противостоящую реформизму

¹⁹ «Avanti!», 25.II 1902.

²⁰ Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 185—186, 217—219.

²¹ Ibid., p. 218; *Procacci G. Op. cit.*, p. 200—201.

«непримиримую» идейную тенденцию. Об этом возвещал с первого же номера сам журнал: критикуя «либералов у власти», он призывал социалистическую партию отказаться от «министериялистских поползновений» и вернуться к своей миссии «зачинателя и побудителя» истинного прогресса, опираясь на «давление экономически и политически организованного пролетариата»²².

Будучи, видимо, информирован о предполагавшемся направлении журнала, с приветственным письмом к Ферри обратился К. Каутский. Задачу журнала он видел прежде всего в том, чтобы, не утаивая реально существовавших в итальянской социалистической партии расхождений (исключая Францию, они, по его мнению, выразились в Италии в наиболее конкретной форме), «выяснить и разъяснить их сущность». Тем самым, указывал Каутский, будет оказана немалая помощь международному социалистическому движению. Каутский выражал в то же время надежду, что расхождения в итальянской социалистической партии окажутся преходящим явлением и что «преодоление их будет достигнуто, не нарушая прочного партийного единства»²³. Пожелание это было в известной мере формальным, ибо причины, порождавшие расхождения (Каутский это, разумеется, знал), не только оставались в силе, но и не могли не усугубляться.

Вскоре появился новый повод для возобновления внутрипартийной полемики. Когда после кратковременного министерского кризиса правительство Дзанарделли—Джолитти вновь предстало перед парламентом, социалистическая фракция, не без колебаний и разногласий отказавшись от недавней негативной позиции, вновь решила голосовать в палате депутатов за доверие правительству.

Помимо настоятельного совета Турати тому способствовали соображения, связанные прежде всего с опасением, как бы падение кабинета Дзанарделли—Джолитти не открыло путь реакции, т. е. приходу к власти Соннино, и одновременно не усилило наступление землевладельцев, что особенно беспокоило лидеров крестьянских лиг ввиду крайне обострившегося положения в деревне. Не случайно таковым был один из основных аргументов, которым депутат Прампolini обосновал в палате возобновившуюся поддержку правительства со стороны социалистической фракции²⁴. Это новое проявление «министерялизма» не осталось бесследным: протест внутри партии усилился. В последующие месяцы тон критики, которой на страницах «Сочиализмо» подвергалась линия рефор-

²² «Il Socialismo», 1902, 25 febbraio.

²³ Ibidem.

²⁴ «Avanti!», 11, 12, 13.III 1902; Atti Parlamentari. Camera. Discussioni. Legislazione XXI, sessione 2a, v. I, p. 99—108.

мистов, становился все более резким. Таковым был тон статей А. Лабриолы, появившихся в журнале Э. Ферри; они нередко сводились к ожесточенной личной атаке против Турати²⁵

В Милане положение вновь осложнилось: попытка преодолеть раскол местной социалистической организации в сущности не удалась. Турати и его единомышленники по-прежнему подвергались нападкам «слева». Особую активность проявлял К. Ладзари, не щадивший в этот период не только своего главного идейного противника по партии, Турати, но и лидеров тенденций, с которыми он сближался, т. е. Ферри и Лабриолу²⁶. Реформисты также не бездействовали: в апреле 1902 г. в Милане была создана новая газета «Темпо», энергично взявшая на себя защиту реформистской идейной платформы. Необходимость противодействовать усиливавшейся тенденции «непримиримых» представлялась реформистам тем настоятельнее, что приближался очередной партийный съезд. Правда, ни реформисты, ни их идейные противники не преувеличивали, видимо, истинного удельного веса в партии складывавшегося, еще разрозненного, оппозиционного течения. Определяющей оставалась еще линия, а главное, практическая деятельность Турати и его сторонников; из них многие руководили крупными профессиональными федерациями, палатами труда, крестьянскими лигами; их идейное воздействие на массы, объединенные в этих организациях, было еще значительным. В то же время нельзя было не учитывать, что за оппозиционно настроенными деятелями стояли определенные силы, точнее, рядовые члены партии, притом теперь не только «отсталые южане», чье сознание было, как подчеркивали реформисты, «затуманено мелко-буржуазной демагогией». Следовательно, в партии реально нарастало недовольство: надежды, порожденные первоначальными успехами, поддержанные реформистской проповедью, сменились разочарованием, смятением.

Таково было положение, сложившееся к сентябрю 1902 г., когда в Имоле собрался съезд социалистической партии. Наличие противоборствующих политических тенденций стало на нем общепризнанным фактом; оно определило ход работы съезда, остроту развернувшихся на нем дебатов. С принципиально различных позиций выступали не случайно назначенные докладчики — реформист Бономи и «непримиримый» Сольди, — которым поручено было изложить делегатам съезда платформы противостоявших друг другу тенденций. Горячая полемика продолжалась и в ходе прений, в которых участвовали виднейшие представители обоих течений; в центре же идейных столкновений оказались выступления Турати и Лабриолы. Ферри,

²⁵ «Il Socialismo», 1902, 10, 25 giugno, 10 luglio.

²⁶ Procacci G. Op. cit., p. 236—237.

предполагавший поначалу играть роль «примирителя», занял затем решительно «непримиримую» позицию.

Как в докладах, так и в речах ораторов содержались положения, в основном уже излагавшиеся в ходе предшествовавшей съезду длительной полемики. Реформистская позиция отстаивалась ее сторонниками с помощью аргументации, которую они упорно развивали в течение ряда лет. Указывая на необходимость дифференцированного подхода к неоднородной по своему характеру и составу буржуазии, они обосновывали целесообразность соглашений с буржуазными партиями. Осуждая «словесную революционность», они подчеркивали важность организации пролетариата, необходимость использования реформ для расширения рамок легальности и для воспитания отсталых еще масс. Свои доводы они подкрепляли ссылкой на реальные результаты, достигнутые рабочим движением в первые два года либерального правления. Эти положения определяли суть предложенной Бономи резолюции. В ней хотя и признавалось, что «колеблющаяся, часто нелиберальная деятельность правительства была достойна осуждения», однако подчеркивалось, что оказанная ему социалистической фракцией парламента поддержка обеспечила развитие пролетарской организации и предотвратила возможность возврата к временам реакции. Затем следовали гибкие формулировки, которыми отмечался «преходящий характер коалиций с непролетарскими партиями» и оговаривалась «абсолютная свобода действий парламентской фракции в вопросах, касающихся отношения к правительству и другим партиям». Главным же оставался тезис, предлагавший одобрение деятельности социалистической фракции в парламенте, а следовательно, руководства партии. Иными словами, подтверждалась реформистская ориентация. Резолюция заканчивалась призывом к единству²⁷.

В отличие от реформистов, достигших сравнительного единения, «непримиримые» еще расходились в проповедуемых ими взглядах (впрочем, значительные расхождения в установках окажутся и в дальнейшем характерной особенностью «левого» течения); объединяла их главным образом враждебность к господствовавшей в партии реформистской линии. Атакуя на съезде идейных противников, «непримиримые» упрекали их в преувеличенном страхе перед реваншем реакции (в частности, перед «восхождением к власти» С. Соннино), в недооценке ими (т. е. реформистами) силы пролетариата. Не возражая против «экономической организации» рабочего класса и борьбы за реформы, они возражали против проповедовавшихся реформистами «иллюзорных» реформ, дарованных «сверху».

²⁷ Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. I. Milano, 1959, p. 158—168; «Il Socialismo», 1902, 25 settembre.

Устами Лабриолы были выдвинуты весьма общие требования о сокращении военных расходов, налоговой и других реформах, в которых заинтересованы были трудящиеся значительной части Италии (имелся в виду в особенности Юг страны). Но в целях осуществления этих требований борьба, притом ожесточенная, должна была вестись не только против эксплуатации капитала, но и против самого государства. В краткой резолюции, подписанной, в частности, Ферри, Лабриолой и Сольди, предлагалось, чтобы «отныне социалистическая партия в различных областях своей экономической и политической деятельности вела независимую линию, обособленную от линии какого-либо другого класса или социального слоя, равно как и любой другой политической партии». Примечательно, что, подобно реформистам, и их идейные противники звали к единству партии, которое «не должно подвергаться опасности действительностью сосуществующих в ней течений»²⁸.

Однако установки «непримиримых» не могли рассчитывать на успех у большинства делегатов, все еще находившихся в плену реформистских представлений. Исход идейного сражения в значительной мере предreshал сам состав делегатов съезда, большинство которых было избрано в областях, являвшихся опорными центрами реформистского влияния.

Голосование подтвердило, сколь значительным был еще перевес реформистов: предложенная Бономи резолюция была принята подавляющим большинством голосов, в то время как революция «непримиримых» была отвергнута 456 голосами против 297 при 14 воздержавшихся²⁹.

Приветствуя результаты голосования, орган реформистов «Критика социале» писал: «Съезд бесповоротно расчистил нам путь... Победа прорвалась неудержимо, подобно лавине»³⁰. Однако последующие годы опровергли радужные представления реформистов. Под покровом якобы закрепленного единства в партии нарастал идейный кризис, отражавший резкое обострение классовых и политических противоречий в стране.

Наступили нелегкие годы. В противовес предшествовавшему периоду, ознаменовавшемуся промышленным подъемом, в 1903—1904 гг. экономическое положение страны осложнилось; помимо внутренних причин решающим оказалось воздействие неблагоприятной международной конъюнктуры (резкое падение цен и пр.). Наметился спад производственной и торговой деятельности, особенно резко проявившийся в текстильной, прежде всего шелковой, промышленности. Острые формы принял кризис в сельском хозяйстве. Результатом экономических трудностей явились сокращение и без того нищенской заработной

²⁸ Il Partito Socialista Italiano..., v. 1, p. 167.

²⁹ Ibidem.

³⁰ «Critica Sociale», 1902, 16 settembre.

платы и дальнейший рост «резервной армии» труда, т. е. армии безработных, численность которых, по признанию видного либерального экономиста Эйнауди, в некоторых местах достигала «поистине невероятных размеров»³¹. От безработицы, как отмечалось в «Критика социале», страдали теперь не только труженники деревни, но в большей мере, чем когда-либо прежде, промышленные рабочие³². Текстильщики Биеллы, рабочие Рима, металлурги Неаполя становились жертвой ухудшившейся конъюнктуры.

Трагическим было положение сельскохозяйственных рабочих, особенно на Юге страны. О колоссальной безработице среди батраков вынуждены писать и праволиберальная «Коррьере делла сера» и даже официозная «Трибуна», чьи корреспонденции перепечатывали московские «Русские ведомости». «Газеты полны в последнее время сообщений о массовой безработице в провинциях Равенны, Феррары, Лечче и других, — читаем мы в «Русских ведомостях». — ... В провинции Лечче (Апулия) безработица лишила хлеба тысячи семей»³³.

Недовольство, возмущение, отчаяние охватывали массы. В Южной Италии вспыхивали волнения, кончавшиеся кровавой расправой. Снова, трижды в 1903 г. — начиная с февраля в Петацчато, а затем в Пуриныано и Торре Аннунциате, — огнем подавлялись забастовки батраков, волнения крестьян, сопротивлявшихся насилию. Кровавые расправы стали зловещей традицией в истории классовой борьбы в Италии.

На протяжении многих месяцев вести о драматических эпизодах классовой борьбы, происходившей на Юге, не сходили со страниц газет разного направления; эпизоды эти были предметом жарких парламентских дебатов, волнующих уличных манифестаций. В данной связи два вопроса снова выдвигались в центр внимания общественности: «южный вопрос» и связанный с ним вопрос о политике правительства по отношению к трудящимся вообще, к крестьянским массам Юга в особенности.

Как решать тревожную проблему экономической и политической отсталости южных областей страны?

Со времени постановки этой проблемы на страницах консервативно-либеральной «Рассенья сеттиманале» разработка ее была обогащена еще в конце века сначала Ф. С. Нитти, а затем Колайанни и Чиккотти; ими была заложена основа принципиально иной, демократической концепции «южного вопроса», согласно которой судьбы Юга связывались теперь с общим экономическим и социальным развитием страны, с той ролью, которую процесс индустриализации призван был играть в «возрождении» отсталых южных областей; социалист Чиккотти же

³¹ *Einaudi L. Cronache economiche e politiche di un trentennio, v. 2. Torino, 1959, p. 104—105.*

³² «*Critica Sociale*», 1904, 1 giugno.

³³ «*Русские ведомости*», 20.IV 1903.

(в известной степени опередивший Г. Сальвемини) считал, что обновление Юга станет возможным лишь с крушением капиталистической системы эксплуатации.

Наиболее значительный вклад в создание новой «меридионалистской» концепции внес Г. Сальвемини. Исходя из глубокого анализа социально-экономической и политической действительности Юга, Сальвемини не только связывал решение «южной проблемы» с крушением капиталистической системы, но (как подчеркивает Р. Виллари) считал, что «борьба за решение южной проблемы (а ее нельзя вести без активного участия самого Юга) является необходимой и решающей составной частью общего поступательного движения к демократии и социализму». Следовательно, им ставился вопрос о направляющем, организующем действии рабочего движения Севера, которое должно было не заменить собой движение самих крестьянских масс Юга, а превратить его в новую революционную силу, поддерживая при этом его насущные требования³⁴. Такова была передовая для своего времени концепция Сальвемини, не ставшая, однако, концепцией социалистической партии.

В 1903 г., как отмечено, «южная проблема» оказалась в центре внимания общественного мнения, точнее, — еще с конца 1902 г. Ее решением, официально объявленным «национальной обязанностью», занимались, исходя из неоднозначных позиций, многие государственные и политические деятели. В сентябре 1902 г. глава правительства, Дзанарделли, сопровождаемый представительной свитой, предпринял путешествие по обездоленной Базиликате. За щедрыми обещаниями премьер-министра улучшить тягостные условия существования сельских масс не последовало непосредственных результатов; лишь в 1904 г. был принят закон о выделении финансовых средств для экономического оздоровления области. Разумеется, не таковым было ожидавшееся решение. Видимо, реальным успехом увенчалась другая, по мнению Сальвемини, главная цель поездки: Дзанарделли удалось расширить связи с властью имущими Юга, заручиться поддержкой определенных консервативных кругов. Любопытно, что к этому выводу пришел и царский посол Нелидов, указавший в своем донесении, что одна из задач путешествия Дзанарделли заключалась в том, чтобы привлечь к себе до этого враждебно настроенных южноитальянских депутатов³⁵.

Вслед за поездкой премьер-министра лидер консервативной оппозиции Соннино, критикуя бездействие правительства, вернулся к реформаторским проектам, и на этот раз предложил сокращение налогообложения земельной собственности (т. е. латифундий), что, по его мнению, должно было стимулировать

³⁴ *Villari R. Conservatori e democratici nell'Italia liberale.* Bari, 1954, p. 142—154.

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1902, оп. 470, д. 84, лл. 214—215.

подъем сельского хозяйства. Проект Соннино с теми или иными оговорками нашел поддержку в консервативных кругах³⁶. Несогласие с предложениями Соннино выразили с прогрессивно-либеральных позиций Л. Эйнауди, возражавший против снижения налогообложения крупной земельной собственности, а также Ф. С. Нитти, выдвинувший альтернативный план, включавший индустриализацию Неаполя.

Не в пример прошлому, значительное внимание стала теперь уделять южной проблеме реформистская печать. «Критика социале» печатала статьи Сальвемини³⁷, вызывавшие, как правило, ответные полемические статьи. Так, по мнению «Критика социале», если проекты консерваторов типа Соннино отвечали исключительно интересам землевладельцев, то требования социалистов-южан (в частности, Сальвемини) представлялись авторам статей мелкобуржуазными, во всяком случае отнюдь «не социалистическими», поскольку были рассчитаны на «укрепление крестьянской собственности»³⁸.

Различные аспекты «южной проблемы» освещались в «Темпо», а чаще всего в «Аванти!»³⁹. Разумеется (при этом не впервые), эта тематика занимала важное место на страницах газеты «Пропаганда», являвшейся центром боевого «неаполитанского отряда», как называл Лабриола группировавшихся вокруг газеты единомышленников — «непримиримых». Однако знаменательно, что для неаполитанских «мернодпоналистов» (Сальвемини представлял исключение) «южная проблема» теряла как бы собственное, самостоятельное значение, она служила в их идейной борьбе главным образом (хотя весьма существенным) дополнительным основанием для атаки против реформистов. Так было и в ходе полемики вокруг предложений Соннино. «Пропаганда» осуждала безразличие реформистов к судьбам Юга, недооценку ими возможности роста социалистической партии в южных районах страны. Что же касалось самого проекта Соннино, газета критиковала колеблющуюся позицию реформистов, отвергавших его из опасения, что принятие его может нанести удар правительству Дзанарделли—Джолитти. Указывая, что социалистическая партия должна выработать собственную программу (должна все еще ... выработать ее!), «Пропаганда» считала, что вместе с тем следует оценивать вносимые теми или иными деятелями предложения, руководствуясь объективными критериями, а отнюдь не «министерскими симпатиями»⁴⁰. Естественно, активное участие в разгоревшейся полемике принял Артуро Лабриола⁴¹, но для него, в еще

³⁶ «Il Corriere della Sera», 11.I 1903.

³⁷ «Critica Sociale», 1902, 16 dicembre; 1903, 1 gennaio; 1903, 1 febbraio.

³⁸ «Critica Sociale», 1903, 1 gennaio; 1 febbraio.

³⁹ «Avanti!», 19.IX, 24.IX, 28.IX, 11.XII 1902.

⁴⁰ «La Propaganda», 11.I, 12.II 1903.

⁴¹ «Avanti!», 8.XII 1902.

большей степени, нежели для кого-либо из его сторонников, центральной политической задачей являлась борьба против реформизма.

Этим доминировавшим в его сознании соображением было продиктовано решение, определившее его дальнейший путь. В конце 1902 г. Лабриола переехал из родного Неаполя в Милан; здесь в содружестве с В. Мокки (как и Лабриола, Мокки был уроженцем Юга; в миланских партийных столкновениях он занимал резкую антитураттанскую позицию) Лабриола основал газету «Авангардия социалиста». Неаполь представлялся Лабриоле ареной, не пригодной для решительного сражения, оно было перенесено в собственную цитадель реформизма. Более того, согласно замыслу Лабриолы вновь созданная «Авангардия социалиста» должна была обеспечить установление непосредственного взаимодействия Милана, Турина, Неаполя, дабы тем самым создать общенациональную основу для развития антиреформистского течения. В какой мере этому замыслу дано было осуществиться, показало будущее. Создание же в Милане нового центра оппозиционных партийных сил являлось само по себе новым проявлением растущего в рядах социалистического движения революционного по своей сути (хотя и ошибочного, сектантского по форме) протеста против политики «классового сотрудничества», проводимой реформистами.

В результате «горючий материал», накопившийся к весне 1903 г., когда недовольство масс приняло крайне острые формы, взорвал политическое равновесие, достигнутое было на основе взаимодействия либерализма и реформизма. 23 марта парламентская фракция социалистической партии решила отказаться от «благожелательного нейтралитета» и перейти в оппозицию к правительству. Ее примеру последовали республиканцы, среди которых еще в 1902 г. выделилось течение, противившееся дальнейшему сотрудничеству с правительством Дзанарделли—Джолитти.

Вскоре новое обстоятельство отразило изменившуюся обстановку внутри социалистической партии: острый финансовый кризис, переживаемый «Аванти!», дал повод для выявления нараставшего в партии сопротивления политической линии газеты. Атакуемый местными организациями редактор газеты Л. Биссолати вынужден был подать в отставку, которую руководство партии приняло не без колебаний. 3 апреля его сменил Э. Ферри. Смысл переворота в редакции «Аванти!» был очевиден: направление газеты должно было соответствовать происшедшему полевению партийных низов. Этот факт — а в еще большей мере переход левых фракций в оппозицию — свидетельствовал о политической радикализации масс и об ослаблении позиции правительства в парламенте и стране.

В дальнейшем разнородные по характеру и значимости события лишь усилили этот процесс.

На фоне общего спада забастовочного движения (число забастовок и участвовавших в них трудящихся сократилось в 1903 г. почти вдвое по сравнению с предыдущим годом)⁴² проявлением таившейся в рабочем классе боевой силы явилась стачка римских типографов. Длившаяся много недель, она вылилась к началу апреля во всеобщую забастовку; в течение ряда дней, совпавших с пасхальными праздниками, жизнь столицы была парализована. Причиной затянувшегося конфликта был отказ владельцев типографий удовлетворить требования бастующих о введении 8-часового рабочего дня и повышении заработной платы. Борьба типографов нашла горячий отклик среди римских пролетариев — строители и водители городского транспорта, рабочие промышленных предприятий и грузчики, пекари и извозчики присоединились к бастующим. Однако упорная, неожиданно широко развернувшаяся борьба оказалась обреченной. Бастующих сломили ожесточенное наступление владельцев типографий, репрессивные меры властей, осуществленные по непосредственному распоряжению Джолитти, не пожелавшего на этот раз идти ни на какие уступки, — в столицу были переброшены войсковые части, удвоено число карабинеров, выступавших и в качестве штрейкбрехеров⁴³. Наконец, неудаче содействовала и пораженческая позиция руководства социалистической партии, которую разделяли ее главные органы печати. Реформистские «Критика социале» и «Темпо» решительно осудили забастовку⁴⁴; руководимая Ферри «Аванти!», не занимавшая поначалу определенной позиции, позже присоединилась к тем, кто после поражения сетовал на «негативный опыт» забастовки⁴⁵.

Протестуя против подобных установок, неаполитанская «Пропаганда» писала, что «социалистическая партия не сочла забастовку своим кровным делом и предоставила трудящихся самим себе»⁴⁶. Такова была и оценка миланской «Авангардия социалиста». Реформисты, писал Лабриола, ограничились тем, что «в последний момент вмешались в ход дела и лишь для того, чтобы «посоветовать капитуляцию»»⁴⁷.

Тем временем пристальное внимание общественного мнения привлекали к себе и другие факты, накалявшие политическую атмосферу.

Неясным, колеблющимся представлялся и внешнеполитический курс правительства. С приходом к власти министерства Дзанарделли — Джолитти Италия, лавируя между Тройствен-

⁴² *Procacci G.* Op. cit., p. 284.

⁴³ *Ibid.*, p. 266—270; 278—280; АВПР, ф. Канцелярия, 1903, оп. 470, д. 92, т. I, лл. 67—68, 83—84; Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 290—291.

⁴⁴ «Critica Sociale», 1903 1—16 aprile, «Il Tempo», 12.IV 1903.

⁴⁵ «Avanti!», 12.IV 1903.

⁴⁶ «La Propaganda», 19.IV 1903.

⁴⁷ «Avanguardia Socialista», 26.IV 1903.

ным союзом (в рамках которого трудно было преодолеть разделявшие ее противоречия с Австро-Венгрией) и другими великими державами, все решительнее шла по пути сближения с последними. В июне 1902 г. был возобновлен договор о Тройственном союзе, но одновременно было заключено итало-французское соглашение (оставшееся в тайне до 1 ноября того же года), которое формально не противоречило Тройственному союзу, однако фактически обесценивало обязательства Италии по отношению к ее союзницам⁴⁸. Не случайно также, что первый визит, который, согласно традиции, молодой король нанес иностранным государствам, привел его в Петербург, ибо Итальянское королевство стремилось установить прочные дружественные отношения с Россией. В то же время со стороны Италии, а также Англии была проявлена готовность к укреплению отношений между обеими странами, что, в частности, было засвидетельствовано во время посещения Рима Эдуардом VII весной 1903 г.

Весной 1903 г. не только в правящих сферах, но и в близких к ним политических кругах усилилось недоверие к австрийской союзнице, в которой не без основания видели главного противника проникновения Италии на Балканы.

Во время посещения Рима кайзером Вильгельмом II в мае 1903 г. Виктор-Эммануил III подчеркнул, что «Италия не может позволить какой-либо другой державе, Австро-Венгрии в особенности, утвердиться в Албании. Высадка ее в Валоне, отделенной лишь узкой морской полоской от итальянского побережья, означала бы конец итальянской династии»⁴⁹.

В этих условиях трудно было рассчитывать на ослабление итало-австрийских противоречий и на упрочение Тройственного союза, а тем более на рост его популярности в стране. Более того: встречая то скрытую, то явную поддержку двора и влиятельных кругов, оживилось антиавстрийское ирредентистское движение, которое хотя и опиралось на патриотические традиции времен Рисорджименто, однако чем дальше, тем откровеннее принимало агрессивный характер. Оно являлось лишь одним из зарождавшихся в ту пору националистических течений, которые при всей их первоначальной идейно-политической хаотичности уже отражали конкретные интересы и вожеления складывавшейся империалистической буржуазии⁵⁰. В конце 1903 г. волна антиавстрийских демонстраций прокатилась по всей Италии.

⁴⁸ По условиям этого соглашения Италия обязывалась соблюдать «строгий нейтралитет» в том случае, если Франция подвергнется нападению или если она вследствие прямого вызова окажется вынужденной объявить войну.

⁴⁹ *Albertini L. Vent'anni di vita politica*, v. 1. Bologna, 1950, p. 118—119.

⁵⁰ Предвестником будущего националистического движения явился журнал «Реньо», появление которого относится именно к 1903 г.; в его первом номере была напечатана статья под заголовком «Империалистическая идея».

Дипломатические осложнения назревали и на другом внешнеполитическом участке. Важным элементом итальянской внешней политики было, как уже отмечалось, сближение с царской Россией, что обуславливалось прежде всего итало-австрийскими противоречиями. В заявлениях итальянских официальных лиц неизменно подчеркивалось желание укреплять отношения с Россией, что, впрочем, встречало благоприятный отклик в Петербурге⁵¹. В этом плане в итальянских правящих кругах придавалось особое значение ответному визиту Николая II в Рим. Однако официозной пропаганде нелегко было создать вокруг ожидавшегося приезда русского царя атмосферу формальной торжественности, а тем паче — искреннего радушия.

Вопреки предположениям, будто далекая Россия остается для европейского общественного мнения «малонинтересным незнакомцем»⁵², на деле эта страна, ее народ возбуждали в Италии живой, все нараставший интерес.

Правда, необозримая Российская империя с ее сложной, драматической историей действительно оставалась для итальянцев во многом неведомой и непостижимой. Однако в начале XX в. судьба России теснее, чем когда бы то ни было прежде, переплеталась с судьбами других стран — столь важна была ее роль в международной политике, столь велики были отзвуки ее внутренних событий и значимость передовой русской культуры в европейской общественной жизни. Сильнее же всего действовала на воображение и чувства итальянцев борьба русского народа против гнета самодержавия.

Не только социалистическая печать, но и газеты других направлений все чаще и подробнее освещали происходившие в России события, в особенности нараставшее там рабочее революционное движение. Весной 1903 г. неожиданное происшествие взволновало итальянское общественное мнение: в Неаполе был арестован прибывший из Парижа русский революционер М. Гоц, причем арест его, как сообщалось в печати, был произведен по настоянию Петербурга, официально потребовавшего выдачи арестованного⁵³. Социалистическая партия повела решительную кампанию в защиту Гоца: выступая в партийной печати, на массовых митингах в Неаполе и Милане, социалисты добивались немедленного его освобождения. В результате итальянские власти не решились удовлетворить требование о выдаче Гоца. Суд отверг это требование, и Гоца освободили из-под стражи.

Волнение, возбужденное делом Гоца, еще не улеглось, когда возобновились официальные переговоры о приезде Николая II

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1903, оп. 470. д. 92, т. I, лл. 101—102, 104—105; д. 92, т. II, лл. 262—266.

⁵² «Искра», 15 августа 1903 г.

⁵³ М. Гоц обвинялся в участии в убийстве министра внутренних дел Сипягина студентом-эсером Балмашевым.

в Италию. 5 июня на очередном бурном заседании палаты авторитетный деятель социалистической партии депутат Оддино Моргари выступил с запросом о том, соответствуют ли действительности сведения о приезде царя, и, получив утвердительный ответ, заявил, что «в случае, если царь решится прибыть в Италию, итальянские социалисты его освистают»⁵⁴.

Левое крыло социалистической партии, не поддержанное реформистами, подхватило инициативу Моргари и развернуло широкую газетную кампанию, которая вызвала резкую реакцию правительственной печати.

В то же время официальные круги попытались смягчить впечатление, которое запрос Моргари и решительная позиция «крайней левой» произвели на царское правительство и самого Николая II. Так, министр иностранных дел просил русского посла Нелидова передать в Петербург, что итальянское правительство преисполнено «негодования и возмущения», а Виктор-Эммануил III заверил русского посла, что происшедший в палате инцидент лишен «какого-либо значения»⁵⁵.

Политическую обстановку осложнило и другое обстоятельство: на страницах «Аванти!» Э. Ферри развернул разоблачительную кампанию, направленную против морского министерства и самого министра Беттоло. Газета обвиняла министра в незаконных действиях в пользу предприятий «Терни», которые он небескорыстно обеспечивал выгодными заказами на оборудование для морского флота. Разразился скандал, имевший серьезные последствия.

10 июня правительство, отклонив предложение о парламентском расследовании дела о морском министерстве, получило при голосовании в палате депутатов лишь небольшой перевес голосов. Ссылаясь на шаткую базу кабинета, Джолитти подал в отставку, развязав тем самым правительственный кризис.

Сформированное Дзанарделли новое министерство, в которое Джолитти отказался войти, заведомо не могло овладеть положением. По-прежнему лишенное поддержки «крайней левой», оно было бессильно решить стоявшие перед ним сложные внутренние и внешнеполитические задачи.

Среди них первоочередное значение приобретал ожидавшийся приезд в Италию Николая II, в котором правящие круги были крайне заинтересованы. Между тем движение против приезда царя в Италию разворачивалось в нарастающем темпе и расширявшихся масштабах. Создавались особые комитеты, в которых наряду с социалистами участвовали республиканцы, анархисты, левые радикалы; организовывались митинги, проводились демонстрации, расклеивались прокламации и распро-

⁵⁴ Atti del Parlamento italiano. Camera dei Deputati. Sessione 1902—1903, v. IX, p. 8691—8692.

⁵⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1903, оп. 470, д. 92, т. II, лл. 60—61, 68—72.

странялись листовки. Тщетно правительство принимало меры к тому, чтобы «удержать движение в надлежащих рамках»: выпускало собрания и демонстрации, конфисковывало газеты, арестовывало «подозрительных», чаще всего анархистов, усиливало слежку за русскими эмигрантами.

Значение движения против приезда царя было отмечено и за пределами Италии. Международное социалистическое бюро подавляющим большинством голосов (вопреки мнению Ж. Жореса, Р. Фишера и др.) приняло резолюцию, выражавшую итальянской социалистической партии чувство солидарности, и высказало «свое отвращение к русскому царизму и его преступлениям»⁵⁶. Кампанию протеста, организованную итальянскими социалистами, приветствовал Г. В. Плеханов, чье интервью, данное газете «Темпо» и перепечатанное «Аванти!», произвело в Италии сильное впечатление⁵⁷.

Итальянское правительство было встревожено. Оно удвоило усилия к обеспечению «общественного порядка» и заверяло, что «царю будет оказан наилучший прием». Оно настойчиво добивалось обещанного визита царя, тем более что в связи с разгоревшимся на Балканах македонским конфликтом Италия, помогаясь «роли третьей, наиболее заинтересованной державы... в прямом соперничестве со своей союзницей»⁵⁸, Австро-Венгрией, нуждалась в улучшении отношений с Россией. Между тем именно в этот период обострение империалистических противоречий на Балканах и на Дальнем Востоке обусловило русско-австрийское сближение, благосклонно поддержанное Германией, о чем недвусмысленно свидетельствовала встреча австрийского и русского императоров в 1903 г. в Мюрцштеге. Не случайно об отказе Николая II от поездки в Италию, точнее, об отсрочке этой поездки было объявлено вскоре же после окончания Мюрцштегского свидания, что, естественно, не могло не подсказать современникам, да и позднейшим исследователям, мысль о непосредственной связи между этими событиями⁵⁹.

В дипломатических донесениях и в большей части газет обеих стран в качестве решающего мотива отсрочки называлась враждебная агитация итальянских социалистов. Надо полагать, что в той или иной степени действовали оба мотива. Во всяком случае «Аванти!» не без основания могла заявить: «Мы не поем победных гимнов, но мы констатируем, что впервые в условиях господствующего монархического строя пролетариат смог посредством своей политической организации оказать действенное влияние на события внешней политики. Царь не придет в Италию, чтобы избежать враждебных манифестаций. В действи-

⁵⁶ «Искра», 15 августа 1903 г.

⁵⁷ Archivio dell'Istituto G. G. Feltrinelli, f. Plechanov; «Il Tempo», 10.X.1903.

⁵⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1903, оп. 470, д. 110, л. 153.

⁵⁹ Labriola A. Storia di dieci anni (1894—1904). Milano, 1910, p. 64; Salvatorelli L. La Tripla Alleanza. Milano, 1939, p. 268—273.

тельности же, отказываясь от поездки, он придает протесту еще большую значимость и торжественность»⁶⁰.

Со своей стороны, оценивая исход кампании вокруг визита царя, «Искра» писала: «Мы, русские социал-демократы, можем только радоваться победе итальянских товарищей и благодарить их за энергичную борьбу, ибо эта борьба велась главным образом и в нашу пользу...»⁶¹

Отсрочка визита царя нанесла правительству Дзанарделли тяжкий удар. Столь очевидная внешнеполитическая неудача послужила поводом для ожесточенных атак против кабинета и самого премьера. Справа правительство обвиняли в непростительной слабости, «весьма пагубной во внутренней политике и подрывающей престиж Италии в мире».

В этой обстановке в политических кругах все шире распространялось мнение, что один лишь Джолитти способен восстановить порядок, обеспечить стране прочную власть, внутреннее спокойствие и уважение Европы. Отказавшись от прежнего, резко враждебного или настороженного отношения к Джолитти, к этому мнению склонялась теперь и часть консервативных кругов⁶². Неизбежная в таких случаях развязка была ускорена тяжелой болезнью премьер-министра. 21 октября Дзанарделли подал в отставку. На смену ему пришел Джованни Джолитти.

Наступил период, когда яснее и четче прежнего определилась сущность того нового, либерального режима, который и до этого, а тем более впоследствии, связывали с мнением Джолитти.

Оказавшись во главе кабинета, Джолитти располагал теперь еще большей, чем прежде, свободой действий: казалось, прогрессивные тенденции итальянского либерализма могли теперь развиваться шире и легче, чем в прошлом. Между тем именно теперь, когда Джолитти стал премьером, проявились не только и не столько прогрессивные возможности, сколько ограниченность и непрочность либеральных завоеваний. Более того, стали явно видны те пределы, за которыми либерализм — в условиях обостряющейся классовой борьбы — может обернуться консерватизмом, а иногда даже реакционностью.

В момент формирования кабинета Джолитти пожелал продемонстрировать верность ранее декларированным либеральным принципам. Он предложил участие в правительстве социалистам

⁶⁰ «Avanti!», 14.X 1903.

⁶¹ «Искра», 15 октября 1903 г.

⁶² Примечательно, что царский посол Нелидов, до этого не раз сеговавший на «равнодушные и попустительство» итальянского правительства, т. е. прежде всего Джолитти, по отношению к «левым партиям», теперь (точнее, еще в июне 1903 г.) писал в своих донесениях о желательности поручения Джолитти составления нового кабинета. «С ним... указывал он, — можно более, чем с кем-либо иным в Италии, быть спокойным относительно обеспеченности от враждебных замыслов анархистов и других врагов общественного строя» (АВПР, ф. Канцелярия, 1903, оп. 470, д. 92, т. I, лл. 128—129).

и радикалам, хотя сам сомневался в возможности принятия этого предложения социалистами. В письме королю он вполне определенно выражал эти сомнения. Однако, добавлял он, сделанное Турати предложение «полезно, ибо оно показывает, что монархия не исключает никаких разумных проявлений прогресса»⁶³.

Турати, как и предполагал Джолитти, от участия в кабинете отказался. Он обратился к вновь назначенному премьеру с личным письмом, в котором подтверждал свое неоднократно высказанное мнение, что передовые партии обязаны оказывать «лояльную поддержку.... всякому подлинно либеральному и смелореформаторскому правительству». Вместе с тем он уклонялся даже от встречи с Джолитти, указывая, что ему легче будет «отстоять свою точку зрения, если никакая личная беседа не бросит на него тень сомнений»⁶⁴. По его поручению конфиденциальную беседу с Джолитти имел Биссолати, который, подтвердив доводы Турати, мотивировал отказ тем, что вступление социалистов в состав правительства по крайней мере преждевременно и угрожает им потерей влияния в массах⁶⁵.

Несмотря на настойчивые обращения Джолитти, на проявленную им уступчивость в вопросе о сокращении военных расходов, отказом ответили также и лидеры радикалов. В последнем случае камнем преткновения оказалось, в частности, намерение Джолитти (затем осуществленное) включить в состав правительства ряд деятелей — Титтони, Луццатти и других, известных своей консервативной или реакционной ориентацией. Однако Джолитти не пожелал уступить в этом, по-видимому, важном для него вопросе.

Политический поворот, о котором возвещал состав сформированного в конце концов кабинета, являлся лишь первым проявлением закономерного хода вещей, отражавшегося в действиях премьер-министра. С этого времени в деятельности Джолитти все ошутимее стала сказываться тенденция к сближению с консервативными силами в парламенте и за его пределами. С другой стороны, решающими элементами и опорой политической системы Джолитти отныне — чем дальше, тем больше — становились не политические партии, а менявшееся, но покорное ему парламентское большинство, местные «клиенты», создававшиеся с помощью заигрывания и беззастенчивой коррупции.

Представшему перед палатой новому кабинету было выражено доверие значительным большинством в 284 голоса (т. е. основной массой либералов и консерваторов) против 117 голосов делегатов «крайней левой». Итоги голосования подтвердили происшедшие политические сдвиги.

⁶³ Dalle Carte di G. Giolitti, v. 2, p. 332—333.

⁶⁴ Ibid., p. 324—325.

⁶⁵ Ibid., p. 333.

В программной декларации нового кабинета Джолитти провозгласил начало периода социальных, экономических и финансовых реформ⁶⁶. Практически, однако, обещанные им реформы свелись лишь к расширению объема общественных работ путем предоставления государственных заказов производственным и сельскохозяйственным кооперативам и к некоторому увеличению пособий инвалидам и престарелым.

Большее значение имели намеченные правительством мероприятия по стимулированию экономического, в особенности промышленного, развития страны. В этой области предусматривалось возобновление торговых договоров с рядом стран, упорядочение статуса железных дорог, которые предполагалось передать в управление государству, и, наконец, оздоровление государственных финансов. В дальнейшем правительство осуществило ряд мер, соответствовавших этим программным установкам. Известное внимание было уделено и тяжелому положению Юга, экономического подъема которого, как указывалось теперь и в программной декларации кабинета, являлся не только «политической потребностью, но и национальной обязанностью»⁶⁷.

Однако все эти словесные посулы, да и принятые позднее ограниченные меры не затрагивали существа проблем, решения которых настоятельно требовал народ.

К 1904 г. напряжение в стране еще больше возросло. Недовольство либеральным курсом, все нараставшее в массах, определило резкие сдвиги в политической сфере: усилилось брожение в левобуржуазных радикальной и республиканской партиях.

Отражением происходивших глубинных процессов явилось все более четкое размежевание течений в социалистическом движении. Во второй половине 1903 г. участились случаи раскола партийных федераций. Римская федерация вынесла даже решение об исключении Турати из партии, обосновывая его тем, что политическая деятельность его направлена против партии. Это решение, вызвавшее бурную реакцию в реформистских кругах Милана, не было утверждено партийным руководством⁶⁸.

Со времени съезда в Имоле удельный вес и влияние левого течения («непримиримых») значительно возросли. «Непримиримые», решительно противопоставлявшие себя реформистам, были представлены различными группами и отражали неоднородные тенденции; опирались они на массовую базу, которую наряду с мелкобуржуазной интеллигенцией, чем дальше, тем шире, составляли также рабочие и батраки. Решающее наступление против реформизма развернулось теперь из Милана: группа «не-

⁶⁶ *Giolitti G. Discorsi parlamentari*, v. 2, p. 759.

⁶⁷ *Ibidem*.

⁶⁸ «*Avanti!*», 29, 30.VII 1903; «*Il Tempo*», 30.VII 1903.

примиримых», сплотившаяся вокруг «Авангардна социалиста», объявила войну тактике «классового компромисса» и «министерализма»⁶⁹. К началу 1904 г. позиции миланской группы укрепились. Однако «завоевать» индустриальный Милан оказалось для Лабриолы и его единомышленников задачей непростой. Почти с самого начала своей деятельности они смогли, правда, опереться на значительную часть членов местной социалистической федерации, как известно, оппозиционно настроенную по отношению к линии партийного руководства. В 1903 г. разногласия в Миланской федерации настолько обострились, что после периода неустойчивого воссоединения противоборствующих фракций снова наступил раскол: Турати и его сторонники порвали с Миланской федерацией⁷⁰. Не сразу и не без трудностей Лабриоле удалось сблизиться с «операистскими» кругами, и прежде всего с самим К. Ладзарин, в дальнейшем поддерживавшим группу «Авангардна социалиста». Оставалась главная задача: завоевание рабочей массы Милана, среди которой реформисты до поры до времени еще сохраняли значительное влияние, и, разумеется, Палаты труда, являвшейся их опорным центром. Но и эта задача была со временем решена. Тому содействовало поражение забастовки рабочих и служащих Северных железных дорог, во время которой реформистское руководство Палаты труда на деле отмежеввалось от бастующих, а газета «Темпо» осудила их действия. Комментируя эти факты, «Авангардна социалиста» не преминула обвинить реформистов в «предательстве»⁷¹. Спустя месяц к сторонникам «Авангардна социалиста» перешло руководство Палаты труда, игравшей первостепенную роль в сплочении и организации миланских трудящихся.

Более того, к концу 1903 г. «левореволюционная» тенденция завоевала прочные позиции далеко за пределами Милана и Ломбардии, во многих областях Северной и Центральной Италии, в том числе там, где прежде господствовали реформисты; в ряде мест это произошло не без непосредственного воздействия миланской группы, возглавлявшейся Лабриолой. Так, сторонникам «Авангардна социалиста» был нанесен удар реформизму в провинции Мантуя, где социалистические организации и крестьянские лиги являлись до этого вотчиной реформистов. Влияние «левореволюционных» тенденций стало преобладающим в социалистических организациях Турина и Пармы. По-прежнему важным центром «непримиримых» оставался Неаполь, где они продолжали активную деятельность группируясь вокруг газеты «Пропаганда». О непрекращавшейся связи Лабриолы с неаполитанскими единомышленниками свидетельствуют его

⁶⁹ *Procacci G.* Op. cit., p. 312—332.

⁷⁰ «*Avanguardia Socialista*», 2.VIII 1903.

⁷¹ «*Avanguardia Socialista*», 4.XI 1903.

письма, адресованные к Э. Ч. Лонгобарди⁷². В них своеобразно отражены сложный, противоречивый процесс «ассимиляции» Лабриолой новой миланской действительности, переживаемые им трудности, охватывавшие его сомнения, горькие размышления о положении в партии и поведении тех или иных ее деятелей, в частности «непримиримого» Ферри⁷³.

В царившей в партии накаленной атмосфере сомнения, тревожные опасения, которыми Лабриола делился с Лонгобарди, все усиливались по мере приближения назначенного на апрель 1904 г. очередного партийного съезда (опасения и тревога усиливались, несмотря на одержанные его течением успехи)⁷⁴. «Теперь, — писал Лабриола, — я думаю только об одном: если предстоит пасть, то стоя... Но до съезда мы должны бороться!»⁷⁵ А в тот момент бороться означало для него противопоставить реформизму не только конкретное действие, но и идейную концепцию, способную воздействовать на массы, увлечь их. На протяжении 1903—1904 гг. он изложил эту концепцию в ранней своей работе «Реформы и социальная революция», в которой обобщил идейные положения, суждения, оценки, содержащиеся в его собственных статьях и в статьях его единомышленников. Лабриола торопился закончить ее до предстоявшего съезда, так как рассчитывал, что она окажется «предсъездовской маленькой бомбой»⁷⁶. В противовес идеологическим воззрениям реформистов он выдвигал идейную концепцию, представляющую собой своеобразный сплав мелкобуржуазного радикализма и примитивной революционности. Идейно сформировавшись в Неаполе, в котором сильны были анархистские традиции, Артуро Лабриола горячо откликнулся на проповедь французского анархо-синдикалиста Жоржа Сореля, с которым ему довелось лично познакомиться во время вынужденной после событий 1898 г. эмиграции во Франции. Воздействие идей Сореля и еще более сильное воздействие самой французской действительности оставило глубокий след в сознании Лабриолы. Однако воспринятое им во Франции созрело лишь позже, когда

⁷² Lettere di Arturo Labriola a Ernesto Cesare Longobardi. A cura di E. Santarelli. — «Rivista Storica del Socialismo», 1962, N 17, p. 563—584.

⁷³ Ibid., p. 573—577.

⁷⁴ Полны горечи и сомнений также письма Анны Кулишевой к И. Бонони, относящиеся к этим же месяцам. См. Lettere di Anna Kuliscioff e di Filippo Turati a Ivanoe Bonomi. A cura di R. Giusti. — «Rivista Storica del Socialismo», 1959, N 5.

⁷⁵ Lettere di Arturo Labriola a E. C. Longobardi..., p. 577. В том же письме, допуская возможное поражение на съезде, Лабриола не без сарказма рисовал следующую перспективу: «... мы откажемся тогда от боевой политической деятельности, будем думать о заработке, о любви, будем читать книги и писать их, станем respectable людьми, умеющими смеяться над всем и всеми...»

⁷⁶ Ibid., p. 577. Работа А. Лабриолы «Реформа и социальная революция» вышла впервые в Лугано в феврале 1904 г., второе ее издание (на которое мы будем ссылаться) — в том же городе в 1906 г.

(как справедливо отмечает Сантарелли) Лабриола вступил в бой с итальянским, туратнианским реформизмом⁷⁷. Влияние французского синдикализма, точнее идей Сореля, с 1903 г. все шире распространявшихся в Италии, проявилось уже в публицистических статьях Лабриолы, Леоне и других социалистов-южан, составлявших группу «Пропаганда». Полнее, глубже оно сказалось на упомянутой выше синтетической работе Лабриолы «Реформы и социальная революция».

Таким образом, «класснский» французский синдикализм, хотя и претерпевший известные изменения, вошел существенной составной частью в идейную систему, которой суждено было играть вскоре значительную роль в развитии итальянского социалистического движения. Зародился итальянский «революционный синдикализм», основным центром которого стал город Милан.

В основе противопоставленной реформизму идейной системы была теория «прямого действия», отводящая решающую роль в революционном процессе стихийности и насилию, «коллективному повстанческому насилию», которое, как отмечал Артуро Лабриола, одно лишь может разрешить порожденные социальными конфликтами проблемы⁷⁸. «Час насилия, — утверждал он, — значит куда больше, чем столетие постепенного (градуального) развития»⁷⁹. Что же касается реформ, то, по мнению синдикалистов, поскольку они не подрывают самой капиталистической системы, в случае реализации они способны оказать преимущественно отрицательное воздействие.

Особое значение приобретало в этой идейной системе положение об исторической функции профсоюза, «ассоциации рабочих, технически подготовленных и потому способных управлять производством», которые одни лишь могут взять на себя инициативу «радикального преобразования существующих технико-экономических отношений», т. е. осуществления экспроприации экспроприаторов⁸⁰. Положения об исключительной исторической функции профсоюзов (грядущая федерация которых предстанит такую силу, что она уподобится «государству в государстве»), равно как и о методах и формах борьбы, адекватных этой, по мнению синдикалистов, истинно классовой организации рабочего класса, сочетались в концепции Лабриолы и его сподвижников с недооценкой политического действия как фактора классовой борьбы, с отрицанием за социалистической партией роли направляющей, ведущей силы в поступательном движении пролетариата.

⁷⁷ Santarelli E. La revisione del marxismo in Italia. Milano, 1964, p. 97—100. В книге освещена и более широкая тема идейных связей Ж. Сореля с итальянской политической жизнью и культурой.

⁷⁸ Labriola A. Riforme e rivoluzione sociale. Lugano, 1906, p. 158.

⁷⁹ Ibid., p. 144.

⁸⁰ Ibid., p. 210.

Решающим моментом, «специфической формой пролетарской революции» синдикалисты считали всеобщую забастовку, примат которой над другими формами и средствами революционной борьбы признавался ими безусловно. Политической же борьбе отводилась второстепенная, подсобная роль. Развенчивая политическую деятельность, синдикалисты в сущности подразумевали политическую практику реформистов. Они сетовали на разрыв между политическим и экономическим движением рабочего класса, приводивший, по определению Лабриолы, к подчинению экономического движения политическому и угрожавший перерождением социалистической партии. Что же касается последней, то она, в представлении синдикалистов, являлась не «классовой организацией», а «моральной организацией людей, объединенных идеологическими узами, независимо от классовой их принадлежности»⁸¹. А посему партия была обречена на исчезновение, ибо, существуя рядом с «подлинными рабочими организациями», она постепенно «становится излишней». До поры до времени ей отводится вспомогательная функция «избирательной организации профсоюзов», от которых собственно и должна «исходить политическая деятельность пролетариата»⁸².

Таким образом, политическая борьба синдикалистами признавалась, но лишь в ограниченных, недолговечных формах и пределах. Рабочему классу, указывал Лабриола, следует использовать «политический механизм демократии», участвовать в избирательном соревновании, поскольку «нельзя отрицать, что парламентская деятельность представляет известные преимущества»⁸³.

Таковы в общих чертах основные положения синдикалистской доктрины, как она сложилась к 1904 г.

Знаменательно, следовательно, что уже на первом этапе своей деятельности итальянские синдикалисты отходили от «классического» анархо-синдикализма Жоржа Сореля. Так, к признанию, хотя и с оговорками, целесообразности участия рабочего класса в политической жизни, в частности, в парламентской борьбе, их вынуждала сама итальянская действительность, в которой столь значительным был объем нерешенных демократических (социальных и политических) задач. Политическим был и непосредственный стимул к возникновению «революционного синдикализма», ибо зародился он как антитеза реформистскому течению, т. е. в силу внутренней диалектики политического по своему характеру движения. И дать бой реформистам «революционным синдикалистам» пришлось прежде всего на политической почве, в самой партии, где постепенно они расширяли свои позиции, в то время как профессиональные союзы, к которым они теоретиче-

⁸¹ Ibid., p. 218.

⁸² Ibid., p. 210.

⁸³ Ibid., p. 211.

чески тяготели, оставались в ту пору и позже опорой реформистов.

Не случайно также, что синдикалистам удалось укрепиться в палатах труда, как известно, объединявших всех трудящихся в пределах данного города или сельской местности и простиравших свое влияние не только и не столько на организованный индустриальный пролетариат, сколько на широкие пролетарские и полупролетарские, а также мелкобуржуазные массы города и деревни, чей стихийный протест и требования вновь образовавшееся течение объективно выражало. Однако выражало оно их в теоретически несостоятельной, порочной форме, предлагая массам практическую программу действия столь же бесперспективную, сколь и опасную. Подобно реформистам, хотя и с противоположных позиций, синдикалисты абсолютизировали лишь одну из сторон революционного процесса, возводя «односторонность в теорию»⁸⁴.

Неспособные постичь сложную, противоречивую структуру итальянского общества, синдикалисты забежали вперед, подстрекаемые нетерпением обездоленных масс и в свою очередь разжигая это нетерпение. Отсюда непонимание особой значимости, которую для Италии, страдавшей от незавершенности буржуазно-демократических преобразований, и в частности, для успешного развития рабочего движения, приобретало создание необходимых объективных и субъективных предпосылок для общественного прогресса, отсюда игнорирование тесной диалектической связи между борьбой за демократию и борьбой за социализм.

Для синдикалистов же демократия была синонимом демократии буржуазной, а выдвижение промежуточных требований трактовалось ими в основном как «уступка существующей власти», как «реформистский обман», уводящий социалистическую партию от цели, т. е. от *«быстрейшего»* (выделено мною. — К. М.) установления социализма»⁸⁵.

Неудивительно поэтому, что они уходили от решения самых насущных, животрепещущих проблем, стоявших перед страной. Так, уроженцы Юга, Лабриола и его сподвижники, атакуя реформистов за равнодушие к «южному вопросу», ни тогда, ни впоследствии не смогли содействовать разработке сколько-нибудь серьезной программы действия. Их «меридионализм», как уже отмечалось, служил преимущественно средством политической пропаганды, рассчитанной на то, чтобы привлечь на их сторону готовые к бунту массы Юга. Однако, когда доведенные до отчаяния крестьяне поднимались на борьбу и бунт становился фактом, синдикалисты оказывались неспособными ввести их выступления в русло организованного действия, а главное, дать борьбе позитивное целеустремленное направление.

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 66.

⁸⁵ «Avanti!», 24.VIII 1904 (см. статью В. Мокки).

Грамши был безусловно прав, когда много лет спустя указывал, что итальянский синдикализм являлся «инстинктивным, элементарным, примитивным, но здоровым выражением выступления рабочих против блока с буржуазией и за блок с крестьянами, в первую очередь с крестьянами Юга»⁸⁶. Синдикализм несомненно выражал эту порожденную действительностью тенденцию, но выражал ее «элементарно, примитивно», и не синдикализму дано было теоретически и практически реализовать ее.

Двойственность, противоречивость синдикализма еще в начале века с поразительной остротой провидения сумел уловить В. И. Ленин. Глубина и сила ленинской мысли заключались в том, что за «теоретическими нелепостями» левореволюционных экстремистских течений он сумел увидеть «некоторую практическую истину в новом повороте движения», которую забивал, подавлял оппортунизм. Синдикализм являлся своего рода наказанием — но «...наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения», и Ленин признавал содержащийся в нем «призыв ценить не только парламентские способы борьбы, а призыв к действию». Поэтому Ленин полагал, что большевики должны «взять все живое у синдикализма, чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм». При этом он с полным основанием рассчитывал на то, что большевизм сумеет это сделать⁸⁷.

Эта поистине гениальная постановка вопроса, усвоение которой мучительно давалось (и добавим: еще поныне не всегда легко дается) международному рабочему движению, была недоступна итальянским социалистам. Важно также, что к началу 1904 г. синдикалисты еще не успели проявить подлинную свою сущность на арене политической борьбы, и в те бурные годы экстремистская проповедь «левореволюционного» течения вообще, синдикалистов в частности обладала притягательной силой.

Полевание итальянского социалистического движения было, таким образом, бесспорным. Новым тому доказательством явился успех, одержанный сторонниками «Авангардия социалиста» на областной конференции, состоявшейся в феврале 1904 г. в Брешии. Резолюция, предложенная Лабриолой и Мокки, одержала верх: за нее голосовало 73 делегата против 68, отдавших свой голос резолюции Турати⁸⁸. Сдвиг, происшедший в политических настроениях партийных «низов» Ломбардии, не вызывал сомнений. На исход ломбардской конференции весьма одобрительно отзывались П. Лафарг и Ж. Гед, приветствовавшие победу «левых» над реформистами. Приветствовал успех резолюции Лабриолы и Мокки также К. Каутский, однако в письме его, адресованном по этому поводу «Авангардия сочи-

⁸⁶ Грамши А. Избр. произв., т. 1, стр. 489.

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 87; т. 41, с. 15; т. 47, с. 115.

⁸⁸ Il Partito Socialista Italiano..., v. 2, p. 11.

алиста», содержались также критические замечания, относившиеся к некоторым экстремистским тезисам резолюции⁸⁹.

Два месяца спустя итоги общенационального Болонского съезда, хотя и оказались менее благоприятными для левореволюционного течения, нежели достигнутые им в Брешии, все же подтвердили факт полевения партии. На съезде, протекавшем в накаленной атмосфере, основное столкновение произошло между сторонниками «Авангардизма социалиста» и реформистами. Выступавший от имени первых Лабриола, отвергая какие бы то ни было формы сотрудничества с буржуазией («министериализм» реформистов), высказывался в своем проекте резолюции против реформ, которые не затрагивали «основной механизм капиталистического производства», и предлагал использовать против правительства «любые средства нападения и защиты, в том числе и революционное насилие, если этого потребуют обстоятельства». Этому проекту противостояла резолюция Биссолати, подтверждавшая прежнюю реформистскую платформу: поддержку того «направления правительственной деятельности», которое обеспечит пролетариату нужные ему реформы⁹⁰.

Ни одна из этих резолюций не получила большинства. Тогда на голосование были поставлены две резолюции, предложенные различными группировками, занимавшими «центристские» позиции. Победила резолюция, внесенная Ферри, которому (в отличие от предыдущего съезда) удалось теперь выполнить роль «примирителя» враждующих сторон. Выдержанная в компромиссных тонах (ее квалифицировали на съезде как «левоцентристскую») резолюция Ферри представляла собой попытку соединить осуждение «министериализма» с признанием необходимости завоевания экономических, политических и административных реформ: в ней провозглашалась несовместимость «министериализма» с методами классовой борьбы.

В противовес мнению и Турати, и Лабриолы, указавших в своих выступлениях на невозможность сосуществования в одной партии течений, которые придерживались принципиально несовместимых позиций, в резолюции Ферри содержался призыв к сохранению единства партии. Чтобы предотвратить победу реформистов, значительная часть сторонников Лабриолы голосовала за резолюцию Ферри⁹¹.

Итак, реформисты лишились в партии политического главенства, хотя и сохранили за собой преобладающие позиции в профсоюзных и парламентской фракции. Победил же на съезде левоцентристский блок сил, объединившихся вокруг резолюции Ферри. Синдикалистам не удалось получить перевеса, однако

⁸⁹ Santarelli E. Op. cit., p. 298—299; «Avanguardia Socialista», 20.III 1904.

⁹⁰ Il Partito Socialista Italiano..., v. 2, p. 34—35.

⁹¹ Ibid., p. 35—36; Trevisani G. Storia del movimento operaio italiano, v. 3. Milano, 1965, p. 54—55.

их решимость во многом предопределила на съезде исход борьбы.

И в последующие месяцы идейная борьба не ослабевала. Тому содействовали также решения Амстердамского конгресса II Интернационала (август 1904 г.), в центре внимания которого стояли острейшие вопросы, волновавшие и итальянское социалистическое движение. Осуждение конгрессом политики «классового сотрудничества», а следовательно, и поддержки социалистами буржуазного правительства, признание (хотя и с оговорками, о чем подробнее пойдет речь впереди) целесообразности «массовой забастовки» как средства революционной борьбы окрылили итальянских синдикалистов. На страницах «Аванти!» Мокки объявил амстердамские решения «торжеством подлинно социалистической тактики»⁹². Усилились атаки слева на реформистов, причем не случайно одним из основных объектов полемики стал вопрос о «массовой забастовке». И действительно, именно в эти летние месяцы синдикалистское движение стало набирать силу. Историческая проверка его подлинных потенций была еще впереди. Первое и весьма значительное испытание пришло, однако, раньше, чем можно было предположить. Им явилась всеобщая забастовка в сентябре 1904 г., ставшая важной вехой в развитии общественно-политической борьбы в Италии⁹³.

⁹² «Avanti!», 24.VIII 1904.

⁹³ Первое исследование, детально воспроизводящее ход сентябрьской всеобщей забастовки 1904 г., принадлежит перу Джулиано Прокаччи. Помимо большого фактического материала, оно содержит ценные соображения и оценки. См. *Procacci G. Op. cit.*, p. 375—424.

ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАБАСТОВКА 1904 г. И ЕЕ УРОКИ

В ходе классовой борьбы бывают события, значение которых определяется не одними обстоятельствами, непосредственно их обуславливающими. Порожденные глубокими процессами в пределах той или иной страны, связанные цепной реакцией с однородными явлениями, возникающими на других участках международного фронта борьбы, они примечательны тем, что выявляют некоторые общие потребности и тенденции общественного развития.

Таким событием, при всей относительности его исторических масштабов и значимости, была всеобщая забастовка сентября 1904 г. словно в фокусе отразилась в ней сущность процессов, составляющих историю Италии начала XX в.: глубина противоречий итальянского общества, тщетность попыток «снять» их половинчатыми, верхушечными преобразованиями, высокий накал классовой и политической борьбы. В то же время итальянская всеобщая забастовка 1904 г. была составной частью международного революционного процесса: она следовала за первыми всеобщими политическими забастовками, развернувшимися на пороге нового века, и предшествовала необычайно сильному взлету стачечной волны в охваченной революцией России, где всеобщая политическая стачка октября 1905 г., обнаружив скрытые потенции, таящиеся в этом новом, по определению Ленина, «чисто пролетарском орудии борьбы»¹, подвела массы непосредственно к вооруженному восстанию. Речь шла, следовательно, о форме борьбы, порождавшей самим международным рабочим движением и тем органичнее ему присущей, что рабочее движение вступало в ту пору в новую, еще более сложную и бурную фазу своего развития. Не случайно к этому периоду относится применение рабочим классом массовой политической стачки, характер и назначение которой на протяжении многих лет возбуждали горячие дебаты в рядах европейских социалистических партий и на конгрессах Интернационала.

Споры, до поры до времени не подкреплявшиеся наличием сколько-нибудь значительного практического опыта, вращались вокруг анархистской, унаследованной от бакунистов концепции: всеобщая забастовка, тайно подготовленная и неожиданным

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 315.

ударом обрушивающаяся на застигнутые врасплох власти, должна была служить могучим рычагом «прямого действия» и решающим актом «социальной революции». Еще в 1873 г. это столь же наивное, сколь и опасное представление о всеобщей забастовке вызвало острую критику Энгельса². В последующие же годы начиная с 1882 г. вплоть до 1900 г. выдвигавшиеся новые варианты этой концепции неизменно отвергались конгрессами II Интернационала³. В то же время большинство деятелей II Интернационала оказывалось неспособным уловить связь между этой стихийно зарождавшейся формой борьбы и открывшимся новым этапом классовых боев. Понимание подлинного значения всеобщей стачки медленно пробивало себе путь, под непосредственным воздействием самой действительности. С 1893 г. из области отвлеченных теоретических споров всеобщая политическая забастовка стала переходить на почву непосредственной революционной практики: к этому новому орудию борьбы обратились дважды бельгийские трудящиеся, а вслед за тем рабочие Голландии и Швеции, добиваясь всеобщего избирательного права. В масштабе отдельных городов массовые политические забастовки развернулись и в Италии, в частности в Генуе, где, как уже отмечалось, общегородская стачка протеста против запрещения местной Палаты труда имела весьма значительные политические последствия. Тем самым лишний раз подтверждалась несостоятельность анархистского тезиса: всеобщая забастовка, которая, с точки зрения его приверженцев, означала отказ от политической борьбы, стала — как справедливо отмечала впоследствии Роза Люксембург — могучим орудием борьбы за политические, демократические свободы, за те самые свободы, значение которых для эмансипации рабочего класса Маркс и Энгельс убежденно доказывали, ведя решительную полемику с анархизмом⁴. В то же время революционная практика начала века опровергала и доводы противников всеобщей забастовки из реформистского лагеря; крайние суждения вроде нашедшей формулы немецкого правого реформиста Ауэра: «всеобщая забастовка — всеобщее безумие» — не встречала теперь сочувствия даже в рядах германской социал-демократии, где, в отличие от французской или итальянской социалистической партий, идея всеобщей забастовки была малопопулярна.

Состоявшийся в 1904 г. Амстердамский конгресс II Интернационала отразил известный сдвиг: конгресс подавляющим большинством голосов признал массовую (именно массовую, а не всеобщую) политическую забастовку допустимым средством

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 460—466.

³ История II Интернационала, т. I. М., 1965, с. 153, 239, 253—254, 273, 368—369.

⁴ Люксембург Р. Всеобщая забастовка, партия и профсоюзы. Пг., 1919, с. 5.

борьбы (точнее: «крайним средством борьбы, которым следует пользоваться весьма осторожно»). Всеобщая политическая забастовка была по-прежнему отвергнута, как по практическим соображениям (тотальное и одновременное прекращение работы трудящимися представлялось «невыполнимым, ибо такая забастовка делала бы существование, в том числе и рабочего класса, невозможным»), так и по соображениям принципиальным («эмансипация рабочего класса не может быть результатом подобного внезапного усилия») ⁵.

Теоретическая возможность перерастания массовой политической забастовки в вооруженное восстание даже не принималась во внимание. Массовая забастовка представлялась преимущественно политической манифестацией, целью которой является завоевание широких конституционных прав, в частности всеобщего избирательного права, или защита уже обретенных свобод; она мыслилась как демонстрация силы рабочего класса, следовательно, как орудие давления на власть имущих, причем непременным условием ее проведения должны были являться «сильная организация, крепкая добровольная дисциплина и необходимость подготовки к действию» ⁶.

Все эти положения, вошедшие в принятую Амстердамским конгрессом резолюцию, встретили сочувствие большинства секций II Интернационала, в частности и левых течений многих социалистических партий, например итальянской ⁷.

Бесспорно, победившие на конгрессе установки исходили из сравнительно более трезвого понимания сути и значения этого «вновь открытого» рабочим классом орудия борьбы. Но принятое решение было далеко не исчерпывающим ответом на поставленный жизнью вопрос, а ответом уязвимым с теоретической и политической точек зрения. Оно не учитывало конкретные особенности сложившейся обстановки — обстановки «кризисной», отличавшейся особой остротой социальных противоречий и высоким накалом революционного протеста масс. Наличие этих предпосылок создавало почву для стихийного взрыва революционной энергии и проявления самостоятельной инициативы пролетариата. Между тем возобладавшая в Амстердаме концепция массовой забастовки противопоставляла революционному натиску «организацию» и «дисциплину», которые в соответствии со ставшими привычными реформистскими схемами понимались преимущественно как система формального бюрократического подчинения рабочего класса диктату профсоюзных и партийных «верхов». Такая система не пробуждала, а усыпляла революционное сознание, парализовывала энергию рабоче-

⁵ Internationaler Sozialistenkongress zu Amsterdam (14 bis 20 August 1904). Berlin, 1904. s. 24—25.

⁶ Ibid., S. 24—25.

⁷ Против этой резолюции голосовали лишь часть французских делегатов, а также делегации Швейцарии, Японии и русских эсеров.

го класса, более того, она подрывала силу и ограничивала сферу революционного действия еще и потому, что в методически «запрограммированных» массовых забастовках предполагалось участие одних лишь «организованных» рабочих.

Тем самым ошибочно решался не только вопрос о всеобщей стачке и связанный с ним вопрос о соотношении стихийности и сознательности в революционном процессе, но и проблема гегемонии, т. е. политического руководства массами эксплуатируемых со стороны рабочего класса и его политического авангарда — кардинальная проблема марксистской стратегии.

Таков был сложный комплекс взаимосвязанных проблем, которые еще в начале XX в. призвано было решать международное социалистическое движение. Всеобщая политическая стачка была лишь одним из звеньев в цепи. Впоследствии эти проблемы решила история, обогащенная великим опытом русских революций, поражениями и завоеваниями международного рабочего движения. В первые же годы XX в. этот исторический опыт только еще накапливался; свою лепту внес в него и итальянский рабочий класс.

Сентябрь 1904 г. ознаменовался волнующими, драматическими событиями. Вновь, причем дважды на протяжении двух недель, Италия явилась ареной кровавой расправы, жертвами которой стали бастующие рудокопы местечка Буджерру в Сардинии, а вслед за тем крестьяне сицилийской деревни Кастеллуццо.

Девять раз уже в том же году бастовали сардинские рудокопы: они требовали повышения мизерной зарплаты, протестовали против произвола администрации, штрафов, репрессий, увольнения «упорствующих». На этот раз забастовка, по существу спровоцированная, вспыхнула в ответ на удлинение и без того изнурительного рабочего дня. Администрация горнорудной компании ответила новой провокацией. Из Кальяри в поселок были введены роты солдат, а затем, как неоднократно до этого, по бастующим был открыт огонь; двое убитых, много раненых — таков был кровавый итог. «Чувства страха, отчаяния, ненависти охватили население», — писал Лерда на страницах «Социализмо»⁸. Волна протеста захлестнула страну: новое кровопролитие переполнило чашу терпения. Резолюции солидарности с бастующими, сбор пожертвований в пользу семей пострадавших, а затем бурные митинги были первой взволнованной реакцией пролетариата на происшедшие в Буджерру события. В те же дни откликнулись местные социалистические секции, палаты труда, профессиональные федерации Венеции, Вальдарно, Флоренции, Анконы, Неаполя и многих других городов⁹.

⁸ «Avanti!», 6—8.IX 1904; «Il Socialismo», 1904, 10 settembre.

⁹ «Avanti!», 7—11.IX 1904.

Требования их сводились в сущности к одному, главному: «Положить конец использованию вооруженной силы против трудящихся! Довольно крови! Баста!» К этому гневному требованию добавлялся призыв: усилить классовые организации пролетариата, перейти к решительному наступлению против преступных действий властей¹⁰. Непосредственная конкретная форма пролетарского наступления была еще не ясна: неаполитанские социалисты предлагали, чтобы в палату была внесена решительная интерпелляция¹¹. Такой запрос был действительно внесен депутатом Лоллини, но «Аванти!» справедливо сочла его недостаточным и наставляла на сильной, энергичной акции против правительства¹². Клеймя противозаконные методы и средства, которыми правительство Джолитти защищало интересы господствующих классов, «Аванти!» писала: «Нельзя продолжать безучастно присутствовать при избитии наших братьев... Мы требуем, чтобы руководство партии сказала свое слово и, выражая чувства глубокого гражданского протеста, которые после каждого нового кровопролития волнуют тысячи и тысячи сердец, приняло меры к организации сплоченной, сообразной духу и целям движения дисциплинированной манифестации, способной непосредственно и ощутимо воздействовать на государственные власти»¹³.

Между тем руководство социалистической партии (после Болонского съезда оно, как известно, состояло из представителей левоцентристского направления) отнюдь не торопилось «сказать свое слово». Оно дало себя опередить инициативе снизу. 11 сентября в Милане, на массовом митинге (собравшем до 4 тыс. человек) это слово было сказано. Оно гласило: всеобщая забастовка. В единодушно принятой резолюции предлагалось объявить забастовку по истечении 8 дней и поручить миланской Палате труда обеспечить осуществление этого решения¹⁴.

Только спустя три дня инициатива миланцев стала предметом обсуждения на заседании руководства партии, решение которого, отклонявшее инициативу миланцев, не было, однако, обнародовано¹⁵. «Аванти!» писала о нем весьма туманно, сообщая, что руководство партии «уделило особое внимание тому, чтобы собрать и дисциплинировать пролетарские силы Италии, дабы осуществить энергичную акцию...» и т. д. Со своей стороны одобрительно отзываясь о миланской резолюции, газета указы-

¹⁰ «Avanti!», 6--8.IX 1904.

¹¹ «Avanti!», 10.IX 1904.

¹² «Avanti!», 11.IX 1905.

¹³ «Avanti!», 9.IX 1904.

¹⁴ «Avanti!», 12.IX 1904.

¹⁵ Как отмечает Дж. Прокаччи, истинное содержание этого решения стало известно значительно позже, только в начале 1905 г. (*Procacci G. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970, p. 386*).

вала тут же, что руководство партии совместно с Центральным секретариатом сопротивления и палатами труда всей Италии известит в дальнейшем о «средствах, мерах и времени осуществления этой неотложно назревшей классовой акции». Итак, никакой определенности. Более того, нетрудно было заметить стремление к ограничению «непосредственного действия»: с одной стороны, газета призывала к «конспиративности, секретности» в подготовке вышеуказанной «классовой акции», с другой же — к тому, чтобы на митингах не принимать далеко идущих обязательств и не определять продолжительности забастовки, ибо «управлять процессом должно быть предоставлено тем, кому это надлежит по праву»¹⁶.

Правда, в то же время «Аванти!» признавала необходимость «парламентской и внепарламентской деятельности, направленной к свержению правительства, которое, лицемерно признав право рабочих на организацию, утвердило господство произвола и запятнало себя кровью»¹⁷. И, наконец, в том же номере один из составителей миланской резолюции, Дугони, полемизировал с реформистской «Темпо», объявившей «легкомысленным» предложение о всеобщей забастовке и в тонах «черного пессимизма оценивавшей действия революционеров»¹⁸.

Знаменательно, что все это писалось в то самое время, когда не только уже свершилась новая кровавая расправа (расстрел крестьян в сицилийской деревне Кастеллуццо) и весть о ней с нарастающей быстротой распространялась по стране, но когда пролетарские силы Италии, которые, по словам «Аванти!», руководство социалистической партии собиралось «собрать и дисциплинировать», уже по собственной инициативе пришли в движение.

В Кастеллуццо крестьяне, как до этого в Сардинии, стали жертвой вопиющего акта насилия и, возможно, преднамеренной провокации: бригадир карабинеров распустил собрание местной крестьянской лиги и потребовал передачи ему членских списков организации. За отказом выполнить это требование последовал арест ее секретаря. Возмущенные крестьяне ответили демонстрацией. Она была расстреляна в упор: снова двое убитых и много раненых¹⁹. День спустя близ Генуи, в Сестри Поненте, произошла кровавая стычка между рабочими и карабинерами, поводом к которой явился роспуск митинга солидарности с жертвами полицейских репрессий²⁰.

В напряженной обстановке, сложившейся в Италии, эти новые кровавые расправы действовали словно электрическая искра: всеобщая забастовка, «угроза которой... — по

¹⁶ «Avanti!», 16.IX 1904.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ «Avanti!», 17.IX 1904.

словам Джолитти, — уже несколько месяцев нависала над страной»²¹, теперь началась — бурно, стихийно, действием самих масс.

В Милане задолго до истечения предполагавшихся 8 дней, а именно 15 сентября руководимая синдикалистами Палата труда созвала Ассамблею, которая провозгласила всеобщую забастовку. Начало ее было намечено на следующий день. К ее подготовке приступили сразу же: пока представительная делегация обходила редакции миланских газет, дабы приостановить их выпуск, отряды рабочих связывались с заводами, фабриками, мастерскими и трамвайными депо, добиваясь прекращения работы. Уже утром 16 сентября Милан являл собой необычайное зрелище: остановились предприятия, бездействовал городской транспорт, перестали выходить газеты — их заменил бюллетень Палаты труда. Толпы забастовщиков заполняли улицы. Среди всеобщего возбуждения проходил первый за эти дни митинг: он собрал 50 тыс. человек. Сменявшие друг друга ораторы (синдикалисты Лабриола и Мокки, представитель местной Палаты труда Скарамучча, республиканец Де Андреис и анархист Браччаларге, наконец, специально прибывший из Рима руководитель Центрального секретариата сопротивления Кабрини) приветствовали начавшуюся забастовку и призывали продолжить ее до тех пор, пока правительство не издаст закона, запрещающего использование солдат при конфликтах между трудом и капиталом²².

Итак, забастовка проходила в Милане весьма успешно, став вдохновляющим примером для других центров страны. Впрочем, в том, что касается начала движения, приоритет принадлежал другому ломбардскому городу, Монце, где 15 сентября на митинге, организованном Палатой труда, после доклада о событиях в Кастеллуццо «решение, — как сообщала «Аванти!», — было принято без колебаний, единодушно: «Немедленное прекращение работы». Уже во второй половине дня в Монце бастовало 5 тыс. рабочих, занятых на 15 предприятиях города²³. Но, разумеется, всеобщее внимание было приковано к Милану. Вскоре же стачечное движение охватило и Геную, где кровопролитие в Сестри Поненте довело возбуждение рабочих до предела. Начавшаяся еще утром 16 сентября стачка к концу дня полностью парализовала деловую жизнь города. Наконец, с утра 16 сентября началась забастовка и в Турине, носившая поначалу частичный характер. Однако уже на следующий день главный город Пьемонта стал одним из центров массового забастовочного движения, которое (по впечатлению корреспондентки «Нойе цайт» Оды Ольберг) представлялось

²¹ *Giolitti G. Memorie della mia vita. Monza, 1945, p. 210.*

²² «*Avanti!*», 17.IX 1904; «*Avanguardia Socialista*», 24.IX 1904.

²³ «*Avanti!*», 17.IX 1904; *Procacci G. La lotta di classe...*, p. 387.

«первозданным, неудержимо надвигавшимся наподобие лавины»²⁴. Действительно, стачечная волна нарастала необычайно бурно: 17 сентября забастовкой были охвачены уже многие крупные города Северной и Центральной Италии: Алессандрия, Комо, Варезе, Парма, Болонья; бастовали рабочие Анконы, Терни и других городов. Наконец, развернулась забастовка и в столице. На призыв римской Палаты труда откликнулись не только рабочие организации и социалистические секции, но и республиканцы, демократы, анархисты.

Присоединение (пусть даже в известной мере формальное) сторонников республиканской и радикальной партий нашло конкретное выражение в созыве в ночь на 17 сентября заседания депутатов «крайней левой», где было решено собрать сначала делегатов Северной Италии, а затем 21 сентября — новое всенациональное заседание, с тем чтобы окончательно определить парламентские действия, призванные обеспечить успех народного протеста.

Итак, сфера борьбы расширялась и забастовка проявляла явную тенденцию превратиться в общенациональную. В крупнейших центрах северных и отчасти центральных областей страны деловая жизнь замерла: опустели заводы, фабрики, мастерские, остановилось трамвайное движение, во многих городах не было ни воды, ни света. Торговля прекратилась, владельцы торговых заведений часто по воле бастующих рабочих, нередко же добровольно присоединялись к забастовке. Патрулировавшие по улицам городов рабочие дружины поддерживали порядок, установленный «стаечными властями», и официальным властям приходилось считаться с их требованиями²⁵. Шел уже второй день борьбы: «17 сентября. Осеннее солнечное утро. Спешу выяснить положение, — читаем мы в опубликованном несколько дней спустя дневнике корреспондента миланской «Авангардия социалиста». — Магазины, рестораны, кафе накрепко закрыты. Не видно ни трамваев, ни фиакров, ни даже телег. По улицам передвигаются одни фургоны с почтой, сопровождаемые карабинерами. Приезжим приходится самим носить свои чемоданы. Улицы не убраны и имеют странный вид... От времени до времени проходят созданные Палатой труда отряды рабочих с красными повязками на руках. Газеты, которые прибывают с утренними поездами из Турина и Венеции, буквально вырываются у продавцов из рук: столь сильна жаж-

²⁴ *Olberg Oda. Der Generalstreik.* — «Die Neue Zeit», XXIII (1904—1905), Bd. I, S. 18—24. Ода Ольберг — жена видного деятеля итальянской социалистической партии Дж. Лерды; уроженка Бремена (Германия), была близка к германской социал-демократии. В Италии стала членом социалистической партии, в которой, как и Дж. Лерда, придерживалась левых взглядов, хотя в отличие от него критически относилась к синдикализму (см. *Ragionieri E. Il marxismo e l'Internazionale.* Roma, 1968, p. 187—201).

²⁵ «Avanti!», 17, 18, 20, 21.IX 1904 (19 сентября газета не вышла).

да новостей. На стенах — бесчисленные надписи: «Требуем отставки правительства»»²⁶. Картина бастующего Милана во многом напоминала облик других включившихся в борьбу городов. Всюду, где разворачивалась забастовка, многолюдные митинги (в Милане они происходили дважды в течение дня) переходили в не менее массовые манифестации, причем митинги, демонстрации происходили и в тех городах, где стачка еще не успела начаться.

Поразительным при столь необычном размахе движения и накаленной атмосфере было мирное течение забастовки, свидетельствовавшее о выдержке и организованности бастующих. На этом фоне резко выделялись, усиливая напряженность, факты полицейского насилия — производились аресты, разгонялись демонстрации бастующих, что провоцировало кровавые столкновения. Таковые имели место в Милане, Генуе, Турине, Терни, Равенне. В то же время консервативная печать непрерывно раздувала так называемые прискорбные происшествия, именуемые даже «актами революционного террора». Так, несмотря на выраженное Палатой труда сожаление и принятие ею мер, направленных к поддержанию порядка, не прекращался шум вокруг инцидента, стоившего жизни непричастному к забастовке посетителю одного из миланских кафе²⁷. Зато большинство газет предпочитало обходить молчанием тот факт, что в Турине, во время мощной демонстрации (приводившееся печатью число участников варьировалось от 10 тыс. до 20 тыс.), полицией был убит рабочий Гарелли²⁸.

Было еще одно обстоятельство, придававшее событиям этих дней особую остроту: начало забастовки совпало с рождением наследного принца²⁹. Трудовая Италия воспротивилась торжественным церемониям и празднествам, которыми Италия официальная, монархическая отмечала «радостное событие». «Рабочий класс в трауре», — писала «Аванти!». Участники демонстраций, рабочие дружины требовали, чтобы трехцветные флаги были перевязаны траурным флером или вовсе сняты, а исполнение королевского гимна отменено. Нередко они этого добивались, но чаще всего дело кончалось полицейскими репрессиями³⁰.

²⁶ «Avanguardia Socialista», 24.IX 1904. Отметим, что газета озаглавила содержащуюся в дневнике хронику событий столь многозначительно, сколь и парадоксально: «Пять дней первого опыта диктатуры пролетариата».

²⁷ «Avanti!», 20.IX 1904, «Avanguardia Socialista», 24.IX 1904.

²⁸ *Spriano P.* Socialismo e classe operaia a Torino. Torino, 1958, p. 133—134.

²⁹ В известном смысле совпадение это оказалось для наследного принца поистине дурным предзнаменованием: вслед за отречением Виктора-Эммануила III Умберто вступил на трон 10 мая 1947 г., но уже 2 июня того же года монархия была сметена референдумом, демократическим решением народа, провозгласившего республику.

³⁰ «Avanti!», 18—20.IX 1904. «Чтобы не раздражать толпы, в большинстве случаев городские мэры спускали флаги, — писал в донесении царский по-

Таковы были различные аспекты забастовочного движения, каким оно сложилось в первые же дни борьбы, когда дальнейшие перспективы развития представлялись еще неясными.

Но одно было все же несомненным: подхлестнутая сильным эмоциональным импульсом, всеобщая забастовка не была (как полагал Турати) лишь «широким, благородным выступлением протеста», правда, позже он уточнил — «политического протеста», направленным к решению ограниченной задачи³¹. Думается, оно шло также дальше «проявления глубоко укоренившейся в народе потребности в справедливости»³². Развернувшееся движение носило ярко выраженный политический характер, а справедливость, которой добивались трудящиеся, требовала решения глубоких социальных и политических задач. Всеобщая забастовка была действительно «широким благородным выступлением протеста», но направлена она была по существу, хотя и не до конца осознанно, против господствующей общественной системы, основанной на экономическом и политическом угнетении, при которой расстрел трудящихся становился зловещей повседневностью. Она являлась, следовательно, выражением политического протеста прозревавших масс и против либерального курса, чьи узкие пределы были теперь очерчены кровью, наконец, против увенчивавшей эту систему Савойской монархии, скрепляющей ненавистный социальный порядок (небезынтересно, что князь Урусов, иронизируя по поводу того, что всеобщая забастовка была задумана как «протест против действий правительства, поддерживавшего тиранство капитала над рабочим сословием», был, однако, вынужден признать, что развернулась она с «изумительным единодушием» и приняла «сразу же чисто республиканскую форму») ³³.

Несомненно, однако, и другое: политическое по своей направленности движение, в котором непосредственно классовые и общедемократические задачи сливались воедино, приняло необычайно широкие масштабы и развивалось, не встречая поначалу серьезных преград. Оно было преимущественно стихийным: его моторной силой были инициатива и решимость масс. И все же следует попытаться ответить на возникающие в этой связи вопросы: как же объяснить, что стихийный поток мог так широко разлиться? И в какой мере было оно самоинициативным (ведь во главе его находились определенные политические силы и организации)? Наконец, как опосредствовалось, офор-

сол князь Урусов. — Гревисты проходили по улицам и пели революционный гимн рабочих». Притом преимущественно в городах Северной Италии слышались крики: «Долой монархию. Да здравствует республика» (АВПР, ф. Канцелярия, 1904, оп. 470, д. 104, лл. 59—60).

³¹ «Il Tempo», 21.IX, 9.X 1904.

³² См. *Procacci G.* La lotta di classe..., p. 394.

³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1904, оп. 470, д. 109, лл. 59—60.

млялось политически это движение теми, кто встал во главе его?

В том, что до поры до времени забастовка развивалась почти беспрепятственно, существенную роль играл фактор неожиданности, а также недооценка правящими кругами революционного потенциала, таившегося в самом движении. Власти были застигнуты врасплах, как, впрочем, и социалистические лидеры. Что же касается последних, то это обстоятельство признавала сама социалистическая печать, в частности «Аванти!». Отмечая громадное значение сентябрьской стачки («этой наиболее внушительной всеобщей забастовки, какую знает история международного пролетариата»), газета тут же добавляла: «А ведь она не были подготовлена!» И далее, видя в этом факте «поучительное предостережение», «Аванти!» приходила к выводу: «Необходимо больше доверять энергии и политической зрелости итальянского пролетариата»³⁴.

Было застигнуто врасплах и правительство, в частности Джолитти. И в момент возникновения забастовки, да и впоследствии, ретроспективно оценивая события, Джолитти утверждал, будто движение носило «эфемерный характер» и было «лишено прочной основы»³⁵. В категорической инструкции, направленной 16 сентября префектам, он предписывал им относиться к забастовке «спокойно, без излишней озабоченности», поскольку, по его мнению, речь шла о волнениях, весьма непродолжительных, не порожденных будто бы какой-либо «крупной проблемой экономического или национального характера»³⁶. Следовательно, префектам не рекомендовалось принимать меры, могущие искусственно разжигать страсти.

Очевидно, что Джолитти ошибался в оценке движения. Но решающим в определении намеченной им тактики было не это обстоятельство. В сентябрьской схватке он применял (повторяя и развивая) все ту же тактическую установку: она заключалась в том, чтобы избежать «фронтальной атаки», чреватой угрозой гражданской войны, и отдать предпочтение обходным маневрам, с тем чтобы движение «исчерпало само себя». Тактику эту предопределяли различные элементы: помимо субъективных политических взглядов самого Джолитти, с которыми не согласовывался преимущественный выбор реакционных насильственных методов управления страной, немалую роль играла его уверенность в силе буржуазно-либерального механизма подчинения масс, равно как и трезвый учет им реальной соотношения сил; в частности он рассчитывал на возможность раскола левodemократического блока и на факти-

³⁴ «Avanti!», 20.IX 1904.

³⁵ *Giolitti G. Memorie...*, p. 211.

³⁶ *Natale G. Giolitti e gli italiani*. Milano, 1949, p. 635; *Giolitti G. Memorie...*, p. 211.

ческое содействие своим планам со стороны реформистского течения социалистической партии. Наконец, премьер-министр не игнорировал опыт, накопленный со времени бурных народных выступлений 1893 и 1898 гг. «Моя линия поведения, — писал он позже в мемуарах, — заключалась в сущности в том, что государство должно быть готово к любым обстоятельствам, но не должно преждевременно выставлять на показ силу, которой располагает, а пускать ее в ход лишь тогда, когда это окажется действительно необходимым, что собственно в ту пору не потребовалось»³⁷. На деле же эту схему удалось осуществить отнюдь не полностью, в частности в том, что касается утверждения Джолитти о неприменении силы. Доказательство тому мы находим в тех же мемуарах³⁸. Вопреки его представлениям премьер-министру пришлось иметь дело с движением отнюдь не эфемерным; с другой же стороны, правительство не могло не учитывать возросшего в ходе развития событий давления консервативных, да и части умеренных сил. «Буржуазные классы были поначалу крайне напуганы...» — вспоминал впоследствии Джолитти³⁹. Либеральная, а тем более оппозиционно-консервативная печать была тревогу, в мрачных тонах изображая ход событий. Она то нападала на забастовщиков, «подрывающих процветание и богатство страны», то обвиняла их в том, что они спекулируют на несчастных случаях, и объявляла «новоявленными тиранами». Когда же забастовка достигла кульминации, буржуазную Италию обуял панический страх. «...В продолжение полутора суток на улицах господствовала чернь», — указывалось в те дни в донесениях князя Урусова; он сетовал на то, что большая часть ораторов, принадлежащих, согласно его определению, к «социалистам-революционерам», проповедовала «прямо восстание пролетариев», и оправдывал «пессимистические опасения тех политических деятелей, которые... считают революцию неминуемой в скором времени»⁴⁰. И даже Бенедетто Кроче писал впоследствии, что всеобщая забастовка, казалось, «передала Италию в руки рабочих, дабы они распоряжались ею по собственному усмотрению»; это обстоятельство, указывал он далее, «заставило все другие социальные слои поначалу содрогнуться от ужаса, однако вскоре же ужас сменился негодованием»⁴¹.

Неудивительно, что Джолитти подвергался резкой критике справа. Притом не только крайне правые органы печати, но и умеренно либеральная «Коррьере делла сера» (редактор которой, Луиджи Альбертини, озаглавил свой посвященный забастовке дневник «Пять дней безумия») нападала на выжида-

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., p. 212.

⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1904, оп. 470, д. 109, лл. 59—60, 84—85.

⁴¹ *Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915*. Bari, 1968, p. 229—230.

тельную позицию, занятую властями, более того — обвиняла их в бездействии и бессилии. «Джолитти, — писала «Коррьере делла сера», — должен сделать решающий выбор. Нельзя управлять страной, живя со всеми вместе в дружбе...»⁴² На деле же премьер (он же министр внутренних дел) отнюдь не проявлял пассивности, а тем паче бессилия. Когда атмосфера накалилась «сверх меры», он прибег к политике «твердой руки». В Генуе было объявлено осадное положение. В генуэзский и в неаполитанский порты были направлены военные корабли, а в Неаполь, помимо того, два кавалерийских полка. От префектов Джолитти потребовал теперь не только осмотрительности и выдержки, но и решимости. Так, он не остановился перед тем, чтобы сместить префекта Кьоджа, не сумевшего овладеть положением, и, опережая события, подготовил декрет о милитаризации железнодорожников на случай, если они в массовом масштабе присоединятся к забастовке⁴³.

В результате риск, на который будто бы шел премьер-министр, оказался не так уж велик. И оппозиция справа постепенно поредела. Об этом свидетельствовали не только декабрьские дебаты в сенате, где лидеру крайне правой оппозиции Пеллу не удалось добиться осуждения позиции, занятой премьер-министром в дни «революционного безумия»⁴⁴, но и заявления видных либеральных деятелей. Показательно, к примеру, признание депутата Валли: в личном письме, адресованном Джолитти, он воздавал должное «мужественному терпению», позволившему Джолитти «избежать взрыва революции», к которому «неизбежно привело бы применение вооруженной силы»⁴⁵. «Даже Кавур и Бисмарк, вместе взятые, — добавлял Валли, — не смогли бы предотвратить его иными средствами»⁴⁶.

Итак, беспрецедентное по своему размаху движение развертывалось лишь относительно беспрепятственно. Но оценка эта не должна быть воспринята упрощенно: двойственная правительственная тактика создавала немало препятствий на пути движения. Что же касается соотношения, в каком находились стихийный порыв масс и осуществлявшееся «сверху» руководство, то ответ на этот вопрос отнюдь не прост. Понятие «руководства» предполагает не только и не столько практическое воздействие на стихийное выступление масс, но прежде всего понимание со стороны руководителей назревших исторических задач движения и умение найти правильное целенаправленное их решение.

⁴² «Il Corriere della Sera», 17—21.IX 1904; *Albertini L.* Venti anni di vita politica (1898—1908), v. I, Bologna, 1950, p. 147.

⁴³ *Giolitti G.* Memorie..., p. 211; *Procacci G.* La lotta di classe..., p. 413.

⁴⁴ *Atti parlamentari, Discussioni, Legislatura XXII*, p. 33—37; «Avanti», 6.XII 1904.

⁴⁵ *Dalle Carte di G. Giolitti*, v. 2. Milano, 1962, p. 370.

⁴⁶ *Ibidem.*

Мы подходим к одному из важнейших, если не к важнейшему аспекту освещаемой темы: ведь яснее всего проявляется сущность сталкивающихся в борьбе социальных и политических сил в острые периоды классовой борьбы. Следовательно, подлинную проверку руководители рабочего, социалистического движения прошли именно в эти критические сентябрьские дни.

Но вернемся к истокам событий. Напомним, что в самом начале забастовки инициативу «снизу» подхватила миланская Палата труда. Когда же территориальная сфера забастовки расширилась, то и в остальных центрах, в отличие от в основном пассивных федераций профессиональных союзов, местные палаты труда оказались в известном смысле направляющими центрами движения. Обстоятельство это не случайное. Оно объяснялось более широким, а не узкоцеховым составом этих организаций, а особенно тем влиянием, какое в них приобрели левореволюционные элементы. Правда, на разных этапах борьбы большее или меньшее участие в определении хода событий принимали и другие организации: представленный Кабрини Центральный секретариат сопротивления, Миланская федерация социалистической партии (в ней особую роль играл сочувствовавший синдикалистам К. Ладзари), наконец, наряду с социалистической парламентской фракцией также фракции республиканской и радикальной партий. Однако силой, стимулировавшей и в конечном счете направлявшей движение, оставалась группа «Авангардия социалиста», т. е. лишь одно из течений социалистического движения.

Какую же позицию заняло руководство партии в самый разгар борьбы, после того, как оно на заседании от 14 сентября (решение которого не было обнародовано) высказалось в принципе против всеобщей забастовки? Первым партийным документом, официально санкционировавшим, более того, приветствовавшим инициативу миланской Палаты труда, было опубликованное 17 сентября в «Аванти!» воззвание к местным секциям социалистической партии и к исполнительным комитетам палат труда. Оно призывало организаторов забастовки содействовать тому, чтобы она приобрела «наибольший размах по всей Италии». Воззвание было подписано представителями руководства партии, а также парламентской фракции и редакцией «Аванти!»⁴⁷.

Примечательны при этом два обстоятельства: во-первых, в сопровождавшем воззвание комментарии газеты — истине вопреки — утверждалось, будто еще 14 сентября руководство партии одобрительно отнеслось к предложению о всеобщей забастовке и занятая им выжидательная позиция объяснялась

⁴⁷ «Avanti!», 17.IX 1904. Воззвание подписали Дж. Лерда, О. Моргари, Т. Тодескини, С. Вараццани, Э. Леоне.

лишь реалистическим подходом к практической возможности реализовать такое предложение. Во-вторых, воззвание, опубликованное 17 сентября, было датировано 15-м, а в сопроводительном тексте запутывался вопрос о том, когда собственно состоялось «чрезвычайное заседание» руководства, принявшее текст воззвания⁴⁸. Вероятнее всего, что руководство партии, оказавшись перед свершившимся фактом (а 17 сентября забастовка представляла собой факт весьма внушительный), не могло далее выжидать и тем самым рисковать не только оказаться «в хвосте» событий, но и быть вовсе отброшенным самодеятельностью масс. Оно поспешило задним числом встать во главе движения.

Однако приветствовать забастовку и призывать массы к широкому ее разворачиванию не означало еще вооружить их ясной ориентировкой и перспективой борьбы — осуществлять подлинное политическое руководство. Более того, за достигнутым будто бы общим согласием скрывались глубокие разногласия между сосуществовавшими в партии течениями.

Столкновение идейных установок происходило на многочисленных митингах, особенно бурных в Милане, на страницах газет, представлявших то или иное течение; наконец, с новой силой идейная борьба вспыхнула позднее, по окончании забастовки.

Реформисты (наиболее определенно их позицию формулировал Турати) с самого начала стремились ограничить цели, масштабы и сроки забастовки, сводя ее к кратковременной демонстрации протеста и ограниченной парламентской акции.

Эту точку зрения Турати выразил без обиняков на массовом митинге в Милане 17 сентября, когда его призыв к бастующим «прекратить обреченную борьбу», призыв, подкрепленный предостережением, что их к этому вскоре так или иначе принудит голод («безжалостная рука голода постучит в ваши двери»...), был встречен возмущенными возгласами: «Позор», «Ведь это проповедь трусости», «Ты — друг Джолитти!» Позиция Турати, по-своему последовательная, отражала идейные посылки реформистов: решительное осуждение якобы «необузданной, дикой» классовой борьбы, открывающей путь реакции. Не менее решительным было их стремление к сохранению статус-кво (олицетворявшегося режимом Джолитти), а посему, как они полагали, не следовало подвергать опасности «обретенные свободы», иными словами, подрывать «сотрудничество с умной буржуазией, с просвещенной демократией». В таком сотрудничестве (об этом все вновь писалось в «Критика социале») реформисты видели не «антитезу классовой борьбе, а ее составную часть и высшую фор-

⁴⁸ Видимо, датой заседания и принятого на нем воззвания (как справедливо полагает Дж. Прокаччи) следует считать не 15-е, а 16 сентября (*Procacci G. La lotta di classe...*, p. 388—389).

му проявления»⁴⁹. Следовательно, сентябрьская забастовка должна была им представляться «катастрофой». И действительно, спустя известное время после окончания забастовки Турати объявил ее провозглашение «роковой ошибкой», обернувшейся катастрофой, обвиняя в этом синдикалистов (этих «замаскированных анархистов»), поставивших перед стачкой недостижимые цели⁵⁰. Но критика, которую реформисты обрушивали на синдикалистов, хотя и не лишённая определенных оснований, исходила из ошибочных посылок. Уверенные в собственной непогрешимости, реформисты не понимали, да и не могли понять, сущности позиции синдикалистов; они не понимали ни лежавших в ее основе реальных тенденций (а следовательно, и необходимости учета и реализации этих тенденций), ни подлинных пороков синдикализма. Что же касается сентябрьских событий, то реформисты, формально признавая «благородные мотивы» забастовки, с первого же дня принципиально отмежевались от нее, а руководство социалистической партии обратилось к бастующим лишь постфактум, без конкретного плана действия.

Синдикалисты же были повинны прежде всего в том, что, претендуя на руководство движением, не оказались способными руководить им ни с политической ни с практической точки зрения. Боевой импульс, который они сообщили движению, искреннее стремление дать решительный отпор реакционному насилию, отказ от реформистской капитуляции ослаблялись, обесценивались непоследовательностью, сбивчивостью установок и лозунгов, импровизацией и нередко «зажигательной», но, увы, бессодержательной по сути декламацией, заменявшей ясную линию политического действия. Правда, в ходе забастовки, в резкой полемике с реформистами синдикалистские лидеры (Мокки, Дугони и прежде всего Лабриола) пытались конкретизировать политические цели забастовки. Еще в самом начале ее они, как известно, выдвинули лозунг: продолжать борьбу до принятия закона, запрещающего применение вооруженной силы в конфликтах между трудом и капиталом. Позже был сформулирован и другой лозунг: добиться отставки правительства, ответственного за кровавые расправы над трудящимися. При этом не без противоречий и отступлений признавался примат «непосредственного действия» масс над парламентской деятельностью, а продолжительность забастовки определялась достижением указанных выше категорических требований.

В развитии событий, однако, произошел резкий поворот. Утром 18 сентября на заседании руководства миланской Палаты труда при участии представителей Центрального секретариата сопротивления (Кабрини) и социалистической федерации (Лабриола, Ладзари, Ругарли) была принята резолюция, пол-

⁴⁹ «Critica Sociale», 1904, 16 settembre — 1 ottobre; 1905, 1 gennaio.

⁵⁰ «Critica Sociale», 1905, 1 gennaio.

ностью противоречившая наметившейся было перспективе. Она гласила: считать забастовку завершенной (дословно: «дело революционного давления на органы власти выполненным») и обязать социалистическую фракцию развернуть надлежащую деятельность в парламенте, вплоть до применения обструкции. При этом следовало, опираясь на фракции «крайней левой», добиваться отставки кабинета Джолитти и принятия закона, запрещающего применение вооруженной силы против трудящихся⁵¹. Решение это было поддержано совещанием депутатов «крайней левой», представлявших Северную Италию. Итак, забастовка прекращалась и борьба переносилась в стены парламента, что явно расходилось с не раз провозглашенными установками синдикалистов. Но не успели еще миланские директивы дойти до других городов, как в самом Милане выступление Лабриолы на очередном массовом митинге, состоявшемся в тот же день, круто изменило положение. Вразрез с утренними решениями, к которым он сам был причастен, Лабриола предложил продлить срок забастовки до 21 сентября, дабы охватить ею и другие, еще не втянутые в борьбу районы страны. Предложение было единодушно принято собравшимися, и на следующий день, правда, не без известного замешательства, официально подтверждено Палатой труда.

Поразительные эти зигзаги подтверждали отмеченное выше отсутствие четкой линии поведения, склонность к импровизации, противоречивость установок со стороны тех, кто стоял во главе бастующих. По-прежнему преобладало стихийное начало: призванные руководить не управляли движением, а подчинялись натиску событий. Оказалось, что первоначальное решение прекратить стачку было результатом неожиданного для самих ее руководителей фактического отказа железнодорожников вступить в борьбу, о чем стало известно в ночь на 18 сентября. Речь шла прежде всего о железнодорожниках Милана, ибо к этому времени работа железнодорожного транспорта была уже приостановлена в ряде других центров — в Александрии (что подтвердил позднее сам Джолитти⁵²), а также в Анконе, Павии, позже во Флоренции, Генуе, Венеции, Таранто, Неаполе⁵³. Там, где железнодорожники действовали самостоятельно, не ожидая указаний, осуществляя лозунг, нашедший широкое распространение, — отвечать забастовкой на расстрелы трудящихся, — там забастов-

⁵¹ «Avanti!», 20.IX 1904; «Il Corriere della Sera», 17—21.IX 1904.

⁵² Направляясь в Раккониджи по случаю рождения наследника, Джолитти был вынужден, как о том повествует он сам в мемуарах, ехать в поезде, состоявшем из паровоза и одного-единственного вагона, да еще сделать большой крюк, с тем чтобы «объехать места, вроде Александрии, и другие явно социалистические или оппозиционно настроенные центры, где железнодорожники остановили движение» (*Giulitti G. Memorie...*, p. 207—208).

⁵³ «Avanti!», 21—25.IX 1904.

ка принимала всеобщий или почти всеобщий размах⁵⁴. Однако не так обстояло дело в других важнейших центрах, в частности в самом Милане, где наряду с принятыми властями мерами (вокзал был занят войсками) забастовка была сорвана сопротивлением местных реформистских деятелей.

Нельзя, однако, не учесть и другое обстоятельство: противодействуя саботажу реформистов, синдикалистские лидеры ограничивались тем, что призывали бастующих организовывать демонстрации у железнодорожных станций и занимать вокзалы, дабы тем самым побудить железнодорожников участвовать в забастовке. Призыв этот был подхвачен в ряде городов (в Генуе, Комо, позже в Брешии, Кремоне, Павии и др.). Но попытка занять бастующими железнодорожные станции не привела к желаемым результатам, а чаще всего служила лишь поводом к столкновениям с полицией. В Милане же она оказала скорее негативное действие, ибо была воспринята железнодорожниками как средство прямого давления на них⁵⁵.

Итак, 18 сентября стало очевидным, что основная масса железнодорожников в борьбу не вступила. Этим, видимо, было в значительной мере обусловлено решение прекратить забастовку. Известное значение имели и поступившие из Рима сообщения, согласно которым министерство обещало «наказать виновных» в кровопролитии и отныне занимать иную позицию в конфликтах между трудящимися и хозяевами^{55а}.

Труднее объяснить последовавший затем новый поворот. Разумеется, немалую роль сыграла инициатива отдельных наиболее решительно настроенных лидеров, в частности самого Лабриолы, поддержанного единомышленниками⁵⁶. Однако, как нам представляется, важнее другое: заряд революционной энергии, таившейся в массах, был еще далеко не исчерпан. Ведь не случайно призыв к продолжению борьбы был встречен всеобщим одобрением на вечернем митинге в Милане. О том же свидетельствовали происходившие в тот же вечер новые значительные события. За немногими исключениями (например, Рим, Турин, Болонья, где движение полностью или частично замерло, и то под влиянием поступившей первоначальной директивы о прекращении борьбы) бастующие не только не сдались, но во

⁵⁴ *Guerrini L. Organizzazione e lotte dei ferrovieri italiani (1862—1907)*, v. 1. Firenze, 1957, p. 207.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 208.

^{55а} «*Il Corriere della Sera*», 17—21.IX 1904.

⁵⁶ Дж. Прокаччи выдвигает вполне правдоподобную гипотезу, что вечерний «экспромт» Лабриолы (перечеркнувший утреннее отступление) был составной частью неких «согласованных действий», ибо в тот же вечер связанный с группой «Авангардия социалиста» Дугони, выступая в Мантуе, призвал трудящихся начать забастовку. Не исключено, что подобное же «взаимодействие» объясняет инициативу, предпринятую и в других местах.

многих, притом важнейших, центрах страны забастовка началась именно теперь и стала разгораться с неожиданной силой.

Трудно перечислить все города, включившиеся в борьбу. Упомянем Брешию, Мантую, Венецию в северной части страны, Флоренцию, Ливорно, Перуджу в Центральной Италии, Неаполь, Барн, Катанцаро, Палермо на Юге⁵⁷. Наметившаяся было тенденция теперь осуществилась: забастовка приняла общенациональный размах. При этом наступившая новая фаза борьбы отличалась принципиально важными особенностями: стачечная волна перекинулась на Южную Италию и глубоко проникла в деревню. Поднялись рабочие Неаполя, ряда городов Калабрии и Сицилии. Забастовали крестьяне провинций Мантуи, Болоньи, Пармы, Модены, Реджо-Эмилии, Феррары и частично Апулии, т. е. прежде всего и успешнее всего движение развернулось там, где крестьяне располагали крепкой организацией. Расширилась, следовательно, не только территориальная, но и социальная база движения. Казалось, этому новому сильному порыву масс должно было соответствовать решительное, динамичное действие руководства, ибо, опираясь на внушительную силу движения, можно было непосредственно воздействовать на органы власти и добиться целей, выдвинутых в ходе борьбы. В действительности же все оказалось сложнее и... проще.

Движение, как и до этого, развивалось преимущественно само по себе, растекаясь по различным руслам, пока 21 сентября оно не иссякло окончательно. Только тогда (согласно принятому в свое время решению, независимо от новых конкретных событий) собралось в Риме совещание депутатов «крайней левой», которому предшествовало заседание социалистической парламентской фракции. Предстояло политически подвести итоги пятидневных боев. Однако именно на этой стадии особенно ясно проявились глубокие разногласия, разделявшие различные партии и течения, и разрыв между размахом стихийного действия масс и уровнем политического руководства.

Политическую платформу дальнейшей борьбы предложила социалистическая фракция. Речь шла прежде всего о требованиях, одобренных еще 18 сентября: немедленный созыв парламента и развертывание энергичной парламентской акции, предполагавшей в случае необходимости применение обструкции; целью этой акции должны были явиться отставка правительства и принятие закона, запрещающего использование вооруженной силы в конфликтах между трудом и капиталом. Теперь в предложенной Ферри резолюции (одобренной социалистической фракцией вопреки решительному возражению Турати) содержались некоторые новые положения; в частности, депутатам предлагалось ответить «массовой отставкой» в случае, если последует отказ

⁵⁷ См. подробные данные, приведенные Прокаччи (*Procacci G. La lotta di classe...*, p. 406—417).

в созыве палаты, использовать метод обструкции для того, чтобы принудить парламент срочно обсудить законопроекты, предусматривавшие наряду с запрещением применения вооруженной силы против бастующих также меры, ослаблявшие фискальный гнет и стимулировавшие национальное производство за счет сокращения непроемких, т. е. военных, расходов⁵⁸. Включением в резолюции последних пунктов делалась, по-видимому, попытка подкрепить политические требования требованиями социальными и тем самым создать платформу борьбы, привлекающую более широкие, мелкобуржуазные слои.

На совещании депутатов «крайней левой», однако, были отвергнуты все приведенные выше новые весьма существенные предложения и было сведено к расплывчатой формуле даже то, что сохранилось от боевых требований, звучавших в дни забастовки. В принятой резолюции провозглашалась «невозможность сохранения у власти данное правительство», предъявлялось требование о немедленном созыве палаты, но отсутствовало требование о неприменении вооруженной силы против народа⁵⁹. Знаменательно, что резолюция была принята единогласно, с согласия всех депутатов-социалистов, в том числе и самого Ферри.

Слабость «крайней левой» вообще, социалистов в особенности обернулась силой правительства и успехом тактики Джолитти. Требованию созыва палаты депутатов премьер-министр противопоставил собственное неукоснительное решение: 1 октября была распущена палата депутатов и назначены чрезвычайные выборы. Впоследствии Джолитти мотивировал это решение тем, что считал тогда «целесообразнее предоставить избирателям возможность выразить свое суждение о партиях и людях, спровоцировавших бесполезный и вредный перерыв в нормальном течении жизни страны»⁶⁰.

Роспуск палаты означал вызов «крайней левой», прежде всего социалистам. Джолитти пошел на авторитарный акт, будучи уверен, что теперь он ничем не рискует. И, действительно, две недели спустя новое совещание депутатов «крайней левой» явилось собой неопровержимое доказательство политического бессилия, фактической капитуляции левых партий. Даже предложение формально осудить отказ правительства от созыва палаты было отвергнуто подавляющим большинством голосов. Зато была единогласно одобрена резолюция, согласно которой впредь, по требованию определенного числа депутатов, следовало предоставить палате право «созыва самой себя». И это... все! Да и это предложение осталось в сущности формальной декларацией. Реальное значение приобрел на деле другой вывод, к которому пришли на этом же совещании депутаты «крайней

⁵⁸ «Avanti!», 22.IX 1904.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ *Giolitti G. Memorie...*, v. 1, p. 213.

левой»: они констатировали фактический распад «общего фронта действий», который сложился в бурные 90-е годы XIX в. и в известной степени сохранился еще в ходе всеобщей забастовки. Судя по отчету «Аванти!», с особой настойчивостью этой констатации добивались радикалы, мотивировавшие свой отказ от совместных действий изменившейся в связи с предстоящими выборами ситуацией. Нерешительную позицию занимали республиканцы, обратившиеся за окончательным решением к социалистам, в то время как последние устами Косты и Турати заявили о невозможности долее сохранять единство действий ввиду категорического отказа радикалов⁶¹.

Таким образом, в критический момент возобладали сектантская узость взглядов одних, собственнические инстинкты и мешанские предубеждения других. Настроения эти, охватившие средние слои, нашли политическое выражение в лоне «народных партий», да и в самом социалистическом движении. Первая в истории страны всеобщая забастовка действительно нарушила обычный строй жизни, породив в широких буржуазных кругах смятение и тревогу, все нараставшую враждебность к «бунтующим» пролетариям, тем более что правобуржуазная печать разжигала эти настроения, пугая обывателя ужасами «гражданской войны». Не впервые в истории этой психической атаки поддались мелкобуржуазные силы, даже те самые лавочники, которые поначалу добровольно примкнули к забастовке, но затем отшатнулись под воздействием сопряженных с нею трудностей и невзгод.

Весьма важно при этом, что политической кампании буржуазного лагеря, целью которой была изоляция бастующих рабочих, не противодействовала позитивная акция, направленная на сохранение того политического единения, которое в той или иной степени существовало на протяжении ряда лет. Более того, когда общий фронт «народных партий» дал глубокую трещину, никто всерьез не приложил усилий к тому, чтобы восстановить его прежнее, пусть ограниченное, единство. Особая роль в этом деле должна была бы принадлежать социалистической партии, но, будучи идейно расколотой (забастовка еще резче выявила несовместимость двух сосуществовавших в ней основных течений), она, естественно, неспособна была предложить какую-либо единую платформу.

Не грешила посему против истины «Коррьере делла сера», когда констатировала полную сумятицу в идейных позициях социалистов⁶². Реформисты, оценивая потрясение страны классовые бои, пытались сочетать принципиально отрицательное отношение к этой форме борьбы с признанием допустимости ее в «самых исключительных случаях», т. е. при условии, что забастовка

⁶¹ «Avanti!», 17.X 1904.

⁶² «Il Corriere della Sera», 1.X 1904.

ставка будет преследовать «вполне определенные, легко достижимые политические цели» и окажется весьма кратковременной. Такова была точка зрения Турати, изложенная им в «Критика социале». Однако в этой же статье он выражал крайнюю тревогу по поводу «возможного частого повторения подобного рода экспериментов, могущих нарушить нормальное течение хозяйственной жизни страны, возбудить недовольство широких общественных слоев — от промышленников до простых граждан, — а следовательно, открыть путь реакции»⁶³.

Что касается только что закончившейся всеобщей забастовки, то, по-прежнему признавая ее «благородные побудительные мотивы», Турати (а вслед за ним и другие реформистские лидеры, Кассола, к примеру) считал ее проявлением политической незрелости, неподготовленности пролетариата. «Итальянский рабочий класс в сущности еще ребенок», — утверждал Кассола⁶⁴. Главное же: реформисты по-прежнему обрुшивались на миланских «зачинщиков» всеобщей забастовки, которых обвиняли в том, что своей проповедью «спасительного насилия, разрушительной, дикой, классовой борьбы» они обманывали рабочие массы, суля им, по словам Турати, перспективу «немедленного завоевания всей полноты власти» и «завораживая их мирражем... диктатуры пролетариата». Как уже отмечалось, в этой критике синдикализма (резкость которой была, пожалуй, беспрецедентной) содержалась изрядная доля истины. Не говоря уже о существовании допущенных синдикалистами ошибок, чего стоил хотя бы уже упомянутый заголовок в «Авангардия социалиста»: «Пять дней первого опыта диктатуры пролетариата»⁶⁵.

Какие же установки противопоставляли сами реформисты «стачечной гимнастике» синдикалистов и их опасной «игре в революцию»? Не менее отвлеченные, умозрительные и опасные установки, нежели проповедь синдикалистов, которую Турати объявил «не то безумной, не то смехотворной»⁶⁶. На страницах «Критика социале» звучал все тот же призыв к «умеренной и благоразумной классовой борьбе, опирающейся на гармоничную парламентскую деятельность и мудрое реформаторское законодательство»⁶⁷. В дебатах вокруг политической линии партии Турати, ссылаясь на то, что социалисты «не могут и не хотят прийти к власти», настаивал на поддержке «тех, кто, находясь у власти, намеревается осуществлять реформы»⁶⁸. Революции же, на которую уповали синдикалисты (революции, совершающейся, по ироническому выражению Турати, благодаря

⁶³ «Critica Sociale», 1904, 16 settembre — 1 ottobre.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ «Avanguardia Socialista», 24.IX 1904.

⁶⁶ «Critica Sociale», 1904, 16 settembre — 1 ottobre.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ «Avanti!», 18.X.1904. Из тактических соображений этот тезис не поддерживал даже Биссолати.

«действию чуда»⁶⁹), реформисты противопоставляли «революцию подготовленную, гарантированную эволюцией»⁷⁰. И они продолжали апеллировать к «воспитанию сознания и пролетарской солидарности, к позитивной деятельности, направленной к развитию кооперации, к избирательному состязанию, к учебе, пропаганде, завоеванию существующих институтов и новых законов»⁷¹.

Реформистские концепции подвергались критике синдикалистами, не уступавшими в полемической резкости противникам по партии. Артуро Лабриола в статье в «Авангардна социялиста», подытоживавшей пятидневные бои, не щадил реформистов: трусость парламентских фракций «крайней левой» (следовательно, и социалистической фракции, в которой преобладали реформисты) явилась, по его мнению, одной из причин того, что движение вынуждено было ограничиться рамками антиправительственного выступления протеста и смотра пролетарских боевых сил, которые он правомерно считал «достойными восхищения». Констатируя реально сложившееся положение, Лабриола не исключал, однако, иного варианта возможного развития событий: всеобщая забастовка, будь она направлена к достижению политической цели, вполне определенной и определяющей поступательное движение, привела бы к наивысшему напряжению революционных сил, но тогда, указывал он, «трудно было бы предположить, какая участь постигла бы господствующий строй...» Результатом была бы республика рабочих. Однако последняя в условиях экономической отсталости Италии составила бы лишь «мимолетное, кровавое событие»⁷². Итак, революционный исход был неосуществим, движение, развернувшееся в исторически ограниченных рамках, оказалось обреченным. Таков был в основном вывод произведенного им анализа событий.

Но как оценивал Лабриола ту роль, какую сыграли в этих событиях они сами, синдикалисты? Характерно, что в итоговой статье, о которой идет речь, вопрос этот остался без ответа, да и не был вовсе поставлен. Если реформисты считали синдикалистов повинными в том, что «сорвавшаяся со своры толпа», движимая стихийным импульсом и отчаянием, поддавалась «фантазиям» и вышла за рамки «простой манифестации политического протеста»⁷³, то Лабриола объяснял или оправдывал ход и исход классовой битвы субъективными и объективными причинами, от них, синдикалистов, будто бы не зависевшими. Помимо «парламентской трусости» фракции «крайней левой», он указывал на «известную неслаженность общих действий, на состояние крайней неуверенности из-за неясности будущих перс-

⁶⁹ «Critica Sociale», 1904, 16 settembre — 1 ottobre.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ «Avanti!», 18.X 1904.

⁷² «Avanguardia Socialista», 24.IX 1904.

⁷³ «Critica Sociale», 1904, 16 settembre — 1 ottobre.

пектив»⁷⁴. При этом, впадая в противоречие с самим собою, он то, по-видимому, сожалел о вынужденно ограниченном характере стачки, то, ссылаясь на приведенные выше соображения конкретно-исторического характера, считал ход вещей оправданным и даже выражал удовлетворение тем, что движение не пошло дальше «демонстраций протеста». Более того, он считал, что «этот первый опыт всеобщей забастовки удался великолепно». В подтверждение этой оценки он указывал на то, что всеобщая забастовка будто бы доказала превалирующее значение «профессиональных организаций», оттеснивших партию, и якобы окончательно подорвала в рабочем классе веру в реформистов и реформизм⁷⁵. Во всех этих рассуждениях явно преобладали соображения внутрипартийной борьбы. Отсюда и конечный вывод, к которому приходил Лабриола: необходимо четко размежеваться.

Впрочем, в этом были единодушны оба течения: размежевания требовали и реформисты, ибо пути, предлагавшиеся противостоявшими друг другу течениями, «не имеют никаких точек соприкосновения». Турати утверждал это со всей решимостью и, сетуя на то, что синдикалисты стали пользоваться большим влиянием в партии, ставил ее, точнее партийное руководство, перед дилеммой: «позитивная деятельность или разглагольствующий нигилизм... демократия или демагогия... Настал час ответственности!»⁷⁶

Таково было состояние социалистической партии, когда в трудной обстановке пришлось решать неотложную задачу подготовки к избирательной борьбе. Новым свидетельством царившего в руководстве партии смятения явилась компромиссная декларативная платформа, с которой социалисты вступили в предвыборную кампанию. Характерно, что, как бы пожелав подчеркнуть свою автономию, а также значительную роль, какая ей отведена в жизни партии, парламентская фракция решила самостоятельно, без участия членов партийного руководства, выработать «предвыборный документ», который затем и стал «избирательной платформой партии»⁷⁷.

В избирательном манифесте, учитывая настроения рядовых социалистов, подтверждалось намерение партии оставаться в оппозиции к правительству и положительно, хотя и не без существенных оговорок, оценивался опыт сентябрьского движения. Всеобщая забастовка объявлялась «законным и могучим средством политического протеста и давления», но отнюдь не «экономической революции», и подчеркивалось, что применяться она должна «лишь при исключительных обстоятельствах»⁷⁸.

⁷⁴ «Avanguardia Socialista», 24.IX 1904.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ «Critica Sociale», 1904, 16 settembre — 1 ottobre.

⁷⁷ «Critica Sociale», 1904, 16 ottobre; «Avanti!», 18.X 1904.

⁷⁸ «Critica Sociale», 1904, 16 ottobre.

В то же время в манифесте содержалась подробная программа социальных и политических реформ, которых «ждет страна», без указания, однако, путей и средств ее реализации. Выражалась лишь надежда, что в предстоявшем избирательном соревновании «страна сумеет выделить силы, способные осуществить преобразование итальянского государства сообразно основным установкам программы»⁷⁹. Надежда эта была по меньшей мере утопической, а избирательный манифест поражает своей отвлеченностью.

Действительность же не оставляла сомнения в том, что близкая перспектива «преобразования итальянского государства» (даже в ограниченных пределах, сообразных «основным установкам» этой программы) представлялась нереальной в создавшейся обстановке, тем более что осложнялась она распадом фронта социальных и политических сил, в той или иной степени заинтересованных в таком преобразовании. Между тем факт распада единства действий «народных партий» не тревожил партийных лидеров. Напротив, тезис: «единство — не что иное, как фикция, необходимо размежеваться» — рассматривался как закономерный вывод из только что завершившейся классовой битвы. К размежеванию призывали радикалы и с оговорками республиканцы, размежевания требовали социалисты.

Что касается социалистов, то отказ от поиска единой политической платформы определял и взаимоотношения между течениями внутри самой социалистической партии. В период избирательной кампании не ослабевала внутрипартийная борьба, нередко заслонявшая идейное наступление против классовых и политических противников. Правда, после выборов, обернувшихся успехом либерально-консервативного лагеря, прозвучал призыв к единству. В «Аванти!» появилась передовая статья, в которой неожиданно провозглашалось: «Необходимо, чтобы в социалистической партии вместо братоубийственной полемики утвердилось в дискуссии терпимое отношение к различным мнениям, дабы восстановить единство партии»⁸⁰. С предложением пойти на сближение и выступать бок о бок обратился к синдикалистам Биссолати⁸¹. Однако эти призывы не могли быть подхвачены при столь глубоких идейных и политических разногласиях, разделявших партию. И отнюдь не на реформистской или «левореволюционной» идейной основе (представленной синдикалистами или «непримиримыми») могло быть достигнуто тогда и позднее единство партийных рядов.

Еще резче, однозначнее была позиция лидеров социалистической партии (притом обоих течений) в том, что касалось распада прежнего блока «народных партий». Еще до выборов не-

⁷⁹ «Critica Sociale», 1904, 16 ottobre.

⁸⁰ «Avanti!», 9.XI 1904.

⁸¹ «Avanti!», 24.XI. 1904.

осуществимость дальнейших совместных действий этих партий была подчеркнута в избирательном манифесте⁸². Решительно отказывались от возврата к прежнему политическому единству с мелкобуржуазными партиями синдикалисты. Необратимым считали теперь процесс его распада и реформисты⁸³. В ходе избирательной кампании эта тема не сходила со страниц социалистической печати. К ней все снова возвращался центральный орган партии «Аванти!» Примечательно, что автором большинства статей в «Аванти!», в которых отстаивалась необходимость «четкого классового размежевания», был не кто иной, как Энрико Ферри, незадолго до этого утверждавший, что у «фракций «крайней левой» имеется общее поле действия и общая, хотя и временная, программа-минимум, включавшая не только негативные задачи ..., но и позитивные ...»⁸⁴

Теперь же, спустя три недели, он писал, что «вопреки необоснованным иллюзиям жизнь показала, что единство народных партий и парламентских групп «крайней левой» возможно и полезно лишь тогда, когда речь идет о негативной, преходящей и оборонительной по своей сути акции; напротив, оно невозможно, когда речь идет о деятельности позитивной, долговременной, невозможно в силу антагонизма классовых интересов, какие представляют эти три партии в стране и соответственно фракции в парламенте»⁸⁵. Эта мысль развивалась и в другой его статье, в которой раскол в лагере «народных партий» рассматривался как подтверждение истинного характера классовой борьбы, которую обязана вести социалистическая партия. А посему значение всеобщей забастовки, по мнению Ферри, заключалось прежде всего в том, что она выявила подлинную сущность явлений, объективную и непреложную «силу вещей»⁸⁶. В ходе забастовки, заявлял он, произошла политическая поляризация антагонистических классов: «буржуазия вновь обрела свою действительную антипролетарскую душу; ...социализм представал как непримиримая антитеза всему буржуазному миру...»⁸⁷.

Еще категоричнее ставился вопрос о несовместимости интересов пролетариата и буржуазии в статьях других авторов «левого» направления, причем под «буржуазней» подразумевались радикальная и республиканская партии, а также представляемые ими мелкобуржуазные промежуточные слои. «Благословен-

⁸² «Critica Sociale», 1904, 16 ottobre; «Avanti!», 18.X 1904.

⁸³ Лишь Турати в весьма общей форме призывал к тому, чтобы «оживить» «крайнюю левую» («Avanti!», 10.X 1904).

⁸⁴ «Avanti!», 25.IX 1904.

⁸⁵ «Avanti!», 17.X 1904.

⁸⁶ «Avanti!», 18.X 1904. Статья так и была озаглавлена «Сила вещей». День спустя, поскольку еще недавно он ратовал за сохранение союза с «народными партиями», Ферри, оправдываясь, утверждал, что прежним подходом к вопросу он лишь хотел вынудить мелкобуржуазные партии «крайней левой» разоблачить самих себя («Avanti!», 19.X 1904).

⁸⁷ «Avanti!», 18.X 1904.

на забастовка,— заявлял Джованни Лерда,— если она действительно сумела порвать нить, рассеять последние иллюзии по поводу ценности так называемого общенародного союза (*popolarismo*), который... лишившись всякого содержания..., тщетно метался в пустоте в поисках хотя бы точки соприкосновения, дабы соединить составлявшие его прежде партии и фракции»⁸⁸. А Энрико Леоне с чувством удовлетворения отмечал, что пролетариат, впервые в сентябрьские дни сражавшийся самостоятельно, «специфически классовыми путями вошел в лоно национальной истории... Теперь,— продолжал он,— проведя всеобщую забастовку, рабочий класс действовал на исторической авансцене один, не опираясь на поддержку или сотрудничество какого-либо другого социального слоя; более того, он действовал, возбуждая явное недовольство раненной в денежных интересах, в металлургическом сердце своем торгашеской мелкой буржуазии, играющих в демократию мелких собственников»⁸⁹.

Итак, ратуя за дифференциацию классовых и политических позиций рабочего класса, левореволюционная печать на протяжении многих недель продолжала чуть ли не в победном тоне писать о разрыве с партиями «крайней левой»⁹⁰. Представление о том, что и в новых, осложнившихся условиях рабочий класс мог и должен был объединить вокруг позитивной программы по-прежнему заинтересованные в ней социальные и политические силы, т. е. быть гегемоном поступательного демократического движения, такое представление было чуждо лидерам обоих течений. Напротив, изоляция рабочего класса обвлеклась благом, а разрыв с левобуржуазными партиями автоматически распространялся на мелкобуржуазные массы.

Показательно, что в первые месяцы после забастовки одна лишь реформистская «Темпо» попыталась воздействовать на городские средние слои, давая отпор антирабочей пропаганде буржуазной печати, раздувавшей размеры ущерба, нанесенного им забастовкой. В то же время реформистская газета стремилась убедить рабочий класс в целесообразности пойти на соглашение с одними лишь служащими, выделяя их из категории средних слоев, именуемых «промежуточным и паразитическим классом»⁹¹. Но еще показательнее для идейной позиции как реформистов, так и синдикалистов полное игнорирование социалистической печатью крестьянской проблемы, тем более поразительное, что на втором этапе забастовки крестьяне активно поддерживали своим участием начин рабочего класса.

В обобщенной форме проблема отношений пролетариата к мелкобуржуазным массам была уже затронута Артуро Лабри-

⁸⁸ «Il Socialismo», 1904, 25 ottobre.

⁸⁹ «Il Socialismo», 1904, 10 ottobre.

⁹⁰ Ibidem; «Avanti!», 2.XI 1904.

⁹¹ «Il Tempo», 12.XII 1904.

олой в упоминавшейся нами выше книге «Реформы и социальная революция». В который раз подкрепляя свою мысль высказыванием Ж. Сореля, он писал: «Социалистическая партия отвергает присоединение (к революции. — К. М.) тех промежуточных слоев (мелких собственников, лиц свободных профессий, служащих), которые, не видя в движении возможности отстоять собственные классовые интересы, постараются использовать его для достижения целей, либо антагонистических интересам социализма, либо с ними расходящихся»⁹². Что же касается участия в социалистическом движении крестьян (мелких собственников, исполщиков), участия по словам Лабриолы, количественно весьма значительно накладывавшего на движение специфический отпечаток «крестьянского социализма», то это обстоятельство представлялось ему «главной причиной морального кризиса социалистической партии»⁹³.

Эти рассуждения не были результатом одних лишь субъективных свойств и слабостей; они отражали объективный аспект действительности, сложность и многообразие социальных противоречий: с одной стороны, колебания, предубеждения и страхи городской мелкой буржуазии, с другой же — непосредственную примитивную реакцию, разочарование и озлобление рабочего класса, столкнувшегося с сопротивлением мелкого буржуа, «лавочника», обывателя. Наконец, что касается политического опосредования этих настроений, то авторы приведенных положений, ссылаясь на «непреложные законы классовой борьбы», будто бы фатально обуславливающие отход от пролетариата мелкобуржуазных слоев, не только обнаруживали явное непонимание проблемы, но бессознательно пытались такого рода аргументацией ослабить или вовсе снять с себя ответственность за ход событий, т. е. снять ответственность с тех, кто, претендуя на руководство движением, не сумел его на деле осуществить.

Так или иначе, эти настроения и декларации задавали тон социалистической пропаганде в период избирательной кампании; они лишь усиливали процесс отхода от рабочего класса его естественных союзников, облегчая крупной буржуазии задачу подчинения собственной гегемонии до этого оппозиционно настроенных городских средних слоев и католических масс. «Городская мелкая буржуазия, мелкие торговцы, служащие, интеллигенция, — писал Тревес в «Темпо», — подверглись сильнейшей пропагандистской атаке со стороны консерваторов, либералов, клерикалов, разжигавших страсти и использовавших страх, возбужденный всеобщей забастовкой. И мелкая буржуазия, негодую против социалистов, палат труда, органов народного самоуправления, голосует против социалистов, демократов, за кле-

⁹² *Labriola A. Riforme e rivoluzione sociale*. Lugano, 1906, p. 243.

⁹³ *Ibid.*, p. 228.

рикалов и либералов»⁹⁴. Заключение это в общем соответствовало действительности. В период избирательной кампании оформился поистине широкий «антипролетарский буржуазный блок», новым и чрезвычайно важным элементом которого было участие католиков в избирательной борьбе. Католическая церковь пришла на помощь буржуазному строю, сделав первый шаг к позднейшей официальной отмене энциклики «Нон экспедит». Введя католические массы в сферу открытой политической борьбы, церковь сомкнулась с консервативно-либеральным блоком во имя «борьбы против общего врага, борьбы не на жизнь, а на смерть»⁹⁵.

Вскоре окончательные итоги выборов, проходивших в атмосфере беззастенчивого давления и коррупции (в особенности на юге страны) подтвердили происшедшие в стране изменения. Парламентские позиции партий «крайней левой» (потерявших 13 мандатов) оказались ослабленными; наибольший урон понесли радикалы, лишившиеся девяти депутатских мандатов, в то время как фракции социалистической и республиканской партий потеряли по два депутатских места каждая. А главное — выборы ознаменовались победой консервативно-либеральных сил: ось всей политической жизни страны сдвинулась вправо. В создавшейся обстановке ни одно из политических требований, завещанных всеобщей забастовкой и уцелевших после многократных отступлений в ходе переговоров между лидерами «крайней левой», не могло рассчитывать на осуществление, да и не стало практически целью непосредственной борьбы. В частности, было предано забвению и требование об издании закона, ограждавшего жизнь трудящихся от вмешательства вооруженной силы в конфликтах между трудом и капиталом⁹⁶.

Таков был политический исход сентябрьской всеобщей забастовки. В свете результатов избирательной кампании о победе над рабочим классом трубила вся буржуазная печать. С ней решительно полемизировали газеты левореволюционного направления, переоценивая достигнутое, реформисты же устами Турати по-прежнему осуждали «роковую ошибку, обернувшуюся катастрофой».

Были ли эти оценки правомерны? Действительно ли сентябрьская классовая битва должна была быть оценена лишь с точки зрения ее непосредственных и ощутимых последствий иск-

⁹⁴ «Il Tempo», 12.XI 1904. Статья писалась после первого тура голосования, второй был намечен на 13 ноября.

⁹⁵ «Civiltà cattolica», 1905, v. 1, p. 4. Цит. по: *Канделоро Дж.* Католическое движение в Италии. М., 1955, с. 348.

⁹⁶ Примечательно, что еще в начале декабря попытка депутатов-социалистов (Ферри, Боргмани, Беренини) подготовить соответствующий законопроект не встретила поддержки даже у реформистов: в передовой «Темпо», подписанной Кулишевой и Турати, высказывалось сомнение в реальности успеха этого начинания («Il Tempo», 4.XII 1904).

лючительно в двух измерениях: успех или поражение? Едва ли такой подход обоснован хотя бы потому, что эта первая всеобщая политическая забастовка итальянского пролетариата являлась событием сложным, многогранным и определить его подлинное значение можно, только расширяя рамки анализа, оценивая его как определенный момент развития, притом не только рабочего движения, но и национальной истории в целом.

Нет сомнения в том, что всеобщая забастовка 1904 г. являлась важным, в определенном смысле переломным событием в итальянской национальной жизни: она продемонстрировала неожиданную силу, боеспособность молодого рабочего класса, выступавшего на политической авансцене в качестве «главного действующего лица в сражении, подлинно национальном и по целям своим и по своему размаху»⁹⁷. Уже само по себе это обстоятельство предостерегает от однозначных догматических суждений. Живой отклик, какой итальянская всеобщая забастовка вызвала в международном социалистическом движении, говорил еще и о другом: событие, порожденное итальянским рабочим движением, приобретало поистине интернациональную значимость, обогащало международный пролетариат боевым опытом, внося новые существенные элементы в непрекращавшиеся дебаты вокруг возникшей формы классовой борьбы.

В обстоятельных корреспонденциях, публиковавшихся в теоретическом органе германской социал-демократии «Нойе цайт» (редактором его был Карл Каутский), Ода Ольберг высоко оценивала эту, по ее мнению, «наиболее совершенную всеобщую забастовку, какую знала история», доказавшую не только «необычайное мужество, благородство, самоотверженность итальянского пролетариата, проявившего высокое чувство солидарности с жертвами кровавых расправ, но и его способность в любой момент поднять на борьбу с заводов и полей, рудников и общественных учреждений сотни тысяч людей — массу тружеников для защиты своего права на то, чтобы быть огражденным от насилия»⁹⁸. Указывая, что сама возможность повторения всеобщих забастовок придает им особую политическую действительность, Ольберг соглашалась с тезисом Э. Леоне, полагавшего, что, сохраняя характер «чрезвычайной формы борьбы», забастовка «особо важна тем, что ее можно повторять»⁹⁹. Она соглашалась, следовательно, с тезисом, вызвавшим острую полемику в международной социалистической печати.

Озабоченность такого рода постановкой вопроса высказывала, в частности, австрийская «Арбайтер цайтунг», указывав-

⁹⁷ С этим положением Э. Леоне трудно не согласиться (см. «Il Socialismo», 1904, 10 ottobre).

⁹⁸ «Die Neue Zeit», XXIII (1904—1905), Bd I, S. 18—24. См. *Ragionieri E.* Op. cit., p. 195—197.

⁹⁹ См. статью Э. Леоне в журнале «Социализмо» («Il Socialismo», 1904, 10 ottobre).

шая, что применение стачки в качестве «регулярного орудия» сможет отвлечь массы от «повседневной, тяжелой, внешне незаметной организаторской работы»¹⁰⁰. Сама же Ольберг предостерегала от ложного представления, будто речь шла о том, чтобы «регулярно, при любом значительном поводе вытаскивать шпагу из ножен». Всеобщая забастовка, уточняла она, должна применяться только при «наивысшей необходимости, для защиты наисвященных прав». К ней надо заблаговременно готовиться, ее надо организовать, а это значит прежде всего «организовать сами массы»¹⁰¹.

Предубеждения против новой формы пролетарской борьбы, существовавшие и в рядах германской социал-демократии, сказались, как известно, на работе Бременского партийтага, где вопрос об итальянской всеобщей забастовке был по существу обойден. Как о том сообщал в «Аванти!» Роберт Михельс, «однозвучный термин всеобщая забастовка» был изъят из текста телеграммы, которой съезд приветствовал «мужественное и победоносное выступление итальянских товарищей»¹⁰². К опыту итальянской забастовки обратилась с иных, «левых» позиций представительница голландской социал-демократии Роланд-Гольст, увидевшая, однако, в сентябрьской стачке лишь гигантскую стихийную демонстрацию «яростного негодования», возбужденного в итальянском пролетариате кровавыми расправами¹⁰³.

Сравнительно более разносторонними были оценки «Искры» (к этому времени меньшевистской); еще в ходе забастовки газета ухватила некоторые ее особенности — решительную роль в ней рабочего класса, сложившиеся в «единый поток» выступления индустриального и сельского пролетариата. Примечательно, что газета не только отмечала несостоятельность политического руководства, осуществлявшегося инициаторами забастовки — синдикалистами, но, вопреки позднейшим собственным установкам, с удовлетворением отзывалась о том, что итальянский рабочий класс «вырвался из-под опеки реформистов». И, наконец, «Искра» писала, что «итальянская всеобщая политическая стачка очень много дала для разрешения вопроса о всеобщей стачке, так сильно занимавшего социалистов всех партий», и призывала изучать итальянский опыт¹⁰⁴.

Естественно, что значение обретенного итальянским пролетариатом опыта — позитивного и негативного — могло выявиться

¹⁰⁰ Цит. по: *Ragionieri E.* Op. cit., p. 196.

¹⁰¹ «Die Neue Zeit», XXIII (1904—1905), Bd. I, S. 24.

¹⁰² «Avanti!», I.X 1904.

¹⁰³ *Roland Holst H.* Generalstreik und Sozialismus. Dresden, 1905, S. 69—76.

¹⁰⁴ «Искра», 20.IX 1904. Прошел всего лишь год, и меньшевики, пытаясь навязать свою опеку русскому рабочему классу, подобно итальянским реформистам, старались удержать его от революционного действия, особенно решительно они добивались этого после октябрьской всеобщей стачки. Но то был еще сентябрь 1904 г., да и речь шла не о русских событиях.

лишь при верной оценке, верном понимании. Значение сентябрьской забастовки заключалось не только в проверке новой, особой формы борьбы, но и в ее непосредственной связи со сложившейся в стране ситуацией, с возможностями ее преобразования. С этой точки зрения значимость разыгравшегося столкновения не исчерпывалась непосредственным его исходом, ибо остались, более того осложнились проблемы, которые правящие круги в силу классовой своей сущности не хотели, да и не могли разрешить. Стало очевидным, что достигнутое «либеральным поворотом» верхов относительное равновесие сил, опиравшееся на своего рода симбиоз либерализм — реформизм, было нарушено (хотя нарушено отнюдь не окончательно), что оно не имело под собой сколько-нибудь прочной основы. Обнаружилась политическая слабость рабочего движения, потенциальным революционным возможностям которого не соответствовал уровень политического сознания и прежде всего политического руководства.

Произошло то, что не раз случалось в истории: стихийный рост самостоятельности масс обгонял направляющее действие сил, призванных руководить этими пришедшими в движение массами. Итальянские социалисты — как восторженные проповедники «магических потенций» всеобщей забастовки, так и яростные ее противники — не понимали назначения этой новой формы борьбы: обособляя ее от других средств и форм революционного действия, они не понимали, что в зависимости от конкретной ситуации и конкретного соотношения сил всеобщая забастовка могла приобрести различное значение, представляя лишь одно, хотя и весьма важное, орудие революционного наступления.

Вскоре события колоссальных масштабов свершились в Российской империи — грандиозная политическая стачка, переросшая в ходе революции в вооруженное восстание, затмила многогранностью заключавшегося в ней конкретно-исторического и теоретического опыта все то, что в этой области было достигнуто рабочим движением других стран¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Не без основания Роза Люксембург заявляла в 1906 г. на Маннгеймском съезде германской социал-демократии: «Если в настоящее время перед лицом грандиозной русской революции, которая в течение десятилетий будет учительницей революционного движения пролетариата, изучают проблему массовой стачки на примерах Италии и Франции, то это показывает, что ... у нас все забывают и ничему не учатся» (Protokoll über die Verhandlungen des Parteitagcs der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. 26/IX 1906, S. 315—316).

УГЛУБЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ИТАЛИИ. ВОЗДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ИТАЛЬЯНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Последовавший за сентябрьской всеобщей забастовкой период — конечным рубежом его явился май 1906 г. — завершил собой первый этап так называемой либеральной эры. В ходе дальнейшей неослабевавшей классовой борьбы рельефнее проявились тенденции, наметившиеся уже в предыдущие годы. Еще в первые годы либерального правления, а тем паче в бурные сентябрьские дни, обнаружилась шаткость основы либеральной системы. Исход сентябрьской битвы, в которой победу одержали правящие классы, не укрепил основ власти. Победа их оказалась далеко не полной: боевая сила рабочего класса, народных масс не была сломлена. Борьба их продолжалась упорно, самоотверженно. Непрочным был и успех тактики Джолитти, отказавшегося в сентябре от фронтальной атаки и применившего метод политического маневрирования. Неполным был достигнутый успех хотя бы потому, что он был куплен дальнейшим «сдвигом вправо», не входившим в первоначальные планы Джолитти.

Отныне либеральное правительство должно было в значительно большей мере опираться на консервативные силы, в частности на клерикалов, представленных теперь после выборов и в парламентском большинстве. Результатом сентябрьских событий явились также сдвиги, происшедшие в блоке «крайней левой»: ослабли и без того не очень сильные позиции республиканцев, а часть радикальной партии по праву стала теперь опорой нового парламентского большинства, наконец, еще более осложнились отношения в блоке «народных партий» и социалисты оказывались подчас в изоляции. Этого, собственно, небезуспешно добивался теперь Джолитти, поскольку он уже не мог рассчитывать на решающее влияние реформистов в рядах рабочего движения¹.

¹ Впоследствии, объясняя в мемуарах причины назначения радикала Маркору председателем палаты депутатов, Джолитти указывал, что, с одной стороны, преобладание в новой палате «консервативного духа» подсказывало в качестве целесообразной меры для обеспечения равновесия предоставление поста председателя человеку прогрессивного направления. С другой же стороны, в силу создавшегося после выборов положения, представлялось целесообразным «воспользоваться этим положением, чтобы в максимально возможных пределах добиться отделения радикалов от республиканцев и социалистов» (*Giolitti G. Memorie della mia vita. Monza, 1946, p. 216*).

В свою очередь изменившееся соотношение сил не могло не ограничить свободу действия «просвещенных» либеральных кругов «новой буржуазии», которую премьер-министр в сущности представлял. Политика тактического балансирования между крайними политическими лагерями, осуществлявшаяся Джолитти, наталкивалась на новые серьезные препятствия. Одолеть их становилось еще тяжелее, так как внутривнутриполитическое напряжение усиливалось международными событиями — от обострения разногласий между Италией и Австро-Венгрией в недрах Тройственного союза, в особенности в ходе создания противостоявшей ему Антанты, до международных последствий русско-японской войны и потрясшей Российскую империю революции.

Решающими были, однако, внутренние проблемы и трудности. Возобновившийся неравномерный производственный подъем, длившийся до 1906 г., охватил преимущественно вновь созданные привилегированные отрасли: металлургию, машиностроение, химическую промышленность; он не затронул сельского хозяйства. «Южная проблема» оставалась по-прежнему средоточием острейших противоречий социально-экономического развития страны.

С конца 1904 г. Италия вновь оказалась ареной крупных классовых столкновений, волнующих событий, разных по характеру и размаху. С новой силой разгорелась борьба железнодорожников, забастовочная волна прокатилась по многим городам страны. Экономические бои итальянского пролетариата, перераставшие в политические столкновения, переплелись в эти годы с поистине общенациональным движением солидарности с русской революцией, вызвавшей глубочайший отклик в итальянских народных массах.

Итак, противоречивые процессы определяли общественную жизнь страны. Все менее определенным, менее устойчивым становился в этих условиях и политический курс правящих кругов. Требование консервативных кругов об обеспечении «общественного порядка» силой сталкивалось с неукротимой волей к борьбе рабочего класса, народных масс. В политической сфере оно встречало более или менее последовательное противодействие «народных партий», прежде всего социалистов.

Правительство не могло, следовательно, не считаться с этими противоборствующими тенденциями. И хотя сам Джолитти не предполагал уступать нажиму консерваторов, тем не менее он проявил в этот период известную настороженность, более того, уступчивость по отношению к противникам справа. Об этом недвусмысленно свидетельствовало внесение в феврале 1905 г. в палату депутатов законопроекта, определявшего (в связи с истечением действия договора о концессии) новый статус железных дорог, т. е. перевод их в ведение государства. В то же время законопроект предусматривал суровые наказания, вплоть до тюремного заключения, за агитацию, организационную под-

готовку или участие в действиях, ведущих к «нарушению нормальной работы транспорта», что фактически означало запрет забастовок и наносило удар самой свободе организации. Реакция железнодорожных рабочих и служащих последовала немедленно и была весьма решительной (о чем подробнее пойдет речь ниже). В данном контексте отметим лишь, что, оказавшись в весьма трудном положении, Джолитти на этот раз предпочел не вступать лично в бой, а, сославшись на нездоровье, подал в отставку. Тем самым было положено начало периоду министерских кризисов: трижды на протяжении 1905—1906 гг. сменились у власти кабинеты. За ушедшим в отставку правительством Джолитти не без затяжек и трудностей пришло министерство, возглавлявшееся Алессандро Фортисом; просуществовав менее года, оно уступило место правительству Сиднея Соннино, чей весьма краткий период правления (иронически названный «Сто дней Соннино») завершил собой историческую фазу, за которой с образованием «долгого министерства Джолитти» наступил второй этап «либеральной эры».

Таким образом, круг замкнулся: наряду с подтвердившейся неустойчивостью либеральной системы в то же время стало очевидным, что не только нереальным был возврат к прошлому, к реакционному режиму, но до поры до времени нереальной была в рамках установившейся с начала века либеральной системы и какая-либо альтернатива политическому курсу Джолитти.

Правительство Фортиса и не предполагало предложить альтернативу. Новый премьер-министр лишь продолжил политику Джолитти, чьим «доверенным лицом» он по существу являлся. Об этом говорило основное направление его деятельности. Путем умеренных уступок рабочим, в данном случае вступившим в серьезный бой железнодорожникам, и продолжением контактов с реформистскими лидерами он постарался ликвидировать обострившийся конфликт. Внесенным в палату депутатов и принятым ею видоизмененным законопроектом предусматривалось некоторое повышение заработной платы железнодорожников и смягчение санкций за участие в стачках (отменялось уголовное наказание, но сохранялись административные санкции — увольнение). Тем самым решалась другая политическая задача — доказывалась сила правительства, не собиравшегося предоставлять «чрезмерную свободу», в частности свободу забастовки в пределах так называемого общественного, государственного сектора. Преемственность по отношению к джолиттианскому курсу правительство Фортиса проявило и в другом — в предложенных и осуществленных им экономических мерах: не только в чрезвычайной выгоды для частных компаний условиях передачи железных дорог в ведение государства, но и в увеличении военных расходов, что должно было стимулировать развитие тех новых отраслей производства, в частности металлургии и

судостроения, которые и до того пользовались особым покровительством государства. Наконец, продолжая политическую линию своего предшественника, правительство Фортиса обошло «южный вопрос», об остроте которого вновь напомнили кровавые события в местечке Гранмикеле (Сицилия). Когда же Калабрию поразило землетрясение, трагедия итальянского Юга, безысходная нужда и страдания его населения приковали к себе внимание всей страны. Премьер-министр отозвался на требования общественности поездкой в Сицилию и Калабрию, за которой (как и за поездкой Дзанарделли) последовали щедрые обещания, оставшиеся в основном невыполненными.

Итак, причины, вызывавшие недовольство курсом Джолитти как у «крайней левой», так и в консервативных кругах, остались в силе, а народное сопротивление не ослабевало. К тому же Фортис не был Джолитти, а всего лишь его ставленником, «доверенным его лицом», от которого стали все более отходить и приверженцы его покровителя. Он проявлял инертность и беспомощность в решении стоявших перед страной проблем, а также неспособность противостоять атакам, которым он все чаще подвергался как слева, так и справа. Решающее поражение правительство Фортиса потерпело при обсуждении в палате депутатов проекта нового торгового договора с Испанией, наносившего ущерб итальянскому виноделию. Проект **был отклонен**, и правительство было вынуждено подать в отставку. Не без содействия Джолитти король поручил Фортису образование нового кабинета. Однако новое правительство просуществовало недолго. 2 февраля 1906 г. оно окончательно ушло в отставку. К власти пришел Соннино, лидер консервативно-либеральной оппозиции, «антагонист» Джолитти.

Предполагалось, что именно он окажется в состоянии предложить новый правительственный курс, иначе говоря, альтернативу курсу Джолитти. Противник всевластного премьера, Соннино, вызывал сочувствие консерваторов: памятны были его требования усиления исполнительной власти и создания крепкой праволиберальной партии. Однако годы, прошедшие со времени провозглашения этих установок, многое изменили. Изменилась в известном смысле и позиция самого Соннино. Незыблемым оставался его консерватизм, по-прежнему стержнем его идейной концепции и практической программы (как о том свидетельствовало одно из его первых после прихода к власти выступлений в палате депутатов) оставалась южная проблема, объявленная им «основной, решающей проблемой национальной жизни». В противовес весьма общим обещаниям предыдущих правительств Соннино предложил вполне конкретные меры: сокращение поземельного налога, предоставление кредитов крестьянам, проведение ирригационных работ и организацию на необработанных землях кооперативов с участием наряду с батраками и исполщиками также и земельных собственников.

Речь шла о выводе сельского хозяйства, преимущественно Юга, из состояния застоя и кризиса, но, разумеется, при этом не задевались, а ревностно учитывались интересы крупных землевладельцев.

Социально-экономическая программа Соннино, в которой, как и прежде, особая роль предназначалась помещицкому классу, претерпела все же изменения: она представляла собой теперь (как справедливо отмечает Кароччи) своеобразный компромисс с «реформизмом джолиттианского образца»². Его программа предусматривала повышение заработной платы рабочим и жалования государственным служащим, расширение социального законодательства, проведение общественных работ, однако все эти меры должны были явиться результатом не давления «снизу», не инициативы организаций трудящихся или забастовочного движения, а законодательной деятельности, опиравшейся на участие самих собственников.

В особенности это касалось решения трудного аграрного вопроса. «Соннино хотел облагодетельствовать земельных собственников, питая при этом иллюзорную надежду, что те в свою очередь облагодетельствуют крестьян», — это суждение радикала Ромусси, подхваченное Джолитти, не случайно приводит Кароччи³. Ибо, как и прежде, в противовес Джолитти, проповедовавшему «классовое сотрудничество» предпринимателей и рабочих, Соннино делал ставку на своеобразный блок помещицко-крестьянских сил Юга. Точнее, речь шла о подчинении крестьянства гегемонии помещицкого класса, являвшегося в представлении Соннино главной опорой государственного строя; в крестьянстве же он по-прежнему видел социальную силу, легче поддающуюся «опеке» власть имущих и могущую быть противопоставленной «неуправляемым» городским массам, прежде всего рабочему классу.

Стремлению противодействовать курсу Джолитти соответствовало также намеченное Соннино известное ограничение протекционистской политики, выгодной новым отраслям промышленности, пользовавшимся особыми льготами.

Большим изменениям подверглись политические позиции самого Соннино. Не только не настаивая более на провозглашенном в свое время тезисе об усилении центральной исполнительной власти (который составил основу нашумевшей статьи «Вернемся к статуту»), он предложил меры, ограничивавшие полномочия исполнительной власти в том, что касалось роспуска органов местного самоуправления, что явно было направлено против введенной Джолитти практики «прямого вмешательства» правительства. Соннино отказался и от идеи создания сильной консервативно-либеральной партии, призванной, согласно

² Carocci G. Giolitti e l'età giolittiana. Torino, 1961, p. 63.

³ Ibid., p. 60.

его замыслу, играть решающую роль в политической жизни страны. Более того, ему удалось сблизиться с определенными кругами «крайней левой» и найти решение задачи, которую тщетно пытался решить Джолитти: в созданное Соннино правительство вошли радикал Э. Сакки и республиканец Э. Пантано. Таким образом, в новом кабинете была представлена «крайняя левая», однако в него вошли также представители противоположных политических взглядов, вроде видных консервативных деятелей А. Саландры и Л. Луццатти.

Политическая разнородность состава созданного нового правительства на первый взгляд показалась неожиданным успехом. Подкрепленная программой, способной найти сочувствие в различных социальных и политических кругах, эта разнородность нового кабинета действительно обеспечила ему поначалу широкую поддержку. Даже социалисты — от «непримиримого» Ферри и его сторонников в «Аванти!» до реформистов, выступавших в «Темпо» и «Критика социале», не говоря уже о парламентарской фракции, готовой при первой возможности голосовать в поддержку кабинета, — приветствовали правительство Соннино, уповая на обещанные им реформы. Исключение составляла лишь резко отрицательная позиция синдикалистов, осуждавших новоявленный «министериализм».

Однако вскоре сочувственная атмосфера рассеялась. Сама разнородность состава правительства, первоначально содействовавшая его успеху, оказалась затем причиной его слабости. Главная же: программа Соннино оказалась большей частью нереальной, утопической, а введенные им меры восстанавливали против него то правые, то левые круги. Так, консерваторы, которые уже в момент создания правительства не скрывали своего недовольства по поводу включения в его состав представителей «крайней левой», в дальнейшем подвергли критике его «чересчур левые» меры, ослаблявшие prerogatives центральной власти, и усмотрели опасные аспекты в его программе решения южной проблемы. Его экономические установки вызвали резкую оппозицию со стороны промышленных и банковских кругов, связанных с укрепившейся в период правления Джолитти привилегированной предпринимательской плутократией.

Недовольство деятельностью правительства стали все более решительно проявлять и левые партии, прежде всего социалисты. Оно было вызвано бездействием правительства в том, что касалось обещанных социально-экономических мер, которыми предполагалось облегчить участь широких народных слоев. Глубокое недовольство вызывала и двойственная, сочетающая уступки и репрессии позиция, которую правительство Соннино заняло в ходе классовых столкновений между трудом и капиталом, а также массовых манифестаций протеста против новых злодеяний полиции и все более разраставшегося движения солидарности с русской революцией. Правительственный кризис, формально воз-

никший из-за процедурного вопроса, подтвердил неспособность Соннино и его коллег найти выход из чрезвычайно трудной ситуации, создавшейся вследствие новых кровавых столкновений, которые на этот раз произошли не только на Юге (в Сардинии и Апулии), а до этого и в крупнейшем индустриальном центре — Турине. Социалистическая фракция, побуждаемая руководством партии, в свою очередь испытывавшим давление низовых организаций, потребовала срочного обсуждения законопроекта, предусматривавшего «предотвращение расстрелов пролетариев». Не добившись требуемого, депутаты-социалисты в знак протеста покинули палату, отказавшись от депутатского мандата. Но и консерваторы, даже личные сторонники Соннино, предпочли ему Джолитти, в чью силу и способность «держат в узде массы» они теперь уверовали. 27 мая 1906 г. кабинет Соннино вынужден был подать в отставку. Круг замкнулся: в рамках либеральной системы не оказалось действенной альтернативы курсу Джолитти. Однако и возвращение Джолитти к власти не означало ни «снятия» острых проблем, ни смягчения классовой борьбы.

Признаки кризиса итальянского либерализма обозначились, следовательно, уже на первом этапе «джолиттианской эры», когда в новых условиях исторической проверки подверглись и политический курс правящих кругов, и само рабочее движение, его течения, находящиеся у руководства деятели.

Развитие итальянского рабочего движения с конца 1904 по 1906 г. включительно отличалось противоречивостью: уже сказались понесенные тяжкие удары, серьезные неудачи и разочарования; по-прежнему не соответствовал объективным условиям и задачам уровень политического руководства движением. Результатом явились несогласованность действий и известное ослабление организационной основы рабочего движения⁴. В то же время о революционных потенциях рабочего класса, а также следовавших за ним масс свидетельствовал размах разных по содержанию и масштабам классовых и политических битв⁵. Движение охватило различные категории трудящихся преимущественно развитых промышленных и сельских областей. В его бурный поток с первых дней 1905 г. влилось поразительное по своей силе движение солидарности итальянского народа с русской революцией.

⁴ Так, с 1904 по 1906 г. число палат труда сократилось с 90 до 82, численность их членов соответственно с 3328 до 2733 (*Rigola R. Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947, p. 287*).

⁵ Трудно согласиться с утверждением историка Дж. Маммареллы, будто с 1904 по 1906 г. наблюдался «спад... боевого духа, боеспособности рабочих масс». Негативная сторона развития рабочего движения определялась не этим фактором. Впрочем, данные, приводимые самим автором, в частности о числе стачек, достигшем в 1907 г. рекордного уровня, опровергают это утверждение (*Mammarella G. Riformisti e rivoluzionari nel Partito socialista italiano. Firenze, 1968, p. 181, 189*).

С конца 1904 г. стачечная волна снова захлестнула страну. Уже весной 1905 г. памятную страницу в летопись забастовочного движения вписала общенациональная забастовка железнодорожников, носившая ярко выраженный политический характер. Ей предшествовала длительная борьба, в ходе которой еще в период правления Джолитти возник острый конфликт, не разрешенный и кабинетом Фортиса. Напомним: внесенный еще в феврале 1905 г. законопроект о передаче железных дорог в ведение государства лишал элементарных прав рабочих и служащих железных дорог. Железнодорожники ответили на правительственный законопроект той решительной акцией протеста, которая явилась одной из основных причин отставки Джолитти. Именно тогда зародилась своеобразная форма борьбы (ее первоначально именовали «обструкцией», а позже — «итальянской забастовкой»), сводившаяся к буквальному педантичному выполнению устаревшего железнодорожного регламента; последствия начатой борьбы оказались «убийственными», на железных дорогах воцарился «подлинный хаос»⁶. Когда же пришедшее к власти правительство Фортиса внесло видоизмененный законопроект, который, смягчая санкции, все же по-прежнему наносил удар праву железнодорожников на организацию и на забастовку, то борьба их разгорелась с новой, возросшей силой.

Напор «снизу» предопределил размах движения. Опираясь на революционный порыв самой рабочей массы, синдикалисты взяли верх на заседании представителей руководящих органов социалистической партии и объединения железнодорожников, которое должно было определить дальнейший ход борьбы. Одолев сопротивление реформистов, настаивавших на парламентской акции, которая опиралась бы на агитационную деятельность в стране, синдикалисты добились решения об объявлении всеобщей забастовки на транспорте, не позаботившись, однако, об ее подготовке; она должна была начаться уже на следующий день — 17 апреля⁷. Забастовка началась и, несмотря на успешность ее объявления, уже в первый день охватила важнейшие железнодорожные узлы: на станциях Турина, Милана, Генуи, Флоренции, Болоньи, Бари движение поездов было, несмотря на присутствие войск, почти полностью приостановлено. Та же картина наблюдалась на второй день и в других городах; особый размах забастовка приняла в Риме и Неаполе. В поступивших в министерство внутренних дел телеграммах префектов сообщалось о массовом или поначалу еще частичном в ряде мест характере забастовки; сообщалось также о проведенных в Турине, Милане, Риме, Неаполе и других городах многотысячных собраниях и митингах, в которых наряду с заба-

⁶ *Guerrini L. Organizzazione e lotte dei ferrovieri italiani (1862—1907)*, v. 1. Firenze, 1957, p. 215; «*Avanti!*» 25—28.II, 1—7.III 1905.

⁷ «*Avanti!*», 15, 17, 18.IV 1905; *Guerrini L. Op. cit.*, v. 1, p. 217—218.

стовщикам активно участвовали рабочие разных профессий и местное население. Так, созданный Миланской социалистической федерацией митинг солидарности с бастующими собрал около 2400 человек, а в Неаполе в один день состоялись два массовых митинга (на одном из них присутствовало до 2000 человек). Собравшиеся выразили протест против враждебной забастовке кампании буржуазной печати и подтвердили готовность к дальнейшей упорной борьбе⁸. Однако, как и в прежних битвах, решимость, упорство забастовщиков, которые, как о том свидетельствовали факты, могли рассчитывать на содействие других категорий трудящихся, не были поддержаны «сверху» действенным, целеустремленным политическим руководством. Знаменательно, что это сказалось и в парламентской деятельности. Уже в ходе развернувшегося движения в палате депутатов состоялось обсуждение предложенного правительством законопроекта. Депутаты-социалисты, среди которых были представители «непримиримых», по существу уклонились от боя. Э. Ферри вразрез со сравнительно последовательной защитой бастующих, которую осуществляла редактируемая им же «Аванти!», в своем выступлении в палате ограничился общим выражением сочувствия делу борющихся железнодорожников и столь же общей критикой законопроекта, не выдвигая конкретных требований в пользу бастующих. Еще формальнее оказались выступления реформистов (Биссолати, Кьеза), хотя именно реформисты, высказываясь против объявления забастовки, предлагали заменить ее энергичной «парламентской акцией». Эта безучастная по существу позиция партийного руководства (несколько дней спустя «Аванти!» снисходительно оценила ее как поведение людей, «наблюдающих или выжидающих» развитие событий, а железнодорожники впоследствии квалифицировали ее как «предательскую»⁹) резко расходилась с действием масс: в большинстве железнодорожных узлов забастовка все более разрасталась¹⁰; в разных формах проявлялась и стихийная солидарность с борьбой железнодорожников. В г. Фоджа (в Апулии, где во многих общинах, как признавал сам префект, царила «доподлинная нищета»¹¹) рабочие и пришедшие в город крестьяне многочисленной толпой собрались у железнодорожной станции, демонстрируя свою солидарность с бастующими¹².

⁸ Archivio Centrale dello Stato. Ministero degli interni. Gabinetto Ufficio Cifra, 1905 (18.IV, 19.IV), v. 19, 20 (далее: ACS, fondo cit.).

⁹ «Аванти!», 23.IV 1905; *Guerrini L.* Op. cit., v. 1, p. 221—222.

¹⁰ «Аванти!», 20.IV 1905.

¹¹ ACS, fondo cit., 1905 (21.IV), v. 20.

¹² В телеграмме, адресованной префекту Фоджи, премьер-министр Форτισ выразил недоумение по поводу того, что «смогла собраться такая значительная масса народа, которую следовало бы рассеять до того, как она стала столь внушительной и угрожающей» (ACS, fondo cit., 1905 (19.IV), v. 9).

Манифестация и в этот раз обернулась трагедией. Охранявшие вокзал вооруженные отряды открыли огонь по демонстрантам: трое из них были убиты, семь ранены¹³.

В создавшейся ситуации развитие забастовочной борьбы требовало расширения рамок движения и согласованных действий руководителей социалистической партии и профсоюзных объединений. Между тем положение оставалось прежним: в руководстве царило несогласие во мнениях и решениях, пассивность, сочетавшаяся с бессильными декларациями. К этому свелось продолжение «парламентской акции» и после кровавой расправы в Фодже; откликнувшись на это событие, депутат-социалист Бадалони ограничился выражением «сильного гражданского протеста»¹⁴. Голосование же, завершившее трехдневную парламентскую дискуссию, утвердило правительственный законопроект большинством в 306 голосов; против него голосовало всего 45 депутатов, в том числе 31 депутат-социалист¹⁵. Нарушение права железнодорожников на забастовку обрело силу закона. Еще важнее для дальнейшего хода событий было то, что руководимый реформистами Центральный секретариат сопротивления, вопреки данным в свое время обещаниям, отверг теперь предложение о включении в борьбу других отрядов трудящихся. Решение секретариата об отказе объявить всеобщую забастовку солидарности было немедленно опубликовано в печати, что не могло не действовать парализующе на массы трудящихся, готовых вступить в бой, и на самих бастующих¹⁶.

Трудностями, слабостями движения воспользовались правящие круги, твердо продолжавшие намеченную линию. Не останавливаясь перед использованием вооруженной силы (даже расстрел демонстрантов в Фодже был оправдан «необходимостью обороняться от агрессии толпы»)¹⁷, правительство, лично премьер-министр прибегли к обходным маневрам. Так, стремясь не допустить остановки городского транспорта, Фортис, обращаясь к префекту Неаполя, советовал ему пойти на уступки водителям трамваев¹⁸⁻²⁰. Однако решающая ставка заключалась в другом: рассчитывая на готовность к компромиссу реформистских лидеров, правительство не отказывалось от обещаний и даже известных конкретных уступок, дабы сохранить главное.

Делегация социалистических лидеров, в которой преобладали реформисты, была принята премьер-министром. Потребовав прекращения забастовки, Фортис обещал в таком случае не принимать репрессивных мер в отношении ее участников и согласиться на переговоры с представителями организаций

¹³ ACS, fondo cit., 1905 (18.IV), v. 9.

¹⁴ *Guerrini L.* Op. cit., v. 1, p. 220.

¹⁵ «Avanti!», 19.IV 1905.

¹⁶ ACS, fondo cit., 1905 (18.IV, 19.IV), v. 20; 1905 (18.IV, 19.IV), v. 9.

¹⁷ *Guerrini L.* Op. cit., v. 1, p. 222.

¹⁸⁻²⁰ ACS, fondo cit., 1905 (18.IV), v. 9.

железнодорожников. Расчет оказался правильным: руководители движения (так называемый агитационный комитет) в специальном коммюнике объявили о «немедленном прекращении забастовки», возложив при этом ответственность за неудачный ее исход на Секретариат сопротивления, который «воспрепятствовал всеми средствами организациям рабочих проявить солидарность в отношении железнодорожников, хотя многие из них уже выражали на то свою готовность»²¹.

Наступил конец забастовке; знаменательно, однако, что и после решения о прекращении борьбы бастующие продолжали в разных формах боевое сопротивление, так, например, в Форли они вообще отказались от прекращения стачки, во Флоренции и Пизе согласие на прекращение забастовки сопровождалось требованием восстановления на работе железнодорожников, не имеющих большого стажа или приехавших из других мест; наконец, в Неаполе состоялся 5-тысячный митинг протеста против унижительной процедуры восстановления забастовщиков на работе²². Каков же был конечный исход, каковы были уроки этого значительного классового боя? Исход не соответствовал ожиданиям тех, кто столь мужественно поднялся на борьбу. Правда, железнодорожникам удалось все же добиться некоторых материальных уступок и вынудить правительство, обойдя вновь принятый закон, отказаться от репрессий против участников забастовки, однако непреходящее значение апрельской забастовки заключалось в другом: рабочее движение обрело дорогой ценой новый, хотя и противоречивый опыт. Об этом говорили непосредственные и более отдаленные последствия завершившегося классового столкновения. Дебаты, разгоревшиеся в рабочем движении после сентябрьских событий, теперь возобновились с еще большей остротой. Огонь направлялся, пожалуй, сильнее всего против реформистов, чья позиция, глубоко возмущившая непосредственных участников забастовки, вызвала теперь решительный протест как синдикалистских лидеров, так и многих местных социалистических и профессиональных организаций. Социалистические газеты в большинстве своем осуждали поведение социалистической фракции парламента, а категорическое требование миланской и пармской палат труда, поддержанное резкой критикой со стороны целого ряда профсоюзных организаций, вынудило руководство Секретариата сопротивления подать в отставку. В новый состав его руководства вошли сторонники синдикалистского течения.

Но и реформисты не складывали оружия. Со своей стороны они, как и прежде, в сентябре 1904 г. подвергали резкой критике синдикалистское течение, применявшуюся им тактику, упо-

²¹ Текст коммюнике приводится Л. Гуеррини: *Guerrini L. Op. cit., v. 1, p. 222—223.*

²² ACS, fondo cit., 1905 (21.IV), v. 9.

вания на «магическую силу» всеобщей стачки. Сама по себе эта критика, не освобождавшая реформистов от их собственной ответственности, была по-прежнему в значительной мере заслуженна: делая ставку на «прямое действие», синдикалисты не только не позаботились о подготовке забастовки, но и позже уклонились от сколько-нибудь последовательного руководства движением. Как и в сентябре, расширение фронта бастующих было в решающей степени результатом стихийной инициативы самих «низов». Более того, присущее синдикалистам сектантство подрывало спонтанную солидарность, проявлявшуюся различными слоями населения, тем самым синдикалисты объективно содействовали изоляции бастующих, чего как раз и добивалась яростная кампания враждебных пролетариату сил. Не управляя движением, они предоставили свободу действий реформистам, поспешившим положить конец забастовке²³. Таким образом задача правительства Фортиса была облегчена.

В последующие затем месяцы накал классовой борьбы не ослаб. Забастовки следовали одна за другой: еще в мае 1905 г. прошла во Флоренции забастовка газовщиков, два месяца спустя забастовали пекари в Мачерате, свыше 1300 портовиков в Катании, а в августе — большинство рабочих шелкопрядильных предприятий Анконы; продолжались стачки, начатые задолго до этого на ряде предприятий Виченцы, стойко держались бастовавшие работницы крупной хлопчатобумажной фабрики Венеции²⁴.

Таков далеко не полный перечень выступлений рабочих, отстаивавших свои права, выступлений, предшествовавших крупным столкновениям, жертвами которых в августе того же года снова оказались крестьяне Юга. В деревне Тауризано (провинция Лечче) полиция открыла огонь по демонстрации крестьян, протестовавших против введения нового налога; было убито четыре человека, многие демонстранты были ранены²⁵. В те же дни зверская расправа была учинена над крестьянами сицилийского местечка Гранмикеле (провинция Катании), чью «ужасающую нищету» вынужден был констатировать (вторя апулийскому коллеге) даже заместитель местного префекта²⁶. Ужасающая нищета была первопричиной возбуждения, охватившего население. В день, когда произошло кровопролитие, покидали родные места обреченные на эмиграцию крестьяне; сотни людей прово-

²³ «Avanti!». 10.V 1905; *Guerrini L.* Op. cit., p. 229. В донесении царского посла Муравьева указывалось, что благополучный и скорый, по его мнению, исход забастовки зависел, в частности, от «недостаточной поддержки социалистов и республиканцев, считавших стачку несвоевременной, и от отсутствия согласия даже среди вожаков...» (АВПР, ф. Канцелярия 1905., оп. 470, д. 105, лл. 168—169).

²⁴ ACS, fondo cit., 1905 (12.V, 27.VII, 6—7.VIII), v. 11, 38, 39, 40.

²⁵ *Trevisani G.* Storia del movimento operaio italiano, v. 3. Milano, 1965, p. 76.

²⁶ ACS, fondo cit. 1905 (16—17.VIII), v. 41, 42.

дили их до местного вокзала, а затем присоединились к массовой демонстрации, завершившейся митингом. Горячие речи ораторов прерывались возгласами: «Долой злоупотребления и насилие! Долой муниципалитет! Да здравствует социализм!» По окончании митинга возбужденная толпа, протестуя против антинародной политики властей, против непосильного налогового гнета, атаковала здание муниципалитета. Она была встречена беспощадным огнем: убито 14 человек, ранено — свыше 100; среди жертв были женщины и дети²⁷. Эти события вызвали в стране взволнованный отклик, выразившийся в многочисленных собраниях, митингах, демонстрациях протеста. Наиболее крупные манифестации состоялись в Катании, Неаполе, Риме, Милане, Анконе, Брешии; они состоялись вопреки угрозам, арестам, запретам властей. Однако и в эти драматические дни речь шла преимущественно о стихийных разобщенных выступлениях, не слившихся в управляемый единый поток. Выдвинутые рядом местных социалистических секций и палат труда предложения о проведении общенациональной забастовки протеста не были подхвачены другими организациями, а тем паче руководящими центрами. Не поддержали их, в частности, ни Палата труда Болоньи, ни даже миланская Палата труда, в которой преобладающим было влияние синдикалистов²⁸. Не исключено, что наряду с причинами, и до этого сковывавшими революционное движение, на решениях тех или иных руководителей начало сказываться влияние отрицательного исхода предыдущих забастовок, неверие в успех, усталость от бесперспективных боев. В то же время не ослабевал напор «снизу»; все решительнее были требования, которыми рядовые члены социалистической партии побуждали руководство противодействовать преступным полицейским расправам; глашатаем их была в те дни газета «Аванти!»²⁹.

В мае 1906 г. ареной крупных классовых столкновений стал Турин. На фоне промышленного подъема с начала года рабочие машиностроительных и автомобильных предприятий этого важнейшего индустриального центра явились застрельщиками борьбы за 10-часовой рабочий день, за пересмотр трудового регламента и в то же время за признание предпринимателями права рабочих на создание самочинно возникавших «внутренних комиссий», а также права на празднование 1 Мая.

В марте 1906 г. рабочие автомобильной промышленности добились значительного успеха: предприниматели оказались вынуждены согласиться на 10-часовой рабочий день и на решение

²⁷ «Avanti!», 18.VIII 1905; ACS, fondo cit., 1905 (17.VIII), v. 42; АВПР, ф. Канцелярия, 1905, оп. 470, д. 105, лл. 259—260; *Trevisani G.* Op. cit., v. 3, p. 76.

²⁸ «Avanti!», 19—22.VIII 1905; «Il Tempo», 28.VIII 1905; ACS, fondo cit., 1905 (26.VIII), v. 42.

²⁹ «Avanti!», 24—26.VIII, 3.IX 1905.

спорных вопросов с участием избранных рабочими представителей. Вслед за тем в результате 12-дневной забастовки, неожиданно вспыхнувшей на ряде автомобильных заводов, была одержана новая победа: бастующие добились повышения заработной платы и признания «внутренних комиссий». Успех, достигнутый рабочими автомобильной промышленности, воодушевил весь туринский пролетариат. В бой за 10-часовой рабочий день вступили и труженики старейшей отрасли промышленности — текстильной, большинство которых составляли женщины. Забастовка, начавшаяся 3 мая, четыре дня спустя охватила уже все крупнейшие предприятия города: наряду с текстильными фабриками опустели машиностроительные и химические заводы, 7 мая число бастующих достигало 25 тыс. Толпы рабочих-текстильщиков и солидаризировавшихся с ними рабочих других отраслей бурными потоками наполняли туринские улицы. Вечером того же дня произошло кровавое столкновение с брошенными против бастующих силами полиции: было ранено восемь демонстрантов, один из них смертельно. Реакция трудового Турина, не знавшего еще столь жестокой расправы, была необычайно сильной. Палата труда немедленно объявила всеобщую забастовку; и забастовка началась, несмотря на капитуляцию части предпринимателей (хозяев хлопчатобумажных фабрик), согласившихся на 10-часовой рабочий день, несмотря на обещание префекта привлечь к уголовной ответственности лиц, виновных в расстреле рабочих. В последующие дни она действительно стала всеобщей, что подтверждали тревожные телеграммы префекта, сообщавшего о все большем ее размахе, о все новых предприятиях, где прекращалась работа. Остановились трамваи, закрылись пекарни³⁰. Туринская всеобщая забастовка против полицейских расправ носила теперь откровенно политический характер.

Так была она воспринята в стране: большинство городов Италии ответило на преступные действия властей выступлениями солидарности с рабочими Турина. Пламя забастовки разгорелось в Риме, Болонье, Ливорно, Форли, Анконе, Неаполе; в ряде городов опустели все заводы и фабрики, прекратилось движение, закрылись многие магазины. В столице произошли серьезные уличные стычки демонстрантов с полицией, послужившие поводом для многочисленных арестов.

Возбуждением была охвачена и палата депутатов, где на протяжении трех дней обсуждались туринские события. Социалистическая фракция, выражая — хотя и не вполне последовательно — волю борющихся масс, поставила вопрос о неотложном обсуждении проекта закона об ограждении рабочих от кровавых

³⁰ *Spriano P.* Socialismo e classe operaia a Torino dal 1892 al 1913. Torino, 1958, p. 156—165; «Avanti!», 10.V 1906; ACS, fondo cit., 1906 (7—10.V), v. 8; АВГР, ф. Канцелярия, 1906, оп. 470, д. 174, л. 33.

расправ. Предложение это, как уже отмечалось выше, было отвергнуто палатой большинством голосов, что послужило причиной отказа депутатов-социалистов от депутатского мандата³¹. Что же касается позиции правительства, то в дни бурных туринских событий Соннино обратился к тактике Джолитти: поначалу он попытался удержать «силы порядка» от вооруженного вмешательства в ход забастовочной борьбы, постфактум же, выступая в палате депутатов, оправдывал их кровавые действия³². Но, следуя тактике своего антагониста, он лишь поднимал его престиж в ущерб собственному. Все более слабея, правительство Соннино не выдержало новых испытаний, прежде всего на фронтах классовой борьбы.

Таковыми испытаниями явились новые стачки и крестьянские волнения на юге страны, новые расправы и ответные массовые выступления протеста во многих городах Италии. Первое сражение произошло в Сардинии, где против невыносимой дороговизны поднялось все население. Стихийные волнения вспыхивали повсеместно. «Бунту» сопутствовала стачечная борьба; ее начали 13 мая рабочие Кальяри, в последующие десять дней она охватила весь остров. Включившимся в нее рудокопам удалось добиться повышения на 25% заработной платы и сокращения рабочего дня — такова была единственная победа, одержанная в этой трудной десятидневной борьбе, и оплачена она была дорогой ценой, ибо было убито 20, ранено 100 человек³³. Почти одновременно крестьянские волнения разгорелись в местечке Калунера (в апулийской провинции Лечче) и в коммуне Бенестаре, близ Реджо-Калабрии. И снова «усмирение бунтующих» было достигнуто жестокими репрессиями³⁴.

1906 годом завершилась целая фаза классовой борьбы, обусловившей колебания, зигзаги в политике правящих кругов. Существенные сдвиги произошли и в социалистическом движении; состоявшийся в октябре 1906 г. Римский съезд закрепил их. В острой идейной борьбе обнаружилось изменившееся соотношение сил между разделявшими партию течениями. В отличие от сложившегося на Болонском съезде объединенного левоцентристских сил теперь возобладало поддержанное реформистами центристское («интегралистское»)³⁵ течение, во главе которого выступали реформист Моргари и «непримиримый» Ферри, осуществивший очередной политический поворот.

³¹ Спустя три недели они были вновь переизбраны. О забастовках см.: *Spirano P.* Op. cit., p. 166—168; «Avanti!», 11—13.V 1906; «Il Tempo», 11—13.V. 1906; ACS, fondo cit., 1906 (9—11.V), v. 8; Atti parlamentari, XXII legislatura, tornata, 8—11 maggio 1906.

³² Atti parlamentari, XXII legislatura, tornata del 9 maggio 1906.

³³ «Avanti!», 20.V 1906; «Il Tempo», 23.V 1906; *Trevisani G.* Op. cit., v. 3, p. 79. См. воспоминания участника сардинских боев, напечатанные: «L'Unità», 28.V 1970.

³⁴ *Trevisani G.* Op. cit., v. 3, p. 79; «Il Tempo», 26.V 1906.

³⁵ Integrale (итал.) — целостный, единый.

В полной изоляции оказались синдикалисты, резолюция которых была отвергнута. Подавляющее большинство делегатов (26 493 из 34 082) голосовало за предложенную «интегралистами» резолюцию. Сказались поражения в классовых боях.

На словах составители резолюции предлагали примирить противоборствующие тенденции (т. е. «примирить непримиримое»), на деле же в завуалированной форме они утверждали реформистскую платформу. С учетом распространенных в партии настроений провозглашались обобществление («социализация») средств производства в качестве конечной цели, классовая борьба как решающий метод действия; критике подвергались связывающее партию сотрудничество с «органами власти» и систематические союзы с «родственными» партиями. В то же время на первый план выдвигался «критерий градуального развития социализма в недрах буржуазного общества» и главной задачей партий объявлялось «развитие различных форм экономической организации» пролетариата. Но, пожалуй, важнее всего то, что острая резолюция было направлено на разоблачение синдикализма: решительно отвергалось «частое и чрезмерное обращение ко всеобщей забастовке», «призыв к насилию» и «превознесение прямого действия»³⁶. В результате, скрытый эклектическими формулами, несомненным оказался успех реформистов, укрепившийся в последующие годы. Не случайно процесс, обеспечивший вновь возобновившееся преобладание реформистской тенденции, совпал по времени с пребыванием у власти «долгого министерства» Джованни Джолитти.

На фоне менявшейся политической ситуации не может не удивить неистощимость революционной энергии итальянского пролетариата, тем более что проявлялась она во все осложнявшихся условиях, вопреки повторявшимся неудачам, усиливавшегося разброду в рабочем движении, а следовательно, вопреки естественно возникавшей неуверенности в успешном исходе ведущейся борьбы. Неистощимость революционной энергии рабочего класса проявилась и в другом, ярко выраженном сражении: таковым было с первых же дней 1905 г. движение протеста против злодеяний царизма, сочувствия, поддержки героической борьбы народов Российской империи, вписавших столь значительные страницы во всемирную историю. Это движение сливалось, переплеталось с социальными и политическими боями, о которых шла речь выше.

Не следуя строгой хронологии событий, мы выделили этот аспект многообразного революционного действия итальянского рабочего класса, итальянских народных масс в самостоятельный раздел данной главы. И не только потому, что необычайный размах движения солидарности с русской революцией сам по себе заслуживает особого внимания. Став действительно

³⁶ Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. 2. Milano, 1961, p. 73—76.

общенациональным, это движение охватило всю страну, в нем участвовали различные общественные слои и политические течения; решающую роль играли, однако, рабочий класс, трудящиеся массы, а побудительной политической силой его были социалисты. Мы выделили этот аспект революционного действия итальянского пролетариата также и потому, что освещение его (разумеется, в пределах, какие допускает данное исследование) проливает дополнительный свет на исторические условия, революционные традиции, оказавшие влияние и позднее на итальянское рабочее движение. Глубина и многообразие того отклика, который русская революция вызвала в итальянском обществе, не были, естественно, случайностью; с самого начала века развертывавшиеся в России революционные события приковали к себе внимание итальянского общественного мнения, а порой оказывались в центре политической жизни. Так было в 1901 г., когда вспыхнувшие в Петербурге, Киеве, Москве студенческие волнения, поддержанные рабочим классом, вызвали в Италии волнующие манифестации солидарности. Так было два года спустя, когда вся трудовая Италия бурными выступлениями выразила протест против предполагавшегося приезда в Италию Николая II.

Сила воздействия на Италию свершавшихся в России событий зависела от восприимчивости итальянской общественной почвы, хотя, оговорим еще раз, проводя исторические параллели, констатируя известное сходство процессов, развивавшихся в этих столь различных странах, мы не уравниваем, не отождествляем их. Бесспорно, однако, что борьба русского народа против жестокого гнета и политического бесправия будила в итальянском народе «воспоминания и страсти», связанные и с эпохой Рисорджименто, и с разыгравшейся в конце века битвой против реакционного режима. Более того, она была созвучна и той борьбе, которую — в иных условиях — вели в первые годы XX столетия итальянский пролетариат, итальянские народные массы за расширение рамок социальной и политической демократии. Наконец, сопоставляя ход событий, учитывая реакцию итальянской социалистической партии, точнее ее лидеров, на революционный многообразный практический и теоретический опыт, которым русская революция обогатила международное рабочее движение, мы яснее выявляем уровень развития итальянского социализма, его объективные и субъективные пределы.

Весть о «кровавом воскресеньи», о расстреле у Зимнего дворца безоружной толпы потрясла итальянское общество. Волна протеста прокатилась по всей стране. Газеты всех политических направлений резко осуждали кровавую расправу и, не исключая официальной «Трибуна», выражали глубокое сочувствие жертвам царского террора. Выделялась при этом социалистическая печать, чьи оценки расширяли рамки и историческую значимость петербургских событий: она видела в них не только

«зловещий акт насилия», а «начало великой революции». Такова была оценка «Аванти!», к этому выводу приходил К. Тревес в «Критика социале». «Кровавая заря занимается на бесконечно мрачном небе царской империи, заря, которая, как некогда Французская революция, предвещает наступление новой эры», — писала «Авангардия социалиста», перефразируя знаменитую метафору Гете³⁷. Последующие месяцы вписали волнующие страницы в историю итало-русских революционных связей. Массовые митинги и демонстрации, поток резолюций муниципальных советов, общественных и политических организаций, запросы и энергичные выступления в парламенте, газетные полосы, освещавшие русские события, решительное требование освобождения из-под ареста Максима Горького — таковы были различные формы развернувшегося в Италии движения³⁸.

Все эти манифестации находили весьма широкий общественный отклик. К почину социалистов присоединялись различные политические течения, его поддерживали видные политические деятели, известные ученые и писатели. Так, на многолюдном митинге в Милане, прошедшем в атмосфере необычайного подъема, наряду с Турати и Лабриолой выступил радикал Э. Т. Монета (участник национально-освободительной борьбы времен Рисорджименто). Подчеркивая международное значение борьбы русского народа, Лабриола указывал, что в «падении царизма заинтересована вся живая и мыслящая Европа». В Турине митинг, организованный социалистической секцией Палатой труда, собрал огромную толпу народа, заполнившую и близлежащие улицы. Бурными аплодисментами были встречены выступления писателя Э. Де Амичиса и ученого Ч. Ломброзо. По окончании митинга массовая демонстрация прошла по улицам города; ее рассеяла полиция. Были проведены многочисленные аресты. Суровые полицейские меры были приняты в Риме против манифестации, в которой наряду с социалистами, республиканцами и радикалами принимали участие также либералы. Демонстрация, собиравшаяся проследовать до здания посольства царской России, была разогнана полицией. Многолюдным был митинг во Флоренции; волнующая манифестация состоялась в Неаполе, у здания муниципалитета, где на специально созванном заседании совета, после речей мэра и советника, социалиста Гуарино, была принята резолюция протеста против январского расстрела в Петербурге, в которой содержалось требование о разрыве дипломатических отношений с самодержавной Россией. «...Рожденная революцией Италия, — говорилось в

³⁷ «Avanti!», 22.I—26.I 1905; «Critica Sociale», 1905, 1 febbraio; «Avanguardia Socialista», 28.I 1905.

³⁸ Впервые эта тема — влияние русской революции на Италию — была освещена в работе Г. Манакорды «Отклики в Италии на первую русскую революцию» в книге «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. II (М., 1956).

резолуции, — не может без стыда оставлять своих представителей при монархе, который доверяет свою защиту варварским казачьим шайкам, убивающим женщин и детей». Резолюции протеста были приняты муниципальными советами Феррары, Модены, Пизы и многих других городов. Волнения охватили университеты: особенно бурные студенческие демонстрации происходили в Риме, Неаполе, Палермо, Падуе.

Наконец, повсюду в стране начался сбор средств в фонд помощи русским революционерам. Социалистические газеты печатали длинные списки организаций и отдельных лиц, внесших в этот фонд свою лепту³⁹.

Реакция масс на события в России отозвалась в палате депутатов. Выступивший с горячей речью республиканец Мирабелли предложил «заклеймить самодержца-убийцу» и обратиться с приветствием к «русскому народу, борющемуся за свободу». Речь его была встречена столь единодушным одобрением депутатов, что присутствовавшие в палате министры и председатель ее не решились ни прервать оратора, ни возразить ему⁴⁰.

Двойственная, нерешительная позиция, которую заняло в те первые дни правительство, еще возглавлявшееся в то время Джолитти (впрочем, от нее существенно не отличалась позиция последовавших затем кабинетов), объяснялась двойственностью, противоречивостью положения самого правительства: оно не хотело осложнять и без того нелегкую внутриполитическую обстановку, бросая вызов общественному мнению; с другой же стороны, оно не желало и внешнеполитических осложнений. Поэтому после первоначального «бездействия» (на которое сетовал царский дипломат Урусов⁴¹) правительство приняло меры к недопущению уличных манифестаций; демонстранты стали подвергаться арестам, начались процессы; одновременно оно постаралось заверить официальные круги Петербурга, что «итальянское правительство полно решимости сделать все от него зависящее, чтобы содействовать развитию самых дружеских отношений с правительством России»⁴².

Эту решимость и должен был, в частности, засвидетельствовать министр иностранных дел на последовавших вскоре заседаниях парламента. Дважды, хотя и в разной форме, он отклонил в палате обращенные к нему запросы. В первом случае испрашивалось его согласие передать в Петербург подписанную

³⁹ «Avanti!», 24—30.I, 1—5.II 1905; «Avanguardia Socialista», 28.I, 1—5.II 1905; «La Propaganda», 28—29.I; 4—5.II 1905; АВПР, ф. Канцелярия, 1905, оп. 470, д. 105, лл. 100—105.

⁴⁰ «Avanti!», 24.I 1905; АВПР, ф. Канцелярия, 1905, оп. 470, д. 105, лл. 352—353.

⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1905, оп. 470, д. 105, лл. 352—353. Выступление Мирабелли в донесении Урусова квалифицировалось как «возмутительная выходка».

⁴² Там же, д. 67, л. 6.

многими депутатами резолюцию с требованием об освобождении Максима Горького. Титтони отказался выполнить эту миссию, ссылаясь на «международные нормы и обычаи». Он попытался, однако, смягчить впечатление от отказа, воздав должное таланту одного из самых «выдающихся писателей России» и «благородным чувствам», продиктовавшим эту инициативу. В другом же случае речь шла о запросе депутатов-социалистов (его внесли в палату Турати и Биссолати), не считает ли министр иностранных дел своей обязанностью выразить царскому правительству «чувства глубокого возмущения и ужаса», которыми охвачена Италия. Титтони отказался отвечать на запрос, вызвав протест в палате депутатов⁴³. Намеченную правительством линию легче удалось провести в сенате. Здесь, отвечая на критику справа, которой подверглась официальная пресса за недружелюбные оценки политики царской России в момент обострения итало-австрийских отношений, Титтони осудил «манифестации, превзошедшие всякие меры и границы»⁴⁴. Примечательно, что по указанию самого Титтони итальянский посол в Петербурге Мелегари поспешил препроводить Ламздорфу выдержку из выступления министра в сенате, в которой содержалось решительное осуждение «прискорбных манифестаций»⁴⁵.

Эти политические декларации были рассчитаны не только на большинство сенаторов, но прежде всего на царское правительство, чье недовольство и недоверие они призваны были ослабить, рассеять. Однако это оказалось отнюдь не легкой задачей: и в дальнейшем итальянский народ неизменно реагировал — в разных формах и с разной силой — на героические и трагические события, в совокупности составившие летопись революции. Не случайными были символические совпадения, подсказывавшие (в зависимости от политических взглядов и нравственных принципов) отнюдь не однозначные выводы. Так, когда в августе 1905 г. в Гранмикеле лилась кровь безоружных крестьян, замещавший посла Крупенский писал в Петербург: «Кровавое столкновение войск с сицилийскими мятежниками... вызвавшее взволнованный отклик в стране, произошло как раз вовремя, чтобы доказать итальянцам и их прессе, что — увы — приходится иногда прибегать к вооруженной силе, дабы восстановить порядок»⁴⁶. Однако вывод итальянского народа был иным, нежели тот, к которому пришел царский дипломат. А пресса не только продолжала уделять неослабное внимание развитию революции в России, но в основном придерживалась прежнего тона, даже официозная «Трибуна», которой, видимо, легче было выразить возмущение по поводу расстрела русских рабочих, чем по

⁴³ Atti del Parlamento Italiano. Camera dei Deputati. Sessione 1904—1905. Discussioni, p. 724.

⁴⁴ АВГР, ф. Канцелярия, 1905, оп. 470, д. 105, лл. 101—104.

⁴⁵ Там же, д. 67, лл. 7—8.

⁴⁶ Там же, д. 105, л. 267.

поводу произвола властей, жертвами которого были итальянские рабочие и крестьяне.

Под крупными заголовками, временами ежедневно и на первых страницах, газеты (разумеется, прежде всего социалистические) сообщали о происходивших в России событиях; о подъеме стачечной волны и крестьянских волнениях, о жестоких репрессиях и военных поражениях на фронтах русско-японской войны, о восстании броненосца «Потемкин» и портсмутском мире, о новом подъеме революции. А с осени итальянские народные массы были снова захвачены стремительным развитием русских революционных событий.

Революция вступила в новую, высшую фазу. «Барометр показывает бурю! — Так заявляют сегодняшние заграничные газеты, приводя телеграфные известия о могучем росте *всероссийской политической стачки*, — писал Ленин из Женевы. — И не только барометр показывает бурю, но все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска». Из «женевского далека» Ленин с присущим ему поразительным даром все глубже проникал в суть явлений, которые порождала революция, представлявшая одну из «величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество...»⁴⁷. «Революции — локомотивы истории, — напоминал он слова Маркса. — ...Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции»⁴⁸.

И Ленин учился сам у революции и учил рабочий класс направлять, руководить этой народной массой, делавшей «героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач...»⁴⁹. Поэтому, писал он уже в России в ходе самой революции, «надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелесть наш демократический и социалистический идеал...»⁵⁰

Охватывая мыслью то новое, что несла с собой эта революция, Ленин определял ее своеобразный буржуазный, но в то же время народный, демократический характер; в ней противоречия между трудом и капиталом, по остроте и силе соответствовавшие зрелому буржуазному обществу, переплетались с социальными противоречиями, присущими более ранней исторической эпохе — эпохе антифеодальных антиабсолютистских переворотов. Отсюда соединение двух «социальных войн», отсюда и иная

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 1.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 103.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 103.

роль рабочего класса в революции, призванного теперь стать в ней гегемоном.

Так, в бурном течении революционных событий ленинская мысль довершала работу, далеко продвинувшуюся еще в преддверии революции. Определялась стратегия и тактика революционной социал-демократии, которая, будучи поддержана и окончательно принята партней на III съезде РСДРП в апреле 1905 г., намечала генеральную линию развития борьбы. И борьба — мужественная и решительная — велась не только непосредственно на полях сражений против явных и скрытых врагов революции, но и в собственном лагере, против меньшевиков-«новоискровцев», против их концепции революции как буржуазной революции и вытекавшего из нее непонимания ведущей роли рабочего класса, недооценки его революционной активности, инициативы, самосознания. Ленинской программе они противопоставляли так называемый «трезвый, реалистический», а по существу антиисторический подход к конкретной действительности, в силу чего считали возможным и необходимым фактическое соглашение с либеральной буржуазией, с кадетами, вместо всемерного расширения боевого союза с крестьянством. «Новоискровцы» делали ставку на осуществление умеренных реформ, создание парламентских институтов (они были готовы «взять всерьез» даже булыгинскую Думу — отмечал Ленин⁵¹) вместо ставки на вооруженное восстание и завоевание политической власти, т. е. утверждение революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства.

В Италию доходило, однако, лишь эхо разыгравшейся в России далекой битвы. Многое вовсе не становилось известным или доходило в извращенной интерпретации зарубежных и итальянских агентств и органов печати. Восприятие вестей из России отражало классовые позиции и уровень зрелости различных политических партий и течений. Это относилось и к социалистической партии, которая в силу существовавшего в ее рядах размежевания по-разному оценивала русские события, в лучшем случае проявляла скорее верное революционное чутье, чем теоретическую способность постигнуть суть сложных явлений.

Все же в том, что революция в России приобрела громадные исторические масштабы и что в ней выявлялось и нечто новое, в этом, пожалуй, сходились в ходе самих событий органы печати как «левореволюционного», так и реформистского направлений.

«Пролетариат Российской империи, — писала еще в сентябре миланская «Авангардия социалиста», — ведет борьбу грандиозного масштаба против гнета всемогущей, могущественной власти, борьбу, которую не довелось еще вести в истории ни одному об-

⁵¹ Там же, с. 345.

щественному классу и которая поставит его во главе рабочего движения всего мира»⁵². А в сентябре «Аванти!» под заголовками «Гигантская забастовка», «Русские рабочие вооружаются», «Революция победоносно наступает» подробно освещала ход всероссийской политической стачки⁵³.

В октябре вырванный всеобщей забастовкой манифест, обещающий гражданские свободы, вызвал сочувственный отклик в широких общественных кругах. Судя по донесению царского посла Муравьева, некоторые видные деятели решили, что «Россия отныне вступила на западноевропейский конституционный и парламентский путь»⁵⁴.

Различной была оценка царского манифеста социалистами. Левосоциалистическая «Авангардия социалиста», отдавая высокую дань всеобщей забастовке, в которой «пролетарии умственного труда и труда физического» объединились, чтобы общими усилиями «свергнуть феодальное иго абсолютизма», иронизировала по поводу «трезвых советов некоторых кротких реформистских душ с берегов Невы», полагавших, что «следует удовлетвориться Думой, т. е. реальным достижением, в то время как революция — всего лишь только слово». И газета добавляла: «Но русский народ не попал в ловушку: оружием революции он требует совсем иной реформы»⁵⁵. Со своей стороны, «Аванти!» подчеркивала, что царский манифест (по выражению газеты «конституция, продиктованная страхом») уже далеко превзойден революцией, которая движется к иным рубежам — к «социальной республике»⁵⁶.

«Мы присутствуем, возможно, не отдавая себе в этом отчета, при одном из самых значительных событий новой истории, — писала неаполитанская «Пропаганда». — Современный пролетариат, окрепший и достигший в капиталистической индустрии более высокого уровня организации, использовал наиболее искусные орудия борьбы, доказывая в одно и то же время их действительность и собственную силу. Будущая история Европы во многом зависит от исхода героических усилий русских пролетариев»⁵⁷.

Куда умереннее были оценки создавшегося положения журналом «Критика социале». В передовой статье ноябрьского номера журнал возвращался к вопросу, поставленному в свое время Тревесом: является ли 22 января бунтом или революцией⁵⁸. Вслед за Тревесом (видевшим в событиях «кровавого воскресенья» «исходный момент великой революции») «Критика социале» констатировала, что оказалось вполне достаточным не-

⁵² «Avanguardia socialista», 2.IX 1905.

⁵³ «Avanti!», 13, 14, 30.X 1905.

⁵⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1905, оп. 470, д. 105, лл. 292—294.

⁵⁵ «Avanguardia socialista», 28.X 1905.

⁵⁶ «Avanti!», 1, 4.XI 1905.

⁵⁷ «La Propaganda», 30—31.XII 1905.

⁵⁸ «Critica Sociale», 1.II 1905.

скольких месяцев, чтобы убедиться «в крушении отжившего мира и в начале новой исторической эпохи». Переходя затем к более конкретным вопросам, журнал ставил вопрос, который затруднялся решить, а именно: является ли дарованная царем конституция «окончательным завоеванием или обещанием, данным с целью обезоружить противника?» И, наконец, указывал, что «не разделяет оптимизма газет, утверждающих, что пути назад нет». «Критика социале» все же заявлял, что «брешь, открытую в будущее, закрыть уже не удастся». Тому порукой «новые черты этой революции»: быстрота, с которой выявилось преобладание в революции промышленного пролетариата, явившегося ее подлинной движущей силой, решающий метод, им примененный, т. е. всеобщая забастовка⁵⁹. Вслед за тем, логике вопреки, следовал вывод: никогда еще столь очевидно, как в русской революции, не проявлялось «торжество марксистской концепции эволюции» (!), окончательное крушение «баррикадной романтики»⁶⁰.

В конце 1905 г. вести о событиях в России снова взволновали итальянский народ. Газеты подробно сообщали о восстаниях в Кронштадте и Севастополе, о героическом декабрьском восстании в Москве, затем появились известия о поражении восставших, о разгуле черносотенной реакции, о расстрелах и карательных экспедициях, об антисемитских погромах. Огромное возбуждение вновь охватило широкие общественные круги.

Возобновились массовые уличные манифестации, многочисленные митинги, размах которых был еще значительно выше прежнего; организованные социалистами, они происходили в декабре в Риме, Милане, Турине с участием видных представителей итальянской интеллигенции. Как и прежде, к движению протеста против кровавых расправ царских властей примыкали и такие социальные и политические силы, которые резко расходились с рабочим классом, с социалистической партией. Показательно в этом смысле воззвание к деятелям итальянской культуры, составленное по инициативе князя Одескальки. Его подписали наряду с видными представителями левых партий, Барцилли и Турати, также лидеры консервативного и либерального лагеря Пеллу, Соннино, Саландра и др. «Взволнованная Италия, — говорилось в воззвании, — присоединяет свой голос ко всеобщему протесту против смертоубийств, которыми запятнала себя Российская империя... Из Рима, отовсюду в Италии доносятся протесты против посягательства на священную неприкосновенность жизни, против нарушения права свободно думать и верить, против убийств, вызванных слепым изуверством и варварскими предрассудками...» Комментируя это воззвание, царский посол Муравьев признавал: «...симпатии значительной части итальянского общества и

⁵⁹ «Critica Sociale», 1.XI 1905.

⁶⁰ Ibidem.

большинства здешних «интеллигентов» всецело на стороне нашего так называемого «освободительного» движения...»⁶¹. К такому выводу он приходил не раз и в 1906 г.⁶²

И действительно, в 1906 г., когда над революцией нависла опасность, сочувствие широких общественных слоев к борьбе русского народа еще усилилось. В тот период борьба в России была далеко не окончена: еще происходили могучие взрывы революционной энергии масс — волнения в деревне, в армии, на флоте. Но все решительнее наступала реакция, российская и международная. Военно-полевые суды, расстрелы и экзекуции, переполненные тюрьмы и измученный голодом пролетариат — таково было положение в стране⁶³. Под ударом, чем дальше, тем сильнее, оказывались и «конституционные» учреждения, завоеванные борьбой народа. Была распущена I Дума. Но и II Дума была недолговечной: ее разогнали в июне 1907 г., а социал-демократическую фракцию арестовали. Наступил период жестокого террора, революция была побеждена⁶⁴.

Еще в январе 1906 г. итальянские социалисты с энтузиазмом откликнулись на призыв Международного социалистического бюро: в стране была повсюду отмечена годовщина «кровавого воскресенья». В Риме у Колизея на митинге «солидарности с революционной Россией» собралось несколько тысяч человек; последовавшая затем демонстрация была разогнана полицией: завязались кровавые столкновения, длившиеся несколько часов. Аресты участников демонстраций были произведены также в Турине и Неаполе⁶⁵.

Большую тревогу вызвали распространившиеся летом 1906 г. слухи об угрозе вооруженной интервенции центральных держав в Россию с целью подавления революции. Еще в 1905 г., при первых симптомах, указывавших на возможность подобной акции европейской контрреволюции, Ленин обратился к Международному социалистическому бюро с предложением призвать рабочих всех стран предотвратить эту опасность. Теперь он выражал уверенность, что у русской революции есть «могучий международный революционный резерв: социалистический пролетариат Европы...»⁶⁶ Что же касается итальянского пролетариата, то еще

⁶¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1905, оп. 470, д. 105, лл. 311—312, 320—321.

⁶² Там же. 1906, оп. 470, д. 120, л. 382, 406.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 175.

⁶⁴ Освещение реакции итальянского рабочего движения на революционные события в России трудно ограничить хронологическими рамками данного исследования, в пределах которых русская революция еще далеко не исчерпала себя. Изложение (пусть краткое, суммарное) дальнейшего хода событий позволит яснее выявить суть непосредственной реакции итальянского пролетариата на революционные события в России, как и попыток их осмысления в рядах социалистической партии.

⁶⁵ «Avanti!», 23, 24.I 1906; АВПР, ф. Канцелярия, 1906, оп. 470, д. 119, т. 1, лл. 2—6.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 328—331; т. 13, с. 303.

в ноябре 1905 г. Миланская социалистическая федерация приняла резолюцию, предлагавшую в случае интервенции германского империализма противопоставить ей «вмешательство международных социалистических сил в пользу русской революции». В августе 1906 г. Миланская федерация повторила свой призыв. В обоих случаях принятые резолюции были переданы Международному социалистическому бюро⁶⁷. Призыв миланцев был подхвачен участниками митингов и собраний, где одновременно выражался и решительный протест против оказания Италией финансовой поддержки царизму. В этих митингах и манифестациях участвовали русские студенты и часто выступали русские революционеры-эмигранты, обосновавшиеся в Италии, в числе которых особое недовольство царского посольства вызывала А. Балабанова⁶⁸. Официальные переговоры относительно частичного размещения займа в Италии оказались безуспешными: с итальянской стороны, было заявлено, что правительство вынуждено считаться с неблагоприятными финансовыми обстоятельствами, с требованиями капиталовложений в собственную страну, да и опасается «упреков и агитации в парламенте»⁶⁹. К перечисленным фактам, дающим самое общее представление о движении солидарности с Россией, развернувшимся в 1906 г., добавим еще следующие: печать повела кампанию в защиту политических заключенных, томившихся в царских тюрьмах, в особенности в защиту Марии Спиридоновой. Эта кампания усилилась, когда корреспондент газеты «Трибуна» Гвидо Пардо сообщил из Петербурга об аресте итальянского студента Джузеппе Каффи, уже несколько месяцев содержавшегося в заключении. В палату депутатов представителями «крайней левой» Турати и Барццеллай был внесен запрос, требующий принятия мер к его освобождению⁷⁰. Под давлением итальянского общественного мнения (и по совету царского посла Муравьева) Каффи был освобожден.

Сильный отклик вызвал в Италии роспуск I Думы. Горячее сочувствие членам распушенной Думы выражала печать, резолюции и воззвания протеста принимались на многотысячных собраниях и митингах, из которых наиболее значительный состоялся

⁶⁷ «Avanti!», 3—8.IX 1905; «Avanguardia socialista», 4.IX 1905; Istituto G. G. Feltrinelli. Archivio Internazionale II, fondo Huysmans, fasc. Ferri 1900—1910.

⁶⁸ В письме, адресованном Гюйсмансу и, по-видимому, относящемся к концу 1905 г., А. Балабанова указывала: «Я чрезвычайно занята сейчас, ибо поговаривают о возможности предоставления Италией займа (России)... Ежевечерне выступаю с докладами» (Istituto G. G. Feltrinelli. Archivio Internazionale II, fondo Huysmans, fasc. Balabanoff, 1905—1910).

⁶⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1906, оп. 470, д. 174, лл. 21—22.

⁷⁰ «La Propaganda», 28, 29.IV, 12, 13.V 1906; «Il Tempo», 19.IV—27.VI 1906. По сведениям, полученным Муравьевым из Петербургской канцелярии, Каффи был арестован «на собрании выборщиков городского ремесленного района петербургской организации российской социал-демократической партии» (АВПР, ф. Канцелярия, 1906, оп. 470, д. 119, т. II, лл. 21—22).

в Милане; он собрал до 1300 человек; в нем участвовали не только социалисты и республиканцы, но и радикалы (Сакки, Ромуси).

Наконец, новый импульс движению солидарности с русским народом дал приезд в Италию в октябре 1906 г. Максима Горького, восторженно встреченного итальянским народом, для которого он стал «живым символом русской революции».

Последним — в эти годы — ярким проявлением сочувствия к борющемуся русскому народу были манифестации 23—24 января 1907 г. в память о жертвах «кровавого воскресенья» и в ознаменование начала первой русской революции. За ними последовал в дальнейшем протест социалистов в палате депутатов против разгона II Думы и ареста социал-демократической фракции⁷¹. Итак, июнь 1907 г. стал конечным рубежом движения солидарности с революцией, потрясшей царскую империю.

Но вернемся к представлениям о русской революции, сложившимся в рядах итальянской социалистической партии. Обогатились ли эти представления в период, последовавший за всеобщей политической стачкой, когда еще не раз — как во время декабрьского восстания — российский пролетариат, народные массы России проявили неукротимую революционную энергию? Осознали ли те, кто в Италии стоял во главе борьбы масс, содержание первой русской революции? Еще на первом ее этапе сторонники синдикалистского и реформистского течений итальянского социализма стали постепенно отходить от традиционной схемы, отказываться от прямого уподобления, более того, отождествления русской революции с революциями XVIII—XIX вв. И те и другие не могли не учитывать то новое, что вносила в историю эта первая революция XX в., не учитывать прежде всего решающего участия в ней рабочего класса. Вопрос о характере, движущих силах, целях русской революции стал привлекать к себе все более пристальное внимание итальянских социалистов — социалистических лидеров, основных органов печати; в длительной полемике то сходились, то вновь расходились оценки, определения. Принципиальное отличие русской революции от революций прошлого стало признанным положением, и обосновывалось оно той ролью, какую играл в ней рабочий класс.

В то же время, уловив важную, определяющую черту русской революции, сформулировав в общем правильное положение, синдикалисты и реформисты не смогли последовательно развить его. Противоречивыми, сбивчивыми были в 1905 г. их представления о характере и целях революции, о роли, которую выполнял в ней рабочий класс.

Противоречивыми, путаными остались эти представления и в дальнейшем, и чем дальше, тем резче выявлялись расхожде-

⁷¹ «Avanti!», 24—26.I, 18.VI 1907; «Il Tempo», 17.VI 1907.

ния в оценках между сторонниками различных течений. Вразрез с прежними более уклончивыми и гибкими формулировками реформисты подчеркивали теперь буржуазный характер и цели революции; признание направляющей роли рабочего класса (подчас встречающееся в тех или иных статьях) не шло, однако, дальше весьма общей констатации фактов, к тому же произвольно интерпретируемых. Так, в январе 1906 г. в «Критика социале» указывалось, что «рабочий класс России, стоящий вместе с интеллигенцией в авангарде движения... не работает еще непосредственно для себя и... проливает свою кровь, чтобы поднять к власти другие классы»⁷². Тем самым разрывалась связь между борьбой рабочего класса за демократию и борьбой за социализм. Позже, отмечая с горечью, что на защиту распушенной Думы не встала «вся нация от Балтийского до Черного моря», журнал дал пессимистическую оценку сил революции: «Русский народ пока отсутствует..., — указывала «Критика социале», — ...крестьяне — единственная великая сила, которая может оказать действительное сопротивление громадной военной мощи, — все еще слабо представляют себе свою историческую роль...» Пессимистически оценивались теперь и перспективы борьбы героического «меньшинства», т. е. рабочих и интеллигенции. «Сколько еще предстоит ждать, пока дружно поднимется вся Россия...»⁷³, — заключал журнал.

Исходя из представления о буржуазном характере революции, реформисты склонны были переоценить роль русской буржуазии и ее партий (к этому их в немалой степени побуждало отношение к «собственной», итальянской буржуазии, с которой они, как известно, искали контакта, соглашения). Реформистская «Темпо», к примеру, нашла даже нужным... превозносить Милюкова и партию конституционных демократов. По мнению газеты, хотя эта партия, «возможно, допустила какие-либо ошибки, тем не менее в силу своей промежуточной позиции, лояльности своих намерений и новизны применяемых ею методов она заслуживает, чтобы ее оценили по справедливости»⁷⁴.

Иной концепции придерживались сторонники левого крыла социалистической партии и соответственно их органы печати. Как и прежде, «Аванти!» выражала в основном мнение синдикалистов. Все определеннее признавая особую, побудительную роль рабочего класса в движении, газета шла еще дальше в оценке характера и целей революции. С конца октября 1905 г. информация о событиях в России печаталась в газете под заголовком: «Социалистическая революция». После декабрьского восстания мы находим в ней следующие строки: «Рус-

⁷² «Critica Sociale», 1906, 16 gennaio.

⁷³ «Critica Sociale», 1906, 1 agosto, 16 settembre.

⁷⁴ «Il Tempo», 13.IX 1906.

ский пролетариат творит свою революцию» («речь идет о пролетариате,— пишет та же «Аванти!»,— который теперь ...стал более зрелым и лучше осознает свой долг и свои пролетарские цели»). И далее: «Революция теперь разворачивается шире, отходит от своего прежнего пути и поднимает свое собственное знамя»⁷⁵.

Однако тщетно стали бы мы искать в итальянской социалистической публицистике конкретизацию, а тем более — повторяем — теоретическое развитие сформулированных общих положений о содержании, характере революции или о руководящей роли в ней русского рабочего класса. Проблема гегемонии, в данных исторических условиях теснейшим образом связанная с проблемой отношения рабочего класса к демократии, а в плане социальном — к союзникам, прежде всего к крестьянству, ставилась при оценке русской революции обоими течениями либо в самой общей, отвлеченной форме, либо запутывалась. Так в позиции синдикалистов смешивались и сливались воедино «условия и задачи действительного демократического и сфантазированного социалистического переворота»⁷⁶.

Ни в ходе революции, ни впоследствии реформисты и синдикалисты не пытались сколько-нибудь серьезно осмыслить конкретный опыт теоретического и практического решения проблемы гегемонии русской революционной социал-демократии. Обращение к этому опыту привлекло бы их внимание к вопросу, чрезвычайно важному для судеб итальянского революционного движения, — к аграрному вопросу, столь остро вставшему в ходе русской революции. Между тем (это само по себе характерно) даже в период наибольшего размаха крестьянских выступлений итальянская социалистическая печать ограничивалась далеко не полной информацией, не уделяя этой теме специального внимания. Исключением (точнее, редким явлением) представляется появившаяся в левореволюционной «Дивенуре социале» статья П. Мантики, в которой развитие русской революции обуславливается скреплением союза рабочего класса с крестьянством. «Глубокие радикальные реформы,— пишет он,— произойдут в России только тогда, когда осуществится теснейший союз между рабочим классом и сельским классом против ожесточенного сопротивления капиталистов, латифундистов, землевладельцев-дворян». Предвидя промежуточный этап в историческом процессе перехода от капитализма к социализму («переход... не может быть реализован непосредственно, одним рывком»), автор указывал, что именно в России произойдет то, что еще не знала история: среди крестьян будут распределены земельные владения царской знати, монастырей, церкви, крупных земельных собственников. И нако-

⁷⁵ «Avanti!», 23.X 1905.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 284—285.

нец, возвращаясь к основной мысли, он заключал: «Будущее России — экономическое и политическое — зависит от рабочего движения, с которым объединилось крестьянское движение, не менее расположенное к восприятию социалистических воззрений»⁷⁷. Правилom была, однако, недооценка этой темы социалистической печатью, более того, реформистская «Критика социале» сводила по существу на нет участие крестьянских масс в революции.

Таким образом, подлинное историческое значение русской революции не было в ту пору понято в Италии даже передовыми силами итальянского народа. Не стал (да и не мог в ту пору стать) достоянием итальянского рабочего революционного движения богатейший теоретический и практический вклад русских революционеров, прежде всего Ленина, в развитие стратегии и тактики пролетариата. Сила воздействия русского 1905 года сказалась в другом: в утверждении передовой роли борющейся России, пример которой отныне воодушевлял и побуждал итальянские массы к действию, в обогащении присущих итальянскому народу традиций интернационализма, в упрочении революционных и общественных связей между народами обеих стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец XIX—начало XX в. — один из ключевых периодов в истории Италии. На протяжении сравнительно немногих лет произошли столь существенные перемены как в социально-экономическом, так и в политическом развитии страны, что мы вправе связывать их не только с прошлым, которое их подготовило и обусловило, но и с будущим, ближайшим и отдаленным. Два взаимосвязанных момента выступают при этом на первый план для современного исследователя; один — это тенденции, приобретающие в дальнейшем устойчивый и даже определяющий характер; другой — это исторический опыт, который войдет составной частью в последующую политическую борьбу, в конфликты идей и движение мысли, найдя в конечном счете наиболее полное свое выражение в проблеме: демократия и социализм.

Но даже та социальная и политическая среда, которой эта проблема была в то время наиболее близка, не осознавала ее в должной мере. Для этого прежде всего не созрели еще необходимые объективные условия.

Италия 90-х — начала 900-х годов оставалась относительно отсталой среди буржуазных государств Европы. Отсталостью страна расплачивалась за незавершенность революций эпохи Рисорджименто. Но эта унаследованная отсталость уже не действовала «в чистом виде». Она стала компонентом и условием своеобразного итальянского пути капиталистического развития. Не только на первых порах, но и позже (в известной мере вплоть до наших дней) процесс форсированной индустриализации страны совершался за счет «аграрного тыла», в особенности же полуколониального Юга, за счет хищнической эксплуатации и разорения широких народных масс, целые пласты которых насильственно оставлялись за порогом буржуазной цивилизации. Прежние диспропорции социально-экономического развития обострились. Общественный процесс в целом стал все более противоречивым.

Такой ценой Италии удалось почти одновременно с ведущими державами вступить в бурную империалистическую эпоху. Однако общие закономерности этого перехода преломились здесь весьма своеобразно. Буржуазия новой, современной формации, связанная с крупной промышленностью, стремилась применить утвердившиеся за пределами страны формы и методы индустриализации, экономической и территориальной экспансии. Она была обуреваема стремлением ввести Италию в число «великих дер-

жав». Но вместе с тем она наталкивалась на ограничения и преграды, создававшиеся, с одной стороны, узостью внутреннего рынка, бедностью естественных ресурсов, а с другой — характером того классового блока, который олицетворял собою структуру власти.

Незавершенность буржуазно-демократических преобразований эпохи Рисорджименто нашла, как известно, свое выражение и в политическом компромиссе между крупной буржуазией того времени (торговой, банковской, промышленной) и обуржуазившимися помещиками. В дальнейшем, к концу века, произошла передвижка сил. Латифундисты Юга, которые раньше были вне «индустриально-аграрного блока», теперь вошли в него, благодаря чему этот блок стал одновременно и более консервативным и менее устойчивым. В то же время прогрессивные перемены в политической надстройке становились необходимыми в результате взаимодействия многих факторов, в числе которых возрастание удельного веса буржуазии новой формации представляло собой один из наиболее важных.

Потребность этих капиталистических групп в обновлении структуры власти вызывалась не только уверенностью в собственной силе, но и потребностью в социальной устойчивости, в политическом и правовом обеспечении «нормальных условий» эксплуатации, в создании своего рода массовой базы для собственного господства. Однако сами по себе новые капиталистические группы не были в состоянии вызвать к жизни эти перемены. Компромисс оставался логически неизбежным принципом их поведения. Для них могла идти речь лишь об обновлении форм этого компромисса с учетом менявшегося в их пользу соотношения сил в «верхах» общества.

Но к этому времени общественная жизнь Италии стала все больше определяться принципиально новым фактором — классовым действием пролетариата. К концу века рабочий класс уже прошел сквозь трудную полосу самоопределения и в лице социалистической партии обрел организованный авангард. Это позволило ему в политических битвах 90-х годов XIX в. выйти за рамки корпоративных интересов и сыграть решающую роль в первом в истории объединенной Италии совместном наступлении демократических и леволиберальных сил против реакции.

Символично, что всеобщая генуэзская забастовка 1900 г. (непосредственный лозунг которой — защита Палаты труда — в ходе самой борьбы трудящихся наполнялся все более емким демократическим содержанием) явилась последним звеном в цепи крупных выступлений масс, завершившихся поражением реакционных режимов и установлением либеральной системы правления.

Достигнутый результат оказался двойственным. Факты показали, что без энергии масс невозможны были бы сколько-нибудь существенные перемены в политической надстройке итальянского общества. Вместе с тем проявившаяся на рубеже века неспособ-

ность масс, их руководителей самим реализовать результаты борьбы дала возможность наиболее политически гибким, прогрессивным силам правящего лагеря взять инициативу обновления в свои руки и определить его содержание и пределы.

Теперь мы знаем, что борьба за широкие демократические права и свободы в рамках уже объединенной Италии, за радикальное преобразование ее политической надстройки тогда еще только началась. Сдвиги, которыми ознаменовалась «джолиттианская эра», при всей их значительности не были и не могли быть прочными и долговременными. Более того, смена альтернативных фаз (реакция — либерализм), впервые обозначившаяся на рубеже столетий, стала своего рода закономерностью итальянской истории последующих десятилетий XX в. Разумеется, каждая из этих фаз имела особые исторические черты и отличия; они определялись изменениями в экономическом базисе общества, в соотношении классовых и политических сил, сдвигами, происходившими как в структуре пролетариата, так и в его сознании, определялись его дееспособностью и в качестве авангарда трудящейся массы и в качестве национальной силы. Нараставшую роль играли также изменения европейского и всемирного масштаба: интернационализация производительных сил и все большая связанность различных потоков революционной борьбы и общественного движения. Если в Италии, как и в других странах, общей тенденцией было становление и утверждение гегемонии пролетариата, то выражалась эта тенденция в разные исторические периоды с неодинаковой силой и отнюдь не прямолинейно. Достаточно сопоставить поражение рабочего класса в 20-х годах XX в. с той великой ролью, которую он сыграл в победе антифашистского Сопротивления.

Возвращаясь к началу века, следует выделить причины, которые в совокупности своей обусловили объем прогрессивных преобразований и непоследовательность, неустойчивость и в конечном счете кризис «либерального курса».

Упрочение основ государственно-политического строя предполагало частичное обновление его социальной базы. Эту задачу новые правящие круги стремились решить посредством гибкой политики уступок и компромиссов, обеспечением известных материальных льгот трудящимся и восстановлением, более того, расширением погрязших реакцией демократических свобод, в частности права трудящихся на организацию и свободу стачек. Такая политика призвана была обеспечить «социальное умиротворение»; речь шла даже о большем — о долговременном «сотрудничестве классов», т. е., согласно установкам Джолитти, о блоке между передовой предпринимательской буржуазией и промышленным пролетариатом развитого Севера, дабы создать эффективный противовес «отсталым, бунтарским» социальным силам города, в особенности же — деревни. Этот предполагаемый блок должен был подкрепляться политическим сотрудничеством

между прогрессивными либералами и социалистической партией, точнее, ее реформистским крылом. В сущности же речь шла о достижении конкретной цели: реальными уступками и демагогическими посулами Джолитти рассчитывал идейно обезоружить социалистическую партию, а главное — «приручить» рабочий класс, подчинить его гегемонии буржуазии. Эта цель была в известной степени достигнута, однако уже вскоре обнаружилось, что либеральная система не только бессильна предотвратить нарастание открытой классовой борьбы, но, в известном смысле, сама являлась катализатором ее (разумеется, речь шла при этом не просто о качествах и установках той или иной личности, стоявшей у руля правления: когда во главе правительства оказался С. Соннино, политически, как известно, расхоронившийся с Джолитти, результат был в сущности таким же).

Натиском социальных и политических боев 1901—1906 гг. было нарушено (хотя не окончательно) то относительное равновесие сил, которое, опираясь на своего рода симбиоз: либерализм — реформизм, должно было подкрепить слева социальную и политическую базу системы. Чем дальше, тем в большей мере опорой либерального правления становились консервативные (в частности, клерикальные) силы, что не могло не привести к дальнейшему поправлению политической ориентации правящего блока. Явно обозначившись уже в 1905—1906 гг., эта тенденция усилилась в годы «долгого министерства» Джолитти.

Таков был исторический фон, на котором разворачивалось итальянское рабочее, социалистическое движение. Оно впитывало в себя и перерабатывало по-своему как опыт других национальных отрядов европейского рабочего класса и партий, так и результаты развития социалистической мысли за пределами Италии. Оно не оставалось безразличным также к духовным и политическим процессам внутри страны, в том числе к зигзагам политики правящих кругов. Выдержав испытания «кровавого десятилетия» конца XIX в., в начале следующего итальянское рабочее движение вступило в новый этап: перед ним, перед его партией открылись новые возможности, но возникли также новые опасности. Бесспорно: итальянское рабочее движение обладало уже в ту пору значительными революционными потенциями и немалой силой реального действия. Пролетарский авангард становился — хотя и не стал еще в полной мере — центром притяжения разнородных движений, в том числе крестьянских масс, тяготевших к социальной справедливости и равенству. Их смутные, чаще всего утопические стремления были далеки от научного социализма, но они создавали благоприятную почву для деятельности социалистов среди крестьян, прежде всего Севера¹. Благодаря этому зарождались новые формы организации,

¹ Подтверждение тому мы находим в эпизоде, о котором рассказывается на страницах «Аванти!», помеченных октябрём 1904 г. После пропагандистского

новые методы действия, складывались традиции, оставившие глубокий след в истории итальянского рабочего движения. К числу этих традиций относится и интернационалистская солидарность, непосредственность, энергия отклика на революционные события, происходящие в других странах. С небывалым еще размахом и силой отзывались итальянские массы на героическую борьбу народов Российской империи против гнета самодержавия.

В то же время обнаружились и слабости рабочего движения, несоответствие между стихийной силой его и уровнем сознания масс, а также несоответствие между стихией действия и политическим руководством массами. Основная причина тому (коренившаяся, разумеется, и в объективных факторах) лежала в самой социалистической партии, расколотой на два течения, каждое из которых не было в состоянии выработать политическую линию, объединявшую готовые к борьбе широкие массы, а главное, указать им верный путь к цели. Проблема, выдвигавшаяся перед социалистами самой действительностью, заключалась в том, чтобы по-новому соотнести цель — социализм — с промежуточными фазами и переходными ступенями к ней. Конкретно речь шла прежде всего об осознании необходимости и возможности борьбы за расширение рамок демократии, притом не только политической, но и социальной. Между тем реформисты, резко отделяя демократический этап от этапа социалистического, соответственно этому определяли и роль рабочего класса; поскольку в первом, по их мнению, была непосредственно заинтересована буржуазия, то пролетариату отводилась в борьбе за демократию лишь подсобная роль; ведущей силой, в их представлении, он становился лишь в борьбе за следующий этап, за социалистическое преобразование общества. Более того, полагая, что им удастся воздействовать на либеральный курс, добиться желаемых реформ на базе верхушечных соглашений, реформисты на деле не только оказывались в роли «реформистов без реформ»², но и уступали руководство «трезвой, передовой» буржуазии, содействуя тем самым подчинению рабочего класса ее политическому и идейному руководству.

Не постигнув сущности исторической миссии рабочего класса, реформисты (в иной ситуации) пошли по традиционному пути итальянской демократии эпохи Рисорджименто: они не увидели в крестьянстве союзника в борьбе за социальный и политический прогресс. Правда, попытки выработать аграрную программу

выступления Э. Ферри в одной из мантуанских деревень, в котором речь шла о дальних перспективах победы социализма, седовласый крестьянин сказал ему: «Я знаю, что если я не увижу торжества справедливости, социализма, то его наверняка увидят мои дети или в крайнем случае мои внуки. Поэтому я — социалист и умру я спокойным...» («Avanti!», 2.X.1904).

² Togliatti P. *Momenti della storia d'Italia*. Roma, 1963, p. 280.

предпринимались социалистами на их съездах. Правда и то, что работа среди крестьян, преимущественно Севера (пропагандистская, организационная), приобрела значительный размах. Но само понимание аграрного вопроса оставалось ограниченным, не воплощалось в концепцию, которая бы сделала аграрный, крестьянский вопрос в его итальянском преломлении ключевым моментом демократического обновления общества. Главное же: борьба за это обновление не стала объектом последовательного, конкретного политического действия, в которое были бы вовлечены наряду с крестьянскими массами и средние слои города. Таким образом, объективно дело шло к тому, что рабочий класс оставался изолированным.

На изоляцию обрекали его в свою очередь сектантские установки синдикалистов, к тому же возводивших в принцип, в фатальное следствие классовой борьбы самый факт изоляции. Не признавая исторической правомерности промежуточных этапов борьбы, т. е. борьбы за демократию, синдикалисты считали назревшим «непосредственное революционное действие» в целях установления социалистического строя. К тому же, сектантски интерпретируя эту концепцию, они пренебрежительно относились к тактике политических соглашений и союзов и, уподобляясь в данном случае реформистам, не искали опоры в крестьянстве, игнорируя аграрный, а также «южный вопрос», который, казалось бы, должен был найти горячий отклик у синдикалистских лидеров — уроженцев Юга.

Могло бы показаться парадоксом, но то, чего не сумели понять, осмыслить политические руководители, инстинктивно, в зародышевых формах нащупывал рабочий класс, не раз обнаруживавший свою способность встать во главе общедемократического и общенационального движения. Разве в самоотверженном порыве рабочих масс, поднявшихся в сентябре 1904 г. на защиту расстреливаемых крестьян, не проявилась, пусть стихийно, неосознанно, объективная тенденция, ведущая к союзу рабочих Севера с крестьянами Юга? Разве не проявилась его тяга к широкому единству в борьбе против капитала в действиях, которые не без трудностей и препятствий привели в 1906 г. к созданию единого профессионального центра — Всеобщей конфедерации труда? Разве не рабочие были движущей силой общенародного движения солидарности с русской революцией?

Что же касается лидеров обоих течений, то в известном смысле они оказались не впереди, а позади масс. В результате раскол рабочего класса, разрыв его с естественными союзниками в 1905—1906 гг., ставший фактом и в политической сфере, не только не были преодолены, но еще углубились в последующие годы.

Критически осмысливая идейные позиции и практическую деятельность итальянских социалистов, мы далеки, однако, от односторонне-негативной оценки их. Мы далеки от оценки, не считающейся ни с позитивными результатами, достигнутыми в

ту пору, ни с объективной обусловленностью слабостей самого движения и его деятелей, среди которых были люди, чья преданность делу рабочего класса не может быть подвергнута сомнению. К тому же сами слабости представляют тоже опыт, немаловажный для последующего пути развития итальянского рабочего движения.

Охватывая исследованием его давние этапы, мы стремились осмыслить их с высоты современности, ибо в неразрывной диалектической связи прошлого и настоящего — ключ к познанию закономерностей исторического развития, к раскрытию накопленного в прошлых боях многогранного опыта. Будучи критически обобщен, опыт прошлого (говоря словами Антонио Грамши) «сегодня помогает развивающимся силам все больше сознавать самих себя и благодаря этому становиться более активными и действенными»³.

³ *Грамши А.* Избранные произведения, т. 3. М., 1959, с. 335.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. Тезисы о Фейербахе.—
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3.
Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест
Коммунистической партии.—
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4.
Маркс К. Классовая борьба во Фран-
ции с 1848 по 1850 г.—*Маркс К. и*
Энгельс Ф. Соч., т. 7.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера
Луи Бонапарта.—*Маркс К. и Эн-*
гельс Ф. Соч., т. 8.
Маркс К. Вопрос об объединении
Италии.—*Маркс К. и Энгельс Ф.*
Соч., т. 13.
Маркс К. Гражданская война во
Франции.—*Маркс К. и Энгельс Ф.*
Соч., т. 17.
Маркс К. Критика Готской програм-
мы.—*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,*
т. 19.
Маркс К. Письмо в редакцию «Оте-
чественных записок».—*Маркс К. и*
Энгельс Ф. Соч., т. 19.
Маркс К. Капитал. Предисловие к
первому изданию.—*Маркс К. и*
Энгельс Ф. Соч., т. 23.
Энгельс Ф. Бакунисты за работой.—
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18.
Энгельс Ф. В Италии.—*Маркс К. и*
Энгельс Ф. Соч., т. 19.
Энгельс Ф. Приложение к американ-
скому изданию «Положения рабо-
чего класса в Англии».—*Маркс К.*
и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории.—
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
Энгельс Ф. Что же дальше?—
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22.
Энгельс Ф. Предисловие к работе
К. Маркса «Критика Готской про-
граммы».—*Маркс К. и Энгельс Ф.*
Соч., т. 22.
Энгельс Ф. К критике проекта соци-
ал-демократической программы
1891 года.—*Маркс К. и Энгельс Ф.*
Соч., т. 22.
Энгельс Ф. Об итальянской Пана-
ме.—*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,*
т. 22.
Энгельс Ф. К итальянскому читателю.
Предисловие к итальянскому изда-
нию «Манифеста Коммунистической
партии» 1893 года.—*Маркс К. и*
Энгельс Ф. Соч., т. 22.
Энгельс Ф. Будущая итальянская ре-
волюция и социалистическая пар-
тия.—*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,*
т. 22.
Энгельс Ф. Третьему съезду социа-
листической партии итальянских
трудящихся (Письмо К. Делл'Авал-
ле).—*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,*
т. 22.
Энгельс Ф. Приветствие социалистам
Сицилии.—*Маркс К. и Энгельс Ф.*
Соч., т. 22.
Энгельс Ф. Социализм международ-
ный и социализм итальянский.—
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.,
т. 22.
Энгельс Ф. Письмо Ф. Турати, 30 ян-
варя 1893 г.—*Маркс К. и Эн-*
гельс Ф. Соч., т. 39.
Энгельс Ф. Письмо Ф. А. Зорге,
30 декабря 1893 г.—*Маркс К. и Эн-*
гельс Ф. Соч., т. 39.
Энгельс Ф. Письмо Ф. Турати, 16 ав-
густа 1894.—*Маркс К. и Энгельс Ф.*
Соч., т. 39.
Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому,
13 марта 1895.—*Маркс К. и Эн-*
гельс Ф. Соч., т. 39.
Энгельс Ф. Письмо Ф. Турати,
28 июня 1895 г.—*Маркс К. и Эн-*
гельс Ф. Соч., т. 39.
Marx e Engels. Corrispondenza con
italiani (1848—1895). A cura di G.
Del Bo. Milano, 1964.
Corrispondenza Friedrich Engels—
Filippo Turati (1891—1895).—Isti-
tuto G. G. Feltrinelli. Annali, Anno I.
Milano, 1958.
Ленин В. И. Что такое «друзья наро-
да» и как они воюют против соци-
ал-демократов?—Полн. собр. соч.,
т. 1.
Ленин В. И. Наша программа.—
Полн. собр. соч., т. 4.

Ленин В. И. Проект программы нашей партии.— Полн. собр. соч., т. 4.

Ленин В. И. Что делать?— Полн. собр. соч., т. 6.

Ленин В. И. Самодержавие и пролетариат.— Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. Рабочая и буржуазная демократия.— Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. Революционные дни.— Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. Первый шаг.— Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. Революция типа 1789 г. или типа 1848 года?— Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. Социал-демократия и временное революционное правительство.— Полн. собр. соч., т. 10.

Ленин В. И. Демократические задачи революционного пролетариата.— Полн. собр. соч., т. 10.

Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полн. собр. соч., т. 11.

Ленин В. И. Социализм и крестьянство.— Полн. собр. соч., т. 11.

Ленин В. И. Всероссийская политическая стачка.— Полн. собр. соч., т. 12.

Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии.— Полн. собр. соч., т. 12.

Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии.— Полн. собр. соч., т. 12.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— Полн. собр. соч., т. 16.

Ленин В. И. Уроки Коммуны.— Полн. собр. соч., т. 16.

Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм.— Полн. собр. соч., т. 17.

Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике.— Полн. собр. соч., т. 17.

Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении.— Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. О старых, но вечно новых истинах.— Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Реформизм в русской социал-демократии.— Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании.— Полн. собр. соч., т. 21.

Ленин В. И. Крах II Интернационала.— Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Империализм и социализм в Италии.— Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. Письмо А. В. Луначарскому (между 2 и 11 ноября 1907 г.)— Полн. собр. соч., т. 47.

* * *

Gramsci A. Opere, v. 1—12. Torino, 1947—1971.

Gramsci A. Scritti (1915—1921). Milano, 1968.

Gramsci A. Per la verità. Roma, 1974.

Грамши А. Избр. произв., т. 1—3. М., 1957—1959.

Togliatti P. Momenti di storia d'Italia. Roma, 1963.

Togliatti P. Opere, t. I—III (1, 2). A cura di E. Ragionieri. Roma, 1967—1973.

Togliatti P. Opere scelte. Roma, 1974.

ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив Внешней Политики России Министерства Иностранных Дел СССР (АВПР), ф. Канцелярия, 1898, 1899, 1901—1907, оп. 470.

Archivio Centrale dello Stato. Ministero degli Interni. Gabinetto Ufficio Cifra (1903—1906).

Archivio di Stato di Roma. Inventario della Questura. Anni 1900—1905, fasc. 333—343, 355—365.

Archivio di Stato di Bologna. Documenti dell' Archivio di Prefettura. Gabinetto. Categoria 6, 1903—1906.

Ministero degli Affari Esteri. Archivio Diplomatico. Posizione Russia. Serie P 66, 1903—1905.

Archivio dell'Istituto Giangiacomo Feltrinelli: Archivio Schiavi, N 2, fondo Rigola; fondo Huysmans, fasc. Ferri, Balabanoff, Varazzani, fondo Plechanov; fondo Internazionale II.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ПАРЛАМЕНТСКИЕ АКТЫ

- Atti parlamentari. Senato. Discussioni, tornata del 13 maggio 1882.
Atti parlamentari. Camera dei Deputati. Discussioni 23 febbraio 1894.
Atti parlamentari. Camera dei Deputati. XX Legislatura. Discussioni, tornata del 22 marzo 1898.
Atti parlamentari. Discussioni. Legislazione XXI, Sessione 2-a, 1902.
Atti del Parlamento italiano. Camera dei Deputati. Sessione 1902—1903. v. IX.
Atti del Parlamento italiano. Camera dei Deputati. Discussioni. Sessione 1904—1905. v. I—II.
Giolitti G. Discorsi extraparlamentari. Torino, 1952.
Giolitti G. Discorsi parlamentari, v. 1—2. Roma, 1953.
Dalle Carte di G. Giolitti. Quarant'anni di politica italiana, v. 1—2. Milano, 1962.
Turati F. Discorsi parlamentari pubblicati per deliberazione della Camera dei Deputati, v. I. Roma, 1950.

ДОКУМЕНТЫ ИТАЛЬЯНСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- Cortesi L.* Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione 1892—1921. Antologia: Dibattiti congressuali del PSI. Bari, 1969.
Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. 1—2. A cura di F. Pedone. Milano, 1959—1961.
Congresso Nazionale del Partito Socialista Italiano. Relazione della Direzione del Partito. Imola, 1902.
Congresso Nazionale del Partito Socialista Italiano. Relazione della Direzione del Partito. Roma, 1903.
Internationaler Sozialisten-Kongress zu Amsterdam (14 bis 20 August 1904). Berlin, 1904.
Lotte agrarie in Italia. La Federazione nazionale dei lavoratori della terra 1901—1926. A cura di R. Zangheri. Milano, 1960.
Manacorda G. Il socialismo nella storia d'Italia. Bari, 1966.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

- Bollettino dell'Ufficio del lavoro. Aprile — luglio, 1904.
Compendio delle statistiche elettorali italiane dal 1848 al 1934, v. I. Roma, 1946.
Istituto Centrale di Statistica. Sommario di statistiche storiche italiane 1861—1955. Roma, 1958.
Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. Direzione generale della Statistica. Statistica degli scioperi avvenuti nell'industria e nell'agricoltura dal 1892 al 1900. Roma, 1901.
Ministero di Agricoltura Industria e Commercio. Direzione generale della statistica. Censimento della popolazione del Regno d'Italia al 10 febbraio 1901. Roma, 1904.
Ministero di Agricoltura Industria e Commercio. Direzione generale della statistica, Statistica industriale. Roma, 1905.
Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. Ufficio del Lavoro. Le organizzazioni dei lavoratori in Italia. Federazioni di mestiere. Roma 1906.
Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio. Ufficio del Lavoro. Statistica degli scioperi avvenuti in Italia dal 1901 al 1905. Roma, 1911.

ПРЕССА

- «Вперед», 1904—1905.
«Искра», 1902—1903.
«Искра» (меньшевистская) 1903—1905.
«Вестник Европы», 1903—1905 (выборочно).
«Московские ведомости», 1903.
«Революционная Россия», 1904 (выборочно).
«Аванти!», 1898—1899, 1900—1906.
«Авангардия Socialista», 1902—1906.
«Critica Sociale», 1891—1906.
«Die Neue Zeit», XXI (1903), Bd II; XXIII (1904—1905), Bd. I.
«Gazzetta ufficiale», 1902 (отдельные номера).
«Giornale degli economisti», 1894 (отдельные номера).
«Il Corriere della Sera», 1903—1905.
«Il Divenire Sociale», 1905—1906.
«Il Socialismo», 1902—1905.
«Il Tempo», 1902—1906.
«La Propaganda», 1901—1905.
«Nuova Antologia», 1897, 1900.
«Rivista Storica del Socialismo», 1959, 1962 (отдельные номера).

РАБОТЫ, МЕМУАРЫ,
ПЕРЕПИСКА СОВРЕМЕННИКОВ

- Бономи И.* Движение сельскохозяйственных рабочих в Италии. СПб., 1906.
- Лабриола Артуро.* Положение рабочего класса в Италии. СПб., 1906.
- Леонэ Э.* Синдикализм. М., 1907.
- Организация и борьба. Сборник под редакцией Тотоманца. СПб., 1907.
- Плеханов Г. В.* Болонский съезд итальянских социалистов.— Соч., т. XIII. М.— Л., 1924.
- Плеханов Г. В.* Критика теории и практики синдикализма.— Соч., т. XVI. М.— Л., 1928.
- Плеханов Г. В.* Ответ на анкету о всеобщей стачке.— Соч., т. XVI. М.— Л., 1929.
- Сорель Ж.* Размышления о насилии. М., 1907.
- Angiolini A.* Socialismo e socialisti in Italia, v. 1—2. Firenze, 1919.
- Antonio Labriola e la revisione del marxismo attraverso l'epistolario con Bernstein e con Kautsky (1895—1904).— In: Istituto Giangiacomo Feltrinelli. Annali, Anno III, Milano, 1961.
- Bissolati L.* Per la democrazia socialista. Milano, 1899.
- Bonomi I.* Le vie nuove del socialismo. Palermo, 1907.
- Bonomi I.* Leonida Bissolati e il movimento socialista in Italia. Milano, 1929.
- Bosco R. G.* I fasci siciliani. Il loro programma e i loro fini. Palermo, 1893.
- Ciccotti E.* Psicologia del movimento socialista. Bari, 1903.
- Colaizzi N.* Gli avvenimenti in Sicilia e le loro cause. Palermo, 1894.
- Einaudi L.* Cronache economiche e politiche di un trentennio, 1893—1925, v. 1—2. Torino, 1959.
- Ferri E.* Il metodo rivoluzionario. Roma, 1902.
- Filippo Turati attraverso le lettere di corrispondenti (1880—1925) a cura di Alessandro Schiavi. Bari, 1947.
- Franchetti L., Sonnino S.* La Sicilia, v. 1—2. Firenze, 1877.
- Giolitti G.* Memorie della mia vita. 3 ed. Monza, 1945.
- Graziadei A.* Memorie di trent'anni 1880—1920. Roma, 1950.
- De Felice Giuffrida G.* La questione sociale in Sicilia. Roma, 1901.
- I Russi sulla Russia. Pubblicazione internazionale dovuta a eminenti scrittori e statisti fra cui il principe Trubetzkoy. Milano, 1906.
- Kautsky K.* Das Erfurter Programm in seinem grundsätzlichen Teil erläutert von Kautsky Stuttgart 1904 (русс. перев. *Каутский К.* Эрфуртская программа. М., 1905).
- Kautsky K.* Der politische Massenstreik.— «Die Neue Zeit», XXIII (1904—1905), Bd. I.
- Labriola Antonio.* Saggi intorno alla concezione materialistica della storia. Parigi, 1936 (русс. перев.: *Лабриола Антонио.* Очерки материалистического понимания истории. М., 1960).
- Labriola Antonio.* Discorrendo di socialismo e di filosofia. Bari, 1947.
- Labriola Antonio.* Lettere a Engels. Roma, 1949.
- Labriola Antonio.* Scritti politici. Bari, 1970.
- Labriola Arturo.* Ministero e socialismo Risposta a Turati. Firenze, 1901.
- Labriola Arturo.* Riforme e rivoluzione sociale. 2 ed. Lugano, 1906 (1 ed.— Lugano, 1904).
- Labriola Arturo.* Sindacalismo e riformismo. Firenze, 1905.
- Labriola Arturo.* Storia di dieci anni. Milano, 1910.
- Labriola Arturo.* Spiegazioni a me stesso. Note personali e culturali. Napoli, 1945.
- Leone E.* Il sindacalismo. 2 ed. Palermo, 1910.
- Luxemburg R.* Massenstreik, Parte und Gewerkschaften. Hamburg, 1906 (русс. перев.: *Люксембург Р.* Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Пг., 1919).
- Luxemburg R.* Revolution in Russland.— «Die Neue Zeit», XXIII (1904—1905), Bd. I.
- Luxemburg R.* Sozialreform oder Revolution? Leipzig, 1919 (русс. перев.: *Люксембург Р.* Реформа или революция? М.— Л., 1931).
- Marabini A.* Prime lotte socialiste. Roma, 1949.
- Michels R.* Il proletariato e la borghesia nel movimento socialista italiano. Roma, 1908.
- Michels R.* Storia del marxismo in Italia. Roma, 1909.
- Michels R.* Storia critica del movimento socialista italiano. Dagli inizi fino al 1911. Firenze, 1926.

- Nitti F. S.* Nord e Sud. Torino, 1900.
- Nitti F. S.* Napoli e la questione meridionale. Napoli, 1903.
- Nitti F. S.* La ricchezza d'Italia. Napoli, 1904.
- Noce T.* Gioventù senza sole. Roma, 1947.
- Olberg O.* Der Generalstreik.—«Die Neue Zeit», XXIII (1904—1905), Bd. I.
- Rigola R.* Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947.
- Romei R.* L'organizzazione proletaria campagnola. S. Benedetto Po, 1900.
- Roland Holst H.* Generalstreik und Sozialismus. Dresden, 1905.
- Salvemini G.* Tendenze vecchie e necessità nuove del movimento operaio in Italia. Bologna, 1922.
- Salvemini G.* Scritti sulla questione meridionale (1896—1955). Torino, 1955.
- Salvemini G.* Il ministro della mala vita e altri scritti sull'Italia giolittiana. Milano, 1962.
- Salvemini G.* Movimento socialista e questione meridionale. Milano, 1963.
- Sonnino S.* Del governo rappresentativo in Italia. Roma, 1879.
- Sonnino S.* Torniamo allo Statuto.—«Nuova Antologia», 1897, 15 gennaio.
- Sonnino S.* «Quid agendum».—«Nuova Antologia», 1900, 16 ottobre.
- Sonnino S.* I contadini in Sicilia. 2 ed. Firenze, 1925.
- Turati F.*—*Kulisioff A.* Carteggio (1 maggio 1898 — giugno 1899). Torino, 1949.
- Villari P.* Dove andiamo.—«Nuova Antologia», 1893, novembre.
- Villari P.* Le lettere meridionali ed altri scritti sulla questione sociale in Italia, 2 ed. Torino, 1885 (1 ed.—Firenze, 1878).
- ИССЛЕДОВАНИЯ**
- Берти Д.* Антонио Лабриола и итальянское социалистическое движение.—«Новая и новейшая история», 1959, № 3.
- Григорьева И. В.* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966.
- История II Интернационала, т. I—II. М., 1965—1966.
- История Италии, т. 2. М., 1970.
- Канделоро Дж.* Профсоюзное движение в Италии. М., 1953.
- Канделоро Дж.* Католическое движение в Италии. М., 1955.
- Канделоро Дж.* История современной Италии, т. 6. М., 1975.
- Колчинский Н. Ю.* Из истории борьбы Энгельса за пролетарскую партию в Италии в 1871—1872 гг.—В кн.: Из истории марксизма. М., 1961.
- Кирова К. Э.* Революционное движение в Италии 1914—1917 гг. М., 1962.
- Кувалдин В. Б.* Генезис философско-исторической концепции Бенедетто Кроче. Крочеанская ревизия марксизма.—В кн.: Проблемы итальянской истории. М., 1975.
- Манакорда Г.* Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892). М., 1955.
- Манакорда Г.* Отклики в Италии на первую русскую революцию.—В кн.: Первая русская революция и международное рабочее движение, ч. II. М., 1956.
- Мизиано К. Ф.* Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. М., 1952.
- Мизиано К. Ф.* Русско-итальянские отношения в начале XX века.—В кн.: Россия и Италия. М., 1972.
- Мизиано К. Ф.* Всеобщая политическая забастовка 1904 г. в Италии (историческая проверка концепции «революционного синдикализма»).—В кн.: Проблемы итальянской истории. М., 1975.
- Промышленные монополии Италии. М., 1951.
- Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы советско-итальянской конференции историков 12—14 октября 1964 г. М., 1966.
- Раджониери Э.* Немецкая социал-демократия и итальянские социалисты (1875—1895).—В кн.: Германское рабочее движение в новое время. М., 1962.
- Россия и Италия. Материалы IV Конференции советских и итальянских историков. М., 1972.
- Серени Э.* Аграрный вопрос в Италии. М., 1949.
- Серени Э.* Развитие капитализма в итальянской деревне. 1860—1900. М., 1951.
- Albertini L.* Venti anni di vita politica (1898—1908), v. I—II. Bologna, 1950—1951.

- Arfè G.* Storia del socialismo italiano (1842—1926). 2 ed. Torino, 1965.
- Bachi R.* I lineamenti della recente evoluzione dell'economia italiana.— In: *L'Italia economica nel 1913*. Torino, 1914.
- Bosio G.* La diffusione degli scritti di Marx e di Engels in Italia dal 1871 al 1892.— «*Società*», 1951, N 7.
- Cafagna L.* L'industrializzazione italiana. La formazione di una «base industriale» fra il 1896 e il 1914.— «*Studi storici*», 1961, N 3—4.
- Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna, v. VII. La crisi di fine secolo e l'età giolittiana. Milano, 1974.
- Carocci G.* Agostino Depretis e la politica interna italiana dal 1876 al 1887. Torino, 1956.
- Carocci G.* Giolitti e l'età giolittiana. Torino, 1961.
- Catalano F.* Filippo Turati. Milano, 1957.
- Catalano G.* Storia dei partiti politici italiani. Torino, 1965.
- Cilibrizzi S.* Storia parlamentare politica e diplomatica d'Italia, v. III. Milano, 1929.
- Colapietra R.* Il Novantotto. La crisi politica di fine secolo (1896—1900). Milano—Roma, 1959.
- Colapietra R.* Leonida Bissolati. Milano—Roma, 1958.
- Colombi A.* Socialismo e riformismo. 1900—1914. Roma, 1949.
- Colombi A.* Pagine di storia del movimento operaio. Roma, 1951.
- Conti E.* Le origini del socialismo a Firenze (1860—1880). Roma, 1950.
- Corbino E.* Annali della economia italiana, v. 4. Città di Castello, 1934.
- Cortesi L.* La costituzione del Partito socialista italiano. Milano, 1961.
- Cortesi L.* Turati giovane. Milano, 1962.
- Cortesi L.* Ivanoe Bonomi e la socialdemocrazia italiana. Salerno, 1971.
- Croce B.* Storia d'Italia dal 1871 al 1915. 3 ed. Bari, 1928.
- Croce B.* Come nacque e come morì il marxismo teorico in Italia (1895—1900). Bari, 1938.
- De Felice F.* L'età giolittiana.— «*Studi storici*», 1969, N 1.
- De Rosa G.* Storia del movimento cattolico. Bari, 1965.
- De Ruggiero G.* Storia del liberalismo europeo. III ed. Bari, 1945.
- Fontana Russo L.* I trattati di commercio e l'economia nazionale. Roma, 1902.
- Fontani A.* Gli emigrati. Roma, 1962.
- La formazione dell'Italia industriale. Discussioni e ricerche. A cura di A. Caracciolo. Bari, 1963.
- Gerschenkron A.* Il problema storico dell'arretratezza economica. Torino, 1965.
- Gobetti P.* La rivoluzione liberale. Saggio sulla lotta politica in Italia. Torino, 1964.
- Guerrini L.* Organizzazione e lotte dei ferrovieri italiani (1862—1907), v. 1. Firenze, 1957.
- Lémonon E.* L'Italie économique et sociale (1861—1912). Paris, 1913.
- Luzzato G.* L'economia italiana dal 1861 al 1914. Milano, 1963.
- Mammarella G.* Riformisti e rivoluzionari nel Partito socialista italiano 1900—1912. Padova, 1968.
- Manacorda G.* Sulle origini del movimento operaio in Italia.— «*Società*», 1947, N 1.
- Manacorda G.* Il primo ministero Giolitti.— «*Studi storici*», 1961 N 1; 1962, N 1.
- Manacorda G.* Rivoluzione borghese e socialismo. Roma, 1975.
- Manzotti F.* Il socialismo riformista in Italia. Firenze, 1965.
- Marsilio R.* I fasci siciliani. Milano—Roma, 1954.
- Marucco D.* Arturo Labriola e il sindacalismo rivoluzionario in Italia. Torino, 1970.
- Morandi C.* Per una storia del socialismo in Italia.— «*Belfagor*», N 2, 1946.
- Morandi C.* I partiti politici nella storia d'Italia. Firenze, 1965.
- Morandi R.* Storia della grande industria in Italia. Bari, 1931.
- Il movimento operaio e socialista. Bilancio storiografico e problemi storici. Milano, 1965.
- Natale G.* Giolitti e gli italiani. Milano, 1949.
- Procacci G.* Le elezioni del 1874 e l'opposizione meridionale. Milano, 1956.
- Procacci G.* Prefazione a: Antonio Labriola e la revisione del marxismo attraverso l'epistolario con Bernstein e con Kautsky (1895—1904).— In: Istituto G. G. Feltrinelli. Annali, Anno III. Milano, 1961.
- Procacci G.* Antonio Labriola primo marxista italiano.— «*Rinascita*», 1963, N 3.
- Procacci G.* Storia degli italiani, v. II. Bari, 1968.

- Procacci G.* La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970.
- Ragionieri E.* Un comune socialista, Sesto fiorentino. Roma, 1953.
- Ragionieri E.* Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani (1875—1895). Milano, 1961.
- Ragionieri E.* Il marxismo e l'Internazionale. Roma, 1968.
- Riguzzi B.* Sindacalismo e riformismo nel Parmense. Bari, 1931.
- Romano A.* Storia del movimento socialista in Italia (1861—1892), v. 1—3. Bari, 1966—1967.
- Romano S. F.* L'Italia del Novecento, v. I. L'età giolittiana. Roma, 1965.
- Romano S. F.* Storia dei fasci siciliani. Bari, 1959.
- Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia. 2 ed. Rocca San Casciano, 1963.
- Rosselli N.* Mazzini e Bakounine. Torino, 1927.
- Rosselli N.* Saggi sul Risorgimento e altri scritti. Torino, 1946.
- Salomone A.* L'età giolittiana. Torino, 1949.
- Salvatorelli L.* La Triplice Alleanza. Storia diplomatica, 1877—1912. Milano, 1939.
- Santarelli E.* La revisione del marxismo in Italia. Milano, 1964.
- Santarelli E.* Il socialismo anarchico in Italia. Milano, 1959.
- Secchia P.* Capitalismo e classe operaia nel centro laniero d'Italia. Roma, 1960.
- Sereni E.* Capitalismo e mercato nazionale. Roma, 1966.
- Serpieri A.* La guerra e la classi rurali italiane. Bari, 1930.
- Seton-Watson Ch.* Storia d'Italia. Bari, 1967.
- Smith D. M.* Storia d'Italia. Dal 1861 al 1958. Bari, 1960.
- Spadolini V.* Giolitti e i cattolici (1901—1914). Firenze, 1960.
- Spinella M.* Su una rassegna di storia del movimento operaio.—«Emilia», 1951, giugno.
- Spriano P.* Socialismo e classe operaia a Torino dal 1892 al 1913. Torino, 1958.
- Strik Lievers L.* Turati, la politica delle alleanze e una celebre lettera di Engels.—«Nuova Rivista Storica», 1973, fasc. I—II.
- Trevisani G.* Storia del movimento operaio italiano, v. 1—3. Milano, 1958—1965.
- Valeri N.* La lotta politica in Italia dall'Unità al 1925. Firenze, 1945.
- Valiani L.* L'Italia dal 1876 al 1915. La lotta sociale e l'avvento della democrazia.—In: Storia d'Italia, vol. IV. Diretta da N. Valeri. Torino, 1960.
- Valiani L.* Questioni di storia del socialismo. Torino, 1958.
- Valiani L.* Il Partito Socialista Italiano dal 1900 al 1918.—In: Il Movimento operaio socialista. Bilancio storiografico e problemi storici. Milano, 1965.
- Valiani L.* La storiografia italiana sul periodo 1870—1915.—In: La storiografia italiana negli ultimi vent'anni, v. 2. Milano, 1970.
- Villari R.* Conservatori e democratici nell'Italia liberale. Bari, 1964.
- Villari R.* Il Sud nella Storia d'Italia. Bari, 1961.
- Villari R.* Mezzogiorno e contadini nell'età moderna. Bari, 1961.
- Volpe G.* L'Italia moderna (1815—1915), v. II—III. Firenze, 1949, 1952.
- Zangheri R.* Gli studi storici sul movimento operaio italiano dal 1944 al 1950.—«Società», 1951, N. 2.
- Zangheri R.* Introduzione.—In: Lotte agrarie in Italia. La Federazione Nazionale dei Lavoratori della Terra. Milano, 1960.
- Zibordi G.* Camillo Prampolini e i lavoratori nel Reggiano. Bari, 1930.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адзелио М. де 37
Альбертини Л. 23, 33, 183, 207, 233, 234
Анджиолини А. 23, 24, 81
Арфё Г. 29, 30, 98, 164
Ауэр 223
- Бадалони Н. 115, 263
Бакн Р. 171
Бакунин М. А. 82, 83
Балабанова А. И. 279
Балмашев С. В. 208
Барбато Н. 125
Барццилай С. 277, 279
Батталья Р. 126
Бибель А. 136
Береннини А. 250
Бернштейн Э. 8, 133—138, 164, 165
Бертани А. 46, 49
Беттоло Дж. 209
Бисмарк О. 61, 93, 105, 124, 234
Биссолати Л. 22, 130, 136, 141, 142, 162, 196, 205, 212, 220, 243, 246, 262, 273
Бозно Г. 28, 82
Бономи И. 22, 25, 176, 182, 194, 195, 199, 201, 215
Боргмани 250
Боско Р. Г. 24, 109, 110, 116, 125
Браччаларге 228
Брешн Г. 146
- Валлани Л. 25, 26, 28, 29, 88, 190
Валли Э. 234
Вараццани С. 235
Вебстер Р. А. 170
Виктор-Эммануил II 37
Виктор-Эммануил III 207, 209, 230
Вилла Т. 186
Виллари Л. 28, 29
Виллари П. 35, 43, 44, 48, 49, 51, 52, 112, 156
Виллари Р. 26, 31, 49, 51, 53, 157, 190, 203
Вильгельм II 207
Воллемборг Л. 190
- Гарибальди Дж. 44
- Гатти Дж. 132, 133, 182
Гед Ж. 167, 219
Гершенкрон А. 62—65, 169, 170
Герцен А. А. 49
Горький А. М. 271, 273, 280
Гоц М. 208
Грамши А. 8, 20, 26, 36, 37, 38, 55, 134, 144, 148, 160, 219, 290
Грациаден А. 26, 136
Григорьева И. В. 32, 79
Гуеррини Л. 70, 184, 185, 187, 239, 261, 263—265
Гуарино Э. 271
Гюйсманс К. 279
- Де Амичис Э. 271
Де Андреис Л. 228
Де Бенедетти 184
Де Роза Г. 107
Де Руджiero Г. 40
Де Феличе Джуффрида Г. 24, 110, 116, 125
Де Феличе Р. 26
Де Феличе Ф. 28, 31, 33, 150
Депретис А. 44, 46, 55, 56, 89, 105, 126
Джерратана В. 98, 99, 118, 123
Джолитти Дж. 16, 20—23, 54, 105, 111, 146, 148, 151, 153—161, 163, 175—177, 183—187, 189—194, 196—198, 204—206, 209, 211—213, 226, 228, 232—234, 236, 238, 241, 254—261, 268, 269, 272, 287
Джуссо Г. 185, 186
Дзанарделли Дж. 146, 148, 161, 175—177, 186, 187, 193, 194, 198, 203—206, 209, 211
Дрейфус 164
Дугони Э. 227, 237, 239
- Жорес Ж. 164, 210
- Кабрини А. 87, 194, 228, 237
Каваллотти Ф. 45
Кавур К. Б. 36—39, 54, 153, 157, 234
Канделоро Дж. 39, 88, 107, 180, 250
Кантимори Д. 26
Кардуччи Дж. 49, 76
Кал-Альберт 37, 142, 152

- Кароччи Дж. 45, 46, 51, 55, 56, 60, 61, 152, 153, 258
 Кассола Г. 243
 Каталано Ф. 30, 118
 Каутская Л. 138
 Каутский К. 131, 136, 137, 165, 168, 198, 219, 251
 Кафанья Л. 31, 63
 Каффи Дж. 273
 Криппи Ф. 35, 39, 44, 46, 55, 60, 65, 105, 111, 124—126, 141, 149
 Коламанни Н. 24, 112, 116, 139—141, 202
 Колапнетра Р. 28, 30, 128, 139—143
 Конти Э. 28
 Коломби А. 27
 Колпинский Н. Ю. 32
 Корбино Э. 81
 Кортези Л. 28, 30, 31, 91, 99—102, 118
 Коста А. 83, 84, 90, 141, 142
 Кроче Б. 90, 103, 134—136, 138, 168, 233
 Кроче Дж. 83
 Крупенский А. Н. 273
 Кувалдин В. Б. 134
 Кулишева А. 22, 26, 91—97, 100, 112, 118—122, 129, 130, 136, 138, 141, 162—166, 190, 192, 215, 250
 Къеза Э. 262

 Лабриола Антонио 14, 22, 26, 29, 39, 82, 88, 90, 91, 93—95, 97—101, 103, 108, 116—118, 123, 134—138, 161, 168
 Лабриола Артуро 22, 24, 73, 77, 129, 135, 167, 168, 178, 192—194, 199, 201, 204—206, 210, 214—220, 228, 237—239, 244, 245, 248, 249, 271
 Лагарделль Ю. 138
 Ладзари К. 26, 83, 99, 101, 141, 192, 199, 214, 235, 237
 Ламздорф В. Н. 273
 Лассаль Ф. 96
 Лафарг П. 219
 Лев XIII 39, 106
 Лемонон Э. 60
 Ленин В. И. 4, 8—14, 16—19, 58, 59, 66, 67, 76, 80, 94, 122, 144, 149, 150, 168, 174, 218, 219, 222, 274, 275, 278, 282, 283
 Леоне Э. 22, 192—194, 216, 235, 248, 251
 Лерда Дж. 229, 235, 248
 Либкнехт В. 165
 Ллойд Джордж Д. 154
 Лоллини В. 226
 Ломброзо Ч. 271
 Лонго Л. 18
 Лонгобарди Э. Ч. 215
 Лорна А. 134, 135
 Луццатти А. 212, 259
 Люксембург Р. 138, 223, 253

 Мадзини Дж. 79
 Маммарелла Дж. 29, 164, 260
 Манакорда Г. 14, 26, 28, 31, 79, 83, 91, 93, 105, 124, 271
 Мантика П. 282
 Манцотти Ф. 29
 Марабини А. 26
 Марио Дж. В. 49
 Маркора Дж. 254
 Маркс К. 4—10, 14, 18, 19, 79, 80, 82, 91, 92, 95—97, 121, 122, 131, 132, 134—137, 143, 144, 149, 163, 223, 274
 Марсилио Р. 109, 115
 Марукко Д. 30
 Масарик Т. 138
 Маффи А. 99, 101
 Мелегари Э. 21, 273
 Мерли С. 118
 Мерлино Ф. С. 134, 135
 Миллеран А. 134, 161, 167, 168
 Миллюков П. Н. 281
 Мирабелли 272
 Михельс Р. 24, 78, 90, 102, 252
 Мондольфо Р. 25
 Моранди К. 26
 Моранди Р. 72, 73, 172
 Моргари О. 141, 209, 235, 268
 Мори Дж. 170, 171
 Мокки В. 192, 205, 219, 221, 228, 237
 Монета Э. Т. 271
 Муравьев Н. В. 265, 276, 277, 279

 Натале Г. 111, 154, 232
 Николай II 208—210, 270
 Никотера Дж. 44, 46
 Нитти Ф. С. 66, 175, 202, 204
 Неллидов А. И. 139, 209, 211
 Ноче Т. 74

 Одескальки Б. Л. 277
 Ольберг О. 228, 229, 251, 252

 Пантано Э. 259
 Пардо Г. 279
 Педоне Ф. 28
 Пеллү Л. 35, 105, 140, 145, 146, 164, 191, 234, 277
 Перовская С. Л. 92
 Пий IX 39
 Плеханов Г. В. 132, 138, 210
 Прамполлини К. 101, 194
 Прокаччи Дж. 30, 31, 46, 56, 69, 70, 71, 73, 89, 91, 128, 132, 176, 179, 180, 185, 186, 188, 192, 197, 199, 206, 214, 221, 226, 228, 231, 234, 236, 233, 240

Раджиониери Э. 18, 28, 31, 82, 93, 116,
134, 136, 137, 229, 251, 252
Ригола Р. 24, 25, 87, 146, 179, 260
Ригуцци Б. 25
Роланд-Гольст Г. 252
Романо А. 28, 79
Романо С. Ф. 28, 57, 109—111, 115
Ромен 88
Ромео Р. 62—64, 170—172, 174
Ромусси К. 197, 258, 280
Росселли Н. 25
Росси А. 60, 61
Ругарли С. 237
Рудини А. С. 105, 126, 145

Сантта А. 26
Сакки Э. 259, 280
Саландра А. 259, 277
Сальваторелли Л. 210
Сальвемини Г. 22, 25, 166, 178, 202—
204
Самбукко К. 167
Сантарелли Э. 26, 31, 134—136, 138,
164, 165, 216, 220
Саракко Дж. 146
Саффи А. 45
Секкья П. 28
Серени Э. 56, 62, 66, 71, 75, 77, 78,
86, 87, 105, 170, 173
Серпиери А. 173
Сетон-Уотсон К. 40, 175
Сипягин Д. С. 208
Скарамучча 228
Скьяви А. 21
Сольди Р. 199, 201
Соннино С. 23, 48—53, 151—153, 156,
160, 194, 198, 200, 204, 256—260,
268, 277, 287
Сорель Ж. 134—136, 138, 215—217,
249
Спинелла М. 26, 27
Спиридонова М. А. 279
Сприано П. 28, 90, 172, 185, 188, 230,
267, 268
Стрик Ливерс Л. 19, 118

Титтони Т. 212, 273
Тодескини Т. 235
Токвиль А. 112
Тольятти П. 18, 20, 21, 127, 154, 288
Тониоло Дж. 107
Тревес К. 163, 164, 167, 192, 249, 276
Тревизани Дж. 28, 125, 128, 146, 220,
265, 266, 268
Турати Ф. 19, 21, 22, 26, 29, 82, 90—
101, 112, 114, 118—120, 122—125,
130, 136—138, 141—143, 162—167,
177—179, 186, 190, 192—199, 212,
214, 220, 231, 236, 240, 242—245, 247,
250, 271, 273, 277, 279
Тэн И. 112

Умберто I 146
Умберто II 230
Урусов Л. П. 231, 233, 272

Ферри Э. 21, 22, 129, 130, 167, 168,
178, 182, 197—199, 201, 205, 206, 209,
215, 220, 240, 241, 247, 250, 259, 262,
288
Фишер Р. 210
Фонтана Руссо Л. 63
Фонтани А. 77, 78, 104, 174
Фортис А. 56, 257, 261—263, 265
Фортунато Дж. 49, 156
Франкетти Л. 48, 49, 53, 156

Цангери Р. 26, 27, 31, 77, 86—88, 132,
133, 182
Циборди Г. 25

Чиккотти Э. 22, 202

Эйнауди Л. 135, 202, 204
Элленбоген В. 116
Энгельс Ф. 4—7, 9, 10, 14, 18, 19, 22,
26, 79, 81, 82, 91—93, 95—97, 100,
103, 116, 118—124, 131, 132, 136,
137, 143, 144, 149, 150, 162, 223

Ячини С. 53

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая ИТАЛИЯ К КОНЦУ XIX ВЕКА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ	33
Глава вторая РАБОЧИЙ КЛАСС ИТАЛИИ: СТРУКТУРА, ОРГАНИЗАЦИЯ, ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ	68
Глава третья НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ. ПЕРВАЯ БИТВА РАБОЧЕГО КЛАССА ЗА ДЕМОКРАТИЮ	104
Глава четвертая НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЫ». ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ	148
Глава пятая НАРАСТАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОН- ФЛИКТОВ. РАЗМЕЖЕВАНИЕ ТЕЧЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕ- СКОЙ ПАРТИИ	189
Глава шестая ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАБАСТОВКА 1904 г. И ЕЕ УРОКИ	222
Глава седьмая УГЛУБЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ИТАЛИИ. ВОЗДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ИТАЛЬЯНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	254
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	284
БИБЛИОГРАФИЯ	291
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	298

КАРОЛИНА ФРАНЧЕСКОВНА МИЗИАНО
ИТАЛЬЯНСКОЕ
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. А. Мишакова*
Художник *А. Д. Суимо*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Э. Л. Кунина*
Корректор *В. А. Гейшнн*

Сдано в набор 4/V 1976 г.
Подписано к печати 5/VIII 1976 г.
Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 19
Уч.-изд. л. 20,9.
Тираж 1600.
Т-09095.
Тип. зак. 4140.
Цена 1 р. 59 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62,
Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт.

19 л. 1 р. 20 к.

В работе рассматривается тактика единого рабочего фронта Коминтерна и ее развитие в национальных условиях Германии, Франции, Италии и Англии в первой половине 20-х годов. Показано значение политики единого фронта в деятельности молодых компартий этих стран. Большое внимание уделено роли В. И. Ленина в формировании политики Коминтерна и коммунистических партий Запада.

Книга рассчитана на научных работников и всех интересующихся проблемами международного рабочего движения.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Важное направление классовой борьбы. Движение трудящихся капиталистических стран Западной Европы за демократический контроль над производством.

1970. 390 стр. 1 р. 75 к.

Петранович И. М. Положение рабочего класса Италии.

1970. 288 стр. 1 р. 15 к.

Шаронов М. С. Коммунисты и католики в Италии. Из истории диалога (1921—1956).

1973. 358 стр. 1 р. 44 к.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97
370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13
320005 Днепропетровск, 5, проспект Гагарина, 24
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 289
252030 Киев, 30, ул. Ленина, 42
252142 Киев, 142, проспект Вернадского, 79
252030 Киев, 30, ул. Пирогова, 4
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28
343900 Краматорск, ул. Марата, 1
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2
192104 Ленинград, Литейный проспект, 57
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7-А
199164 Ленинград, Университетская наб., 5
199004 Ленинград, 9 линия, 16
220026 Минск, Ленинский проспект, 72
103009 Москва, ул. Горького, 8
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117464 Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12
630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22
630076 Новосибирск, 76, Красный проспект, 51
620151 Свердловск, ул. Мамна-Сибиряка, 137
700128 Ташкент, Ц-15, ул. 50 лет Узбекистана, 11
700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
700029 Ташкент, Л-29, ул. К. Маркса, 28
634050 Томск, 50, наб. реки Ушайки, 18
450025 Уфа, 25, Коммунистическая ул., 49
450075 Уфа, проспект Октября, 129
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

